

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2023 | № 19 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Под редакцией М. А. Колерова

Фотография на обложке — М. Бороздинского

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT. №19 / Под ред.
М. А. Колерова. М. : Модест Колеров, 2023. (www.ostkraft.ru)
380 с.
ISBN 978-5-905040-88-7

ISBN 978-5-905040-88-7

© Авторы статей, 2023
© Модест Колеров, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Дубровский.</i> Был ли Запад враждебен России пятьсот лет назад, или Еще раз о пользе истории для жизни	5
<i>А. В. Мартынов.</i> «Приветствую свободу печати, которая не позволяет вам печатать мои корреспонденции...»: К истории цензуры Временного правительства на примере корниловского выступления	14
<i>И. С. Ратьковский.</i> Киев и вокруг него: январская практика взаимных расстрелов 1918 года	25
<i>М. В. Разина, И. С. Ратьковский.</i> Создание и организация работы Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции	38
<i>Татьяна Милошевич (Tatjana Milošević).</i> США и Югославия в период разрядки: встречи Тито и Генри Киссинджера в 1970 и 1974 гг.	76
<i>А. В. Ульянова.</i> Протоколы голосования по городу Севастополю на референдуме о независимости Украины 1 декабря 1991 года: анализ источникового комплекса	98

***

Памяти Леонида Фридовича Кациса (1958–2022)

<i>Леонид Кацис.</i> Заметки об источниках и составных частях романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». 3. От «Штурман Жоржа» к «Матросу — “Жоржу”», ЛЕФу, Маяковскому и ЛЦК	154
---	-----

<i>Вадим Беспрозванный (Анн Арбор). Владимир Нарбут и Осип Манделъштам: Литературно-биографический диалог. Статья 1</i>	191
<i>Вадим Беспрозванный (Анн Арбор). Владимир Нарбут и Осип Манделъштам: литературно-биографический диалог. Статья 2. «Ты что же камешком бросаешься...»</i>	237
<i>Сергей Шиндин. Из «теневого окружения» Манделъштама: Константин Вагинов (Статья вторая)</i>	308
<i>Сергей Шиндин. Первая страница «омского текста»? Вокруг собрания сочинений Георгия Маслова</i>	337
<i>Леонид Фридович Кацис в изданиях М. А. Колерова: библиография (1997–2023)</i>	373

И. В. Дубровский

БЫЛ ЛИ ЗАПАД ВРАЖДЕБЕН РОССИИ ПЯТЬСОТ ЛЕТ НАЗАД, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ЖИЗНИ

История в наши дни привлекает много внимания. Бойкие на язык публицисты легко рубят сплеча, извещая нас об извечной вражде Запада к России, якобы неизменно существовавшей двести, пятьсот и тысячу лет назад. Так понятая история кажется полем идейной борьбы за умы нашей молодежи, линией идеологического фронта. Профессиональные историки в таких разговорах участвуют неохотно, чему есть ряд объяснений. Два из них я бы назвал главными препятствиями на пути коммуникации между исторической наукой и обществом.

Наука и ученые пользуются у нас достаточным авторитетом. Общество готово услышать историков и поверить им, даже если те возьмутся утверждать что-то совершенно неожиданное. В содержательном плане у них карт-бланш. Но к форме такого высказывания есть строжайшие требования, а именно историк обязан выразить свою мысль — желательна одна — уверенно и ясно.

Это требование противоречит сути исторического знания. Старый немецкий литературовед Эрих Ауэрбах некогда замечал, что любой человек безошибочно отличит историю от вымышленного рассказа¹. Автору вымышленного повествова-

---

¹ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 40–41.

ния не придет в голову тратить время на лишние подробности, не имеющие отношения к сюжетной линии и служащие ей. История как правдивый отчет о реально имевших место событиях — принципиально другая изобразительная форма. Случающегося всегда бывает слишком много, человеческая осведомленность — ограниченной, внутренние связи происходящего — не до конца ясными. Оттого речь нормального историка пестрит словами неуверенного человека, дескать, «может быть», «как нам кажется» и т. д. Такая речь — слишком длинная, вязнущая в подробностях и неожиданных отступлениях, уводящих подчас далеко в стороны от начатого разговора, требующая от слушателя удерживать в фокусе внимания одновременно многие вещи — нарушает привычные правила коммуникации. Желающий сообщить что-то и быть услышанным так разговаривать не должен. Но историки именно так и разговаривают и иначе не могут.

Другое препятствие для диалога историков с обществом — научный, исследовательский характер их деятельности. История не знаточество, а самая обычная наука, построенная на эксперименте, которым в ее случае является работа с историческими источниками. Раньше говорили, что существуют «физики» и «лирики», науки «точные» и «гуманитарные». Это устаревшие сведения. История как наука несопоставимо «точнее» современной физики, которая давно потеряла возможность наблюдать свои объекты и судит о них сугубо гипотетически по следам и производимым эффектам. Тут и там знания частичны. Историки не в силах предьявить теории истории и не могут много чего другого. Но разве физики могут предьявить теорию физики?

Научное открытие по своей сути противоположно готовому знанию. Оно его отрицает. Талант человека, посвятившего себя науке, — это дар спотыкаться на ровном месте, где до тебя ходили толпы народа и всех все устраивало. Профессия исследователя состоит в критике знания, а не накоплении его. Такой навык является полной противоположностью тому, что общество от историка зачастую ждет. Можно понять запрос некоторых людей на некую устойчивую картину отечественной истории в ее ключевых событиях, способную сплавивать людей и поколения, доказывая что-то или как-то иначе действуя на умы. В глазах историка, это утопия, иметь такую картину нельзя.

Как тут быть? Если историки хотят послужить не только науке, но и своим согражданам, то обязаны навязать разговор в той форме, которая отвечает их профессии, пригласить интересующихся историей на свою территорию и разделить с ними собственный исследовательский опыт, свои описания и открытия. Вероятно, в этом и состоит их общественное призвание. Ибо история несравненно интереснее и значительнее тех простых истин, которые от нее ждут. Цицерон называл ее «учительницей жизни». Эта мысль ценилась веками и кажется неглупой сегодня.

Как все-таки обстояло дело с нелюбовью к России и русским людям со стороны Запада пять веков назад? Станем мало-помалу разбираться в присущей историку манере, а именно брать известные факты, которые могут иметь отношение к делу, и внимательно их исследовать. Здесь первое, что приходит на ум, — хрестоматийная картина «Оршанского триумфа». Осенью 1514 года войска московского правителя Василия III, только что одержавшие грандиозную победу, а именно овладевшие Смоленском, неожиданно были наголову разбиты польско-литовской армией в сражении под Оршей. Как реагировали на это в Риме, религиозном центре тогда еще единого католического Запада? По распоряжению Св. Престола, в Риме одним из кардиналов был отслужен благодарственный молебен в честь победы над русскими «схизматиками», а несколько месяцев спустя там же увидела свет книга поистине удивительного содержания. Ее составителем являлся польский посол в Риме Ян Лаский. Это был сборник стихотворных панегириков на общепонятном тогда в Европе латинском языке, славящих польскую победу под Оршей и превозносящих роль Польши как защитницы Запада. По словам одного из польских поэтов Б. Ваповского, победа под Оршей сорвала планы московского правителя, который намеревался завоевать всю Европу до Испании и Рима, и этот успех польского оружия якобы уже привел к введению католичества в Московском государстве и его подчинению папе Римскому². Эти подробности кажутся яркой иллюстрацией неприятия России в Западной Европе пятьсот лет назад.

² Carmina De memorabili cede Scismaticorum Moscoviorum per Serenis. ac Invictis. D. Sigismundum Regem Polonie... apud aras Alexandri magni peracta. [Romae, 1515], p. CII–CIIv.

Но только на первый взгляд. Считать православных христианами Запад не отказывался. Попытки польского двора после Орши расчеловечить «москвитов», приравнять их к дикарям Нового Света натолкнулись в Европе на стену непонимания и прямого противодействия. С известием о победе в Венецию и Рим польский король Сигизмунд Старый отправил «одного из своих капитанов, участвовавших в сражении с москвитами», Николая Вольского. Со слов последнего, записанных в Венеции, мы узнаем, что тому было поручено доставить в Италию взятых под Оршей русских пленников: «двое на своих собственных лошадях» предназначались в подарок венецианскому дожу, четверо папе Льву X и еще двое «al magnifico Juliano», то есть, по всей вероятности, влиятельному кардиналу Джулио Медичи, будущему папе Клименту VII. Не потерпев такого обращения с христианами, германский император Максимилиан I отобрал пленников у польского посла, когда тот проезжал через его владения, и окружным путем через Данию отправил их домой в Московское государство³.

Что касается той самой мессы по поводу польской победы при Орше, тут не грех помнить некоторые обстоятельства. Почти одновременно с известиями о кровопролитном сражении под Оршей Рима достигло сообщение о победе турецкой армии Селима I над персидским шахом Исмаилом в Чалдыранской битве. Новость о победе турок над персами возымела в Риме эффект разорвавшейся бомбы. В глазах современником, это было событие, сравнимое с падением Константинополя. Многим на минуту показалось, что, расправившись со своим врагом на Востоке, турки всей своей непобедимой мощью теперь непременно обрушатся на неспособных защитить себя христиан. Заискивающие торжества в Риме, славящие польское оружие, очевидно, стоит понимать в связи с той истеричной атмосферой, которая воцарилась в «вечном городе» после страшных известий о Чалдыранской битве.

³ I diarii di Marino Sanuto. T. XIX. Venezia, 1887, p. 385: «E li mandava a donar do con li soi cavali. Do altri mandava al magnifico Juliano, el 4 al Papa, i quali, zonto a Yspurch, dove era l'Imperador, li parse di retenirli tutti, dicendo non è cossa degna a l'Imperio, che captivi christiani siano mandati a presentar, ni passar per il suo Imperio; sichè l'orator si scusò non aver potuto portarli». Ср.: Pomponii Melae Hispani Libri de situ orbis tres, adiectis Ioachimi Vadiani in eisdem scholiis. Viennae, 1518, p. 53: «Ex quibus captivos multos, quos victor ille Rex ad Leonem X Pontificem maximum destinaverat, Viennae vidimus ... Eos Maximilianus Imperator, cum ad se perdati essent, nescio qua causa, liberos esse voluit, donatoque eleganti vestitu ad Daciae regem ea conditione misit, ut patriae incolumes restituerentur».

Потом при папском дворе об этой злополучной мессе еще не раз пожалеют, опасаясь, что слух о ней дойдет до Москвы. Правилом в Риме являлось другое отношение к польской силе, а именно сомнение в ней. Буквально накануне Оршанской битвы польский король предпринял попытку обратиться к папе с просьбой подчинить ему силы крестоносцев в новом походе против турок. По словам итальянского исследователя А. Тамборра, польского посла выслушали в Риме «в некотором недоумении, если не сказать, с недоверием»⁴.

Как известно, Польша с тех пор только укрепилась в мысли о себе как о «передовом бастионе» («*antemurale*») и спасительнице христианского мира перед лицом неминуемой агрессии со стороны иноверцев — турок и «москвитов». Эта красивая фантазия со времен сражения под Оршей буквально стала частью польской идеологии. Однако спросим себя, кто в Риме, Италии, Европе мог в этот образ всерьез поверить? Образованное общество Италии, кому по идее до этого могло быть дело, долго молчало. Потом — прыснуло со смеху. Считается, что первым откликом на польский образ «*antemurale*» в Италии было замечание Макьявелли в его сочинении «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (это сочинение было опубликовано только 1531 году, хотя окончено двенадцатью годами раньше). Смысл этого высказывания Макьявелли — злая насмешка над пустым бахвальством самозванных защитников⁵.

***

Упомянутый поэтический сборник, громко славящих польскую победу, составленный и изданный в Риме польским резидентом Яном Ласким, остается понимать как отчаянную и безуспешную попытку докричаться до глухих. Есть любопытное письмо Яна Лаского, написанное незадолго до этого и адресованное двум краковским интеллектуалам. По словам автора этого горького письма, антипольские настроения широко распространены в Риме, и они имеют понятный источник. Взгляды, унижающие Польшу, изложены в ученых трудах итальянского гуманиста Пикколомини — ставшего за

---

⁴ *Tamborra A. Problema turco e avamposto polacco fra Quattrocento e Cinquecento // Italia, Venezia e Polonia tra Medio Evo e età moderna / a cura di V. Branca, e S. Graciotti. Firenze, 1980. P. 541.*

⁵ *Marchesani P. La Polonia nella storiografia Italiana del XVI e XVII secolo: i clichés ideologici e la loro evoluzione // Europa orientalis, 5 (1986). P. 208.*

тем папой Римский Пием II: «Этот писатель совершенно несправедливо и безбожно хулит и ни во что не ставит королевство Польское»⁶. Изложенные им превратные мнения затем повторил другой прославленный гуманист Сабеллико. И никто из авторов польского происхождения, — сетует Лаский, — до сих пор не затеял с ними научный спор и не встал на защиту своей страны.

Образ Польши в латинской литературе около этого времени был, безусловно, таким, как о нем отзывается Лаский. Основы были заложены папой Пикколомини, и хорошего в них было мало. Другие «писали, как он» («scripserunt hii, sicut a Pijo habuere»⁷). Ключевым вопросом для польской короны являлись ее отношения с Тевтонским орденом с центром в Пруссии, не желавшим признавать над собой польской власти. При этом в Италии на военное противостояние Польши с Орденом смотрели плохо. Тевтонские рыцари считались главными героями продвижения христианства среди прибалтийских язычников. Описывая борьбу Ордена с поляками и литовцами, Пикколомини не скрывает своих симпатий. Существовали сомнения в военной состоятельности польского государства. На него все еще бросало тень поражение христиан в битве с турками при Варне в 1444 году. Пикколомини судит об этом строго: польский и венгерский король Владислав, бывший во главе христианской армии, из-за своего неумелого руководство стал причиной поражения, которое предопределило судьбу Балкан и вскоре привело к падению Константинополя. Польша — «за исключением Кракова» — по сравнению с Западом, показана у Пикколомини отсталой, а обычаи литовцев — просто варварскими, заставляющими сомневаться в искренности их обращения в христианство. И это было то, что думали о Польше и ее претензиях в Римской курии.

Один современный историк обращает внимание на тот факт, что Польско-литовское и Московское государства западные наблюдатели могли временами различать и противопоставлять, а временами рассматривать вместе как некое географическое и культурное целое. Иной раз весь этот регион Восточной Европы красочно именуется «европейскими Индиями»⁸. Там, дескать, процветают одни и те же нравы, носят одинаковые одежды, мно-

⁶ Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (Kodeks zagrzebski) / oprac. J. Garbacik. Wrocław, 1966, s. 185 (№57).

⁷ Там же. С. 188.

⁸ *Morawski P. Le «Indie d'Europa»*. Tre schede per una ricerca in corso // *Europa orientalis*, 8 (1989). P. 301–312.

го сходства в способах ведения войны и многом другом. Две эти умственные схемы только нам кажутся взаимоисключающими. На практике они легко уживаются в одном тексте, и в ход пускается то одна, то другая.

Западноевропейская литература о Московском государстве в это время делает первые шаги, и ей еще элементарно не хватает образов. В самом деле, как описать то, что до сих пор никто толком не описывал? Давно рассказывались истории о легендарном русском холоде и о чем-то подобном, однако настоящих определений страны явно было мало. Ответом на эту потребность было перенесение картин, до того представлявших другие страны и народы. В частности, в ход шли картины востока Европы — Польши, а еще больше Литвы. Те не самые лестные образы, которые раньше характеризовали эти территории на краю света, механически смещаются еще восточнее, на Русь. Таковы, к примеру, описания хозяйственного уклада Московской Руси, появляющиеся около времени, например, у итальянского писателя Паоло Джовио: рисуя жизнь если не дикую, то варварскую, они в точности повторяют сказанное Пикколомини, а за ним Сабеллико по поводу Литвы.

Особый интерес представляет распространение стереотипа тиранического правления как коренной особенности Русского государства. Сабеллико писал о московской власти еще не так, а именно он отмечал якобы имевшее место неприятие жителями страны царского титула и ответное стремление московского государя не выделяться из толпы, а быть как все⁹. В глазах Сабеллико и его предшественника папы Пия II, воплощением восточноевропейской тирании служит литовский изверг, «кровавый палач» Витовт, «убивший многих в шутку» («multos quoque per ludum interemit sanguinarius carnifex»¹⁰). Именно этот литературный герой Пикколомини и Сабеллико предстает прообразом московских «тиранов», выведенных на страницы книг впоследствии. Расстреливать прохожих из лука, зашивать людей в медвежьи шкуры, чтобы потом травить собаками, или держать на такой случай голодных медведей первым стал не царь Иван Грозный, а за много десятилетий до него персонаж книг папы Пия II и Сабеллико литовский князь Витовт.

---

⁹ Secunda pars Enneadum Marci Antonii Sabellici ab inclinatione Romani Imperii usque ad annum MDIII... Venetiis, 1504, p. CXLv.

¹⁰ Europa Pii Ponti. Maximi nostrorum temporum varias continens historias. Venetiis, 1502. P. XXXIv.

По словам папы Пикколомини, повторенным Сабеллико, перед Витовтом подданные до того трепетали, что по его приказу сами вешались¹¹. Я знаю два случая, когда этот сюжет попытались отнести к истории Московского государства. О том, что «москвиты» сами лезут в петлю, когда им прикажут, писал уроженец Перуджи Риккардо Бартолини в 1515 году¹². Другая запись аналогичного содержания, относящаяся к 1518 году, была сделана в дневнике посла императора Максимилиана к Василию III Франческо да Колло¹³. Собственными описаниями делились с «Московией» не только Польша и Литва. В просвещенном мнении интеллектуалов, на одной доске с ними по степени дикости стоял другой регион востока Европы — Трансильвания. Я имею в виду рассказ о том, как некий государь, столкнувшись с непочтительным итальянским послом, велел прибить тому шляпу к голове железным гвоздем. Как известно, подлинный источник этой истории — предания о Дракуле. Швед Олаус Магнус был, кажется, первым, но далеко не последним западным автором, кто переместил ее действие в Московское государство¹⁴.

***

И еще два слова по поводу европейского единства. Помним ли мы, где и как возникла эта идея? Мысль о единой Европе была впервые сформулирована в той самой книге папы Пикколомини

¹¹ Там же. *Secunda pars Enneadum* ... P. CXLVI.

¹² *Odeporicon id est itinerarium* ... per Riccardum Bartholinum Perusinum aedita. Viennae, 1515. P. CIII.

¹³ Biblioteka Jagiellońska, Rkp. 7149 II (рукопись, озаглавленная: «*Tratato moscovitico, con gli accidenti, come in quello Viaggio di 2000 miglia, e mesi 3 di tempo*»), f. 126–127v.; *Trattamento di pace tra il Serenissimo Sigismondo Re di Polonia, et gran Basilio Principe di Moscovia* ... Padova, 1603. P. 51v — 52.

¹⁴ *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diversis statibus, conditionibus, moribus, ritibus* ... Romae, 1555. P. 368–369. Очевидна связь сообщения Олауса Магнуса с немецкими вариантами сказаний о Дракуле. Они самые многочисленны. Первый по времени текст с упоминанием интересующей нас сцены, вероятно, принадлежит Михелю, или Михаэлю Бехайму, он составлен в 60-х годах XV века. — Gille H., *Spriewald I.* (hg.). *Die Gedichte des Michel Beheim*. Bd. 1. Einleitung. Gedichte Nr. 1–147 (= *Deutsche Texte des Mittelalters*, Bd. 60), 1968. S. 310–311. Немецкие авторы, подобно Олаусу Магнусу, называют посла итальянцем (у Бехайма — «Walhen»; так называли выходцев из романских стран), тогда как в латинской хронике Бонфини и русской версии сказания о Дракуле фигурируют турецкие послы.

ни, против которой ополчились обиженные поляки. Его помотало по свету. Он увидел воочию, как не похожи между собой отдельные страны Европы и как далеко иные или даже большинство из них могут отстоять от того идеала цивилизованной жизни, который был дорог гуманисту. Реальность заключалась в этой непреодолимой разности и сосредоточении подлинной культуры буквально в немногих точках, считанных городах. Общность судьбы столь разных, разъединенных и нередко враждующих между собой миров создавалась турецким нашествием, сулившим гибель христианству и европейской культуре. Картина христианской Европы папы Пикколomini однозначно включала также православный мир в силу величайшей ценности общего культурного наследия. Древняя Греция была для Пикколomini его неотъемлемой частью. По мысли замечательного итальянского гуманиста и папы Римского, наше европейское единство состоит не в том, что мы похожи или сильно любим друг друга, — этого как раз близко нет, — а том, что нам всем есть что хранить.

А. В. Мартынов

«ПРИВЕТСТВУЮ СВОБОДУ ПЕЧАТИ, КОТОРАЯ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ВАМ ПЕЧАТАТЬ МОИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ...»:

К истории цензуры Временного правительства
на примере корниловского выступления

В апреле 1917 года Владимир Ленин, характеризуя деятельность своего политического противника — Временного правительства, признавал, что оно превратило Россию в «самую свободную страну в мире из всех воюющих стран», отличающуюся «отсутствием насилия над массами»¹. Насколько подобная оценка соответствовала действительности?

Следует отметить, что некоторые практики новой власти в дальнейшем переняло руководство большевиков. Например, объявленную 25 марта «хлебную монополию», предполагавшую твердые цены на закупку зерна, продрозверстку². Также в условиях двоевластия с возникшим параллельно с Временным правитель-

---

¹ Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 31. М., 1969. С. 114. См. так же: Доклад на собрании большевиков. Там же. С. 106.

² 3 июня также вышла инструкция, ужесточавшая ответственность за скрываемые хлебные запасы, а постановление от 7 июля распространило разверстку на все предметы первой необходимости (одежду, средства гигиены, керосин и т. д.). Подробнее см.: Борисов В. И. Хлебная монополия Временного правительства и ее экономические и политические результаты // Известия Смоленского государственного университета. 2019. №2. С. 177–193; Кондратьев Н. Д. Регулирование рынка хлебов и снабжения ими армии и населения во время войны и революции за 1914–1918 гг. // Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 207–215.

ством Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов ограничивались в правах офицеры (приказ № 1 от 1 марта)³.

Несмотря на отмену цензуры, *de facto* она продолжала существовать, по крайней мере, в отношении консервативной периодики, стремившейся защитить национальные интересы страны, а потому оппозиционной, как Временному правительству, так и Петросовету.

Одним из ее проявлений стал запрет публикаций, объективно освещающих корниловское выступление 27 августа (9 сентября) — 30 августа (12 сентября) 1917 г.⁴ В частности цензура коснулась страниц популярной газеты «Утро России», издававшейся партией прогрессистов и ориентировавшейся на торгово-промышленные круги (лидеры Александр Коновалов, Иван Ефремов, братья Рябушинские)⁵.

Первоначально 27 августа, до того, как были получены сведения о произошедшем предыдущим вечером заседании правительства, на котором его глава министр-председатель Александр Керенский характеризовал требования Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерала от инфантерии Лавра Корнило-

---

³ В мемуарной и исследовательской литературе широкое распространение получила версия о зависимости новой демократической власти от различных радикальных левых общественных и политических течений, связанных, в первую очередь, с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. В реальности имела место корреляционная зависимость внешне противостоящих друг другу политических структур. *Николаев А. Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года : в 2 т. СПб., 2017; *Steinberg M. D.* Voices of Revolution, 1917. New Haven; London, 2001. P. 58–59.

⁴ Большинство главных участников, вовлеченных в конфликт, оставили подробные воспоминания о неудачном выступлении генерала. См.: Показание Корнилова // Катков Г. М. Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 201–231; *Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. М., 1918; *Kerensky A. F.* The Prelude To Bolshevism The Kornilov Rising. New York, 1919; *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. New York, 1965; *Савинков Б. В.* К делу Корнилова. М., 2013. С. 319–340; *Львов В.* Керенский — Корнилов: Из мемуаров русского министра // Последние новости (Париж). 27.11.1920, 30.11.1920, 04.12.1920, 07.12.1920, 09.12.1920; *Сидорин В. И.* Заговор Корнилова // Там же. 26.02.1937. См. также: Дело генерала А. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918 : документы : в 2 т. М., 2003; дополнения к нему: *Ганин А. В.* «Не могу утверждать, что это был определенный контрреволюционный заговор». Следственные материалы по делу сторонников генерала А. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 22–30.

⁵ *Хайлова Н. Б.* Центризм в российском либерализме начала XX века. М., 2022. С. 259–470; *Hasegawa T.* The February revolution, Petrograd, 1917. Washington, 1981. P. 17–19.

ва, как преступные, а также до появления официального заявления («объявления») премьер-министра (телеграмма №4163), оценки выступления оставались положительными. В номер вошли две статьи, так или иначе связанные с мятежом. В первой, не подписанной и не имеющей названия, отмечалось, что кризис, в котором оказалась русская государственность, вызван слабостью Временного правительства: «отсутствием единой, общепризнанной и авторитетной власти». Поэтому «все ждут, что эта власть примет, наконец, те меры, которых требует от нее во имя спасения России и ее свободы Корнилов. А, между тем, о принятии этих мер ничего не слышно, шествие по неверному, ведущему в пропасть пути, продолжается»⁶. Во второй — генерала называли «честным солдатом и глубоко преданным родине гражданином», стремящимся возродить армию, а «всякий выпад против него является преступлением против родины»⁷.

На следующий день под общим заголовком «Борьба за верховную власть», который затем использовался и в дальнейшем вышел экстренный одностраничный номер. В нем были опубликованы упомянутое «объявление» Керенского и информация о правительственных решениях, направленных против выступления, статьи о попытках переговоров с генералом. Излагались известные на тот момент планы мятежников и состав их сил, реакция на произошедшее в войсках и в Петрограде, а также связанные с ним резолюции партий и общественных деятелей⁸. Не все в номере соответствовало действительности. Например, ошибочно сообщалось об аресте Корниловым комиссара Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего штабс-капитана Максимилиана Филоненко⁹.

29 августа «Утро России» констатировало, что «Гражданская война началась: еще неясен ее исход, еще трудно учесть ее последствия для фронта и тыла». Редакция выделяла две противо-

---

⁶ Б. а. Б. н. // Утро России. 27 августа (9 сентября) 1917. №208. С. 1.

⁷ Бурский П. Поход против ген. Корнилова // Утро России. 27 августа 1917. С. 1, 2.

⁸ Утро России. 28 августа (10 сентября) 1917. №209. С. 1

⁹ Б. а. Арест комиссара Филоненко // Утро России. 28 августа 1917. С. 1. Возможно, версия была обусловлена тем обстоятельством, что Филоненко лишь спустя сутки после получения предписания уехал из Ставки в Петроград. Подробнее см.: Катков Г. М. Дело Корнилова. С. 123; Показание верховного комиссара Временного правительства при Ставке главковерха М. М. Филоненко // Дело генерала А. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Т. 2. С. 354–358.

борствующие силы в лице Временного правительства и военных: «наметился раскол не только социально-политический, а национально-политический. Один лагерь ставил своей задачей спасение нации и того исторического наследия, которое она создала — великого государства. Другой, не отрицая этой задачи, подчинял ее интересам классовым». Причиной выступления объявлялось неисполнение принятой гражданской властью программы Корнилова. «Быть может, Керенский лично и готов был пойти вместе с генералом (...), быть может, Савинков и вполне ему сочувствовал, но “круги” Временного правительства — Советы этому возможному и желанному союзу препятствовали». При этом в поступке главнокомандующего, «как бы его ни оценивать, к каким бы последствиям он ни привел, чувствовался, прежде всего, голос патриотического отчаяния, сознание, что нет иного пути, спасти землю русскую!» Трагедия ситуации в том, что «у Корнилова та же цель, что и у Керенского — довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания»¹⁰.

Одновременно републиковалось «объявление» министра-председателя и излагались распоряжения Временного правительства за 27 и 28 августа, которое «рассматривает действия генерала Корнилова как открытый мятеж»¹¹.

Редакция сообщала и о действиях корниловцев под Петроградом¹², приводила ссылку на телеграмму в поддержку выступления командованием Западного и Юго-западного фронтов (генералов Петра Балуева и Антона Деникина) и писала о лояльности правительству казаков¹³. Корреспонденты кратко фиксировали настроения на других участках фронта, а также в Петрограде (неприятие Керенского юнкерами Константиновского училища и напротив пассивка премьеры Царскосельским гарнизоном), Москве и Киеве¹⁴. Появилась информация о реакции на мятеж и со стороны различных партий. В частности, о расколе в рядах Совета рабочих и солдатских депутатов. Если большая часть членов исполкома Совета готова была помочь властям в борьбе с мятежниками, то входившие в его состав большевики с осуждением от голосования воздержались. По свидетельству корреспондента, «речь пред-

¹⁰ Б. а. Б. н. // Утро России. 29 августа (11 сентября) 1917. №209. С. 2.

¹¹ Утро России. 29 августа. С. 2.

¹² Б. а. Движение корниловских войск // Утро России. 29 августа. С. 3.

¹³ Б. а. События 28 августа // Утро России. 29 августа. С. 2.

¹⁴ Утро России. 29 августа. С. 3.

ставителя большевистской фракции (Федора Раскольникова. — А. М.) направлена больше против Временного правительства, чем против генерала Корнилова»¹⁵

Были на страницах «Утра» и материалы о переговорах Керенского и Генерального штаба генерала от инфантерии Михаила Алексева. На предложение возглавить военное министерство последний ответил отказом. Встреча происходила у лидера кадетов Павла Милюкова, который «заявил А. Ф. Керенскому, что если ему дорога честь России и он любит свою родину, то он должен достичь соглашения с ген. Корниловым. А. Ф. Керенский ответил: — Единственный путь к соглашению — подчинение Временному правительству. Несколько дней тому назад П. Н. Милюков получил приглашение от ген. Корнилова прибыть в ставку, куда он не поехал, а о приглашении известил А. Ф. Керенского»¹⁶. Также появились известия о возбуждении следствия в отношении Корнилова, которое начал судебный следователь 16 участка Петроградского окружного суда Сергей (?) Шульц¹⁷.

Приводила газета и цензурное решение московской городской управы, направленное ею в различные редакции. «Ввиду восстания генерала Л. Корнилова против Временного правительства, единственного носителя верховной власти в России в настоящее время, воспрещается всем газетам г. Москвы печатать какие бы то ни было извещения ген. Корнилова или исходящие от его имени. Нарушение этого распоряжения повлечет за собой закрытие газет и привлечение к уголовной ответственности редакторов»¹⁸.

В последний день мятежа 30 августа «Утро России» продолжило излагать точки зрения противоборствующих сил, но уже в условиях цензуры, что предопределило дисбаланс в пользу правительства Керенского. Все отклики из провинции корреспондировались с официальным взглядом на выступление военных¹⁹.

---

¹⁵ Б. а. В исполнительном комитете // Утро России. 29 августа. С. 3.

¹⁶ Б. а. Переговоры с ген. Алексеевым // Утро России. 29 августа. С. 2.

¹⁷ Б. а. Следствие о действиях ген. Корнилова // Утро России. 29 августа. С. 2. Дело было открыто 27 августа. *Иванцова О. К. Предисловие // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Т. 1. С. 24. Текст Постановления см. там же. С. 39–40.*

¹⁸ Предписание газетам г. Москвы // Утро России. 29 августа. С. 3.

¹⁹ Утро России. 30 августа (12 сентября) 1917. №210. С. 2.

В номере была напечатана одна небольшая заметка о телеграмме Корнилова, «разосланной начальствующим лицам всей России»²⁰. Статья не содержала конкретных аргументов, а лишь информировала, что послание генерала опровергало точку зрения премьер-министра на мятеж. В целом же его телеграмма характеризовалась как «сбивчивая и непонятная, и производит тяжелое впечатление». Сообщалось и о другой телеграмме Корнилова, адресованной командующему московским военным округом Генерального штаба полковнику Александру Верховскому. В ней, «дабы избежать междоусобной войны и не вызвать кровопролития на улицах», предписывалось признать власть верховного. В ответном послании полковник прямо обвинил визави в начале Гражданской войны и неподчинении законной власти, вместе с тем оговорившись, что в сложившейся ситуации «можно и нужно было менять политику, но не подрывать последние силы народа» своим выступлением²¹. Также публиковалась статья «В ставке верховного главнокомандующего», согласно которой, «с утра в ставке и на улицах города (Могилева. — А. М.) все совершенно спокойно, ничто не говорит о решающих и грозных событиях (...) Многие еще не знают о происходящем, хотя еще вчера вечером по городу стал распространяться слух об уходе генерала»²². Большой пустой промежуток между окончанием текста и следующим в столбце свидетельствовал о явном цензурном вмешательстве в последний момент²³. Еще одна заметка сообщала о попытке председателя Центрального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы (Румчерод) Ивана Лордкипанидзе выяснить, «кто ныне главнокомандующий». На его звонок в ставку дежурный офицер ответил, что им остается Корнилов, после чего глава Румчерода повесил трубку²⁴.

Существенно больше «белых пятен» появилось в следующем номере, вышедшем уже после победы правительственных сил.

---

²⁰ Б. а. Телеграмма губернским и областным комитетам // Утро России. 30 августа 1917. С. 2.

²¹ Б. а. Обращение Корнилова к Верховскому // Утро России. 30 августа 1917. С. 3.

²² Б. а. [Дубовской А. Ф.] В ставке верховного главнокомандующего // Утро России. 30 августа 1917. С. 2.

²³ Также имело место цензурное изъятие в блоке материалов из Киева.

²⁴ Б. а. Переговоры со ставкой // Утро России. 30 августа 1917. С. 2.

В нем был «Приказ по армии и флоту» Керенского, в котором тот констатировал, что «безумная попытка военного мятежа бывшего верховного главнокомандующего и ничтожной кучки генералов закончилась полной неудачей, и виновные в мятеже предаются военно-революционному суду», а также заявлял, что на него возложено командование всеми вооруженными силами государства²⁵.

Как следствие Корнилов, ряд поддержавших его генералов (Александр Лукомский, Антон Деникин, Сергей Марков) и товарищ (заместитель) министра путей сообщения Владимир Кисляков «отчисляются от своих должностей, с преданием суду за мятеж»²⁶. До сведения читателей доводилось об аресте председателя Либеральной республиканской партии Александра Гучкова, главы Военной лиги Ивана Федорова и ряда других лиц, подозреваемых в оказании помощи главнокомандующему. Тему продолжали несколько статей, связанных с атаманом Алексеем Калединым, которого также подозревали в причастности к выступлению²⁷.

Параллельно на страницах газеты вышли очерки об «окружении корниловских войск». Военный генерал-губернатор Петрограда и управляющий военным министерством вчерашний член боевой организации эсеров Борис Савинков с удовлетворением отмечал: «с каждым часом выясняется, что положение становится благоприятным, и что попытка ген. Корнилова обречена на полную неудачу. Не только петроградский гарнизон и войска действующей армии, но и части войск, отправленных ген. Корниловым на Петроград, от него отказываются и изъявляют верность Временному правительству»²⁸.

Парадоксально, но именно после завершения выступления было опубликовано Обязательное постановление столичного губернатора от 29 августа, воспрещавшего оглашение в печати «каких-либо распоряжений и воззваний генерала Корнилова и его

---

²⁵ Приказ по армии и флоту // Утро России. 31 августа 1917. №211. С. 2.

²⁶ Указы Временного правительства правительствующему сенату // Утро России. 31 августа 1917. С. 2.

²⁷ Утро России. 31 августа 1917. С. 2. См.: Постановление Чрезвычайной комиссии о результатах расследования участия генерала А. М. Каледина в корниловском выступлении // Дело генерала А. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Т. 1. С. 127–144; Катков Г. М. Дело Корнилова. С. 139.

²⁸ Б. а. Корниловские войска // Утро России. 31 августа 1917. С. 2.

штаба», а также «призывов (...) направленных к поддержке восстания»²⁹.

Из других материалов интересно интервью с министром путей сообщения Петром Юреневым, в котором он, в числе прочего признавался: «В самом начале конфликта с генералом Корниловым А. Ф. Керенскому была предоставлена вся полнота власти для ликвидации конфликта. Все последние дни Временное правительство, как таковое, не существовало; были лишь совещания министров»³⁰.

Не менее значимо было и коллективное письмо послов союзных держав. В нем опровергалось якобы имевшее место «выступление, имеющее целью либо поддержку, либо воспрепятствование подавлению действий ген. Корнилова». По мнению дипломатов, это противоречило бы «роли союзников по отношению к русским внутренним делам. Представители всех держав согласия ограничились, как это диктовали симпатии к великой союзной демократии, предложением своих добрых услуг для побежания кровопролития и гражданской войны»³¹.

Публикация заявления обуславливалась стремлением дистанцироваться в первую очередь от мятежников, на которых военные и дипломатические круги стран Антанты действительно возлагали надежды, связанные с восстановлением боеспособности Восточного фронта Мировой войны³². В частности, в недатированной телеграмме сотрудника «Утра России» при ставке А. Ф. Дубовского сообщалось, что «иностранные члены при ставке обратились к дипломатическим представителям своих держав с просьбой поддержать требования Генерала Корнилова, как единственную возможность возрождения русской армии»³³.

---

²⁹ Утро России. 31 августа 1917. С. 3.

³⁰ Беседа с П. П. Юреневым // Утро России. 31 августа 1917. С. 2.

³¹ Б. а. Отношение союзных держав // Утро России. 31 августа 1917. С. 2.

³² Например, посол Великобритании Джордж Бьюкенен не только признавал, что «все мои симпатии были на стороне Корнилова», но и не стал доводить до сведения Керенского о готовящемся выступлении генерала. *Бьюкенен Д. Моя миссия в России: мемуары*. М., 2006. С. 342, 335. См. также: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. I: Intervention and the War*. Princeton; N. J., 1961. P. 11–13; *Ланцев С. Н. А. Ф. Керенский, А. Г. Корнилов и британское политическое сообщество: ориентация на военную диктатуру* // Вестник Брянского государственного университета. 2012. №2. С. 123–128.

³³ ФГБУК Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР). ГИК 30406/70а. Л. 1; См. так же: *Мартынов А.* «Единственная

В случае с «Утром России», желаниям дипломатов способствовал тот факт, что информация журналиста не была опубликована на страницах газеты.

Естественно, подобная политика не могла не вызвать протест, в том числе и среди сотрудников редакции, чьи тексты сокращались или изымались из номеров. Одним из них был писавший под псевдонимом Дубовской Александр фон Экеспарре (1884–1918). Он окончил Николаевское кавалерийское училище, служил в 5-м драгунском полку; в 1914 штаб-ротмистр 2-го лейб-уланского Курляндского Императора Александра II полка, затем подъесаул в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска, позднее стал летчиком-наблюдателем. После революции состоял в подпольной белогвардейской организации. В ноябре 1918 г. арестован и в декабре (?) расстрелян³⁴. Помимо журналистской деятельности рекомендовал себя спортсменом, участником скачек. Публиковался также под псевдонимами князь Шаховской, гатчинский мещанин Никодим Орг, помощник присяжного поверенного Александр Эльц, купец второй гильдии Елизар Платонович Плотноков.

Заметка о поддержке военно-дипломатических кругов была не единственным материалом фон Экеспарре, который не прошел газетной цензуры. Также не напечатали репортажа, свидетельствовавшего об «уверенном настроении», как в самой ставке, так и среди местного населения, которое «воодушевленно приветствует каждое появление ген. Корнилова». По мнению корреспондента, поддерживавшее генерала военное руководство видит «в своем выступлении последнюю возможность воссоздания армии»³⁵. Одновременно не увидел свет очерк, в котором он отмечал готовность Верховного главнокомандующего, остающегося «поборником свободы и порядка в стране», к переговорам с посланным министром-председателем Михаилом Алексеевым, что, как подчеркивалось фон Экеспарре, не являлось отказом от первоначальных требований, а также сам ход переговоров³⁶.

возможность возрождения русской армии». Корниловское выступление в контексте дипломатических отношений России и союзников в 1917 году // Новый журнал. 2020. №301. С. 347.

³⁴ Мартынов А. «Единственная возможность возрождения русской армии». Корниловское выступление в контексте дипломатических отношений России и союзников в 1917 году. С. 346, 350.

³⁵ ГЦМСИР. ГИК 30406/70 в. Л. 1.

³⁶ ГЦМСИР. ГИК 30406/74. Л. 1; ГИК 30406/74а. Л. 1.

Вмешательства цензуры вызвали ироничное замечание журналиста: «приветствую свободу печати, которая не позволяет вам печатать мои корреспонденции»³⁷.

Объективности ради, следует отметить, что фон Экеспарре не скрывал своих симпатий³⁸ ни во время выступления³⁹, ни позднее, когда указывал на нарушения их прав в ходе следствия, проводившегося под руководством сменившего Шульца адвоката Иосифа Шабловского. Журналист обращал внимание, что «приказом Верховного главнокомандующего содержащиеся под стражей (...) генералы и офицеры лишаются всего содержания полностью, семьям их будет выдано пособие из экстраординарных сумм, находящихся в распоряжении штаба Верховного главнокомандующего.

По закону же состоящие под судом и следствием при содержании их под стражей, получают половину жалования. Распоряжение А. Ф. Керенского последовало, несмотря на заключение комиссии Шабловского, что корниловцы не могут быть признаны состоящими под следствием и судом до предъявления к ним определенного обвинения»⁴⁰. Впрочем, подобные симпатии не мешали фон Экеспарре протестовать и против искажения Временным правительством агентской телеграммы от 29 августа, с требованием Петросовета «о передаче всей власти в руки революционной демократии». Дубовской вновь назвал это «правительственной цензурой»⁴¹.

---

³⁷ ГЦМСИР. ГИК 30406/70 в. А. 1. См. также: *Мартынов А.* «Единственная возможность возрождения русской армии». Корниловское выступление в контексте дипломатических отношений России и союзников в 1917 году. С. 346.

³⁸ Согласно докладу следственной комиссии, он «принимал в мятеже самое активное участие, находясь все время в ставке мятежников». Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918 : документы : в 2 т. Т. 1. С. 333.

³⁹ Офицером 1 сентября, в день ареста бывшего Главнокомандующего, было взято у него интервью. Фон Экеспарре отмечал спокойствие своего визави: «лишь иногда голос генерала повышается и звенит». В интервью Корнилов дал свою версию событий от вступления в должность «тотчас после переворота» командующего войсками Петроградского округа. Рукописная запись разговора с генералом Лавром Корниловым корреспондента А. Ф. Дубовского. 1917 г. А. 1. Частное собрание.

⁴⁰ *Дубовской А.* Дело ген. Корнилова. Произвольное лишение содержания // Утро России. 10 (23) октября 1917. №243. С. 3.

⁴¹ ГЦМСИР. КП-ГИК 30406/70б. А. 1. См. также: *Мартынов А.* «Единственная возможность возрождения русской армии». Корниловское выступление в контексте дипломатических отношений России и союзников в 1917 году. С. 347.

Позднее, с ослаблением власти Временного правительства произошло смягчение ограничений печати. Так в том же «Утре России», спустя полтора месяца после августовского выступления было опубликовано стихотворение поэта Константина Бальмонта, в котором он преклонялся перед «достойным выступлением» генерала и признавался: «С тобой душою вместе в плене я, / Но что бы ни промолвил суд, / Бойцу, я знаю, поколения / Венец лавровый принесут»⁴².

Прав у поэта оказалось больше, чем у журналиста.

---

⁴² Бальмонт К. Генералу Л. Г. Корнилову // Утро России. 15 (28) октября 1917 г. № 248. С. 2.

И. С. Ратьковский

КИЕВ И ВОКРУГ НЕГО: ЯНВАРСКАЯ ПРАКТИКА ВЗАИМНЫХ РАССТРЕЛОВ 1918 ГОДА

9 (22) января 1918 г. Украинская Центральная Рада провозгласила IV универсал, в котором Украинская Народная Республика объявлялась «самостоятельным, ни от кого независимым, свободным суверенным государством украинского народа». В этот же день был принят закон «О национально персональной автономии национальных меньшинств Украины», в котором провозглашалось право на национальную автономию великорусской, еврейской и польской нациям¹.

Однако данное решение не было выражением пожеланий всего украинского и русского населения на указанных территориях. IV универсал не только провозглашал создание украинского государства, с включением в него, в том числе, городов и территорий с преимущественно русским населением, но и противопоставлял его Советской России, отношения с которой уже носили конфронтационный вооруженный характер.

15 января 1918 г. рабочие киевского завода «Арсенал» провели митинг, на котором решили оказать сопротивление Украинской Центральной Раде, надеясь на последующую скорую помощь

---

¹ Грибенко А. Н., Абакумова В. И. Статус Украинской государственности в конституционно-правовых актах Украинской Центральной Рады 1917–1918 гг. // Актуальные вопросы современной науки. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2015. С. 128.

красных войск из Советской России. Одним из поводов для вооружённого выступления стала попытка в этот день вывоза оружия из Киевского арсенала по распоряжению Центральной Рады. На совместном заседании Киевского комитета большевиков с городским советом рабочих и солдатских депутатов арсенальцы предложили немедленно начать восстание. Присутствующие на заседании делегаты от двух полков, которые были дислоцированы в Киеве, пообещали его поддержать.

Ситуацию в городе обострило то, что в эти дни у поста Волинский было обнаружено изуродованное тело лидера киевских большевиков Леонида Пятакова.

Председатель Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов Л. Л. Пятаков и его брат руководитель киевского ревкома Ю. Л. Пятаков несколько раз арестовывались осенью–зимой 1917–1918 г. Первый раз братья Пятаковы были арестованы 28 октября, когда юнкерами было окружено здание Ревкома на Александровской улице. Юрий Пятаков, учитывая соотношение сил, согласился на капитуляцию со сдачей имевшегося оружия. В Марининский дворец вошло 12 юнкеров, а вслед за ними толпа пьяных вооружённых казаков. «Бей большевиков, убить Пятакова! — слышались выкрики, — Юрия Пятакова захватили на верхнем этаже и, заперли в какой-то комнате, стали голосовать: повесить ли его «на этом самом» ремне, или убить другим способом. Мы бросились наверх... — Отдайте нам товарища Юрия! — требовали мы. Но пьяная, разъяренная толпа загнала нас, обезоруженных (среди нас были и женщины), в другую комнату и там стали издеваться над нами, целясь из револьверов, приставляя к груди штыки, замахиваясь бомбами...». В результате, Пятаков и еще 13 человек были взяты в заложники². Освобождение их произошло позднее. Был произведен своеобразный обмен арестованных большевиков и юнкеров. «Освобождение арестованных юнкеров вызвало громадное недовольство и протест со стороны борющихся рабочих и солдат. И потребовались все меры предосторожности, вплоть до назначения особого караула из авторитетнейших членов организации для сопровождения арестованных юнкеров от места заключения до штаба, где должен был состояться обмен»³.

² Кулик И. Октябрьские дни в Киеве // Летопись революции. Харьков. 1922. № 1. С. 42; Солдатенко В. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. С. 153–154.

³ Бош Е. Год Борьбы, Борьба на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М.; Л., 1925. С. 45.

От ситуации противостояния большевиков и союзных им левых эсеров с юнкерами выиграла Центральна Рада, оказавшаяся вроде как вне конфликта. Усилилась и ее поддержка военными частями. «7 ноября опубликовала свой 3-й «Универсал» (манифест), в котором объявила от имени Украинской Народной Республики, что власть на местах принадлежит городским и земским самоуправлениям, а выработка новых форм государственного строительства принадлежит Украинскому Учредительному Собранию, которое назначается на 27 декабря 1917 года»⁴.

26 декабря 1917 г. в Киеве был арестован и увезен в неизвестном направлении уже Леонид Пятаков, председатель Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов. При аресте и обыске на квартире Л. Пятакова был избит его младший брат Ю. Пятаков⁵.

Тело Л. Л. Пятакова обнаружили в январские дни. «На теле виднелись следы ужасных истязаний: разбитая голова, на правом виске следы от ударов саблей, большая рана на левой части груди — воронкообразное отверстие и следы ожогов стеариновой свечой, ладони обеих рук порезаны чем-то чрезвычайно острым, возможно саблями, разбиты фаланги пальцев. Георгию Пятакову врачи позже объяснили, что, по-видимому, палачи высверливали саблей сердце, которое еще билось, а жертва конвульсивно хватала руками острый клинок...»⁶. Схожее описание в воспоминаниях Е. Б. Бош: «В ночь на 25 декабря в квартиру тов. Леонида Пятакова, — члена Киев, комит. больш. и члена ЦИК — ворвался отряд гайдамаков под предводительством офицера, стащили его с кровати в одном белье и, зверски избивая, увели неизвестно куда, а через 2 недели труп тов. Леонида нашли под мостом с простреленной раной в области сердца, с вырезанными во всю длину тела полосами, выколотыми глазами и исполосованного сабельными ударами»⁷. Впоследствии, осенью 1918 г., советские газеты справедливо считали Л. Л. Пятакова одной из первых жертв антибольшевистского террора. Специальная следственная комиссия установила причастность к террористическому акту Украинской Центральной

---

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Знамя Труда. Пг., 1918. №112.

⁶ Цит. по: *Солдатенко В.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. С. 166.

⁷ *Бош Е.* Год Борьбы, Борьба на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. С. 117.

Рады, требуя в своем постановлении беспощадной расправы с его палачами. Ответственность представителей Центральной Рады за гибель Пятакова подтверждается и другими материалами⁸. Обнаруженное тело Л. Л. Пятакова (со следами пыток) отчасти подстегнуло ход событий, радикализируя их. Среди красногвардейцев стал распространяться лозунг «Мсть за Пятакова»⁹.

Восстание началось в 3 часа ночи 16 января 1918 г. выступлением на заводе «Арсенал». К нему присоединились рабочие ряда других предприятий, часть солдат из Богдановского, Шевченковского полков и полка имени Сагайдачного. Восставшие требовали передать власть Совету рабочих и солдатских депутатов, но Центральная Рада их отклонила. Рабочим отрядам удалось захватить железнодорожную станцию «Киев-товарный», мосты через Днепр, Киевскую крепость, ряд складов оружия, Старокиевский полицейский участок и гостиницу «Прага». 17 января повстанцами была занята значимая часть центра Киева, в городе началась всеобщая забастовка.

В этих условиях 19 января Центральная Рада использовала прибывшие вооруженные отряды под командованием Симона Петлюры. На следующий день восстание в Киеве, за исключением территории завода «Арсенал», было жестко подавлено. Сопrotивление там продолжалось еще более суток. После кровопролитного штурма утром 22 января завод был также взят войсками Петлюры. «Очевидцы этой сдачи, спустя несколько дней, не могли спокойно говорить о тех ужасах, которые пришлось пережить осажденным. Их всех, не исключая раненых и сестер милосердия, заставили бежать через рвы и окопы и в это время били прикладами, кололи штыками, расстреливали»¹⁰.

Массовые расстрелы рабочих производились в эти дни двумя полками сечевых стрелцов под командованием С. Петлюры и Е. Коновальца¹¹. Упрощенная судебная процедура для расстрела допускалась только в отношении наиболее важных рабочих руководителей, оправдательного приговора не выносилось практиче-

---

⁸ Иванов А. Центральная Рада и Киевский Совет в 1917–18 г. // Летопись революции. Харьков. 1922. №1. С. 14.

⁹ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 13.

¹⁰ Известия Киевского Совета Р. и С. Д. 1918. 30 января.

¹¹ Иванов А. Центральная Рада и Киевский Совет в 1917–18 г. // Летопись революции. 1922. №1. С. 15.

ски никому. Рядовых же рабочих-повстанцев расстреливали без суда, в застенках комендатуры города или же на месте поимки. «При этом не важно было найти у него оружие... Достаточно было иметь только мозоли на руках... чтобы тебя причислили к повстанцам и немедленно расстреляли»¹². Отмечались расправы самого разного вида. Так раненного в боях за Арсенал Александра Горвица¹³ с криками «Жида крестить!» приволокли к Днепру. Пробив лед, его опускали в полынью, подымали и вновь топили. Впоследствии тело Горвица было обнаружено на берегу реки¹⁴. Расправы на берегу Днепра упоминались и в воспоминании 1933 г. Гельфанда, делегированного по поручению Г. Г. Ягоды в Киев для проведения демобилизации русских войск в декабре 1917 г. В этот период он уже находился под арестом и во время перемещения в Лукьяновскую тюрьму (до революции Гельфанд там уже сидел) «решил, что меня везут на Днепр, где они расстреливали рабочих»¹⁵.

За время подавления большевистского выступления, согласно ряду советских исторических изданий, будет убито более 1 800 рабочих¹⁶. Е. Б. Бош указывала на более 2000 жертв восстания¹⁷. Это максимальные цифры. Возможно, что указанные цифры восходят к газетным публикациям 1918 г. и к ряду воспоминаний красных мемуаристов. Так, на 1 500 погибших рабочих в Киеве и 300 в самом «Арсенале» указывалось в петроградских газетах¹⁸. Однако данная цифра нуждается в критическом восприятии, так как помимо массовых расстрелов практиковались и аресты задержанных. Так есть указание, что уже позднее 500 арестованных Центральной Радой рабочих были освобождены советскими войсками из тюрем¹⁹.

---

¹² Мищенко С. Январское восстание в Киеве // Летопись революции. Харьков. 1924. №3 (8). С. 27.

¹³ Член Исполнительного комитета Киевского совета.

¹⁴ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. / Комис. по истории Октябр. революции и РКП большевиков; сост.: Л. Лежава и Г. Русаков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Пг., 1924. Т. 1. А–И. С. 144.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-400. Оп. 5–1. Д. 2049. Л. 9–10.

¹⁶ Литература: Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Сб. документов и материалов. Т. 1–3. Киев, 1957; Очерки истории Коммунистической партии Украины. 3-е изд. Киев, 1972.

¹⁷ Бош Е. Год Борьбы, Борьба на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. С. 136.

¹⁸ Красная газета. Пг., 1918. 26 янв.

¹⁹ Бош Е. Год Борьбы, Борьба на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. С. 134.

Вместе с тем, масштаб расстрелов восставших рабочих и подержавших их солдат в Киеве был таким, что длительное время большая часть расстрелянных не была убрана с киевских улиц даже после полного подавления выступления. Между тем, к Киеву подходили красные войска Муравьева. Согласно воспоминаниям Г. Н. Лейхтенбергского, «у украинцев не хватило времени спрятать свои жертвы и вообще следы этой новой, суммарной юстиции, как им уже пришлось расплачиваться за содеянное»²⁰.

Вступавшие в город красные войска видели эти неубранные трупы на улицах города. Отметим, что расстрелы были и рядом с Киевом, в том числе среди захваченных в плен красноармейцев идущих по направлению к городу. Это вызывало ожесточение среди наступавших бойцов советских отрядов. Характерны события в населённом пункте Пески. Рабочий петроградского завода «Красная заря» Орлов вспоминал в 1932 г., что его отряд оставил там для охраны пулеметчика и красногвардейца. Они были захвачены гайдамаками в плен и убиты: «После двух товарищей оставленных для охраны в Песках нашли изувеченными. Наутро пошли в наступление. С 10 ч. утра до 4-х ч. дня местечко Круты было взято»²¹. Много имущества попало в наши руки, правда, несколько человек оказалось ранеными, но убитых не было»²². Итогом сражения под Крутами стал расстрел взятых в плен красными отрядами плененных. Количество расстрелянных после боя в современных исторических исследованиях варьируется от 27 до 29 человек²³. Следствие над Муравьевым весной 1918 г. в Москве фиксировало меньшие цифры. По озвученным на нем данным на станции Круты, по пути следования эшелонов М. А. Муравьева в Киев, было расстреляно около 20 гайдамаков, среди которых много гимназистов 17–18 лет²⁴.

Про схожее или это событие вспоминал и петроградский рабочий Чесноков, участник красного похода на Киев: «Под Киевом мы нашли своего товарища..., зверски расстрелянного, а также и других товарищей, и после этого мы решили, что пленных мы

²⁰ Лейхтенбергский Г. Н. Воспоминания об «Украине». 1917–1918 г. Авторизованный перевод с французского. Берлин, 1921. С. 17.

²¹ Сражение в районе села Круты произошло 16 (29) января 1918 г.

²² ЦГА ИГД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 6. Д. 170. Л. 4 об.

²³ Тинченко Я. Ю. Українські збройні сили, березень 1917 р. — листопад 1918 р.: організація, чисельність, бойові дії. К., 2009. С. 81–86.

²⁴ Обожда В. А. Константин Мехоношин: судьба и время. М., 1991. С. 107.

братъ более не будем, и даже у нас были 2 раненных офицера, так и тех мы прикончили»²⁵. Характер боев на подходе к Киеву с жертвами среди наступавших, вскоре дополнилось новым впечатлением при входе красных отрядов в сам город, когда перед красными отрядами предстали незахороненные жертвы январского восстания.

Все это ожесточило наступавших. «Двигаясь в направлении Гребенки-Киев примерно числа 25–27 января 1918 г. начались бои за взятие Киева. Мне особенно запомнились бои за Крещатик и у Царского двора, где я и Иван Трофимов, забыв, что имеем на рукавники с Красным крестом, обстреливали гайдамаков и вытесняли их из города», — вспоминал Г. А. Табарджанов²⁶, ранее принимавший участия в октябрьских боях с красновскими казаками под Гатчиной, а позднее участвовавший в занятии Могилевской ставки²⁷.

Одно из первых красных свидетельств антибольшевистского террора в Киеве дал левый эсер, бывший полковник, М. А. Муравьев, занявший своими войсками город. Уже 23 января 1918 г. он телеграфировал в СНК: «Революционные советские армии, первая Егорова и вторая Берзина, заняли часть Киева. Идет уличный бой, защищаются главным образом офицеры, юнкера, белая и черносотенная гвардия. Войска Рады и вся мразь, на которую опирается Рада, проделывают ужасные зверства, безоружные рабочие расстреливались сотнями, всего расстреляно более полутора тысяч человек. Кровь несчастных требует возмездия и мщения, в чем повинна более всего украинская буржуазия, она должна понести жестокую кару. Наши враги держатся главным образом на Печерске и в западной части города. Революционные войска полны героизма»²⁸. Данные Муравьева о киевских расстрелах рабочих были возможным источником наибольшего числа погибших, появившихся позднее в советской прессе.

Однако были свидетельства и рядовых участников событий. Интересно в этом отношении вышеупомянутое воспоминание питерского рабочего Чеснокова: «Здесь были устроены похороны всех жертв, которых было до 600 в саду у сахарозаводчика Терещенко. Когда мы стояли у Дарницы, то приезжал Муравьев, ко-

²⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 6. Д. 91. Л. 27–28.

²⁶ Замнаркома труда Карельской республики в 1933 г.

²⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5–1. Л. 1 об.

²⁸ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. С. 14.

торый выпустил такое воззвание, что чем больше крови, тем больше побед»²⁹. Е. Б. Бош уточняет количество похороненных жертв восстания: «4 февраля киевский Совет Раб. и Солд. Депутатов и весь киевский пролетариат хоронили своих погибших товарищей. В две братские могилы, в Александровском парке, в один день и час опустили 750 красных гробов с останками расстрелянных и изувеченных деятелями контр-революционной Центральной Рады»³⁰.

Схожие цифры жертв среди арсенальцев приводил в письме 1918 г. Н. И. Муралову С. Г. Чудновский: «...Зверства гайдамаков не поддаются описанию... В арсенале после сдачи гайдамаков устроили бойню из 700 человек... и в ответ на зверства контрреволюционеров начались расстрелы гайдамаков (правда, во время расстрелов пострадали и невиновные, но в этом не вина г. Муравьева, ибо гнев массы сильнее всяких приказов)»³¹. Степень вины Муравьева в ответных красных репрессиях в этом письме, безусловно, преуменьшается, но связь «муравьевских» расстрелов с прежними репрессиями в городе сомнений не вызывает.

Отметим еще одно свидетельство с красной стороны о количестве погибших в городе рабочих, до прихода войск Муравьева — непосредственного его начальника В. А. Антонова-Овсенко. Согласно ему, первоначально было расстреляно до 200 человек арсенальцев (после захвата «Арсенала»)»³². Несколько меньшие цифры дает другой участник событий С. Мищенко: «Вышло же так, что группа рабочих, примерно в 150 человек, сложила оружие и их тут же, в «Арсенале», расстреляли жандармы Петлюры (гайдамаки «куреня смерти», взявшие «Арсенал»)»³³. Позднее были произведены еще расстрелы, и Антонов-Овсенко дал следующие общие цифры: «В одном «Арсенале» петлюровцами расстреляно до 300 человек, а всего перебито свыше 1500 человек»³⁴. Эти данные дополняют воспоминания С. Мищенко: «На Софиевской площади часть рабочих была отрезана отрядом Петлюры, вышед-

---

²⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 91. Л. 28.

³⁰ Бош Е. Год Борьбы, Борьба на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. С. 136.

³¹ Обожда В. А. Константин Мехоношин: судьба и время. С. 108.

³² Антонов-Овсенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 1. М., 1924. С. 149.

³³ Мищенко С. Январское восстание в Киеве // Летопись революции. Харьков. 1924. №3 (8). С. 37.

³⁴ Антонов-Овсенко В. А. Записки о Гражданской войне. С. 152.

шим им в тыл, от здания Городской Думы по Михайловской улице. Почти все они, в количестве около 100–150 человек, были захвачены и расстреляны»³⁵. Позднее, согласно этому же автору, будет расстреляно еще 500 человек³⁶.

Характерно, что Антонов-Овсеенко разделяет две цифры — расстрелянных и погибших в боях (последних, естественно, больше). Возможно, объединение этих цифр и стало основой для цифры в 1 800 человек. В любом случае жертвами именно расстрелов стали в эти дни не менее 300 человек, а скорее 500–700, в большинстве своем рабочих-арсенальцев.

Ответная реакция Муравьева, как минимум, не уступала предшествующей практике массовых расстрелов в Киеве. Следует сразу отметить личный вклад Муравьева в эту репрессивную практику, который не только инициировал эти расстрелы и поощрял их проведение, но и лично участвовал в их проведении. Упомянутый ранее в тексте Гельфанд, которого освободили из тюрьмы (ему помог в этом некий Моисеев), вспоминал про эти дни: «Оказывается он (Моисеев. — И. Р.) был начальником политотдела армии Муравьева, я сажусь с ним в автомобиль. Он мне шепчет на ухо относительно Муравьева: «мы проедемся по Киеву и ты увидишь, что он тут делает». Проехали по нескольким улицам. Картина, действительно, была кошмарная. Груды трупов. Он наводил террор. Мы сразу почувствовали, что имеем дело с провокатором»³⁷. Далее, в ответ на просьбу слушавших его выступление, Гельфанд уточнил про январские события в Киеве: «О настроении в Киеве. Восстание рабочих продолжалось долго. Все были на стороне советской власти, иначе взять Киев Муравьеву почти без боя не удалось бы. Рабочие, особенно железнодорожники, были на стороне Муравьева. Киев находился под уличным боем 10 дней. При таком положении выхода Муравьева, ездил на автомобиле и расстреливал встречных, — была особенно гнусной. В этом и был ужас. Фактически город был взят рабочими, и, несмотря на это, Муравьев наводил террор на жителей. На улицах валялись горы трупов. Убивали без разбора. Были случаи убийства рабочих. Вот в чем было преступление, провокаторское дело Муравьева»³⁸.

³⁵ Мищенко С. Январское восстание в Киеве // Летопись революции. Харьков. 1924. №3 (8). С. 38.

³⁶ Там же. С. 39.

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5–1. Д. 2049. Л. 12–13.

³⁸ Там же. Л. 17.

Характерно упоминание муравьевских расстрелов Н. Е. Какурина, который позднее указывал: «По свидетельству Какурина, «приход армии Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение»³⁹.

Численность расстрелянных в эти «муравьевские дни» в Киеве может быть определена только оценочно. После захвата Киева по приказу М. А. Муравьева в городе расстреляно в течение трех дней, как минимум, более тысячи человек, а по возможно завышенным сведениям С. П. Мельгунова, до двух тысяч⁴⁰. Первая цифра представляется более реальной именно в плане расстрелов, вторая, в плане общих показателей погибших (в ходе обороны и расстрелянных уже после занятия города). Есть указания и на более высокие цифры массовых расстрелов в эти дни: от 2 до 3 тыс. человек. В частности, это указывается в монографии А. С. Пученкова, где им же без комментария указывается и на письмо от 28 августа 1924 г. А. И. Эрдмана (Бирзе) Ф. Э. Дзержинскому в котором «муравьевские» жертвы в Киеве и Одессе уже «оцениваются» в 10 тыс. человек⁴¹. Однако, на наш взгляд, эти цифры являются субъективным преувеличением действительно имевшихся массовых расправ в городе. Особенно это относится к агенту белого подполья А. И. Эрдману.

Массовый характер расправ признавался местными большевиками. Как и роль в этом Муравьева, действия которого осуждались. В этом отношении важны указания Е. Б. Бош: «12 февраля вечером состоялось заседание Исполнительного Комитета Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов под председательством Андрея Иванова. С приветствием от ЦИК и Народного Секретариата киевскому пролетариату и докладом о положении на Украине и работе Советского правительства выступила Е. Бош, народный

---

³⁹ Ганин А. В. Украинский период биографии полковника Н. Е. Какурина // Жизнь, полная смысла. Профессор В. И. Голдин: историк, политолог, науковед, международник, путешественник: К 70-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Ивановича Голдина: сб. / Сост. М. А. Марченков. Архангельск, 2021. С. 64.

⁴⁰ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 46.

⁴¹ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. С. 17.

секретарь по внутренним делам Украины⁴². Доклад никаких возмущений не вызвал, но члены Исполкома, информируя о положении в городе, требовали скорейшего вывода войск, находящихся под командованием Муравьева, из города и принятия экстренных мер со стороны Нар. Секрет, к скорейшему продвижению продовольственных грузов и урегулированию вопроса о дензнаках. Требуя вывода войск Муравьева, товарищи с возмущением говорили об арестах и расстрелах, производившихся штабом Муравьева, и сообщали, что действия штаба вызвали громадное недовольство населения, а на заседании Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов — 28 января — была принята единогласно резолюция, предложенная фракцией большевиком, следующего содержания: ... Совет выражает решительное осуждение непрекращающимся самосудам над пленным врагом, которые пятнают славную победу пролетариата. Киевский Совет Раб. и Солд. Депутатов вменяет в обязанность Исполнительному Комитету и военно-революционному Комитету Припятть самые решительные меры для прекращения самосудов и требует, чтобы все без исключения арестованные представлялись на суд Революционного Трибунала. Опозорившие себя убийством безоружных должны быть исключены из рядов социалистической армии и преданы революционному суду. Но унижайте себя подражанием гнусности низвергнутой контр-революции. Довольно насилий! Да здравствует справедливый суд. организованного пролетариата! Киевский С. Р. и С. Д. объявляет, что на территории его власти смертная казнь отменяется. После вынесенной (Советом резолюции Муравьев издал приказ по армии, в котором заявил: «Категорически запрещаю самочинные обыски, а тем более самосуды» и указал, что «право обысков и арестов принадлежит только Военно-революционному комитету, в лице гражданского комиссара тов. Чудновского» ... Но, несмотря на этот приказ, самочинные обыски и аресты продолжают и проводятся не кем другим, как ближайшим помощником Муравьева — командующим 2-й армией Ремнёвым»⁴³.

---

⁴² На указанный пост Е. Бош была выбрана в Харькове 17 декабря 1917 г.: *Морозова О. М. Женская жестокость времен гражданской войны в свете мифов и документов // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922 : Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб., 2020. С. 537.*

⁴³ *Бош Е. Год Борьбы, Борьба на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. С. 140.*

Следует отметить, что если для Муравьева была характерна импульсивность действий, то у А. И. Ремнёва возможно уже были проблемы с психическим здоровьем⁴⁴.

Она же указывала, что многие из арестованных красноармейцами и позднее оказавшихся в Лукьяновской тюрьме (которая ранее служила одним из мест для заключенных большевиков) лица вскоре, учитывая особенности этого практически неконтролируемого советским режимом заведения, оказывались на свободе⁴⁵.

Очевидно, что контроль за Муравьевым из Петрограда был относительным. Его победные телефонограммы многое списывали. Сам Муравьев считал, что взятие Киева начало гораздо большего и позднее начнется продвижение его войск уже в Европу. Характерно в этом отношении воспоминание С. С. Пестковского, замнаркома Наркомнаца в этот период. В 1930 г. он вспоминал: «Помню я один такой мой разговор по телефону с Муравьевым, когда он наступал на Киев. Муравьев был очень рад, что ему прислали новое подкрепление из петроградских красногвардейцев, и свою закончил благодарностью следующим восклицанием: дайте мне еще десять тысяч таких людей и я на пасху буду в Берлине!»⁴⁶.

Позднее, уже в апреле 1918 г., в Москве проходят два процесса, связанные в том числе с самочинными красными расстрелами начала 1918 г.: дело П. Е. Дыбенко и дело М. А. Муравьева. Оба процесса, особенно Муравьевский, выявили многочисленные случаи злоупотребления высшей мерой наказания в период, когда она официально была отменена. Частично это объяснялось политическими взглядами конкретных деятелей советской власти, частично ужесточением форм гражданской войны.

Как показало следствие, «муравьевские расстрелы» начались уже на подходе к городу. Максимум же киевских расстрелов пришелся на первые дни после занятия войсками под его командованием Киева.

М. А. Муравьев использовал и в дальнейшем расстрел, в том числе как метод наказания в борьбе с грабежами в своей армии. В конце января 1918 г. по сообщению газеты «Известия ВЦИК»⁴⁷

⁴⁴ Афанасий Иосифович Ремнёв (1889–1919). В 1917 г. — прапорщик. Один из активных участников июльского выступления 1917 г. в Петрограде.

⁴⁵ Бош Е. Год Борьбы. С. 143–144.

⁴⁶ Пестковский С. Воспоминания о работе в Наркомнаце // Пролетарская революция. 1930. №6. С. 121.

⁴⁷ Речь идет о старом стиле, а так это уже было в февральские дни.

на Румынском фронте по его приказу за грабежи было расстреляно 30 анархистов из 150 членов анархистского отряда, входившего в его части⁴⁸.

Такие факты самосудных расстрелов, выявленные в ходе следствия над Муравьевым, были осуждены целым рядом свидетелей. Ф. Э. Дзержинский на апрельском следствии утверждал: «... худший враг наш не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, самодурством, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он проделывал от имени советской власти, восстанавливая против нас население ...»⁴⁹. Несмотря на многочисленные свидетельства, следственная комиссия не подтвердила предъявленное обвинение, и 9 июня 1918 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Был арестован ВЧК в апреле 1918 г. и другой организатор киевских январских расстрелов А. И. Ремнев. Он находился в Бутырской тюрьме, а потом был положен в психиатрическую лечебницу, из которой впоследствии сбежал. В дальнейшем бандитствовал, был арестован ЧК и расстрелян 3 августа 1919 г. Был реабилитирован, как жертва политических репрессий, 6 декабря 1993 г.⁵⁰

Так же закончился суд над П. Е. Дыбенко, которого в том числе, помимо самостоятельного оставления фронта, обвиняли в самочинных расстрелах под Нарвой, правда, в гораздо меньших масштабах⁵¹. Оба закончившихся процесса (Дыбенко и Муравьева) выявили изменение оценок в подходе к вопросу о применении смертной казни прошедшее за три месяца. То, что ранее в январе–феврале 1918 г. представлялось преступным нарушением распоряжений советской власти, в апреле этого же года казалось уже лишь служебным упущением и злоупотреблением в чрезвычайных обстоятельствах гражданской войны.

---

⁴⁸ Известия ВЦИК. 1918. 26 марта.

⁴⁹ Обожда В. А. Константин Мехоношин: судьба и время. С. 108.

⁵⁰ Соловьев Ю. П. Большевик Афанасий Ремнёв и его вооруженная группировка в октябре 1917 — апреле 1919 года // История. Общество. Политика. 2020. №3 (15). С. 51–109.

⁵¹ Известия ВЦИК. 1918. 3 мая.

СОЗДАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВАМ ИНТЕРВЕНЦИИ

Для правительства СССР было очевидным, что вопрос царских долгов и других финансовых претензий к России будет одним из камней преткновения в отношениях с Западными державами, в том числе в вопросе дипломатического признания. Материальные претензии исчислялись многомиллиардными цифрами, при этом данные показатели имели тенденцию к увеличению за счет растущих процентов. По французским исчислениям, приведенным в английском печатном издании «Экономист» (выпуск от 27 декабря 1924 г.) русский довоенный долг только Франции состоял из государственного долга в 7 427 684 67 зол. франков, а также гарантированных государством железнодорожных долгов 2 009 706 592 зол. франков. В частных и муниципальных предприятиях французский капитал участвовал значительной цифрой около 2 млрд французских франков. Во время Первой мировой войны Франция дала кредиты России на общую сумму 3 450 000 000 зол. франков. Тем самым, всего в Россию было вложено французских капиталов на общую сумму 14 712 998 649 зол. франков¹. И это были только французские претензии, а были еще и другие страны Европы, у которых были также большие финансовые требования, на-

---

¹ Черная книга: Сборник статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1919 гг. Екатеринослав, 1925. С. 18–19.

пример Великобритании, Бельгия и ряд других стран². Например английские претензии следующим образом характеризовались в советских источниках: «Довоенные займы определяются официальными ведомствами в 39 млн ф. ст., а в других источниках имеются большие суммы; мелкие претензии составляют 23 млн ф. ст. Военные займы, по английским подсчетам, составляют 5 373 млн зол. руб. Что касается национализированной собственности, наши цифры и цифры американского департамента торговли дают только сумму акционерного и облигационного капитала, а именно — по некоторым данным 507 млн зол. руб., а по другим данным даже меньше 500 млн. Англичане дают общую сумму всех английских претензий по национализации собственности, а именно, 1703 млн зол. руб., причем эта цифра крайне дутая. Проценты за шесть лет по 6% составят 2 816 млн зол. руб. В общем можно насчитать 10 639 млн зол. руб. по английским требованиям»³.

Еще в 1920 г. в Советской России и других советских республиках началась определенная работа по решению этой проблемы. Выход виделся в выдвижении экономических контр-претензий, которые должны были превышать финансовую задолженность. Сумма контрпретензий должна была быть определена на основе данных организованной ещё 24 марта 1920 г. специальной «Комиссии по исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой» под председательством В. Г. Громана. Впоследствии его на этом посту сменил А. Г. Гойхбарг, а ещё позднее С. С. Пилявский⁴.

² Кто должник? : сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции / [А. Зайончковский, С. Лукирский, В. Новицкий и др.]; под общей редакцией А. Г. Шляпникова, Р. А. Мукалевича и проф. Б. И. Доливо-Добровольского. М., 1926. 587 с.

³ Доклад Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Г. В. Чичерина на II сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР 2-го созыва 18 октября 1924 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 7. 1 января — 31 декабря 1924 г. М., 1963. С. 500.

⁴ Владимир Густавович Громан (1874–1940), член РСДРП с 1898 г., экономист. В 1919–1920 гг. работал в структурах ВСНХ, руководил рядом статистических исследованиями этого периода.

⁵ Александр Григорьевич Гойхбарг (1883–1962), советский государственный деятель, член РСДРП с 1904 г. В 1919–1920 гг. был членом Сибревкома, заведующим юридическим отделом Сибревкома. В 1921 г. по предложению В. И. Ленина был назначен председателем Малого Совнаркома. Юрист, проф. Московского университета, главный создатель Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Член РСДРП с 1904 г.

Комиссия, несмотря на частую смену руководства, пускай и с перерывами, работала в течение двух лет. Ставка советского руководства делалась на контрпретензии к Западным странам за ущерб, нанесенный ими в ходе военной интервенции в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Этой комиссией была проведена большая работа по выявлению экономического ущерба РСФСР от мировой войны и интервенции. Были проделаны многочисленные ведомственные статистические исследования, прежде всего ВСНХ, что и определяло назначение на пост главы комиссии В. Г. Громана, ответственного сотрудника указанного ведомства. Также к работе комиссии были привлечены ряд наркоматов: Наркомат Путей сообщения, Наркомат Военных и Морских дел, Наркомат Финансов, Наркомат Продовольствия, Наркомат Социального обеспечения и другие ведомства. Были направлены специальные уполномоченные для оценки и учета ущерба Сибири, Кавказа, Туркестана, Дальнего Востока, Северных губерний России. Затем к этой работе был привлечен Институт экономических исследований Финансово-Экономического бюро при Наркомате финансов РСФСР, который имел ряд филиалов в регионах⁵.

Особенно ускорила ее работа в преддверии Генуэзской конференции 1922 г. Это было не случайно. Данная конференция должна была стать отправной точкой для политического и экономического признания советских республик. Восстановление экономики после гражданской войны представлялось очень проблематичным без привлечения внешних кредитов. Имели место и другие обстоятельства. На Брюссельской конференции в (6–8 октября 1921 г.), созванной для обсуждения вопроса о помощи Советской России в связи с голодом, также было выдвинуто в качестве обязательного условия предоставления кредитов признание советским правительством всех государственных долгов России и возвращение национализированной собственности иностранным подданным⁶. Таким об-

---

Станислав Станиславович Пилявский (1882–1927), член РСДРП (б) с 1909 г., начальник тыла 1-й Конной армии (1920). Уполномоченный по делам военнопленных, начальник управления по эвакуации населения, член комиссии НКВД РСФСР (1920–1922); ст. секретарь делегации СССР на Генуэзской мирной конференции. В дальнейшем на судебной работе. Репрессирован.

⁵ Создан в 1919 г.: ЦГА СПб. Ф. Р-4237.

⁶ Хормач И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля — 19 мая 1922 г. // Новая и Новейшая история. 2020. Т. 64. №3. С. 82.

разом и организация эффективной борьбы с голодом и восстановление послевоенной советской экономики оказались связаны с проблемой признания и выплат прежних кредитов.

Поэтому 28 октября правительство РСФСР направило Великобританию, Франции, Италии, Японии и США ноту, в которой заявило о готовности признать обязательства по довоенным государственным займам в случае предоставления условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств, признания правительства республики де-юре, а также предлагалось созвать мирную конференцию и рассмотреть взаимные претензии⁷. После обсуждения между правительствами Великобритании и Франции, 7 января советское правительство получило официальное приглашение на Генуэзскую конференцию.

На заключительном этапе работы комиссии, уже под руководством Гойхбарга, к работе по оценкам ущерба был подключен Институт экономических исследований при Наркомате финансов РСФСР. Наибольший вклад в обработку материалов комиссии Громана-Гойхбарга внес заместитель директора Института экономических исследований при народном комиссариате финансов РСФСР проф. Н. Н. Любимов. Именно им был подготовлен окончательный вариант документа «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду». Позднее он вспоминал: «Никогда не забуду, как в течение трех месяцев почти ежедневно возле моего дома раздавался звук автомобильного рожка: во дворе, в выдавшем виды «Кадиллаке» меня ожидал С. С. Пилявский, помощник заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова. Пилявский весьма педантично относился к своим обязанностям и, доставая меня в НКИД (уже после переезда из «Метрополя» на Кузнецкий мост), передавал ключ от сейфа, где я находил материалы, прибывавшие со всех концов страны, об ущербе, причиненном народному хозяйству иностранной интервенцией и блокадой. Эти материалы необходимо было ежедневно (точнее еженочно) систематизировать и обрабатывать. Поступавшие из ведомств или с «окраин» новые данные требовали постоянного пересматривать все расчеты. Ходом работы не раз устно и письменно интересовался Г. В. Чичерин. О. Ю. Шмидт⁸,

⁷ Там же. С. 82–83.

⁸ Отто Юльевич Шмидт (1891–1956), выдающийся советский географ, математик, астроном. Академик АН СССР с 1935 г. В рассматриваемый период в 1921–1924 гг. был заведующим Госиздата.

бывший в то время начальником Главпрофобра и одновременно членом коллегии НКФина, ведал Институтом экономических исследований. В этом институте мне было поручено руководство и координация всех подготовительных работ к Генуе, проводившихся в Москве (и в широком плане также в Петрограде). Когда я закончил всю работу по составлению «Контрпретензий России к державам, ответственным за интервенцию и блокаду», а также подведению баланса взаимных требований и долгов, О. Ю. Шмидт доставил меня в Кремль — на заседание Малого Совнаркома. Для доклада мне было предоставлено пять минут (председательствовал недавно скончавшийся юрист А. Г. Гойхбарг). Позднее О. Ю. Шмидт рассказывал нам, что В. И. Ленин, которому Шмидт показал составленные мною таблицы подсчетов, одобрил. Таким образом, «Баланс взаимных требований...» был включен в состав важнейших материалов, комплектовавшихся для Генуи С. С. Пилявским и Б. Е. Штейном⁹. В Генуе он был активно использован и в особенности пригодился на совещаниях 14 и 15 апреля 1922 года на вилле «Альбертис», где была частная резиденция главы британской делегации премьера Ллойд-Джорджа. Наконец, подготовительная работа закончена. Документы упакованы. Чемоданы наполнены. Пора в Геную»¹⁰.

Данный документ «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду» был представлен советской стороной всем участникам Генуэзской конференции. Как указывалось, 15 апреля советская сумма контрпретензий 39 млрд. золотых рублей была оглашена Красиным и Литвиновым на Генуэзской конференции. Однако это не имело последствий. Страны Запада лишь согласились на возможное уменьшение военного долга и на обсуждение вопросов связанные с процентами. Вопрос с кредитами завис. Ночью 15 апреля, руководство советской делегации решило послать в Москву запрос относительно предложений западных держав, а также немедленно издать книгу о советских контрпретензиях, сообщив

---

⁹ На заседании Политбюро 26 января 1922 г. Комиссия по определению убытков, причиненных войной и блокадой была уже обозначена как «комиссия Пилявского»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 257. Л. 2.

¹⁰ Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963. С. 21–22.

прессе, что по данным вопросам ведутся неофициальные переговоры¹¹.

Оставались не урегулированными многие вопросы. Например, возможность советской стороны уплатить довоенные долги в урезанном виде в связи с уменьшением территории России. Опять-таки возможность уплаты долгов частями: сначала долги государствам, а затем частным лицам. Определенные компромиссы в отношении государственных долгов и организации их выплат могли иметь место, но они представлялись сложно достижимыми. Таким образом, ситуация с долгами осталась неурегулированной. Признание советских республик по-прежнему связывалось с долговыми обязательствами России досоветского периода. Вопрос явно затягивался.

В ответ на это советское руководство решило представить странам-кредиторам уточненный счет за причиненный жителям СССР ущерб в годы Гражданской войны от действий войск интервенции и Белой армии (которая, по мнению большевиков, получала поддержку от стран, участвовавших в интервенции). Выставление подобной претензии и счета требовалось подкрепить задокументированными *индивидуальными претензиями* от пострадавших советских граждан. Эти свидетельства должны были выполнять роль «живых документов кровавых дел» и стать дополнительным, «убедительным для интервентов», аргументом на переговорах¹². При этом отмечалось, что гражданам не следует рассчитывать на безусловную материальную компенсацию потерь¹³.

По мнению руководства Советского государства, население страны горячо поддерживало идею предъявления контрпретензий западным странам на Генуэзской конференции 1922 г. за ущерб, причиненный интервенцией в 1918–1922 гг., и в общественном мнении преобладало возмущение требованиями оплаты царских

---

¹¹ Хормач И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля — 19 мая 1922 г. // Новая и Новейшая история. 2020. Т. 64. №3. С. 95.

¹² Олаканская Р. В. Деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции (1924–1927) // Материалы международной научной конференции. Гражданский мир — Гражданская война: осмысление и прогнозы. СПб., 2018. С. 174.

¹³ Разъяснение о порядке установления потерь от иностранной интервенции, понесенных гражданами СССР // Российская национальная библиотека: <https://primo.nlr.ru>.

долгов¹⁴. Именно глубокое общественное негодование затягивания вопроса с долгами странам-интервентам, по официальной версии, стало поводом для создания Общества содействия жертвам интервенции, учреждение которого инициировалось снизу. Это имело место, но все же инициатива исходило от советских верхов.

В официальных органах советской власти идея о необходимости предъявления контрпретензий за английскую интервенцию в ответ на представленный английской стороной счет обсуждалась еще за несколько месяцев до начала работы по учреждению ОСЖИ. Тем самым, процесс создания ОСЖИ был все же инициирован сверху. В частности, в протоколе заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 2 августа 1923 г. сообщалось об утверждении состава комиссии «по выяснению убытков, причиненных английской интервенцией», решение о создании которой рассматривалось еще 27 июля 1923 г. В утвержденный состав комиссии вошли В. А. Аванесов (ЦИК СССР), А. Г. Гойхбарг (НКЮ), Поляков (НКВД). Созыв комиссии был поручен Аванесову¹⁵.

Отметим утверждение в состав указанной комиссии Гойхбарга, который ранее был привлечен к процессу над колчаковскими министрами 1920 г. и уже занимался сбором и подсчетами жертв белого террора в Сибири. Позднее, напомним, он возглавлял «Комиссии по исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой». Тем самым наблюдалась определенная преемственность этих комиссий не только по их целям, но по составу.

1 ноября 1923 г. данная комиссия поручила заместителю наркома Рабоче-крестьянской инспекции В. А. Аванесову и наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину найти людей, которые смогли бы взять на себя организацию общества лиц, пострадавших от английской интервенции. Помимо этого, комиссия указывала на «несвоевременность» ведения от имени советского правительства работы по собиранию и выяснению претензий граждан по убыткам, причиненным английской интервенцией¹⁶. Предполагалось представить этот процесс инициативой снизу. Определён-

---

¹⁴ К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М.; Л., 1929. С. 234.

¹⁵ Документ 5. п. 5: О составе комиссии по выяснению убытков от английской интервенции: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 369. Л. 2.

¹⁶ Документ 1К. п. 1к: Об убытках, причиненных английской интервенцией: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 389. Л. 2.

ная работа в этом направлении была сделана в самые кратчайшие сроки.

Уже спустя три недели, 23 ноября на Первом Всесоюзном съезде научных работников¹⁷ была сформирована инициативная общественная группа, в которую, входили такие известные научные и общественные деятели как Г. Д. Красинский¹⁸, профессор В. П. Волгин¹⁹, профессор Н. С. Державин²⁰, в будущем академики В. Н. Ипатьев²¹, Н. Я. Марр²², а так же ряд других известных деятелей науки.

Ими было выдвинуто предложение о создании Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции. Основные идеи инициативной общественной группы были высказаны в официальном заявлении к СНК СССР. В нем подчеркивалась необходимость подсчитать убытки советских граждан в противовес предъявленным требованиям стран Антанты: «Предлагая правительству СССР свои услуги в деле выяснения общих последствий иностранной интервенции в России, мы считаем своим гражданским долгом выдвинуть ныне же вопрос о планомерном выяснении потерь, причиненных интервенцией гражданам СССР. Нужно и нам подвести свой итог. Нужно и нам, в противовес предъявляемым нашей стране требованиям ущемленных кошельков, выдвинуть и наш счет — счет осиротевших, изувеченных и разоренных»²³.

---

¹⁷ Проходил с 23 по 27 ноября 1923 г. в Москве, Участвовали 128 представителей вузов и научных учреждений.

¹⁸ Георгий Давидович Красинский (1890–1955), участник революционного движения в России. С 1921 г. работал в Наркомате Рабоче-Крестьянской инспекции. Известный полярный исследователь. Летом 1922 г. участвовал в первом морском походе Северным морским путем из Петрограда в устье Енисея. В 1923 г. провел первый дальний морской рейс из Петрограда во Владивосток.

¹⁹ Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962). Член РСДРП с 1901 г. Доктор исторических наук, общественный деятель. В 1921–1925 гг. — ректор МГУ.

²⁰ Николай Севастьянович Державин (1877–1953), советский историк, филолог. С 1931 г. академик. В рассматриваемый период ректор Ленинградского университета.

²¹ Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952), химик, военный инженер. Генерал-лейтенант Русской императорской армии. Член Президиума ВСНХ в 1921–1927 гг. В 1930 г. стал невозвращенцем в США.

²² Николай Яковлевич Марр (1864–1934), известный ученый-востоковед. Основатель Яфетического института, в 1926–1930 гг. директор Ленинградской публичной библиотеки.

²³ К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М. ; А., 1929. С. 232.

Такое «предложение», поступившее в период сложных переговоров по заключению мирных договоров со странами Запада, сразу же получило поддержку в советском руководстве.

На заседании Политбюро ЦК 4 февраля 1924 г. было принято решение об учреждении на территории СССР Общества содействия жертвам интервенции, об оказании ему необходимой помощи и содействия, а также об ассигновании средств на организацию его деятельности²⁴. На следующий день, 5 февраля 1924 г. на основе решения Политбюро вышло постановление СНК о создании Общества содействия жертвам интервенции и организации его Временного правления в составе председателя Г. Д. Красинского и двух его членов: В. П. Волгина и В. Н. Ипатьева. Данный состав объединял неординарных личностей: полярика-исследователя Красинского, ректора МГУ Волгина и известного ученого химика генерал-лейтенанта Ипатьева, брата екатеринбургского Ипатьева, владельца известного дома, в котором в июле 1918 г. были расстреляна царская семья²⁵. В 1924 г. Красинский по решению Политбюро от 8 мая на посту председателя был заменен К. У. Шварцем-Ордынским²⁶. В дальнейшем Шварц-Ордынский²⁷ возглавлял ОСЖИ вплоть до его закрытия в 1927 г. и представлял Общество на заседаниях Политбюро²⁸. 6 февраля 1924 г. Чичерин указывал на длительный путь по принятию этого решения (начиная с Генуэзской конференции): «С тех пор прошло почти два года, и в течение этого времени переговоры на тему об условиях признания, официальные и частные, не прекращались. На все предложения, проекты, планы и т. д. Советское правительство и его дипломатия неизменно отвечали, что признания мы не покупаем и платить за него непосильными тяготами Советских республик мы не намерены. Пришлось употребить много усилий для того, чтобы заставить иностранных дипломатов поверить, что это наше решение сделано всерьез и что оно непоколебимо»²⁹.

²⁴ Об убытках, причиненных английской интервенцией // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 414. Л. 9, 12.

²⁵ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Т. 2. 1917–1930. Нью-Йорк, 1945. С. 38–39.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 436. Л. 3.

²⁷ Константин Устинович Шварц-Ордынский (1888–?) Сотрудник Наркомата внешней торговли РСФСР/СССР, с 1924 г. председатель ОСЖИ. РСФСР/СССР.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 495. Л. 1.

²⁹ Интервью Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова корреспонденту газеты «Известия» // Известия. 1924. 6 февраля.

В Постановлении СНК особо отмечалось, что цель ОСЖИ: «оградить советский народ от последствий, которые повлекло бы удовлетворение требований иностранных капиталистов возместить ущерб, понесенные ими в результате свершения социалистической революции в России»³⁰. Исходя из данного постановления главной целью общества с правительственной точки зрения должно было выявление потерь, которые были понесены советскими гражданами от интервенции, и противопоставление этих данных предъявленным странами Антанты счетам.

Согласно изданию ОСЖИ «На пути к достижению основной цели Общества перед ним стояли три основных задачи:

первая — выявление понесенных гражданами СССР потерь от интервенции;

вторая — рассмотрение заявляемых претензий, их юридическое оформление и подсчет

третья — предъявление и защита счета граждан Союза за причиненный им интервенцией ущерб»³¹.

В связи с намеченными целями в конце февраля Общество начало свою деятельность, вскоре охватившую всю территорию Советского Союза. Вся работа по сбору претензий осуществлялась правлением Общества через 162 республиканских, краевых, губернских и окружных комитета, имевших в свою очередь отделы и ячейки во всех уездах, районах, волостях и т. д. Одним из первых начало работать подразделение Общества на Украине. В этом отношении можно указать на интервью Председателя Совета Народных Комиссаров УССР В. Я. Чубаря представителям советской печати об англо-советских переговорах 11 апреля 1924 г. В нём он заявил: «Советская делегация при переговорах с английским правительством станет перед фактом предъявления нам претензий об уплате царских долгов в компенсацию за потери, понесенные английскими гражданами от русской революции. Нашей делегацией будут в свою очередь предъявлены контрпретензии, в числе которых особое значение приобретают претензии отдельных граждан СССР, пострадавших в период интервенции. Граждане Украины особенно пострадали от интервенции. При-

---

³⁰ Чистиков А. Н. Документальные источники по истории деятельности Общества содействия жертвам интервенции на Северо-Западе // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. А., 1990. С. 41.

³¹ К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М. ; А., 1929. С. 235.

ступая к работе, «Всеукраинское общество помощи жертвам интервенции» займется выяснением этих потерь, поскольку Украина во время гражданской войны пострадала значительно больше других частей Союза Республик. Английскому правительству будет также предъявлен счет по возмещению крестьянству потерь в живом и мертвом инвентаре, разрушенных жилищ и т. д. Кроме материальных заявок отдельных граждан, широкие массы Украины должны предъявить свои требования к английскому правительству об аннулировании военных долгов, которые царское правительство делало в угоду империалистическим интересам Антанты и которые не послужили для улучшения нашего хозяйства, а, наоборот, разрушили его. Действительно, дружеским актом со стороны английского народа было бы аннулирование этих долгов, что создало бы твердую базу для урегулирования всех остальных вопросов в интересах как английского народа, так и трудящихся масс СССР, наша делегация выдвинет вопрос об оказании нам финансовой поддержки в целях более быстрого восстановления нашей промышленности и сельского хозяйства. Украина, охватывающая значительную часть нашей тяжелой индустрии и обладающая наиболее развитым сельским хозяйством, также заинтересована в притоке средств»³².

Общественная инициатива по созданию организации всячески приветствовалась со стороны официальных правительственных органов, а ее важность особенно подчеркивалась членами самого Общества. На одном из совещаний инициативной группы по созданию ОСЖИ говорилось о значимости общественной инициативы не только потому, что она противопоставлялась западной, а «главным образом потому, что мы наряду с материальным ущербом приглашаем общественное внимание вынести соответствующую моральную оценку проступкам представителя английского офицерства и остальных буржуазных армий, которые производили различные насилия»³³.

Согласно постановлению СНК о создании ОСЖИ ему предоставлялось право вести легальную деятельность еще до утверждения Устава³⁴. Уже весной 1924 г. Всесоюзное правление Общества

---

³² Известия. 1924. 13 апреля.

³³ Стенограмма совещания инициативной группы по созданию О-ва от 30.11.1924 // ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

³⁴ Чистиков А. Н. Документальные источники ... С. 41.

развернуло активную работу по организации своих региональных отделений на территории всего СССР.

Параллельно с этим процессом при Наркомате иностранных дел была образована комиссия по рассмотрению претензий советских граждан³⁵. И столь быстрое учреждение общества, и его активно развернувшаяся всесоюзная деятельность, и связь с Наркоматом иностранных дел позволяют сделать вывод о том, что первоначально работа ОСЖИ представляла собой политический проект государства³⁶. Фактически кураторство над ОСЖИ наркомата иностранных дел СССР было не случайно, учитывая цели организации ОСЖИ. 2 мая 1924 г. Чичерин, объясняя Г. Д. Красинскому позицию советского руководства и НКИД, указывал: «Теперь уже настал момент, когда нужно предъявлять англичанам претензии... Англичане весьма склонны оспаривать выдвигаемые нами в общей форме требования компенсации за убытки по гражданской войне, причем англичане аргументируют это так, что Англия не побежденная страна. Совсем другое получается тогда, когда предъявляются конкретные претензии Ивана, Петра и т. д. за уведённую корову, сожженный дом и проч. Громадному количеству английских индивидуальных претензий мы можем противопоставить только эти самые индивидуальные претензии пострадавших Иванов и Петров. Надо сейчас же начинать, настал момент»³⁷.

Продолжали курировать в дальнейшем деятельность ОСЖИ и высшие партийные органы. Так, на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 5 апреля 1924 г. обсуждалась директива парторганам по выяснению убытков от интервенции, которую должен был утвердить и подписать Секретарь ЦК³⁸. Вопросы о направлении деятельности ОСЖИ продолжали обсуждаться и на последующих заседаниях Политбюро ЦК. В частности, на заседании 8 мая 1924 г. партийному куратору ОСЖИ В. А. Аванесову совместно с НКИД было поручено за неделю сделать общий подсчет поступивших претензий и протелеграфировать Лондонской делегации

---

³⁵ Постановление СНК СССР от 10 июля 1924 г. «Об учреждении при Народном комиссариате иностранных дел особой комиссии по рассмотрению претензий граждан Союза ССР, пострадавших от иностранной интервенции» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: http://www.libusrr.ru/doc_ussr/ussr_2083.htm.

³⁶ *Опаканская Р. В.* Деятельность Всесоюзного общества... С. 124.

³⁷ Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.). СПб., 1995. С. 391.

³⁸ Документ I. п.1: Вопросы НКИД // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 431. Л. 2.

полученную при подсчете цифру, частично подтвердив ее пере-сылкой документов³⁹.

В качестве еще одного факта этого же периода, подтверждающего непосредственное участие партийных и государственных органов в организации и работе ОСЖИ, можно привести письмо РКП (б) за подписью секретаря РКП (Б) В. М. Молотова. Оно было получено Северо-Западным отделом комитетом ОСЖИ 24 апреля 1924 г. и, предположительно, было написано незадолго до этого⁴⁰. Письмо было адресовано местным партийным органам. В нем извещалось об образовании Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции и выдвигалась задача «оказывать самое активное содействие этому Обществу при осуществлении поставленных им задач»⁴¹. В письме конкретизировались эти задачи. Один из пунктов предусматривал образование инициативных групп в процессе создания обществ на местах, которые должны были на массовых собраниях избирать местные комитеты ОСЖИ. Определялся их численный состав: 15 человек для краевых комитетов и 10 человек для губернских. Для работы в этих комитетах рекомендовалось привлекать представителей интеллигенции, особенно в низовые структуры общества. Грамотные и образованные люди были необходимы при сборе претензий, ведь большинству людей нужна была помощь при составлении необходимых документов. Еще один пункт письма РКП (б) рекомендовал выделять во всех органах «энергичного и пользующегося влиянием в местных кругах работника, который возможно полнее использовался бы на проведение кампании»⁴². В целом, данное письмо показывает, что создание и деятельность местных Обществ была регламентирована не только центральным правлением, но и партийными органами, что демонстрирует активное участие властных структур в работе ОСЖИ.

Дополнительным подтверждением этого факта могут стать указания со стороны самих членов ОСЖИ. В одном из писем секретаря Северо-Западного комитета ОСЖИ А. И. Прозоровой организатору коллектива коммунистов Хмеро-Посолодинской волости Лужского уезда с просьбой предоставить надежных людей для

³⁹ Документ ИК. п. 1к: О работе Общества содействия жертвам интервенции // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 436. Л. 3.

⁴⁰ Чистиков А. Н. Документальные источники... С. 41.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

проведения компании по сбору претензий сообщалось, что работа Общества с «формальной стороны ведется сообществом ученых, но фактически проводится партией»⁴³. В связи с этим секретарь указывала, что при привлечении надежных лиц и партийцев с внешней стороны необходимо «поставить дело так, что как будто данная задача исходит не от партии, а от научного общества». Цель научного сообщества объяснялась сбором статистических данных для выявления степени личных потерь граждан СССР, которые только в случае необходимости могут быть предоставлены правительству для использования в качестве контрпретензий «в целях уменьшения налога на население страны»⁴⁴.

Несмотря на заинтересованность и активное содействие в создании ОСЖИ, советское государство не собиралось полностью брать на себя финансовые обременения, связанные организацией масштабной работой Общества. Денежные средства выделялись только на содержание Правления в Москве (которое по Уставу общества должно было состоять из 15–20 чел.) и штата по обработке материалов. Проблемы финансирования территориальных отделений в регионах должны были решаться местными органами советской власти. Дополнительным источником финансирования должны были стать членские взносы при вступлении в члены общества, которые не ограничивались определенной суммой⁴⁵. Местные отделения ОСЖИ также получали право выпускать жетоны и марки для привлечения дополнительных средств на свою деятельность, что должно было в идеале дать какие-то денежные средства⁴⁶.

Поэтому центральные органы ОСЖИ в большей степени рассчитывали на поддержку широких масс, чем на финансирование со стороны органов государственной власти. В Бюллетене Правления ОСЖИ в 1925 г. отмечалось, что деятельность Общества не должна быть затратной, и по этой причине основным методом работы с населением должны быть различные способы мобилизации общественных сил⁴⁷.

---

⁴³ Организатору коллектива коммунистов Хмеро-Посолодинской волости // ЦГА СПб. Ф. 8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Всем уездным, волостным и районным комитетам общества // ЦГА СПб. Ф. 8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

⁴⁶ *Опаканская Р. В.* Деятельность Всесоюзного общества ... С. 125.

⁴⁷ Там же.

Здесь нужно отметить, что подавляющее большинство сотрудников ОСЖИ и тех, кто занимался сбором претензий от населения, работали на общественных началах. Тем, кто участвовал в кампании по сбору свидетельств в лучшем случае могли компенсировать затраты на проезд, как это предполагалось в Северо-Западном регионе, техническая работа по их заполнению и сборанию не оплачивалась⁴⁸ (хотя сложно сказать, как много работников получали даже такую материальную компенсацию и в каком размере).

Начало деятельности ОСЖИ ознаменовалось активной пропагандистской работой. Перед Обществом стояла задача оповестить максимальное количество советских граждан о своей деятельности, убедить в необходимости подачи личных заявлений с подсчетом понесенных убытков, чтобы в конечном итоге собрать как можно больше свидетельств о насилии и материальных потерях и подкрепить ими ответный счет Советского государства.

Пропагандистская работа ОСЖИ развернулась следующим образом. В первую очередь при Обществе было организовано Пресс Бюро. Перед ним ставились следующие задачи: освещать информацию об ОСЖИ в печати (особенно в провинциальной), публиковать фотографии с фактами зверств и разрушений интервентов, а также «документы, характеризующие связь белогвардейцев с Антантой и ответственность внешнего командования за насилия солдат и рядовых и офицеров над населением»⁴⁹. Эти материалы должны были непременно сопровождаться соответствующими фельетонами и использоваться в периодических изданиях. Также Пресс Бюро занималось созданием лозунгов, сопровождавших кампанию по продвижению деятельности Общества в массы. Одним из таких лозунгов, к примеру, был следующий: «Долг каждого гражданина включить свои убытки от интервенции в общий счет Советской страны»⁵⁰.

Помимо этого, ОСЖИ выпускало свой агитационный материал, пропагандирующий собственную деятельность. В самом начале работы Общества в виде листовки было выпущено «Обращение к гражданам Союза Советских Республик» за подписью про-

⁴⁸ Циркулярное письмо губкома // ЦГА СПб. Ф. 8934. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴⁹ Проект организации Пресс Бюро при Обществе содействия жертвам интервенции // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–10 об.

⁵⁰ Лозунги для расклейки во время Московской кампании // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

фессора В. П. Волгина (члена инициативной группы по созданию ОСЖИ), в котором в доступной для широкого читателя форме описывались информация об Обществе, его цели и задачи, а также призыв к гражданам активно содействовать работе ОСЖИ⁵¹. Стоит подробнее остановиться на этом документе, так как он представляет собой яркий пропагандистский образец, интересный не только своим содержанием, в котором рядовым гражданам пытались донести основную позицию советского правительства в лице ОСЖИ, но и риторикой этого обращения.

В первую очередь в Обращении утверждалось, что иностранные капиталисты помогали царскому правительству порабощать народ, а принадлежавшие им предприятия и другие капиталы после Революции уже отошли к Республике, к рабочим и крестьянам. Европейские правительства уже пытались вернуть свои капиталы путем интервенции и поддержки белых армий, ничего не добились, но не потеряли надежды получить их другим способом. За англичанами, потребовавшими от советского правительства 1 млрд 800 млн золотых рублей⁵², непременно последуют и предъявят счет другие государства, особенно если СССР согласится на такие условия и начнет эти суммы выплачивать. «Разве это мыслимо?» — спрашивают авторы обращения. Платить советскому государству нечем, разве что возлагать тяжкое налоговое бремя на трудящихся, в особенности крестьян, или распродавать национальные богатства. Государство не может пойти под такое ярмо, ведь оно и так в достаточной степени разорено войнами и интервенцией — «ясное дело, что платить мы не должны». Советское правительство отвечает иностранным государствам, что раз они требуют возмещения всех убытков, которые принесла им революция, то: и «мы, в свою очередь, требуем, чтобы вы покрыли потери, которые ваши войска и поддержанные вами белые генералы нанесли гражданам наших республик». Далее авторы листовки обращаются к рядовым гражданам и говорят, что ради защиты своих интересов они должны немедленно действовать и предъявить счета «осиротевших, изувеченных, изнасилованных, раненых и избитых». Десятки тысяч погибших и пострадавших, сотни тысяч разрушенных хозяйств не могут сравниться с потерями карманов

---

⁵¹ Обращение к гражданам Союза Советских Республик // Российская национальная библиотека: <https://primo.nlr.ru>.

⁵² Там же.

западных капиталистов. Только предъявив контрсчет можно усмирить ненасытные европейские правительства. Именно поэтому, с целью защиты интересов всех пострадавших от интервенции советских граждан создается Общество содействия жертвам интервенции.

В качестве иллюстрации других агитационных материалов Общества можно привести различные издания. Например, можно указать на брошюру «Общество содействия жертвам интервенции и его задачи» (тираж 10 000 экз.), в которой помимо общей информации об ОСЖИ в сжатом виде были описаны типы и порядок подачи документов для сбора претензий. Среди других изданий — брошюра «Разъяснение о порядке установления потерь от иностранной интервенции, понесенных гражданами СССР» (тираж 20 000 экз.), представляющая собой инструкцию для местных Обществ с подробным разъяснением организации их работы. Последняя брошюра интересна еще и тем, что в ней, в отличие от многих других документов ОСЖИ, прямо заявлялось, что для пострадавших предъявление претензий — это исключительно моральный фактор и «рассчитывать на безусловное материальное возмещение этих потерь не следует»⁵³.

Однако, ОСЖИ не только активно освещало и распространяло информацию о своей деятельности в разнообразных периодических изданиях, но и выпускало свой Бюллетень с описанием деятельности, целей и с самыми актуальными новостями кампании. В одном из первых выпусков «Бюллетеня Правления Всесоюзного Общества содействия жертвам интервенции» описывался ход московской кампании по «выявлению потерь, причиненных советским гражданам как войсками иностранных держав, так и поддержанными иностранными правительствами контрреволюционными белыми армиями». В одной из статей указывалось, что кампания активно проводится по фабрикам и заводам, однако, множество советских граждан, не объединенных в Профсоюзные организации, также помнят «бесперывные продолжавшиеся месяцами насилия, грабежи и убийства». Здесь же делается акцент на насилия и материальные потери, понесенные гражданами от белых войск, и взывается к тысячам граждан, прибывших в Москву из районов действий Белых армий. К читателям обращают

---

⁵³ Лозунги для расклейки во время Московской кампании // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–43.

ся с утверждением: «Нужно, чтобы счета всех без исключения пострадавших от интервенции были включены в общий счет, предъявляемый Республикой. ... Пусть не будет ни одного пострадавшего, не предъявившего своего счета»⁵⁴.

Правление ОСЖИ в начале своей работы вело переписку со специалистами в различных сферах: общественной деятельности, медицины, промышленности и других областей, чтобы получить их авторитетное мнение об ущербе, которые понесла та или иная отрасль от действий войск интервентов и Белой армии. Вероятно, этот материал должен был в дальнейшем активно использоваться в пропагандистской работе, чтобы граждане из первых уст услышали, как серьезно действия враждебных войск повлияли на многие жизненно важные отрасли.

Одним из ответов на запрос ОСЖИ стало развернутое письмо Народного комиссара здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко об ущербе в сфере здравоохранения и народного здоровья от войск иностранных государств⁵⁵. Он писал, что действия враждебных армий в годы Гражданской войны крайне негативно отразились на народном здравоохранении, в особенности на фронте. Из-за блокады медикаменты не поставлялись в страну в достаточном количестве. Особенно их не хватало на фронте, который был рассадником болезней и эпидемий. Блокада стала причиной, по которой многие бойцы и обычные граждане умирали от эпидемий из-за недостатка медикаментов: «Если вспомнить, что это были годы массового распространения опаснейших эпидемий, то станет ясно, сколько всего людей / и прежде всего детей / убили «благородные союзники» своей блокадой ... В области народного здравоохранения война, интервенция и блокада причинили последствия более губительные, более глубокие и труднее поправимые, чем в какой-либо другой»⁵⁶.

Следует отметить, что Нарком здравоохранения Семашко был одним из самых востребованных государственных деятелей в работе ОСЖИ. 3 июня Политбюро, при рассмотрении контрпретензий к Англии, постановило поручить Секретариату ЦК разослать всем парторганизациям циркулярное письмо об усилении работы

---

⁵⁴ Бюллетень Всесоюзного Общества содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁵⁵ Война, блокада, интервенция и народное здоровье // ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

⁵⁶ Там же.

по сбору советских контрпретензий Англии, поручив В. А. Аванесову выработать проект письма⁵⁷. Учитывая значительное количество индивидуальных претензий, которые начали поступать в ОСЖИ и его местные комитеты, в этот день СНК СССР постановил 3 июня 1924 г. учредить при НКВД комиссию по их рассмотрению во главе с Н. А. Семашко⁵⁸.

В архивных материалах об организации ОСЖИ находится интересный документ, содержащий несколько вопросов и рассуждений о степени вины иностранных легионеров в разрушениях Гражданской войны, о связях иностранных правительств с Белой армией и о законности предъявления советским правительством претензий иностранным государствам на возмещение убытков⁵⁹. Авторство и адресаты этих вопросов в документе не указаны, однако, по содержащейся в них информации можно сформировать картину об основных проблемных темах, сопровождавших пропагандистскую кампанию ОСЖИ.

Главные вопросы были следующими:

«Имеет ли по Советский Союз законное право на предъявление иностранным интервентам претензий по возмещению тех убытков, которые были понесены в результате их систематической поддержки белогвардейцев?

Могло ли без помощи иностранцев белое движение принять те размеры, формы и характер, которые проявились в создании крупной добрармии?

Имеет ли Советская страна право и основания возлагать на иностранцев всю полноту ответственности за неслыханные зверства, чинившиеся белогвардейцами; имеем ли мы право требовать от них материальной компенсации за эти зверства?»⁶⁰.

Вероятно, именно эти темы требовали максимально аргументированного ответа. Казалось неочевидным, что Западные страны должны компенсировать убытки, понесенные отдельными гражданами и государством в целом от действий войск Белой армии. Можно предположить, что пропагандистская задача ОСЖИ состояла еще и в том, чтобы убедить советских граждан в непосред-

---

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 441. Д. 1В. п. 1в: О наших контрпретензиях Англии. Л. 2.

⁵⁸ Правда. 1924. 8, 20 июня.

⁵⁹ Материалы об организации и проведении работы общества содействия жертвам интервенции // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁶⁰ Там же.

ственной связи между своими потерями и действиями иностранных правительств. Также нужно было убедить в этом сами иностранные государства, представив неоспоримые доказательства связи разрушений на советской территории с действиями стран, участвовавших в вооруженной интервенции.

Первоначальная пропагандистская работа ОСЖИ, знакомящая людей со своими идеями и целями, в основном велась среди московских рабочих фабрик и заводов. Члены Общества совместно с активными деятелями Профсоюзов устраивали с рабочниками встречи на производствах. На них рассказывали о необходимости сбора информации о материальных потерях и насилиях, причиненными интервентами и белыми войсками, чтобы добиться выкупов от иностранных государств. Также говорилось о важности распространения информации о сборе свидетельств. Рабочих призывали не только самим подавать заявления о потерях, но и просить своих родственников и знакомых передавать свидетельства насилий и материальных утрат. Если судить по статьям в заводской печати, описывающих подобные встречи, все они непременно заканчивались горячим одобрением деятельности Общества со стороны рабочих, понимавших государственную важность сбора свидетельств от пострадавших граждан и выставлении контроля западным государствам⁶¹.

С началом кампании по сбору претензий ОСЖИ рассчитывало, что рабочие будут не только основным источником по подаче заявлений о потерях и информационной поддержкой кампании, но и сами примут участие в процессе сбора претензий от граждан. В частности, Северо-Западный комитет ОСЖИ заявлял о желании привлечь для работы «рядовых членов партии из местных коллективов заводов и фабрик»⁶². Также по плану кампании Северо-Западного комитета на предприятиях для сбора претензий должны были создаваться местные Тройки⁶³.

Еще одной категорией граждан, к которым взывало ОСЖИ для активного участия в кампании по сбору свидетельств, было студенчество. В обращении к студенчеству СССР Общество говорило о том, что большинство студентов сильно пострадало от ино-

---

⁶¹ ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–20.

⁶² Инструктивное письмо // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

⁶³ Схема доклада для районных комитетов РКП (б) // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

странной интервенции. По этой причине ОСЖИ призывало организовать во всех городах, где существуют вузы, студенческие объединенные комитеты Общества. Эти комитеты должны были заняться выявлением потерь от интервенции, понесенных студенчеством. Правление ОСЖИ обещало таким комитетам предоставление всех необходимых печатных материалов и разъяснений. Помимо этого, Общество призывало студентов, разъезжавшихся по разным концам страны на каникулы или практики, связываться с уполномоченными Общества на местах и помогать им в сборе заявлений. Обращение к студенчеству заканчивалось следующими словами: «Мы призываем вас содействовать тому, чтобы каждый гражданин заявил Обществу о понесенных им и его близкими имущественных и личных потерях. Мы призываем вас исполнить свой долг перед страной»⁶⁴. Стоит сказать, что призыв к студенчеству встретил незамедлительное одобрение со стороны Бюро Пролетарского Студенчества. Его секретарь поддержал предложение ОСЖИ и обратился к студенчеству со следующими словами: «Мы должны помочь Обществу осуществить намеченные им огромной политической важности задачи»⁶⁵.

На примере Северо-Западного отделения ОСЖИ можно рассмотреть порядок организации работы студентов в кампании по сбору претензий. Всем Районным Бюро Общества предлагалось связаться с ВУЗами и запросить число студентов, которое они могут выделить для работы в Обществе. После этого студенты поступали в распоряжение Районных Бюро ОСЖИ, где их должны были собрать, проинструктировать, снабдить бланками и инструкциями и разбить по кварталам и улицам для работы. Обход студентов по квартирам должен был проводиться в вечернее и воскресное время в сопровождении одного из членов правления дома. Для выделения «каких-нибудь средств» на оплату проездных и канцелярских принадлежностей для студентов Районные Бюро Общества должны были обратиться в Райком РКП (б) (в случае его отказа в финансовом содействии, Северо-Западный Комитет мог сам выдать незначительную сумму для оплаты проездных). Весь собранный студентами материал должен был передаваться в Районные Бюро Общества. Работу студентов по сбору

---

⁶⁴ К студенчеству Союза Советских Республик // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

⁶⁵ Обращение секретаря бюро Пролетарского Студенчества // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

претензий должны были контролировать Члены Районных Бюро. Помимо студентов, предлагалось привлекать для временной работы в Обществе через Райкомы РКП (б) и работников вузов для проверки и оформления претензий⁶⁶.

Однозначно оценить эффективность практики привлечение студенческой рабочей силы для участия в кампании по сбору претензий сложно, так как в документах встречаются противоречивые свидетельства. К примеру, секретарь Всесоюзного ОСЖИ Кривицкий отмечал, что именно благодаря привлечению студенчества на Урале в первый день работы Общества было собрано 8 тыс. претензий, и оценивал такой результат как «блестящий»⁶⁷. Однако, встречается совершенно обратная оценка практики привлечения студентов. Например, председатель Выборгского Районного Бюро ОСЖИ в своем письме организатору коллектива РКП (б) Военно-Медицинской академии отмечал, что студенты (за исключение определенной активной группы) проявили «халатное и небрежное отношение к исполнению своей работы»: сильно опаздывали, не приходили на инструктивное собрание (из 50 заявленных студентов присутствовало только 20). Следствием такого отношения к работе стали результаты: 50 слушателей Военно-Медицинской академии на 7–8 тыс. населения собрали около 78 анкет, «из коих известный процент неправильно заполненных». Для сравнения 50 студентов из Совпартшколы на 9–10 тыс. населения собрали 300 анкет⁶⁸. Можно предположить, что студенты Военно-Медицинской академии не были исключением среди студентов других ВУЗов, и такое отношение к навязанной работе проявляли и другие. Тем не менее, нельзя недооценивать вклад студенчества в кампанию по сбору претензий, особенно в крупных городах, ведь без них число возможной рабочей силы было бы гораздо ниже и, соответственно, количество полученных свидетельств и претензий было значительно меньше.

Очевидно, что основной аудиторией, к которой обращалось ОСЖИ с призывом собирать свидетельства о потерях, были категории максимально лояльно настроенных к советской власти граждан, такие как рабочие и студенчество. Они разделяли интере-

⁶⁶ Инструктивное письмо // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

⁶⁷ Протокол заседания Правления Северо-Западного ОСЖИ от 25 окт. 1924 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

⁶⁸ Организатору коллектива РКП (б) Военно-Медицинской академии // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

сы Общества и встречали его цели с одобрением. ОСЖИ призвало их к активному сотрудничеству и, в какой-то степени, передавало им часть ответственности по распространению информации и организации своей деятельности. Кажется, что идея, исходившая не от официальной власти, а от простых людей, преследовавших благородную цель, должна была привлечь на свою сторону большее количество народу и, в итоге, собрать как можно больше свидетельств. Действительно, сложно сказать какой успех ожидал бы такую кампанию, если бы она не была подкреплена даже такой народной поддержкой, и исходила бы исключительно от официальных органов.

Осуществив необходимую идеологическую и организационную работу, создав местные отделения Общества по всей стране и проинформировав граждан о своей инициативе, ОСЖИ летом 1924 г. приступило к проведению кампании по сбору претензий, которая продлилась вплоть до 1927 г.

Изначально планировалось, что ОСЖИ соберет основную массу контрпретензий в течение 1924 г., когда велись сложные переговоры с Англией, Францией и Японией, и на этом завершит свою деятельность. Однако вопрос о «царских долгах» неоднократно поднимался и в последующие годы⁶⁹. Поэтому актуальность контрпретензий сохранялась. Так на заседании Политбюро 5 февраля 1925 г., после обсуждений претензий Франции, было в частности решено: «Претензии правительства СССР и частных лиц по интервенции противопоставить военным кредитам, мелким претензиям французов по конфискации имущества и причинению личного ущерба, а также претензиям собственников национализированной собственности. Редакциям газет провести соответствующую кампанию в прессе»⁷⁰. Через год, 14 января 1926 г., Политбюро вновь обозначило схожую позицию в связи с претензиями Франции: «Противопоставить наши контрпретензии военным долгам бывшего царского правительства и претензиям по возмещению убытков за национализированную частную собственность французских граждан в СССР»⁷¹. Подобная ситуация имела продолжение и в дальнейшем.

---

⁶⁹ Хейфец Б. А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. №1 (34). С. 99.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 487. Л. 1.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 539. Л. 2.

В 1926 г. в Бюллетене Правления ОСЖИ отмечалось, что «вопрос о русских долгах и претензиях опять стал модным в английской печати» и «неоднократно возбуждался в английском парламенте по самым разным поводам»⁷². Поэтому ОСЖИ продолжало функционировать и проводить кампании по сбору претензий вплоть до 1927 г., хотя и не в таком объеме.

Организация масштабных кампаний по сбору претензий в разных регионах страны было ознаменовано многочисленными трудностями. В первую очередь важно отметить, что Общество относилось с максимальной серьезностью к собираемым свидетельствам и подвергала их многочисленным проверкам. Такое серьезное отношение было вызвано как формально-юридическими соображениями, так и стремлением Общества иметь максимум гарантий в точности и обоснованности коллективного счета. Такой метод требовал от ОСЖИ установления фактически индивидуальной связи с каждым потерпевшим, что безусловно было сопряжено с многочисленными техническими трудностями: обширность территорий, пострадавших от действий интервентов и белых войск, не благоприятность условий работы в отдаленных районах, малограмотность основной массы пострадавших, а именно крестьян. Помимо этого, подобная работа требовала большого количества достаточно квалифицированных работников и для информирования населения о деятельности Общества, и для разъяснения порядка подачи заявлений о понесенных потерях, и для помощи в составлении таких заявлений тем гражданам, кто не мог заполнить их самостоятельно. По официальной информации за весь период деятельности ОСЖИ в работе общества на добровольной основе приняло участие свыше 50 тыс. человек из числа учащейся молодежи и сельской интеллигенции⁷³.

ОСЖИ в одной из своих листовок подробно объяснило свою структуру и необходимые первоочередные организационные мероприятия. С точки зрения структуры Правление ОСЖИ осуществляло свою деятельность через Республиканские, Областные и Губернские комитеты Общества, формально организованные «инициативой местных общественных кругов», а фактически при активном участии местных партийных органов. Губернские

---

⁷² *Опаканская Р. В.* Деятельность Всесоюзного общества ... С. 124.

⁷³ К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М. ; А., 1929. С. 235.

комитеты Общества организовывали уездные отделы во всех уездных городах, которые, в свою очередь, создавали волостные пункты. Волостной пункт по территориальному признаку образовывал комиссию из комитета крестьянской взаимопомощи, учителя или фельдшера, судьи или члена суда, или же из члена волысполкома или предсельсовета. Комиссия ОСЖИ, объезжая деревни и села определенной волости, должна была созвать сход, на котором зачитывало бы обращение Правления Общества, и затем приступала бы к сбору претензий, «используя все грамотные силы деревни». В городах при заводах, фабриках или крупных учреждениях на общих собраниях рабочих и служащих следовало выделять временные Бюро Общества, которые занялись бы выяснением потерь на этих конкретных предприятиях. Для подачи претензий остальным гражданам, не охваченным перечисленными выше структурами ОСЖИ, следовало обращаться в домоуправления⁷⁴.

Первая кампания ОСЖИ по сбору заявлений о материальных убытках и потерях от войск интервентов проводилась в течение лета-осени 1924 г. После проведения необходимой пропагандистской работы можно было приступить к активному сбору свидетельств для выставления счета. В качестве иллюстраций того, как подобные мероприятия должны были проходить по всей стране, можно рассмотреть кампании Московского и Северо-Западного комитетов ОСЖИ.

Московская кампания 1924 г. планировалась проводиться с 20 августа по 5 сентября. План кампании был четко определен и включал в себя множество мероприятий. До начала кампании, к 20 августу должна была быть закончена организация сети уполномоченных и троек по городу и уездам и проведен их инструктаж. Продолжалась активная пропаганда работы общества в печати: пресса должна была выпускать статьи и заметки, а сам Московский комитет ОСЖИ к началу кампании должен был напечатать необходимое количество брошюр, листовок и плакатов. Райкомы и Укомы должны были предоставить отделам Общества достаточное количество докладчиков для обслуживания собраний и оказывать им всяческое содействие. Не рекомендовался выпуск самостоятельных, личных обращений. Взамен предлагалось использо-

---

⁷⁴ Разъяснение о порядке установления потерь от иностранной интервенции, понесенных гражданами СССР // Российская национальная библиотека: <https://primo.nlr.ru>.

вать бланк обращения ОСЖИ. Был выделен отдельный день — 29 августа для проведения районных митингов граждан, пострадавших от интервенции. В целом, в плане кампании отмечалось, что она должна пройти в ударном режиме, а все собранные по ее итогам материалы должны быть переданы в Московский Комитет ОСЖИ⁷⁵.

Опыт московской кампании по сбору претензий предполагалось использовать при организации работы комитетов Общества в других регионах, которая должна была развернуться параллельно или чуть позже московских сроков. К примеру, деятельность Северо-Западного комитета ОСЖИ по сбору претензий развернулась с середины августа 1924 г.⁷⁶ после заключения англо-советского договора. Относительно него во внутреннем документе областного отделения Общества, адресованном комитетам партии, подчеркивалось, что договор «не умаляет, а наоборот, выдвигает на первый план в смысле важности и срочности эту кампанию»⁷⁷.

В плане кампании указывалось, что ОСЖИ будет вести сбор претензий от граждан по многим каналам, а в частности: «среди красной армии через аппарат Пуокра, среди инвалидов через Отдел соц. обеспечения, среди железнодорожников через Дорпрофсожи, от беспризорных детей через Соцвос Губоно, среди рабочих и служащих Ленинграда через аппарат райуполномоченных Общества (проводящих работу на местах формально при содействии месткомов и профуполномоченных, фактически через партколлектив), среди крестьян через уездные отделы и волостные пункты ОСЖИ, от широкого круга граждан претензии выявлялись «применительно к милицеским участкам через правления Жилтовариществ»⁷⁸. Принцип распространения информации о об Обществе и его работе был схож с московским: читались доклады о кампании по сбору претензий на собраниях рабочих коллективов, инструктировались районные агитаторы для распространения основных тезисов Общества, использовалась пресса и стенгазеты

---

⁷⁵ План кампании Московского Комитета Общества содействия жертвам интервенции. // ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁷⁶ План кампании по сбору контрпретензий среди населения гор. Ленинграда и губернии // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 7а.

⁷⁷ Всем Райкомам и Укомам // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁷⁸ План кампании по сбору контрпретензий среди населения гор. Ленинграда и губернии // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 7а.

для создания «рабочего общественного мнения в пользу необходимости наших контрпретензий»⁷⁹, привлекались студенты.

Чтобы сориентировать сотрудников, всем, принимавшим участие в сборе претензий, давались определенные общие указания для работы. Не разрешалось собирать претензий, относящиеся к Финляндии, Эстонии, Латвии и Польше, так как у СССР с этими странами были заключены мирные договоры. Также не должны были приниматься свидетельства об убытках, понесенных от действий Красной армии. Если по свидетельствам заявителя было не ясно, от чьих именно действий он пострадал (к примеру, он был ранен осколком), то стоило указывать, на каком фронте произошел инцидент. Относительно технических моментов по заполнению заявлений, указывалось, что претензии нельзя заполнять простым карандашом, допускать помарки и подчистки. Все документы было необходимо заполнять чисто, разборчивым и ясным почерком⁸⁰.

Все критерии, по которым работники Общества должны были рассчитывать убытки по каждому конкретному заявлению, были определены заранее. Существовал документ, включающий в себя несколько таблиц, в котором была прописана «стоимость» всевозможных физических увечий и материальных лишений. Особенно подробно были прописаны различные телесные повреждения в «Таблице для определения степени ослабления или утраты трудоспособности вследствие телесных повреждений от несчастных случаев»⁸¹. Даже название данного документа говорит о том, что главной проблемой простого гражданина, требовавшей денежной компенсации, была потеря работоспособности и, как следствие, физическая невозможность содержать хозяйство и кормить семью.

По этим таблицам физические увечья или утраты оценивались в различных разделах. К примеру, в повреждения головы входили и оценивались следующие травмы:

- «Повреждения черепа, сопровождающиеся тяжелыми и стойкими болезненными явлениями / душевные расстройства, параличи, частые эпилептические припадки, расстройства органов чувств, тяжелые невралгии — 100 руб.;

⁷⁹ План кампании по сбору контрпретензий среди населения гор. Ленинграда и губернии // ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 7а.

⁸⁰ Общие указания // ЦГА СПб. Ф. 8934. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁸¹ Таблицы для определения степени ослабления или утраты трудоспособности вследствие телесных повреждений от несчастных случаев. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–14.

- Сотрясение мозга, оставившее по себе головные боли, головокружение, тошноту, невозможность наклоняться или вообще работать при том положении тела, которого требует профессия потерпевшего — 85 руб.
- Неизлечимые душевные болезни — 100 руб.;
- Длительные частичные нарушения умственных способностей / ослабление умственных способностей, ослабление памяти — 50 руб.»⁸².

По этим же таблица минимальной «стоимостью» избиения было 300 руб., пытки оценивались от 1 000 до 3 000 руб., изнасилование без последствий в 5 000 руб.⁸³. Расчет убытка от смерти производился следующим образом: годовой прожиточный минимум должен был умножаться на возрастной коэффициент погибшего⁸⁴.

Каждому желающему предъявить претензию о личных потерях в Всероссийское общество содействия жертвам интервенции было необходимо подать несколько документов. Для граждан информация об их необходимом перечне и содержании была опубликована в одной из массовых брошюр, выпущенных Обществом⁸⁵. Требовалось, в зависимости от ситуации, три или четыре документа. Подробный анализ каждой необходимой для предъявления претензии бумаги можно провести по архивным материалам, в которых содержатся многочисленные экземпляры заявлений, доверенностей и других документов⁸⁶.

В первую очередь, было необходимо подать заявление гражданина СССР, пострадавшего во время Гражданской войны от действий интервентов или Белой армии. Форма «Заявления» чаще всего была готовой, содержала 10 вопросов, и заявителю требовалось только заполнить необходимую информацию. В заявлении нужно было указать свои личные данные (имя заявителя, возраст, профессия, семейное положение), подробную информацию о месте и времени понесения убытков (включая город, волость, деревню; год, месяц и точное число), сведения об имущественных убытках и личных потерях. Относительно материальных потерь отмечалось, что долж-

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Л. 14.

⁸⁴ Там же. Л. 13.

⁸⁵ Чистиков А. Н. Документальные источники ... С. 43.

⁸⁶ Заявления, показания и доверенности на возмещение потерь, нанесенных денкинскими войсками гражданам Донской обл. в 1918–1920 гг. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1706. 180 л.

ны быть указаны все убытки, как бы малы они ни были. В личных потерях было необходимо указать про все потери жизни и здоровья, принудительную мобилизацию и потерю работоспособности. Также следовало обязательно указать, при каких обстоятельствах были понесены те или иные потери. Для удобства заполняющего, заявление уже содержало в себе примеры конкретных, наиболее распространенных видов ущерба. Перечисляя имущественные потери, заявителю предлагалась давать им оценку в золотых рублях. Безусловно, сам подающий заявления гражданин с трудом мог правильно оценить понесенный им ущерб, поэтому с заполнением документов помогали члены местных ячеек Общества, представители интеллигенции, работники советского аппарата⁸⁷. Сведения о личных потерях было необходимо подтвердить документами или свидетельским показаниями, которые могли бы подтвердить наличие лишений и уточнить их сумму в денежном исчислении. Стоимость личных убытков оценивала специальная комиссия в Москве⁸⁸.

Четкое определение ущерба в рублях во всех принятых Всероссийским обществом содействия жертвам интервенции заявлениях, говорят о том, что документы практически во всех случаях заполнялись при помощи работников Общества или других лиц, имеющих к нему отношение. Также, при анализе заявлений, принятых на одной, преимущественно сельской территории (например, в Ростовской области⁸⁹) можно заметить множество документов, заполненных одинаковым почерком. Очевидно, что большинство крестьян не владели письменностью и нуждались в помощи при заполнении документов. Это подтверждает тот факт, что заявителям максимально облегчали задачу при подаче претензий, особенно многочисленному слою крестьян, не владевшим в необходимой степени грамотой, но пострадавшим от действий интервентов и белогвардейцев. Можно предположить, что если бы Общество и советские органы на местах не обеспечили бы настолько активную работу с населением при подаче претензий, то результаты кампании были бы куда менее внушительными.

Другим, необходимым для выставления гражданином претензии документом была доверенность. Она представляла собой

---

⁸⁷ Чистиков А. Н. Документальные источники ... С. 44.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Заявления, показания и доверенности на возмещение потерь, нанесенных деникинскими войсками гражданам Ростовской н/Д обл. в 1918–1920 гг. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 8. Д. 2014. 168 л.

в большинстве случаев готовый машинописный бланк, в котором заявитель полностью передавал претензии на возмещение потерь и представительство своих прав и интересов Всероссийского общества содействия жертвам интервенции: «Всему, что указанное Общество сочтет необходимым в деле защиты моих интересов и прав сделать, я верю, спорить и прекословить не буду»⁹⁰. «Доверенность» заверялась исполкомами местных Советов или нотариусом или народным судьей в городе⁹¹. Заявителю в данном документе было необходимо только заполнить свою фамилию, указать время заполнения «Заявления» о претензии, дату и поставить подпись.

Если указанные в «Заявлении» убытки и потери подтверждались свидетельскими показаниями, то самим свидетелям было необходимо заполнить другой документ — «Показание». Оно также представляло собой уже готовую напечатанную форму, в которую свидетель должен был вписать свое имя и адрес проживания, также потерпевшего. «Показание» должно было подтверждать достоверность убытков и потерь. Так как в большинстве случаев граждане, подававшие заявления о потерях, не могли подтвердить их свидетелями (их либо не было в момент совершения преступления, либо они погибли, либо пострадавшие не могли их найти), «Показание» являлось опциональным документом при подаче претензии, а понесенные потери, при отсутствии свидетелей, заверялись местными властями или нотариусами. Это видно из массы архивного материала по поданным претензиям⁹².

При отсутствии у заявителя возможности подтвердить показания своей претензии документами или даже ссылкой на свидетелей, в деревне свидетельства пострадавшего верифицировались и удостоверялись специальной комиссией, которая составляла еще один документ — «Акт». В комиссию должны были входить: представитель комитета крестьянской взаимопомощи, учитель или фельдшер, судья или член суда, или член волисполкома или предсельсовета. В отличие от других документов, которые в большинстве случаев представляли собой готовую печатную форму,

---

⁹⁰ Заявления, показания и доверенности на возмещение потерь, нанесенных денкинскими войсками гражданам Ставропольского края в 1917–1920 гг. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. 134 л.

⁹¹ Чистиков А. Н. Документальные источники ... С. 45.

⁹² ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1706. 180 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 8. Д. 2014. 168 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. 134 л.

акт заполнялся от руки произвольно. В нем писалась о том, что комиссия признает наличие убытков и считает поданную претензию законной⁹³. Написанные от руки акты заверялись подписями.

Полное и точное заполнение «Заявления», дополненное «Показанием» или «Актом» повышало достоверность поданной гражданином информации как для комиссии Всероссийского общества содействия жертвам интервенции по сбору претензий, так и для исследователей. Обработка огромного пласта этих свидетельств может сформировать представление о гендерном, возрастном, социальном и национальном составе граждан, пострадавших от действий войск интервенции и Белой армии, а также выявить наиболее распространенные виды причиняемого физического и материального ущерба, что позволило бы дополнить существующую в историографии картину белого террора.

В целом проанализировав документы, сопровождавшие претензии граждан, можно заключить, что подавляющее большинство из тех, что хранятся в архиве Всероссийского общества содействия жертвам интервенции, были тщательно и очень подробно заполнены⁹⁴. Материальные и личные потери в заявлениях в отдельных случаях были подсчитаны до мельчайших подробностей (к примеру, заявители не пренебрегали выставлением счета за взятые гимнастерки, шаровары, носовые платки и схожие другие носильные вещи⁹⁵), а большинство случаев серьезных личных потерь, таких как избиение, убийство, изнасилование, насильственная мобилизация, были подтверждены свидетельскими показаниями.

Однако, далеко не во всех отделениях Всероссийского общества содействия жертвам интервенции по всей стране были достаточно квалифицированные инструкторы и работники, способные собрать корректно заполненные претензии. Еще в период первой кампании в июле 1924 г. Краевой комитет Всероссийского общества содействия жертвам интервенции на Юго-Востоке сообщал о многочисленных недочетах в собранных заявлениях и обращал

---

⁹³ Заявления, показания и доверенности на возмещение потерь, нанесенных денкинскими войсками гражданам Ставропольского края в 1917–1920 гг. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. 134 л.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1706. 180 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1843. 201 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 8. Д. 2014. 168 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. 134 л.

⁹⁵ Заявления, показания и доверенности на возмещение потерь, нанесенных денкинскими войсками гражданам Ставропольского края в 1917–1920 гг. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. Л. 25.

ся к работникам кампании с призывом внимательнее и ответственнее относиться к процессу сбора претензий⁹⁶. Зачастую они могли допустить серьезные ошибки и неправильно оформить все необходимые документы, из-за чего претензия гражданина признавалась недействительной. Это было одной из значительных ошибок кампаний по всей стране. По состоянию на 16 июня 1925 г. доля юридических обоснованных претензий в целом по СССР составляла только 40,3%⁹⁷. К моменту завершения кампании доля отбракованных во время проверки заявлений по всей стране составила 31,7%⁹⁸. Проверять правильность заполнения заявлений должны были региональные комитеты Всероссийского общества содействия жертвам интервенции, отбраковывать некорректные и только после этого отправлять в Москву верифицированные претензии для составления общего счета.

Непринятые Всероссийским обществом содействия жертвам интервенции документы с претензиями граждан можно разделить на две группы. Первая — документы, не связанные с периодом интервенции или действиями Белой армии. Вторая — документы, забракованные по формально-юридическим признакам⁹⁹. Среди них могло быть отсутствие указания на место и время событий, на обстоятельства понесения убытков, также могли не указать сведения о пострадавших или не предоставить доверенность. Важно отметить, что Всероссийское общество содействия жертвам интервенции принимало заявления о потерях только от частных лиц, заявления от организаций, таких как школы, больницы, сельсоветы, как это видно по архиву Северо-Западного комитета ОСЖИ¹⁰⁰, отбраковывались и не поступали в общий счет.

Организацию работы Всероссийского общества содействия жертвам интервенции в первый год своей деятельности в отдаленных от центра районах страны можно проанализировать по итогам кампании 1924 г. в Армавирском округе. За время первой кампании в течение 1924 г. в округе было подано 6 375 претензий¹⁰¹.

---

⁹⁶ Краевой комитет Общество содействия жертвам интервенции на Юго-Востоке. Июль 1924 г. // Российская национальная библиотека: <https://primo.nlr.ru>.

⁹⁷ *Опаканская Р. В.* Деятельность Всесоюзного общества ... С. 126.

⁹⁸ Там же. С. 127.

⁹⁹ Там же. С. 126.

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-8303. Оп. 1. Д. 2.

¹⁰¹ Списки актов, составленных комиссиями, населенных пунктов Армавирского округа на убытки, понесенные от интервенции // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

Все поданные претензии были оценены следующим образом: сумма общих убытков по претензиям, поданным с 1 по 24 августа, — 13 564 207 руб.¹⁰², поданным с 15 сентября по 24 октября — 3 792 992 руб.¹⁰³. Отдельно имущественные убытки за весь 1924 г. были оценены в 9 847 210 руб. По итогам поданных за 1924 г. заявлений в Армавирском округе среди личных потерь было 2 804 убитых и пропавших без вести людей и 2 374 «раненых, увеченных, пострадавших от порок, насилия, избиений и арестов» человек¹⁰⁴.

Проанализировав кампанию по сбору заявлений граждан в Армавирском округе в 1924 г., можно заметить, что подавляющее большинство претензий было связано с материальными убытками, а случаи насилия и физических увечий были скорее исключением. В Вознесенском районе Армавирского округа в 19 заявлениях с информацией о личных потерях сообщается о выпоротых, избитых, раненых, арестованных, двух убитых, одной изнасилованной¹⁰⁵. В заявлениях из Кропоткинского района говорится о 12 убийствах, об одной умершей в тюрьме и одной изнасилованной женщинах¹⁰⁶.

В Отрадненском районе указывалось на 12 человек, мобилизованных в «армию Хвостикова», большинство из которых в результате вернулось домой ранеными¹⁰⁷. Вероятно, в данном документе имелись в виду войска белого генерала М. А. Фостикова¹⁰⁸, принимавшего со своим партизанским отрядом участие в военных операции белых врангелевских войск летом–осенью 1920 г. на Северном Кавказе, в том числе в районе Армавира.

Очевидно, что в материалах комиссии не отразился реальный уровень репрессий в ходе действий генерала Фостикова. Меж-

---

¹⁰² Списки актов, составленных комиссиями, населенных пунктов Армавирского округа на убытки, понесенные от интервенции // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 36. Л. 3–4.

¹⁰³ Там же. Л. 9–9 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1.

¹⁰⁵ Там же. Л. 13–14.

¹⁰⁶ Там же. Л. 20–21.

¹⁰⁷ Списки актов, составленных комиссиями, населенных пунктов Армавирского округа на убытки, понесенные от интервенции // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 36. Л. 43–46.

¹⁰⁸ Михаил Архипович Фостиков (1886–1966), генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России. «Армия возрождения России» генерала Фостикова высадившаяся в 1920 г. на Кубани насчитывала 5,5 тыс. бойцов с 10 орудиями и 35 пулемётами.

ду тем в архивах России имеются и более существенные примеры жертв населения от действий указанного генерала и ответных актов. Интерес с этой точки зрения представляет воспоминание рабочего Третьякова 1933 г. о борьбе с бандами бело-зеленых на Северном Кавказе в 1920 г., отложившееся в ЦГАИПД СПб. Особенно активно здесь действовали в указанный период, согласно воспоминанию, отряды именно генерала М. А. Фостикова¹⁰⁹ (в документе опять-таки *Хвостикова*) в районе станицы Лабинской и Майкопа. Третьяков вспоминал, что «банды очень много уничтожили по станицам, действительно преданных людей». В ответ на налёты бело-зеленых банд в Майкопском районе был впоследствии объявлен красный террор. «Белобандитских заложников расстреливали до 100 душ в ночь»¹¹⁰. Северный Кавказ в этот период захлестнула волна взаимного насилия. Среди жертв красного террора были и расстрелянные родственники генерала Фостикова. Сам он об этом писал: «В станице Беломечетской я узнал о зверском убиении моих родных: бабка, отец, сестра с шестью детьми и несколько родственников были расстреляны. Этот гнусный и невиданный до тех пор террор и зверство над моими родными зажгли у меня такую бешеную месть, что я поклялся перед Богом в будущем не пощадить ни одного коммуниста». В середине октября 1920 г. был поднят мятеж на Сунженской линии, опять-таки с большими жертвами среди мирного населения, сочувствовавшего советской власти. Однако он быстро был подавлен. И. В. Сталин, проезжавший через указанный район в этот период, в телеграмме в ЦК РКП (б) В. И. Ленину от 26 октября 1920 г., писал: «Несколько казачьих станиц наказали примерно. В восстаниях участвовали, главным образом, терские казаки и незначительная часть осетинских офицеров и кабардинских князей»¹¹¹. Это было общее явление на Северном Кавказе с большими жертвами среди советских работников и сочувствовавших советской власти лиц. В ответ также принимались жесткие меры.

Во всех вышеперечисленных заявлениях сообщалась об эпизодах личных потерь, произошедших с 1918 по 1921 г.

---

¹⁰⁹ В конце сентября генерал Фостиков вернулся в врангелевский Крым, но часть отрядов продолжали действовать на Северном Кавказе.

¹¹⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5–2. Д. 3050. Л. 2–2 об.

¹¹¹ Гугов Р. Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 469.

Стоит также отдельно проанализировать данные о материальных убытках, которые граждане указывали в своих заявлениях. Наиболее частой (и наиболее болезненной для хозяйства) материальной потерей был угон скота, лошадей и упряжек. Очевидно, что лошади и упряжки были крайне ценны как для армии, так и для земледельцев. Крестьяне ощущали такую потерю наиболее остро, а войска не могли пройти мимо такой нужной для фронта вещи. По этой причине, при подсчете убытков в заявлениях, угон лошади оценивался наиболее высоко среди других материальных убытков и, в зависимости от района, оценивался до нескольких сотен рублей¹¹². Среди других востребованных категорий материальных убытков была конфискация зерна и других съестных запасов, также одежды (особенно теплой) и одеял¹¹³.

Крайне важной особенностью кампании 1924 г. в Армавирском округе было то, что все без исключений претензии граждан были связаны с действиями Белой армии, а не интервентов. Это позволяет заключить, что ОСЖИ в процессе сбора претензий одинаково концентрировала свое внимание на информации о действиях белогвардейских войск не меньше, чем на войсках интервенции.

Во всех документах Всероссийского общества содействия жертвам интервенции с подсчетами сумм претензий граждан, пострадавших в годы Гражданской войны, войска Белой армии выделялись в отдельную категорию с итоговыми суммами по всем заявлениям, наряду с армиями иностранных интервентов. Как пример, в «Сводках итогов поступивших заявлений по претензиям граждан оккупированных районов и областей» за 1926 и 1927 гг. количество заявлений и суммы ущерба по районам активных действий белогвардейских войск прописывались отдельно и оставили: на территории Деникинского фронта на второе полугодие 1926 г. — 413 410 претензий и 830 813 282 руб., на первое полугодие 1927 г. — 462 415 претензий и 1 082 959 538 руб.; на территории Врангелевского фронта на второе полугодие 1926 г. —

---

¹¹² ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 4. Д. 4653. 168 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1706. 180 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1822. 145 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 8. Д. 2014. 168 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. 134 л.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 4. Д. 4653. 168 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1706. 180 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1822. 145 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 8. Д. 1843. 201 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 8. Д. 2014. 168 л.; ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 2152. 134 л.

34 876 претензий и 61 026 608 руб., на второе полугодие 1927 г. — 33 540 претензий и 60 716 931 руб.¹¹⁴.

Как уже говорилось ранее, правление ОСЖИ в Москве постоянно подводило итоги кампаний в тех или иных областях и районах и подсчитывало итоговое количество поданных претензий и их сумм. В архивных материалах Правления Всероссийского общества содействия жертвам интервенции хранятся «Таблицы поступления претензий». В одной из таких таблиц содержатся итоговые цифры по комитетам в южных регионах страны в 1925–1926 гг.

По подсчетам Правления ОСЖИ в местные комитеты поступило: в Северо-Кавказский комитет на 01.03.1925 — 12 576 претензий, на 01.03.1926 — 8 458 претензий; в Армавирский комитет на 01.03.1925 — 18 659 претензий, на 01.03.1926 — 1 231 претензия; в Ставропольский комитет на 01.03.1925 — 236 претензий, на 1.03.1926 — 2 812 претензии; в Терский комитет на 01.03.1925 — 2 692 претензии, на 01.03.1926 — 3 451 претензия; в Кубанский комитет на 01.03.1925 — 0 претензий, на 01.03.1926 — 5 854 претензии; в Донской комитет на 01.03.1925 — 0 претензий, на 01.03.1926 — 5 860 претензий¹¹⁵. Нулевые показатели за 1925 г. в Кубанском и Донском комитете могут быть связаны с тем, что они еще не были созданы и заявления с этих территорий собирались другими комитетами ОСЖИ. Материалы Донецкого комитета, возможно были учтены в работе Украинским республиканским комитетом ОСЖИ, так как Донецкая губерния в этот период, за исключением ряда уездов вошла в состав Украинской ССР.

Помимо подведения итогов в суммах и по количеству претензий в различных регионах, Правление ОСЖИ также старалось давать общую оценку тому или иному отделению Общества, указывало на положительные и отрицательные моменты кампаний, могло критиковать за недостаточно усердную работу и скромные результаты.

В качестве одного из примеров такого отзыва о работе одного из отделений Всероссийского общества содействия жертвам интервенции можно привести комментарий Правления о работе и ее результатах Общества на Северном Кавказе. Правление описы-

¹¹⁴ Сводки итогов поступивших заявлений по претензиям граждан оккупированных районов и областей 1926 г. и 1927 г. // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 57. Л. 25.

¹¹⁵ Таблица поступления претензий в Правление О. С. Ж. И. за два года // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–4 об.

вало общий ход работы по сбору претензий на Северном Кавказе (вероятно, по итоговым результатам кампаний), и заключило, что работа по края «не дала здесь вполне исчерпывающих результатов (кол-во полученных претензий составляет 8% от числа семей края)¹¹⁶», и что надлежащим образом деятельность общества проходила только в Ростове-на-Дону¹¹⁷. Однако, объяснялось это не плохой работой Общества на Северном Кавказе (заявлялось, что недочеты организации лишь отчасти повлияли на результаты), а «специфическими условиями края». Причиной плохого результата кампании по сбору претензий Правление ОСЖИ считала контрреволюционное казачество, населявшее большую часть региона¹¹⁸.

Правление Всероссийского общества содействия жертвам интвенции сообщало, что на 5 мая 1925 г. с Северного Кавказа поступило 75 000 претензий. Основной сбор претензий в регионе был закончен зимой 1925–1926 гг. Всего за период всех кампаний, проводимых местными обществами, с Северного Кавказа поступило 110 000 претензий¹¹⁹.

Завершая свою деятельность, в 1926–1927 гг., подсчитав сводки итогов поступивших заявлений по претензиям граждан, ОСЖИ подготовило «Проект распределения ответственности между иностранными государствами по отдельным фронтам»¹²⁰. Суммы, покрывающие материальный и физический ущерб советских граждан, должны были выплачиваться Англией, Америкой, Францией и Японией. Распределение ответственности по фронтам выглядело следующим образом:

- Северный фронт: Англия — 50%, Франция — 25%, Америка — 25%;
- Северо-Западный фронт: Англия — 75%, Франция — 25%;
- Восточный фронт: Англия — 40%, Франция — 40%, Америка — 20%;
- Дальневосточный фронт: Япония — 100%;
- Туркестанский фронт: Англия — 100%;
- Деникинский фронт: Англия — 50%, Франция — 50%;

---

¹¹⁶ Таблица поступления претензий в Правление О. С. Ж. И. за два года // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 42. Л. 106–106 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 107.

¹¹⁸ Там же. Л. 106–106 (об).

¹¹⁹ Там же. Л. 108 (об).

¹²⁰ Проект Распределения ответственности между иностранными государствами по отдельным фронтам // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 57. Л. 4.

- Врангелевский фронт: — Франция — 100%;
- Петлюра: Франция — 100%¹²¹.

Всего за все кампании в период с 1924 по 1927 г. отделениями ОСЖИ по всему СССР было собрано 1 335 000 претензий. Имущественные потери граждан составили 55 837 7451 руб., а личные — 1 855 895 012 руб.¹²²

Необходимость в работе ОСЖИ пропала после того, как началась «полоса международного признания» СССР. Кампания по сбору претензий начала утихать осенью 1926 г., а летом 1927 г. территориальные комитеты ОСЖИ были упразднены¹²³. 4 июля 1927 г. все претензионные материалы ОСЖИ «в связи с завершением их разработки» были переданы на хранение Валютному Управлению НКФ СССР¹²⁴.

Остается открытым вопрос о том, насколько часто советская сторона во время переговоров прибегала к свидетельствам пострадавших от интервенции советских граждан. Как минимум известно, что по итогам заседания Политбюро 5 февраля 1925 г. на переговорах с Францией планировалось противопоставить «претензии Правительства СССР и частных лиц по интервенции» военным кредитам, мелким претензиям французов по конфискации имущества и причинению личного ущерба, а также претензиям владельцев национализированной собственности¹²⁵. Обнаружить других свидетельств использования во время дипломатических переговоров собранных Всесоюзным ОСЖИ претензий советских граждан об ущербе от интервенции не удалось.

Тем не менее, материалы ОСЖИ имеют важное значение и как источник по истории гражданской войны в России. Они фиксируют низовую историю судебных отдельных жителей России и изучение этих материалов может уточнить многие аспекты истории гражданской войны. Столетний юбилей создания комиссии в 2024 году, возможно, сделает в этом плане определенный прорыв в этом направлении.

¹²¹ Проект Распределения ответственности между иностранными государствами по отдельным фронтам // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 57. Л. 4.

¹²² К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М.; Л., 1929. С. 240, 242.

¹²³ *Оплаканская Р. В.* Деятельность Всесоюзного общества ... С. 127.

¹²⁴ НКИД члену коллегии наркома финансов СССР А. Н. Юровскому // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 59а. Л. 4.

¹²⁵ Документ 2а. п. 2а: О Франции // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 487. Л. 1.

Татьяна Милошевич (Tatjana Milošević)

США И ЮГОСЛАВИЯ В ПЕРИОД РАЗРЯДКИ: ВСТРЕЧИ ТИТО И ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА В 1970 и 1974 гг.

АДМИНИСТРАЦИЯ РИЧАРДА НИКСОНА И АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В 1969 г. одной из новых особенностей американской внешней политики, проводившейся после прихода к власти президента-республиканца Ричарда Никсона, стал реалистичный подход, который должен был уменьшить напряженность в отношениях США с остальными двумя сверхдержавами. Генри Киссинджер¹ после избрания Никсона в 1968 г. занял официальную должность советника президента по национальной безопасности. В течение 1969 г. Америка не стремилась к ухудшению отношений ни с одной страной мира. Напротив, она предпринимала попытки восстановления отношений или с осторожностью создавала условия для их улучшения. В целом, США проводили курс, известный как «lower profile», то есть политику менее заметного присутствия. «Заниженный профиль» подразумевал меньшее по объему и более сдержанное военное присутствие в разных частях мира. Одновременно, где бы ни представилась возможность, США наращивали экономическое и научное присутствие.

---

¹ Генри Киссинджер родился в Германии в 1923 г. В 1938 г. вместе с родителями бежал из Германии. В 1943 г. официально стал гражданином США. Окончил Гарвардский университет, где в 1954 г. получил докторскую степень. После избрания Никсона президентом США в 1968 г. Киссинджер стал официальным советником президента по национальной безопасности.

Приход Никсона в Белый дом всерьез сказался на югославо-американских отношениях, интенсивность которых значительно выросла. Присутствие США в Югославии увеличилось в экономической, культурной и политической сферах². Таким образом, скорректировав свою политику, США активнее прибегали к дипломатическим средствам и избегали конфронтации, что обещало стать долгосрочной ориентацией во внешней политике. Что касается непростых советско-китайских отношений, США по-прежнему занимали нейтральную позицию, стремясь не допустить сближения этих двух государств в ущерб третьему.

В этот период Соединенные штаты публично придерживались политики тройного баланса. В рамках собственного блока — «community of powers» — они заявляли о более широких правах и самостоятельности партнеров, а также продекларировали принцип «кто не против нас, тот с нами» (в соответствии с инаугурационной речью Никсона: «Если мы не можем каждого сделать своим другом, то хотя бы не будем создавать врагов»). В русле такой политики США продолжили линию на многократные переговоры и уменьшение напряженности в отношениях с СССР (ОСВ-I). За этим последовали некоторые дальнейшие меры, а именно, уступки Китаю, сокращение антикитайской пропаганды, свертывание военного присутствия во Вьетнаме, корректировка позиции по Ближнему Востоку, что вызвало протесты и обеспокоенность Израиля и еврейских организаций в США. Проводя такую политику, США освобождали пространство для действий средних и малых держав, независимых и неприсоединившихся стран, которые ориентировались на все более толерантное отношение американцев к политике неприсоединения³.

В офицерском клубе на острове Гуам президент США Никсон провозгласил новый политический курс — Гуамскую доктрину, которая со временем приобрела известность как Доктрина Никсона. Согласно этой доктрине, Соединенные Штаты придерживались своих договорных обязательств и в условиях угрозы со стороны ядерной державы были готовы защищать суверенитет страны, которая состояла с ними в союзе, или выживание которой было

---

² Diplomatski arhiv Ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije (Далее — DA MSP RS). 1970. Politička arhiva (Далее — PA). SAD. F-165. 48273. (Американская политика)

³ DA MSP RS. 1969. PA. SAD. F-164. 41591. (Политика США в треугольнике держав в 1969 г.)

жизненно важно для безопасности Соединенных Штатов. А в случае агрессии иного рода американцы были бы готовы предоставить военную и экономическую помощь, когда их об этом попросят соответствующим образом. Однако, от страны, находившейся под прямой угрозой, американцы ожидали, что она возьмет на себя основную ответственность за мобилизацию живой силы для собственной защиты⁴. Можно сказать, что доктрина Никсона в какой-то степени улучшила имидж США в мире и успокоила «настроения в своем доме», чему, прежде всего, поспособствовало сокращение американских вооруженных сил во Вьетнаме. Как полагал Никсон, международная экономическая политика также являлась важным фактором поддержания мира⁵.

Р. Никсон выполнение важнейших задач американской внешней политики доверил Г. Киссинджеру — одному из главных архитекторов политики взаимозависимости, который в своих политических очерках пытался теоретически обосновать ранее сформулированную политику достижения согласия между великими державами. В рамках этой деятельности Киссинджер предпринял в начале 1970-х годов две секретных миссии — сначала в КНР, а затем в СССР, где усердно занимался подготовкой визита президента США в эти страны. Тогда известие о визите Киссинджера в Пекин (9–11 июля 1971 г.) произвело в мире эффект разорвавшейся бомбы⁶. Ради достижения баланса в треугольнике сверхдержав Киссинджер посетил и СССР, готовя заключение Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), а также Договора по противоракетной обороне.

В соответствии с внешнеполитическими целями США администрация Никсона в начале своего мандата мало интересовалась ситуацией на Ближнем Востоке. Вместо необходимых мер по снижению напряженности в этом районе, американская администрация стремилась стать основным поставщиком оружия Израилю. Урегулирование Ближневосточного кризиса было поручено тогдашнему государственному секретарю Вильяму Роджерсу, из чего можно было сделать вывод, что у американского руководства имелись дела поважней. Поэтому Киссинджер поначалу не вмешивался.

⁴ *Kisindzer H. Memoari. I. Zagreb: Vjesnikova Press agencija, 1981. S. 229–243.*

⁵ *DA MSP RS. 1970. PA. SAD. F-165. 48273. (Американская политика.)*

⁶ *Radović S. Jugoslovenski pogled na kinesku politiku otvaranja u periodu 1970–1972. godine // Tokovi istorije. 2013. №2. S. 234–235; Подробнее см.: Kalb M., Kalb B. Kissinger. New York : Dell Publishing, 1974. P. 96–272.*

вался в арабско-израильский спор, что неудивительно, принимая во внимание его еврейское происхождение. Однако Война Судного дня 1973 г. побудила его предпринять активные действия. Таким образом, из пассивного наблюдателя Киссинджер превратился в главное действующее лицо переговоров о прекращении войны⁷. Весной 1974 г. ради урегулирования Ближневосточного кризиса Киссинджер прибегнул к так называемой шаттл-дипломатии между Каиром и Иерусалимом, стремясь достичь соглашения о взаимном отводе войск. Наряду с попытками урегулировать Ближневосточный кризис вкладом Киссинджера в дело мира стали переговоры по прекращению войны во Вьетнаме, благодаря которым в декабре 1973 г. он получил Нобелевскую премию мира⁸.

Что касается неприсоединившихся стран, Киссинджер, руководствуясь американскими интересами и конкретными условиями, применял избирательный подход и различные критерии в отношении отдельных государств. Опираясь на принципы американской внешней политики, он как госсекретарь США и советник по национальной безопасности стремился посредством двустороннего сотрудничества привязать некоторые крупные неприсоединившиеся страны к Соединенным Штатам, канализировать их внешнеполитические усилия в узко-региональном направлении и притупить остроту антиимпериалистической борьбы⁹. Однако развитие международной ситуации, в частности 4-я конференция Движения неприсоединения в Алжире в 1973 году, изменили политическую позицию Соединенных Штатов по отношению к этим странам. Они стали рассматриваться как сила, с которой нужно считаться. Реагируя на изменения в международных отношениях, Г. Киссинджер в 1973 г. в ООН назвал политику неприсоединения «присоединением к новому блоку». Из-за своего отношения к странам третьего мира Киссинджер считается одним из неоднозначных и противоречивых деятелей эпохи Холодной войны. С югославской точки зрения, новые черты внешней политики США расширяли пространство для политики мирного сосуществования. Успех или провал

---

⁷ Šulcinger R. D. Američka diplomatija od 1900. godine. Beograd: Udruženje za studije SAD u Srbiji, 2011. S. 292–293.

⁸ Ibid. S. 296–297; Подробнее см.: Golan M. The secret conversations of Henry Kissinger. Step by step diplomacy in the Middle East. New York : Quadrangle The New York Times Book, 1976. P. 179–253.

⁹ Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi u vreme bipolarnog detanta 1972–1975. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2015. S. 192–207.

нового американского курса зависил от ряда факторов, прежде всего, от его практического воплощения¹⁰.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ КИССИНДЖЕРА В ЮГОСЛАВИЮ в 1970 г.

В новой внешнеполитической ситуации положение слаборазвитых, малых и средних стран, особенно неприсоединившихся (включая Югославию), становилось все более сложным. Однако одновременно открывались новые возможности для их действий. Отчасти это объяснялось действием всех факторов, ограничивавших политику и стратегию сверхдержав (ядерный фактор, дезинтеграционные процессы внутри блоков, увеличение роли международной демократической общественности, ООН)¹¹.

На Балканском полуострове граница, разделявшая сферы влияния Востока и Запада, была закреплена не так прочно, и поэтому особенно Югославия представляла собой объект живого интереса великих держав и предмет их возможных договоренностей. В то время югославно-американские отношения обременялись разногласиями по двум масштабным международным кризисам — ближневосточному и вьетнамскому. Югославские официальные лица по-прежнему в своих публичных заявлениях возлагали на Соединенные штаты основную ответственность за их эскалацию. Поэтому американское руководство сомневалось — целесообразно ли оказывать Югославии политическую и экономическую поддержку. В это же время протекала подготовка к встрече

---

¹⁰ DA MSP RS. 1969. PA. SAD. F-158. 428 078 (Новые моменты во внешней политике США); Arhiv Jugoslavije (Далее — AJ). Kabinet Predsednika Republike (KPR). I-3-a/107–212. (США и политика неприсоединения. Выступление президента Форда на XXIX заседании ГА ООН); AJ. KPR. I-5-c/21. (Заседание Совета по национальной безопасности. Применение военных мер); AJ. KPR. I-5-b/104–20. (Интервью Киссинджера журналу «Business week» за январь 1975. Заявление о возможном употреблении силы); AJ. KPR. I-5-c/25. (Выступление Киссинджера в Миссури, 15 мая 1975, выступление президента Форда в Милуоки, 14 июля 1975); Kissinger H. A Just Consensus. A Stable Order. A Durable Peace. An Address made before the 28th Session of United Nations General Assembly. September 24. 1973. // Department of State Bulletin. October 15th 1973. P. 47.

¹¹ DA MSP RS. 1970. PA. SAD. F-8. 3. (Основные изменения и тенденции международных отношений.)

по подготовке саммита Движения неприсоединения, который состоялся в сентябре 1970 г. На состоявшейся в Лусаке конференции лидеров и глав правительств неприсоединившихся стран получило поддержку предложение Тито о выработке совместной позиции по проблемам международных отношений. Тогда же были созданы особые условия для формирования постоянно действующих органов по координации усилий этих государств. В той организации неприсоединившихся государств Югославии удалось занять лидирующие позиции, что позволило ей играть значительную роль на мировой арене. Конференция неприсоединившихся стран в Лусаке стала поворотным моментом в югославно-американских отношениях и пробудила у американского президента заинтересованность в том, чтобы посетить Белград¹².

Однако еще до официального визита президента состоялась встреча югославского лидера с госсекретарем Роджерсом, который подтвердил приверженность Соединенных штатов поддержке независимости Югославии¹³. Поездка Никсона в СФРЮ была продиктована как внешнеполитическими (неудовлетворительное развитие ситуации на Ближнем Востоке и в Средиземноморье), так и внутренними соображениями (перед выборами в США следовало продемонстрировать решительность и авторитет США и их 6-го флота). Зарубежным наблюдателям визит должен был показать, что американцы наконец-то способны к переговорам и компромиссам. Одновременно речь шла о том, чтобы продемонстрировать широту и гибкость американского подхода к взаимоотношениям с СССР. Тем более, что Югославия представляла собой значимый фактор стабильности на Балканах, открывавших выход к Средиземному морю. Американцы полагали, что Югославия вправе рассчитывать на их поддержку до тех пор, пока она проводит политику военной и идеологической независимости от Советского союза и Китая¹⁴.

Пользу для американских интересов Киссинджер видел как в той роли, которую Югославия играла на Балканах, так и в том, что она служила символом независимости от Восточного блока. Автономное положение в отношении СССР обеспечивало СФРЮ боль-

---

¹² Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd : Institut za savremenu istoriju, 2012. S. 170–174.

¹³ DA MSP RS. 1970. PA. SFRJ. F-9. 18. (Встреча председателя Тито с госсекретарем Роджерсом, 26 февраля 1970.)

¹⁴ DA MSP RS. 1970. PA. SFRJ. F-170. 447718. (Донесение посла Б. Црнобрни из Вашингтона, 22 декабря 1970.)

шее влияние в развивающемся мире, чем это было реально возможно для любого другого вассального восточноевропейского режима. Однако за пределами европейского континента югославская политика руководствовалась принципами, не соответствовавшими интересам Запада. Ярче всего это проявлялось в поддержке революций в развивающихся странах, в чем просматривалось четкое сходство с политикой Кремля. С другой стороны, по мнению Киссинджера, самостоятельность Югославии позитивно сказывалась на положении Америки в мире. Тем более, что безопасность Европы выросла вследствие отказа Тито присоединиться к Варшавскому договору¹⁵.

Первая встреча советника по национальной безопасности Киссинджера с югославскими официальными лицами состоялась во время визита Никсона в Югославию, прошедшего с 30 сентября по 2 октября 1970 г. Визит президента, состоявшийся после конференции Движения неприсоединения в Лусаке (8–10 сентября) и перед юбилейной сессией Генеральной Ассамблеи ООН, т. е. в период видимого укрепления позиций и влияния Югославии в международных отношениях, можно считать значительным успехом югославской внешней политики¹⁶. Приезд Никсона в Югославию способствовал преодолению взаимных предрассудков, имевшихся у обоих государств, и одновременно отражал новое качество отношений, достигнутое благодаря тому, что в американской политике возобладал реализм¹⁷.

В мемуарах Киссинджера та встреча описана следующим образом: «На аэродроме нас встретил маршал Тито, одетый в серо-голубой мундир с золотыми погонами. Не слишком подходящее облачение для лидера коммунистического государства... Тито был последней легендарной личностью эпохи Второй мировой войны, который по-прежнему оставался у власти. Командир партизан, о котором писались труды и слагались легенды, первый коммунистический лидер, который пошел наперекор Сталину, изобретатель националистического коммунизма, а сегодня — один из руководителей неприсоединившихся. Своими манерами он походил

---

¹⁵ *Kisindzer H. Memoari. II. Zagreb : Mladost, 1981. S. 142–146; Подробнее см.: Terzić M. Tito i Nobelova nagrada za mir. Podgorica: Pobjeda, 2006. S. 26–30.*

¹⁶ DA MSP RS. 1970. PA. ŠAD. F-170. 434736. (Визит американского президента Никсона в Югославию, 20 сентября 1970.)

¹⁷ DA MSP RS. 1970. PA. SFRJ. F-7. 4. (Решения Коллегии ДС в узком составе, 9 октября 1970.)

на какого-нибудь жителя Центральной Европы... Когда он смеялся, его глаза оставались серьезными»¹⁸.

Накануне приезда американской делегации в Белград Киссинджер полагал, что существует несколько направлений потенциально плодотворного сотрудничества США и СФРЮ. По его мнению, Белград служил полезным источником информации о тенденциях в коммунистическом мире и развивающихся странах. Киссинджер неоднократно подчеркивал, что цель Америки не в том, чтобы перетянуть Югославию на свою сторону, учитывая ее позицию неприсоединения и политику, которая выражала ее собственные интересы. Он много раз подчеркивал важность и значение того, чтобы Америка отдавала должное неприсоединившимся странам, особенно Югославии, за проведение зрелой серьезной политики¹⁹.

После визита Никсона и Киссинджера в США сформировалась атмосфера благоволения в отношении СФРЮ (ей были предоставлены значительные займы, в Белград приехали президент Всемирного банка Роберт Макнамара и министр сельского хозяйства Хардин)²⁰.

Наивысшего уровня двустороннее сотрудничество достигло в результате визита югославского лидера Й. Б. Тито в Вашингтон в 1971 г. Тогда был принят документ, известный как «Вашингтонская декларация», заложивший долговременную основу отношений неприсоединившейся Югославии и США как мировой сверхдержавы. В декларации выдвигались следующие принципы: переговоры и сотрудничество; разрешение споров; независимость; взаимное уважение; полное равенство всех государств, независимо от различий и сходства их общественных, политических и экономических систем; соблюдение духа и принципов Устава ООН; гармонизация интересов всех стран, больших и малых; неделимость и взаимозависимость мира; разоружение; стабильность и прогресс в мире; необходимость помощи развивающимся странам и т. д. Отдельно подчеркивалось, что «политика неприсоединения, которую проводила Югославия, служила значимым фактором международных отношений», что страны, приверженные такой политике, мо-

---

¹⁸ *Kisindzer H. Memoari. II ... S. 142–146; Подробнее см.: Terzić M. Op. Cit. S. 26–30.*

¹⁹ *Kisindzer H. Memoari. II ... S. 142–146.*

²⁰ DA MSP RS. 1970. PA. SFRJ. F-3. 187. (Информация о предложении Тито нанести визит в США, 18 декабря 1970); Подробнее см.: *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971 ... S. 321–335.*

гут вместе с остальным миром вносить вклад в разрешение мировых проблем. Отмечалось, что отношения США и СФРЮ характеризовались равноправностью и полным взаимным уважением, что служило фактором мира и стабильности в Европе²¹.

Обе стороны проявили заинтересованность и готовность к продолжению постоянных и более широких взаимных консультаций, дальнейшему развитию всех форм экономического сотрудничества, совместным научно-техническим проектам, обмену в области культуры и искусства. В то же время, по мере того, как Движение неприсоединения становилось все более значимым фактором мировой политики, росло и влияние СФРЮ как одного из наиболее деятельных его представителей. США реагировали на это усилением давления на Югославию, осуществлявшегося разными средствами, что привело к охлаждению двусторонних политических отношений. Америку не устраивала активность Югославии в отношении неприсоединившихся стран. Вашингтон, выражая публичное сочувствие международной позиции Белграда, на самом деле, лишь хотел побудить его к дальнейшему дистанцированию от Москвы. Более всего Соединенные штаты были заинтересованы в том, чтобы свести политику Югославии в региональные рамки. Она могла рассчитывать на независимость, территориальную целостность и экономическое процветание, но только при условии поддержки со стороны США. Проявляя заинтересованность в развитии двустороннего сотрудничества во всех областях, правительство США исходило из того, что его основой может послужить американское присутствие в Югославии. С точки зрения долгосрочных интересов США в Юго-Восточной Европе пример Югославии мог побудить остальные страны соцлагеря к развитию новых форм двустороннего сотрудничества с Вашингтоном²².

ВИЗИТ КИССИНДЖЕРА В ЮГОСЛАВИЮ 4 НОЯБРЯ 1974 г. И ЮГОСЛАВско-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

1974 год отмечен новым обострением югославско-американских отношений. Соединенные штаты подвергли Югославию масштабно-

---

²¹ AJ. KPR. I-2/ SAD. (Совместное югославско-американское заявление.)

²² AJ. KPR. I-3-a/ SAD. (Визит Киссинджера в Югославию, 4 ноября 1974.)

му давлению, дабы повлиять на ее внутреннее развитие и внешнюю политику, а также, по возможности, ограничить ее международную активность. Следствием стало замораживание двусторонних политических контактов, в то время как сотрудничество в остальных областях не прерывалось. США не скрывали, что им не по нраву та решительная поддержка, которую Югославия оказывала странам и народам, борющимся за свободу, политический и экономический суверенитет. Этим во-многом объяснялись агрессивные действия Вашингтона в отношении Белграда, который сражался на передовой в той битве, которая велась за воплощение принципов политики неприсоединения на международной арене. Америка считала Югославию «лидером» в мире неприсоединившихся.

В 1973 г. в ходе Войны Судного дня Югославия неожиданно для американцев открыла свое воздушное пространство для советских самолетов, доставлявших помощь арабским странам. Такое поведение Вашингтон расценил как прямую угрозу своим интересам на Ближнем Востоке. Поэтому американская пресса, особенно, подконтрольная еврейским кругам, подвергла нападкам Югославию, поставив под сомнение ее внеблоковый статус. От своих партнеров американский истеблишмент ожидал, что они станут принимать во внимание и уважать его интересы, потому что, в первую очередь, от этого зависит отношение Америки к ним самим, то есть в данном случае к Югославии. В этом смысле американцы применяли селективный подход к неприсоединившимся странам, стремясь внести раскол в их ряды. Авторитет, влияние и, особенно, активность Югославии в связи с теми проблемами, по которым неприсоединившиеся страны занимали единую позицию, не могли не нарушать планы и мешать реализации глобальных интересов американской внешней политики²³.

Американцев особенно интересовало, как будет развиваться ситуация внутри Югославии после ухода с политической сцены ее лидера. По американским оценкам, Коммунистическая партия Югославии наращивала свое влияние в стране, а армия представляла собой еще более прочный сплав, обеспечивавший ее единство²⁴. По утверждениям некоторых американских генералов

---

²³ DA MSP RS. 1974. PA. F-130. 451443. (Сельское хозяйство и пищевая промышленность.)

²⁴ Yugoslavia After Tito. «From “National Communism” to National Collapse». US Intelligence Community. Estimate Products on Yugoslavia. 1948–1990.

(Вилсон), цель Америки состояла не в том, чтобы привлечь Югославию в НАТО, а в том, чтобы она осталась вне блоков, но при этом не претендовала на роль представителя и лидера иных государств, выступавших против США (как это было в том случае, когда югославские представители в ООН поддержали требования Египта)²⁵.

Очевидно, второй визит госсекретаря Киссинджера состоялся на фоне весьма сложной и запутанной ситуации на международной арене. Обострились многие масштабные экономические и политические проблемы, от решения которых зависело направление развития международных отношений. Уход Никсона с поста президента и избрание Джеральда Форда не повлекли за собой существенного изменения стратегических целей американской внешней политики, но в известной степени изменили очередность решения некоторых приоритетных задач. В вопросах внешней политики непоколебимым оставался авторитет госсекретаря Киссинджера, который совмещал этот пост с должностью советника по национальной безопасности²⁶.

Разрядка, отношения с СССР и КНР, а также усилия по поддержанию своей беспорной гегемонии внутри западного блока оставались важнейшими направлениями американской внешней политики. Разрядка оставалась в арсенале средств, с помощью которых США пытались обеспечить себе положение ведущей мировой державы. США по-прежнему проявляли повышенный интерес к происходившему на Ближнем Востоке, а также в поясе Иберийский полуостров — Апеннинский полуостров — Кипр — Греция — Турция. Международные экономические проблемы все больше становились приоритетом американской внешней политики, поскольку международные валютно-экономические отношения представляли собой то пространство, которое в послевоенное время позволило Соединенным штатам достигнуть своего доминирующего неколониального положения и лидерства среди западных союзников. В Вашингтоне осознали, что дальнейшее обострение международных экономических отношений способно всерьез поколебать стабильность их ключевых партнеров в Западной Европе (так в тексте. — *Прим. переводчика*) и, в целом,

---

²⁵ DA MSP RS. 1974. PA. SAD. F-1. 36. (Беседа с заместителем директора службы военной разведки армии США генералом Вилсоном.)

²⁶ Sulzinger R. Op. cit. S. 299.

позиции Америки по всему миру. Поэтому США старались надавить на развивающиеся страны, — поставщиков основных полезных ископаемых и нефти, — дабы приостановить рост цен и сохранить привилегированное положение высокоразвитых промышленных держав на мировом рынке. Такой курс привел к конфронтации США с неприсоединившимися странами, которые на 4-й конференции Движения неприсоединения в Алжире (1973) приняли программу коренного изменения прежней системы международных экономических и политических отношений, а также поведения в мире. Противоречия между Америкой и неприсоединившимися усугублялись, что выразилось в ужесточении политики в отношении Югославии и одновременно в повышении интереса к ней из-за ее особого положения в Движении неприсоединения²⁷.

Несмотря на многочисленные «искры» между двумя странами, их экономическое сотрудничество в 1974 г. продолжалось с прежней интенсивностью и в соответствии со сложившейся практикой. Помимо прочего, состоялось подписание Договора о строительстве АЭС в Кршко²⁸, основана американо-югославская палата по развитию экономического, технического и научного сотрудничества, рос товарообмен, экспорт увеличился на 49%, а импорт на 95%. Заключены новые многочисленные соглашения о предоставлении кредитов, о взаимных инвестициях в объеме около 9 миллионов долларов, не прекращалось успешное научно-техническое сотрудничество, достигнуты определенные результаты культурно-просветительского сотрудничества. По всей вероятности, американская сторона осознала, что все попытки политического давления на Югославию не принесли ожидаемых результатов, и следовало перейти к применению «мягкой силы».

Необходимость продолжения сотрудничества с Югославией была обусловлена стратегическими интересами США в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и на Балканах. Пока в Средиземноморье бушевал кризис, Америка пришла к выводу, что независимая и монолитная Югославия служит фактором стабильности

---

²⁷ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američke nesuglasice oko koncepta novog međunarodnog ekonomskog poretka // *Istorija XX veka*. Beograd, 2014. № 1. S. 165–180; *AJ. KPR. I-4-a/15.* (4-я конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, Алжир, 5–10 сентября 1973.)

²⁸ О строительстве АЭС в Кршко см.: *Bondžić D.* Između ambicija i iluzija. Nuklearna politika Jugoslavije 1945–1990. Beograd : Institut za savremenu istoriju, 2016. S. 355–362, 396–399.

в регионе. Во взаимоотношениях с США главную силу Югославии придавала политика неприсоединения, а также та активная роль, которую она вместе с остальными неприсоединившимися странами играла на широкой международной арене. Однако Вашингтону претило активное югославское присутствие во всех проблемных регионах — на Ближнем Востоке, на Кипре и т. д.²⁹

Именно в таких обстоятельствах через четыре года после первого последовал второй визит госсекретаря Киссинджера, который, помимо прочего, должен был продемонстрировать Советскому союзу, что США всерьез заинтересованы в Югославии, а также лишить Москву посреднической роли в американо-югославской коммуникации. Ожидалось, что в ходе визита Киссинджер сосредоточит внимание на важных вопросах, которым предстояло определить долгосрочные отношения двух стран. В первую очередь, на взглядах Югославии на политику неприсоединения и ее практические действия, а также на развитии двустороннего военного сотрудничества. Американская сторона анонсировала переговоры на международные темы, в частности, о кризисных зонах — Кипре и Ближнем Востоке, Средиземноморье и, вообще, отношениях по линии Восток-Запад. Основная цель визита свелась к обеспечению беспрепятственного развития отношений с США и поддержанию всестороннего стабильного сотрудничества на принципах Вашингтонской декларации (1971). Такую цель можно было считать шагом вперед во взаимоотношениях, учитывая, что он последовал после периода усиленного американского давления на Югославию.

В глазах американцев Тито представлял националистом, который заботится о суверенитете и безопасности своей страны. При этом отмечалось, что его слова и дела нередко расходятся: «На словах он склонялся в пользу Востока, а на деле — в сторону Запада». В идеологическом отношении Тито был ближе к Москве, а на международной арене установил связи со странами третьего мира. Отдельное наблюдение касалось образа жизни народов Югославии, который значительно отличался от «жизни его советских коллег (так в тексте. — Прим. переводчика), и был гораздо ближе жизни каких-нибудь западных народов»³⁰.

²⁹ AJ. KPR. I-3-a/ SAD. (Визит Киссинджера в Югославию, 4 ноября 1974.)

³⁰ *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi u vreme bipolararnog detanta ...* S. 15–16; Подробнее см.: *Vučetić R. Koka kola-socijalizam. Beograd: Službeni glasnik, 2012.*

В Югославии с американским госсекретарем обращались как с одним из наиболее выдающихся мировых деятелей, на котором лежит бремя преодоления многочисленных кризисов Холодной войны. Не смотря на то, что в определенных кругах он считался неоднозначной фигурой из-за своего отношения к странам третьего мира, югославское руководство с большим уважением высказывалось о его программе и деятельности. В Белграде приезде Киссинджера и его встречам с югославским руководством придавали большое значение, потому что это были первые переговоры на высоком уровне с американской администрацией после окончания 10-го конгресса Союза коммунистов Югославии³¹.

Как показал многолетний опыт, имелись серьезные различия в том, как Югославия и Америка оценивали многие международные проблемы. Первая была убеждена, что суверенные права одного государства не должны нарушать суверенные права другого государства. Югославия была готова противостоять всем, кто относился без уважения к чужим правам, даже американской внешней политике. Югославское руководство полагало, что в основе такой позиции лежал не антиамериканизм, а сущностное разногласие и неприятие всех попыток нарушения основных принципов международных отношений. Таким способом СФРЮ защищала собственную независимость, суверенитет и территориальную целостность. Спротивляясь любому вмешательству извне и попыткам нарушить самостоятельное развитие какой бы то ни было страны, Белград противостоял провозглашенной американской политике интервенционизма³².

Согласно видению будущего СФРЮ американской администрацией, только устойчивая, цельная и независимая Югославия, не входящая в Варшавский договор или НАТО, имела жизненно важное значение для поддержания системы безопасности в Европе. Серьезные внутренние конфликты в Югославии, а также радикальные изменения ее внешнеполитического курса могли оказать негативное влияние на разрядку в Европе. В США полагали, что компартия в Югославии, в отличие прочих коммунистических

---

³¹ 10-й конгресс СКЮ прошел в Белграде с 27 по 30 мая 1974 г. после принятия новой конституции СФРЮ. На конгрессе было подчеркнуто значение демократического централизма, принята концепция самоуправления, основанного на совместном труде. Тито выбран председателем СКЮ без ограничения срока полномочий. Подтверждалось значение марксистского образования кадров и издания марксистской литературы.

³² AJ. KPR. I-3-a / SAD. (Визит Киссинджера в Югославию, 4 ноября 1974.)

стран, представляла собой институт, способствовавший сохранению целостности государства. По мнению американского политического руководства, Югославия после 1971 г. повела курс на «ужесточение», но не на возврат к советской или румынской внутривластной модели. Партия стремилась обуздать шовинизм, укрепляя позиции различных национальных групп в более широком югославском сообществе. Таким образом, партия пыталась воссоздать общегославский центр, задача которого заключалась в том, чтобы влиять, но не командовать партийными организациями, из которых она состояла³³.

Пока в Югославии с нетерпением ожидали приезда Киссинджера, в Америке против него развернулась ожесточенная кампания, поводом для которой стали безуспешные усилия госсекретаря по урегулированию Кипрского кризиса. Киссинджер подвергся особенно острой критике после выхода Греции из военной организации НАТО, а масло в огонь подлило обсуждение его роли в перевороте в Чили, который произошел при участии ЦРУ. За океаном полагали, что крах политики Киссинджера по кипрской проблеме нанес ущерб американским интересам в том регионе и, в целом, в НАТО. Поэтому от президента Форда потребовали отправить госсекретаря в отставку. Однако президент решил, что отстранение Киссинджера имело бы пагубные последствия, приведя к падению доверия в мире к американской политике. Вопреки давлению Форд поддержал Киссинджера, сохранив за ним обе должности³⁴. Президент направил Й. Б. Тито послание, в котором выразил пожелание продолжения сотрудничества и дальнейшего развития двусторонних отношений на базе принципов, заложенных в совместном заявлении 1971 г. Подчеркивалось также значение и важность существования независимой и внеблоковой Югославии, а также ее позиции на международной арене. В соответствии с этой линией госсекретарь Киссинджер обратился с посланием к своему коллеге югославскому государственному секретарю Миничу, в котором подтверждал преемственность американской политики, а также намерение посетить Югославию³⁵.

³³ DA MSP RS. 1974. PA. SAD. F-124. 455534. (Мнение американского истеблишмента о будущем Югославии, 31 октября 1974.)

³⁴ DA MSP RS. 1974. PA. SAD. F-124. 445570. (Информация президента Форда в связи с деятельностью и задачами ЦРУ, 23 сентября 1974.)

³⁵ DA MSP RS. 1974. PA. SAD. F-124. 443242. (Информация о влиянии смены президента США на американскую политику, 9 сентября 1974.)

Однако, выступление Тито в Есенице, посвященное кипрским событиям, вызвало бурю недовольства в Вашингтоне. Югославский лидер озвучил серьезные обвинения в адрес ЦРУ, назвав его вероятным организатором государственного переворота на Кипре. Подобные заявления могли послужить поводом и для отмены визита Киссинджера. Из-за всех этих событий и сам он не был уверен, оставить ли Югославию в программе своей поездки. Главным виновником вероятного ухудшения двусторонних отношений Киссинджер считал югославского лидера. Тогда же госсекретарь озвучил прямые угрозы в адрес Белграда: «Небезопасно подвергать нападкам США, никому не позволено нападать на нас и одновременно рассчитывать на нашу помощь»³⁶.

Белград был лишь одной из многих остановок в рамках турне, предпринятого Киссинджером по странам, располагавшимся вдоль южных границ СССР (Италия, Румыния, Иран, Афганистан, Индия, Бангладеш, Пакистан). 4 ноября 1974 г. американский госсекретарь прибыл в Югославию по приглашению заместителя председателя Союзного исполнительного вече (СИВ) и союзного секретаря по иностранным делам Милоша Минича. Во встрече, которая состоялась по прилете, с югославской стороны приняли участие Минич, председатель СИВ Джемал Биедич, а также председатель Й. Б. Тито. В ходе переговоров, которые прошли в открытой и дружественной атмосфере, был затронут ряд наиболее актуальных вопросов международной политики и двусторонних отношений. Главное внимание было уделено политике неприсоединения, особенно роли Югославии в ней, а также отношению американского правительства к политике неприсоединения и деятельности неприсоединившихся стран. Удалось обсудить и ситуацию в кризисных зонах по всему миру, в частности, на Ближнем Востоке и на Кипре. Обе стороны представили свои взгляды на пути решения актуальных мировых проблем, подтвердили важность поддержания регулярных контактов и консультаций на всех уровнях. Особое внимание было уделено проблемам, обременявшим международные экономические отношения и процессы. Подчеркнув, что все страны и народы по сути взаимозависимы, стороны согласились с тем, что подлинный мир и стабильность могут быть достигнуты только при значительном про-

---

³⁶ *Bogetić D.* Kiparska kriza 1974. i pogoršanje jugoslovensko-američkih odnosa // *Токви историје.* 2014. №3. S. 123–124.

грессе в решении острых проблем, стоящих перед человечеством в области международных экономических отношений, мирового хозяйства и развития. Долгосрочные решения таких проблем могли быть достигнуты только при уважении независимости, суверенитета и равенства государств независимо от их схожих или различных социальных, экономических и политических систем. В ходе переговоров обе стороны высказались за равноправное сотрудничество всех членов международного сообщества, основанное на уважении принципов Устава Организации Объединенных Наций в решении открытых международных проблем. Было подчеркнуто значение проводимой Югославией политики неприсоединения, которая способствовала более полному взаимопониманию между народами, поиску мирных решений международных проблем и конфликтов. Стороны также оценили двустороннее сотрудничество как успешное и выразили готовность к его дальнейшему совершенствованию и расширению, особенно в сфере экономического, финансового, технологического сотрудничества и совместных инвестиций. Было особенно подчеркнуто значение соглашения о сотрудничестве американских и югославских предприятий при строительстве первой югославской АЭС. Обе стороны выразили готовность активно способствовать дальнейшему расширению сотрудничества в сфере культуры³⁷.

В ходе беседы с председателем СИБ Д. Биедичем обе стороны выразили удовлетворение в связи с дружественным характером и положительными результатами совокупных отношений и сотрудничества между США и Югославией. Дружба и сотрудничество с Соединенными штатами представляли собой важный элемент югославской внешней политики. Председатель СИБ заявил, что югославская экономика достигла того уровня, когда она может предпринять более масштабную экспансию на базе новейших технологий и оборудования, которые США могли бы предоставить в качестве важного партнера СФРЮ. Биедич указал, что югославские предприятия заинтересованы в дальнейшем развитии сотрудничества, подкрепленного американскими знаниями, технологиями и финансовым участием. Эти пожелания югославского руководства имели решающее влияние на принятие решения о строи-

---

³⁷ DA MSP RS. 1974. PA. F-130. 454873. (Отчет об официальном визите американского госсекретаря Киссинджера в Югославию, 4 ноября 1974.); *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi u vreme bipolarnog detanta ...* S. 161–165.

тельстве американской компанией Westinghouse Electric первой в Югославии АЭС. Выступив за продолжение успешных деловых отношений с банком Exim, председатель СИБ также выразил желание, чтобы США распространили на Югославию преференциальный режим во всей его полноте. Благодаря сотрудничеству с Америкой СФРЮ смогла принять новый закон о совместных вложениях иностранного капитала.

В военно-экономической сфере сотрудничество развивалось не так успешно, как по остальным направлениям. В ходе переговоров с югославскими руководителями Киссинджер отметил, что именно США приостановили и заморозили сотрудничество в этой области. Председатель СИБ перечислил многочисленные негативные аспекты оно, подкрепив сказанное примерами. В частности, было упомянуто приобретение американских артиллерийских орудий, которые нельзя было использовать из-за отсутствия боеприпасов. Как указал Биедич, весь импорт из США сводился к поставке запасных деталей и боеприпасов для устаревшего и снятого с продажи американского оружия, которое, будучи давно закупленным, все еще находилось на вооружении Югославской народной армии. Поэтому от Киссинджера ожидали конкретных предложений по развитию военного сотрудничества³⁸.

Югославский и американский государственные секретари также обсудили действия обоих государств на международной арене. Киссинджер поддержал все шаги Белграда, направленные на защиту суверенитета СФРЮ. Союзный секретарь Минич изложил югославское видение деятельности Движения неприсоединения и его роли в мировых делах. Он также подчеркнул, что позиция, цели и требования неприсоединившихся стран — результат взаимодействия со всеми государствами, включая такие великие державы, как США, СССР и КНР. При этом неприсоединившиеся стремились избегать конфронтации, создания новых блоков, а также машины ООН по голосованию. Киссинджер выразил понимание принципов политики неприсоединения, но подчеркнул, что на практике неприсоединившиеся страны во всем шли наперекор Соединенным штатам, которые опасались, что движение может

---

³⁸ DA MSP RS. 1974. SFRJ. PA. F-7. 589. (Беседа председателя СИБ Д. Биедича с американским госсекретарем Г. Киссинджером, 4 ноября 1974.); FRUS. 1969–1976. Volume E-15. Part 1. Documents on Eastern Europe. 1973–1976. Yugoslavia. doc 71. Memorandum of Conversation. Belgrade. November 4. 1974.

превратиться в новый блок. Он также попытался заручиться поддержкой и пониманием югославского правительства в отношении американской ближневосточной политики «Шаг за шагом». Киссинджер особенно подчеркнул, что США стремятся к долгосрочному урегулированию Ближневосточного кризиса.

Однако саммит в Рабате³⁹ привел к ослаблению американской позиции на переговорах по урегулированию Ближневосточного кризиса. А именно, перед американским госсекретарем встала задача прийти к соглашению с руководством Организации освобождения Палестины как единственным представителем палестинского народа. По мнению госсекретаря Саммит в Рабате лишь осложнил реализацию американской стратегии постепенного решения ближневосточной проблемы. Киссинджер полагал, что только правительство США имело возможность выступать в роли посредника между противоборствующими сторонами. Югославский истеблишмент во главе с председателем Тито не поддержал эту позицию, осудив «американскую релятивизацию вины Израиля за обострение конфликта на Ближнем Востоке». Это позволяет констатировать, что Тито и Киссинджеру не удалось выработать совместных решений по проблеме⁴⁰. В отличие от Ближневосточного кризиса, когда речь зашла о ситуации на Кипре, американский госсекретарь весьма подробно изложил американский подход, который предполагал оказание Кипру помощи с целью защиты его суверенитета и территориальной целостности. Вербальные усилия Киссинджера должны были продемонстрировать, что США не заинтересованы ни в появлении новой горячей точки, ни в совершении государственного переворота на Кипре. Решение проблемы американская сторона видела в установлении федерализма, который стал бы результатом соглашения двух общин⁴¹. Югославскому лидеру позиция Киссинджера по кипрской проблеме, предполагавшая федерализацию страны с учетом некоторых географических нюансов, казалась совершенно нереалистичной. Югославской стороне приходилось проявлять большую осто-

---

³⁹ Саммит в Рабате (Марокко) прошел в октябре 1974 года и собрал лидеров двадцати арабских стран. На этом саммите принята резолюция, согласно которой Организация освобождения Палестины впервые признана арабскими странами единственным законным представителем палестинского народа.

⁴⁰ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi u vreme bipolarnog detanta... S. 161–165.

⁴¹ DA MSP RS. 1974. PA. SFRJ. F-130. 45349. (Депеша из Кабинета Союзного секретаря М. Минича. 7 ноября 1974.)

рожность в решении кипрской проблемы. Следовало иметь в виду, что открытое участие в урегулировании может дорого обойтись ей. Кроме того, ради улучшения отношений с США СФРЮ пришлось бы отодвинуть на второй план свои собственные жизненные интересы⁴².

В завершение переговоров стороны коснулись еще одной проблемы, отягощавшей двусторонние отношения. Речь шла о Триестском кризисе, который находился в острой фазе из-за югославско-итальянского конфликта вокруг бывшей Зоны Б. А именно, 6-й флот вместе с итальянскими вооруженными силами участвовал в учениях, проходивших в северной Адриатике неподалеку от Триеста. Подобные действия Америки в Югославии воспринимались как поддержка итальянских территориальных претензий к Югославии⁴³. Американская сторона заявила, что заинтересована в решении триестской проблемы посредством переговоров, что внесло бы большой вклад в ослабление напряженности в Европе. В итоге обе стороны пришли к единому выводу, что вопрос должен решаться на двусторонней основе, т. е. двумя заинтересованными странами. Не вызвала возражений констатация, что такой исход послужил бы практичным и конкретным вкладом в работу Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подход госсекретаря США к отношениям с Югославией указывал на необходимость постоянного межгосударственного политического диалога на самом компетентном уровне. К этому побуждала взаимная заинтересованность в продолжении и укреплении отношений и сотрудничества, а также в устранении препятствий на его пути. Визиты на высшем уровне — Никсона в Югославию, Тито в Соединенные Штаты и Киссинджера в Белград — показали, что главная цель состояла в том, чтобы продемонстрировать хорошие отношения с Югославией на фоне глобальной активности США, а также заручиться ее поддержкой американской поли-

---

⁴² *Bogetić D.* Kiparska kriza ... S. 127–128.

⁴³ AJ. KPR. I-3-a/107–210 (Югославско-итальянские отношения.)

⁴⁴ DA MSP RS. 1974. PA. SAD. Str. Pov. 510. (Стенограмма беседы союзного секретаря иностранных дел М. Минича и американского госсекретаря Г. Киссинджера, 4 ноября 1974.)

тики на Ближнем Востоке и на Кипре. Визит Киссинджера должен был, во-первых, показать Советам, что у американцев есть значительные интересы в таких странах, как Югославия, и, во-вторых, помешать СССР использовать разрядку для проникновения в эти регионы. Приезд госсекретаря означал окончание фазы «замораживания» политических отношений, ставшей следствием американского давления на Югославию. Даже сами американцы пришли к выводу, что «замороженные» политические связи и давление на Югославию не принесли ожидаемых результатов, а, напротив, оказались контрпродуктивными с точки зрения американских долгосрочных интересов в ее отношении. Киссинджер хотел продемонстрировать, что он с пониманием и уважением относится к Югославской политике неприсоединения. Тем не менее, он полагал, что практическая реализация принципов неприсоединения и общие выступления в их духе, особенно, конкретные совместные действия неприсоединившихся стран в ООН противоречили стратегическим интересам США. Поиск точек соприкосновения с Югославией в международных делах показал, что американцы готовы некоторые глобальные проблемы (энергии, ресурсов, продовольствия) решать на широкой основе с участием развивающихся стран. Те, впрочем, воспринимались не как партнеры, а как фактор, который в силу сложившихся обстоятельств невозможно игнорировать. Надаживая сотрудничество и хорошие отношения с Югославией, Соединенные Штаты рассчитывали влиять не только на югославскую политику, но и на Движение неприсоединения в целом, чтобы снизить сопротивление американским стратегическим целям и деятельности на международной арене. Переговоры с Киссинджером послужили подтверждением и актуализацией принципов двусторонних отношений, сформулированных в совместном заявлении 1971 г. Для Югославии визит имел значение не только с точки зрения сотрудничества с США, но и ее положения на международной арене в целом.

Киссинджер выступал за конкретные действия в рамках военного сотрудничества двух стран. Упомянув различное географическое положение, историю и идеологию двух стран, он отметил, что американская сторона относится с пониманием к особым югославским потребностям.

Конечная цель США в отношении Югославии состояла в поддержке ее независимости, стабильности и единства перед лицом СССР. Для Югославии развитие хороших отношений с США

представляло один из основных компонентов ее внешней политики на протяжении всего послевоенного периода.

Главной силой Югославии в отношениях с США была последовательная политика неприсоединения и ее активная роль в совместных действиях с другими неприсоединившимися странами на широком международном поприще. Югославская сторона расценила визит американского госсекретаря как полезный. Однако, по мнению югославского политического руководства, он не повлиял существенным образом на двусторонние взаимоотношения.

Наконец, можно констатировать, что визит Киссинджера имел большое значение для югославо-американских отношений, особенно для их политической составляющей. Новым в американской позиции было согласие с мнением Югославии (а также всего Движения неприсоединения), что мира и стабильности в мире невозможно достичь без прогресса в решении экономических вопросов.

Перевод с сербского А. А. Силкина

Л. В. Ульянова

ПРОТОКОЛЫ ГОЛОСОВАНИЯ ПО ГОРОДУ СЕВАСТОПОЛЮ НА РЕФЕРЕНДУМЕ О НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ 1 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА:

анализ источникового комплекса

Референдум о независимости Украины, прошедший 1 декабря 1991 года на территории тогдашней Украинской ССР, был посвящен вопросу подтверждения Акта о независимости Украины, принятому Верховным Советом УССР 24 августа 1991 года сразу же после «августовского путча».

Это был третий референдум, проходивший на территории Севастополя и Крымской Автономной ССР за 1991 год. 20 января 1991 года состоялся референдум по вопросу о восстановлении Крымской области статуса автономной республики, в Севастополе одновременно с этим референдумом провели собственный референдум — о статусе Севастополя как города союзно-республиканского подчинения. Затем 17 марта 1991 года имел место референдум, получивший в литературе не совсем корректное название «о сохранении Союза» (вопрос касался не «сохранения Союза» в смысле СССР, существовавшего с 1922 года, сколько участия в «обновленном союзе суверенных государств»). На территории Украинской ССР в этот же день прошел «опрос населения» на тему «поддержки «Декларации о государственном суверенитете Украины»» от 16 июля 1990 года. Жители Крымского полуострова принимали участие не только в «союзном референдуме», но и в «опросе жителей УССР». И, наконец, 1 декабря 1991 года состоялся «всеукраинский референдум» о независимости, совмещенный с выборами первого президента Украины.

Референдум о независимости Украины в истории Севастополя и Крыма в лучшем случае упоминается мимоходом, как событие малозначимое для этих территорий. В научной литературе, в публицистике, в воспоминаниях обычно обсуждается январский референдум 1991 года «о статусе Крыма»¹, причем слабо исследована и история участия в этом референдуме Севастополя с отдельным вопросом о статусе города². Можно предположить психологическую причину такой аберрации памяти в отношении событий начала декабря 1991 года: этот референдум оказался забыт на фоне последовавших вскоре после него Беловежских соглашений, поставивших точку в существовании СССР.

Однако обращение к источникам того времени показывает, что для конституирования независимой Украины референдум 1 декабря 1991 года имел принципиальное значение, также как и для удержания Украиной в своем составе территории Крымского полуострова³. При этом абсолютно неисследованным является во-

---

¹ *Багров Н. В.* Крым. Время надежд и тревог. Б.м., 1995; *Горбачев С. П.* Севастополь в третьей обороне, 1991–19 ... : Хроника одного противостояния с элементами развала. Севастополь, 1995; *Горбачев С. П.* Пессимистическая трагедия или ЧФ и Севастополь в судьбе России. М., 1998; *Чикин А. М.* На разломе. Черноморский флот. Хроника противостояния. СПб, 1998; Испытание Украиной. Сб. ст. М., 1999; *Федоров А. В.* Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М., 1999; *Касатонов И. В.* Записки командующего Черноморским флотом. М., 2000; *Костриченко В. В.* Трагедия Черноморского флота. 1990–1997 // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2000. С. 150–176; *Мальгин А. В.* Крымский узел: Очерки политической истории Крымского полуострова, 1989–1999. Симферополь., 2000; *Багров Н. В.* Региональная геополитика устойчивого развития. Киев, 2002; *Усов С. А.* Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР: (историко-политологический анализ). Севастополь, 2003; *Мальгин А. В.* Украина: соборность и регионализм. Симферополь, 2005; Крым. Севастополь. Россия. История. Геополитика. Будущее. М., 2006; *Пащенко В. Н.* Крымская область в советский период (1946–1991 гг.). Симферополь, 2008; *Вишняков В. Г.* Крым: право и политика. М., 2011; *Томсинов В. А.* «Крымское право», или юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М., 2015; *Грач Л. И.* Крым. Моя любовь, жизнь и судьба. Севастополь, 2017; Крым. Память. Право. Воля. 1954–2014. М., 2019; Право крымчан на самоопределение. Предпосылки и эволюция «крымской весны». М., 2020.

² Подробное исследование данного вопроса см. статьи автора этих строк: *Ульянова А. В.* Распад СССР и Севастополь: в поисках государственности // 10.01.2022. <https://regnum.ru/article/3471179>; *Ульянова А. В.* Референдумы Севастополя: в обретении статуса города // 16.03.2022. <https://regnum.ru/article/3535337>.

³ См. статью в официальной газете Верховного Совета УССР на следующий день после референдума с комментариями о результатах голосования в Крымской

прос, каким образом были получены те результаты голосования, которые были объявлены официально: 54% «за» независимость Украины в Крымской АССР, 57% «за» в городе Севастополе (голосование происходило по двум независимым друг от друга избирательным округам)⁴.

Данная статья посвящена анализу сохранившихся в Государственном архиве города Севастополя (ГАГС) протоколов участковых и районных комиссий по референдуму «о поддержке Акта независимости Украины». Источниковый комплекс представлен делами с протоколами участковых комиссий по четырем районам Севастополя, отложившихся в фондах районных исполнительных комитетов по референдумам 20 января и 1 декабря 1991 года⁵, и делами из фонда городского исполнительного комитета, касающихся также двух референдумов 1991 года⁶. Кроме того, были проанализированы материалы городской газеты «Слава Севастополя», в первую очередь, с публикациями адресов избирательных участков по каждому району города в январе и декабре 1991 года⁷.

Для корректной реконструкции процесса голосования в Севастополе на «всеукраинском референдуме» 1 декабря 1991 года была разработана следующая методика:

1. Сравнительно-сопоставительный анализ протоколов участковых комиссий четырех районов города (Балаклавский, Га-

---

АССР по вопросу независимости Украины: Крым: не расстанусь с Украиной // Правда Украины. 1991. 2 декабря. С. 1. Более подробно этот вопрос рассмотрен в статьях: Ульянова Л. В. Референдум о независимости Украины 1 декабря 1991 года // 30.11.2022: <https://sevastopol.su/news/referendum-o-nezavisimosti-ukrainy-1-dekabrya-1991-goda-bomba-zamedlennogo-deystviya>; Ульянова Л. В. «Подарок Хрущева» в политических играх осени 1991 года // ForPost. Новости Севастополя. 24.03.2023: <https://sevastopol.su/news/podarok-hrushcheva-v-politicheskikh-igrakh-oseni-1991-goda>; Ульянова Л. В. Что не так с цифрами по референдуму 1 декабря 1991 года? Доказательство первое // ForPost. Новости Севастополя. 20.05.2023: <https://sevastopol.su/news/polozhitelnoe-reshenie-kryma-i-sevastopolya-na-referendume-o-nezavisimosti-ukrainy-bylo>.

⁴ Ведомость по результатам Всеукраинского референдума, 1 декабря 1991 г. // ЦДАВО Украины. Ф. 1. Оп. 28. Спр. 144. Арк. 6. (пер. с укр. яз.). Цит. по: Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). Сборник документов. Под общ. ред. С. М. Шахрая. М., 2009–2016. Т. 2. С. 632–633.

⁵ ГАГС. Ф. Р-186. Оп. 3. Д. 9, 13, 14; Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 13, 14, 15; Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 16, 18; Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 14, 15.

⁶ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 9. Д. 17, 18, 20.

⁷ Слава Севастополя. 1990. 14 декабря. С. 2–3; Слава Севастополя. 1991. 2 октября. С. 2–3, 11 октября. С. 4.

- гаринский, Ленинский, Нахимовский) между собой по специальным критериям и с протоколами районных комиссий;
2. Сравнительно-сопоставительный анализ протоколов участковых комиссий и районных комиссий на референдуме 20 января и 1 декабря 1991 года;
  3. Сравнительно-сопоставительный анализ протоколов участковых комиссий с итоговыми протоколами районных комиссий на обоих референдумах;
  4. Сравнительно-сопоставительный анализ адресов участков для голосования на обоих референдумах;
  5. Выделение критериев, по которым можно определить численность жителей, имевших право голоса на обоих референдумах;
  6. Выявление существовавших юридических правил и практики заполнения протоколов на трех референдумах 1991 года, включая «союзный референдум»⁸.

Исходным посылом для анализа послужила выявленная автором этих строк разница между количеством людей в Севастополе, наделенных правом голоса, на трех референдумах 1991 года:

- январь 1991 года, статус Крыма — 284 197,
- январь 1991 года, статус Севастополя — 282 347,
- март 1991 года, обновленный Союз — 316 421,
- март 1991 года, Декларация УССР — 312 885,
- декабрь 1991 года, независимость Украины — 307 024.

Стоит отметить, что максимальное число жителей, наделённых правом голоса (316 тысяч), было на союзном референдуме (очевидно, в нем в Севастополе голосовали все граждане Советского Союза). Чуть меньше (312 тысяч) имело право участвовать в Севастополе в опросе конкретно Украинской ССР на тему её Декларации о суверенитете. Логично предположить, что речь в данном случае шла только о тех гражданах СССР, которые постоянно проживали на территории УССР на март 1991 года. Таким образом, можно зафиксировать, что при организации на территории УССР голосований, касающихся статуса территории, правом голоса наделялись в соответствии с местом проживания (постоянного или временного).

Численность жителей Севастополя, «прописанных или проживающих на момент составления списка» для голосования, была за-

---

⁸ Дела с протоколами референдума 17 марта 1991 года см.: ГАГС. Ф. Р-186. Оп. 3. Д. 11, 12; Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 12; Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 13.

фиксирована на январском референдуме 1991 года о статусе Севастополя. В голосовании по вопросу о статусе Севастополя 20 января 1991 года, согласно Временному положению о референдуме в городе Севастополе, были наделены правом голоса только местные жители (включая людей с временной регистрацией): «В списки включаются граждане СССР, достигшие ко дню или в день референдума 18 лет, т. е. родившиеся до 21 января 1973 года, прописанные или проживающие на момент составления списка на территории данного участка для голосования. Военнослужащие, проживающие за пределами расположения воинских частей, включаются в списки по месту жительства на общих основаниях. В референдуме также принимают участие военнослужащие, проходящие срочную службу в воинских частях и подразделениях, расположенных на территории области и г. Севастополя, которые до призыва проживали в Крыму и в г. Севастополе»⁹.

Таким образом, референдум о статусе Севастополя, проведенный в январе 1991 года, зафиксировал число жителей Севастополя, которые были наделены правом голоса, — 282 347. И это меньше почти на 25 тысяч в сравнении с численностью людей, наделенных правом голоса на «всеукраинском референдуме» — 307 024.

Столь существенный рост списка избирателей в течение года на референдуме одного типа: голосовании, определяющем будущий статус территории, ее государственную принадлежность (при отрицательном голосовании «за» независимость Украины Севастополь и Крымская АССР автоматически не выходили бы из состава СССР, сколь бы эфемерным ни казалось его гражданам существование страны к 1 декабря 1991 года) — и привлек изначально внимание автора этих строк.

Обращение к обозначенному выше комплексу источников совокупно по двум референдумам позволило сформулировать ряд параметров, по которым имеет смысл провести анализ голосования 1 декабря 1991 года.

Одним из первых параметров для анализа стало определение количества, нумерации и адресов избирательных участков, на которых образовывались самостоятельные участковые комиссии, подчинявшиеся четырем районным комиссиям, соответственно четырем районам Севастополя: Балаклавскому, Гагаринскому, Ленинскому, Нахимовскому. Районные комиссии, в свою очередь,

---

⁹ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 9. Д. 20. Л. 6.

подчинялись городской окружной комиссии. Комиссии всех уровней исполняли обязанности сразу по двум голосованиям: по проведению референдума о независимости Украины и по выборам президента Украины.

Таблица №1. Избирательные участки на референдумах 20 января и 1 декабря 1991 года по данным газеты «Слава Севастополя» (нумерация, общее количество, распределение по районам)

Район	Январь, участки			Декабрь, участки		
	Всего	Откр.	Закр.	Всего	Откр.	Закр.
Балаклавский	1–34	1–34	—	1–35	1–35	—
Гагаринский	101–133	101–133	—	101–134	101–134	—
Ленинский	251–350	251–308	309–350	251–350	251–309	310–350
Нахимовский	351–400	351–400	—	351–445	351–401	402–445

Общее количество участков для проведения выборов первого президента Украины и «всеукраинского референдума», если ориентироваться на информацию, опубликованную в октябре 1991 года в газете «Слава Севастополя» от имени районных исполнительных комитетов города, составляет 262: 35 участков — в Балаклавском, 34 — в Гагаринском, 99 — в Ленинском, 94 — в Нахимовском районах города.

В сравнении с референдумом 20 января 1991 года количество участков и их численное распределение между районами принципиально не изменилось, за исключением появления «закрытых» (автономных) участков, т. е. участков для голосования военнослужащих Черноморского флота, в Нахимовском районе. Изменения в количестве открытых участков (на один больше в каждом из четырех районов) было связано с разделением «больших» участков на два, а также с образованием нового участка в Балаклавском районе после состоявшейся в октябре 1991 года передаче в его состав сел Терновка и Родное из состава Бахчисарайского района Крымской АССР.

Информацию газеты «Слава Севастополя» стоит признать достоверной применительно к закрытым участкам (в двух районах города на голосовании 1 декабря 1991 года — 83). Прото-

колов голосования на такого типа участках ни в январе, ни в декабре 1991 года на данный момент не обнаружено. Однако сводная ведомость Нахимовского района города на референдуме 20 января 1991 года содержит итоговые данные о голосовании на закрытых участках № 401–421¹⁰, в то время как, согласно официальной информации Нахимовского районного исполкома от 14 декабря 1990 года, в этом районе образовывались только «открытые» участки. Обращает внимание, что количество закрытых участков в Нахимовском районе на январском референдуме (20 участков) в два с лишним раза меньше количества закрытых участков по данным газетной публикации на декабрьском референдуме (43 участка). Скорее всего, данное несоответствие связано, в первую очередь, с секретным характером информации о местах дислокации воинских частей и численности военнослужащих Черноморского флота на 1991 год.

В связи с отсутствием протоколов голосования на закрытых участках на данный момент представляется возможным сосредоточиться на анализе голосования на открытых участках.

Общее количество открытых участков, согласно подсчету автора этих строк и по газетным публикациям, и по архивным материалам, составляет 178. Можно говорить о практически стопроцентной сохранности данного комплекса архивных источников, т. к. отсутствует протокол только одного участка (398-й участок Нахимовского района). Согласно газетной публикации, 398-й участок располагался в городской больнице № 3. Судя по протоколам участковых комиссий из других больниц Севастополя, «списочный» состав 398-го участка не мог превышать 500 человек. Таким образом, отсутствие протокола 398-го участка является не критичным для общей реконструкции процесса и результатов голосования. В то же время в протоколах по Гагаринскому району есть 141-й участок, не известно, что собой представляющий, т. к. его адрес не был опубликован в газете (публичная нумерация участков Гагаринского района — 101–134). Возможно предположить, что это один случайно попавший в «открытую» часть протокол с «закрытых участков», но это предположение не подтверждается внешним видом данного протокола, который идентичен протоколам всех других открытых участков. Этот участок учтен автором в анализе голосования в Гагаринском районе.

---

¹⁰ ГАГС. Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 15. Л. 53–56, 107–110.

Дело с протоколами голосования по Гагаринскому району имеет еще одну особенность. По этому району голосовали суда СПОРП «Атлантика». Каждое судно представляло собой отдельный участок, их нумерация — с 147 по 198. Протоколы голосования судов «Атлантики» имеют свои особенности, поэтому их представляется оправданным проанализировать как отдельный комплекс источников, не включая в анализ протоколов открытых участков Гагаринского района.

Однако какую часть населения с правом голоса на референдуме 1 декабря 1991 года охватывают сохранившееся 177 протоколов открытых участков и 50 протоколов голосования на судах «Атлантики»? Согласно подсчетам автора этих строк, это число — 289 437, что составляет 94% общего «списочного» состава на данном референдуме (307 024).

Таким образом, источниковый комплекс позволяет проанализировать голосование на «всеукраинском референдуме» по городу Севастополю с точностью, близкой к 100 процентам, и охватывает этот анализ 94% жителей, наделенных правом голоса. Методика подсчета результатов голосования на закрытых участках будет предложена в конце статьи.

Протоколы участковых комиссий «всеукраинского референдума» представляют собой отпечатанный бланк на украинском языке (на многих протоколах присутствуют карандашные пометы на русском языке, что означают те или иные пункты бланка). Протоколы заполнялись членами участковой комиссии от руки (за исключением одного участка — поселка Осипенко) по следующим пунктам:

1. Количество людей, имеющих право голоса;
2. Количество людей, получивших бюллетени;
3. Количество бюллетеней, оказавшихся в урне;
4. «За»;
5. «Против»;
6. «Недействительно»;
7. Количество бюллетеней, полученных участковой комиссией;
8. Количество бюллетеней, погашенных участковой комиссией.

В случае правильного заполнения протокола числовые выражения каждого пункта должны согласоваться друг с другом, в частности, разница пунктов 7 и 8 должна давать пункт 2, а сумма пунктов 4, 5 и 6 совпадать с пунктом 3.

Согласно «Закону Украинской ССР о проведении всеукраинского и местного референдумов» от 3 июля 1991 года, «ре-

ферендум признается не состоявшимся, если в нем приняло участие менее половины граждан, внесенных в списки для голосования»¹¹. Стоит обратить внимание на данную формулировку: «граждане, внесенные в списки для голосования». Эта фраза, очевидно, оставляла определенный простор в определении критериев «списка для голосования», т. к. из нее оставалось неясным соотношение с формулировкой «люди, имеющие право голоса». Сейчас важно отметить, что, с точки зрения данного закона, главным было соотношение между «явкой» и «списком для голосования».

Поэтому особое внимание в рамках данной статьи было уделено соотношению пунктов 1 и 2 и пониманию этих пунктов в участковых и районных комиссиях.

В целом же проведенный анализ протоколов как источникового комплекса касался параметров 1 (т. е. списочный состав), 2 (т. е. явка); соотношения на каждом участке 4, 5 и 6 пунктов (т. е. голосов «за», «против», «недействительно»); а также соотношения пунктов 2, 7 и 8. Кроме того, отдельно был проведен анализ правок и ошибок при заполнении протоколов, их основных видах и возможных причин их появления.

Результаты анализа были сгруппированы автором этих строк следующим образом:

1. Участки с «явкой» менее 50%;
2. Участки, на которых «явка» незначительно превышает 50% порог;
3. Участки, на которых голоса «против» превышают голоса «за»;
4. Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают «за»;
5. Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме несколько меньше, чем голоса «за»;
6. Участки, протоколы которых содержат либо правки, либо ошибки в подсчетах.

Результаты этого анализа представляется логичным представить в виде таблиц, вначале по районам, а потом — по отдельным параметрам.

---

¹¹ Закон Украинской Советской Социалистической Республики о всеукраинском и местном референдумах // Ведомости Верховного Совета УССР. 1991. 13 августа. №33. Ст. 443. С. 920.

Дело с протоколами участковых комиссий по голосованию на «всеукраинском референдуме» по Ленинскому району имеет отличительную особенность: в нем есть сводная ведомость. Поэтому представляется оправданным начать анализ с протоколов голосования по Ленинскому району Севастополя.

Таблица №2. Анализ протоколов участковых комиссий Ленинского района

Параметры	№№ участков	К-во участ-ков	% к числу участков района
Участки с «явкой» менее 50%	251, 271, 274, 298	4	6%
Участки, на которых «явка» незначительно превышает 50 % порог	252, 269, 270, 273, 288, 290, 299	7	11%
Участки, на которых голоса «против» превышают голоса «за»	255–268, 272, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 293, 299, 307	24	41%
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают «за»	254, 285, 292, 302, 304	5	8%
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»	269, 273, 277, 282, 286, 289, 291, 295, 297, 298, 300, 301, 303	13	22%
Участки, протоколы которых содержат либо правки, либо ошибки в подсчетах	272, 280, 285, 298, 304, 305, 306	7	11%
«Сомнительные» участки по разным параметрам	273, 282, 297, 299	4	6%

Обращает внимание, что почти половина открытых участков Ленинского района проголосовала «против» независимости Украины, а результаты еще 5 участков, по сути, являются пограничными. Например, 254-й участок: «за» — 429, «против» — 423, т. е. меньше всего на 6, и еще 45 — «недействительно». Или 292-й участок, где «за» проголосовало 523, 471 — «против», а 63 бюллетеня было признано недействительными. Сумма 471 и 63 пре-

вышает «за» на 9 голосов. Столь высокий процент недействительных бюллетеней не является, конечно, юридическим фактом, но позволяет предположить, что часть голосов «против» могли записывать в «недействительные» бюллетени.

Еще 13 участков можно отнести к категории «сомнительных» по тому же параметру: с одной стороны, голоса «за», с другой стороны — сумма голосов «против» и «недействительные бюллетени». Например, на 282-м участке проголосовали следующим образом: 577 — «за», 521 — «против» (превышение на 56 голосов), 8 бюллетеней было признано недействительными, но при этом куда-то исчезло 54 бюллетеня (явка — 1 160, урна — 1 106). Или на 289-м участке 642 голоса было «за», 593 — «против», 41 — «недействительно», т. е. сумма «против» и «недействительно» оказывается меньше параметра «за» всего на 8 голосов. И так далее.

В то же время для моего анализа важнее не соотношение голосов «за» и «против», а то, как выглядят параметры, связанные со списочным составом и явкой на участки.

В Ленинском районе было 4 участка, на которых явка не достигла 50%. Сильно меньше половины была явка, например, на 274-м участке: 458 человек из 1 289 (36%). На 298-м участке, наоборот, до «порога» явки не хватило всего 10 человек: явка составила 669 человек при общем списочном составе в 1 358 (49%, порог явки в данном случае — от 679).

Стоит отметить, что участки, на которых явка чуть превысила 50% порог, обращают на себя внимание в комплексе при сравнении с другими параметрами, а также при сравнении этих участков с показателями январского референдума 1991 года о статусе Севастополя.

Таблица №3. Примеры «подозрительных» протоколов голосования в Ленинском районе

№ уч.	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Не-действ.	Бюл. в ко-миссии	Погашено бюл.
269	2 169	1 254	1 254	636	560	58	2 446	1 192
270	1 841	957	957	564	327	66	1 849	892
273	748	485	485	258	214	13	816	331

На участке № 269 сумма голосов «против» и «недействительно» ($560 + 58 = 618$) всего на 18 голосов меньше голосов «за» (636). Обращает внимание, что в комиссии было бюллетеней (2446) заметно больше списка (2169), а количество погашенных бюллетеней (1192) не принципиально меньше явки (1254, разница составляет 62). Порог явки при списке в 2169 человек начинается от 1085, таким образом превышение 50% порога на этом участке составляет 169 человек ($1254 - 1085 = 169$). При сравнении «списка» по этому участку между январским и декабрьским референдумами оказывается, что в декабре «список» больше на 203 человека (в январе этот параметр равен 1966, в декабре — 2169), а вот количество домов¹² на всеукраинском референдуме в несколько раз меньше, чем на референдуме о статусе Севастополя и Крыма. Поэтому логично предположить, что и численность людей на этом участке в декабре должна была быть заметно меньше, а не больше в сравнении с протоколом голосования в январе. Всё это в совокупности позволяет предположить (хотя и не доказать) махинации со всеми параметрами голосования, имевшими пограничное значение, на 269-м участке.

Аналогичный анализ 270-го участка позволяет предположить относительную обоснованность заявленного «списка» (1841 человек), что больше почти на треть (560 человек) январского показателя по этому участку (1281). В то же время на декабрьском референдуме в сравнении с январским увеличилось и количество домов на этом участке. Но поскольку порог явки превышен всего на 36 человек (порог явки — от 921, явка показана как 957, т. е. составила 52%), то оправданность заявленного «списка» можно было бы установить, только проанализировав списочный состав данного участка, а этот вид источника пока не найден и, скорее всего, вообще не сохранился.

Такие же вопросы возникают в отношении ряда других участков Ленинского района, например, участка № 252 (порог явки превышен на 25 человек, явка 53%, рост списка в сравнении с январем на 60 человек) и участка № 288 (явка 54%, порог явки превышен на 84 человека, рост «списка» в сравнении с январем на 237 человек).

---

¹² Ср. адреса 269-го участка на январском и декабрьском референдумах: Слава Севастополя. 1990. 14 декабря. С. 2–3; Слава Севастополя. 1991. 2 октября. С. 2–3, 11 октября. С. 4. Далее анализ адресов участков будет проводиться по этим же источникам без специальной ссылки.

Это позволяет отнести данные участки к категории «подозрительных», в первую очередь, по параметру «явки». Если же полагать, что «явка» была намеренно завышена, то показанный «плюс» по явке при подсчете голосов, логично предположить, распределялся на голоса «за» независимость Украины, а не «против».

Анализ источников по 273-му участку позволяет предположить обратный тип махинаций при заполнении протоколов участковыми комиссиями: намеренное занижение параметра «список» с целью показать наличие явки. На январском референдуме «список» данного участка состоял из 1 342 человек, в декабре — из 748, т. е. менее, чем за год, участок «лишился» 594 людей, наделенных правом голоса, несмотря на то, что в декабре в состав участка включили дома №63–95 по ул. Николая Музыки, относившиеся ранее к 274-му участку. Порог явки при списочном составе в 748 человек — 374 человека, явка на голосовании на «всеукраинском референдуме» по этому участку составила 485 человек или 65%, что выше средней по району (63%, подсчет автора этих строк).

Еще одна особенность протоколов по голосованию на всеукраинском референдуме по городу Севастополю, присущая и Ленинскому району — это наличие следов правок на протоколах, либо наличие чисел, которые не согласуются с другими, из-за чего невозможно составить представление о других параметрах голосования по данному участку, соответственно, протокол в целом оказывается «неработающим».

В Ленинском районе протоколы пяти участков содержат ошибки в подсчетах. Для наглядности приведу данные этих протоколов в таблице.

Таблица №4. Протоколы с ошибками в подсчетах по Ленинскому району

№ уч.	Список (1)	Явка (2)	Урна (3)	За / Против / Не-действ. (4, 5, 6)	Было бюл. (7)	Погашено бюл. (8)
272	1 298	1 290	747	284 / 440 / 23	1 298	543

Комментарий: Разница между параметрами 7 и 8 должна давать параметр 2, а не параметр 3 (1 298 – 543 = 747). Т. к. явка по данному участку неизвестна, то не известно истинное распределение голосов по параметрам 4, 5 и 6. В сводной ведомости «явка» исправлена с «1 290» на «755», что совпадает с разницей параметров 7 и 8.

285	2 118	1 231	1 227	607 / 585 / 25	2 118	887
-----	-------	-------	-------	----------------	-------	-----

Комментарий: Сумма параметров 4, 5, 6 меньше на 10 голосов параметра 3. В сводной ведомости эта ошибка исправлена путем добавления 10 голосов к голосам «за».

298	1 358	669	664	367 / 241 / 56	1 374	710
-----	-------	-----	-----	----------------	-------	-----

Комментарий: Разница параметров 7 и 8 дает параметр 3, а не параметр 2. До порога явки не хватает 10 человек (порог явки — 679). Разница параметров 2 и 3 позволяет предположить, что «явку» при заполнении протокола пытались поднять до порогового значения.

304	2 203	1 302	1 302	639 / 632 / 31	1 302	908
-----	-------	-------	-------	----------------	-------	-----

Комментарий: Разница параметров 7 и 8 (1 302 минус 908) — 394, что существенно выше параметра 3. В сводной ведомости нет граф 7 и 8, поэтому сравнение невозможно. Если в порядке предположения вычтеть параметр 8 из параметра 1, то получится число, более близкая к явке: $2\,203 - 908 = 1\,295$, т. е. разница в 7 голосов между результатом данных вычислений (1 295) и «урной», показанной в протоколе (1 302). Это совпадает с разницей между голосами «за» (639) и «против» (632) — превышение на 7, что позволяет предположить намеренное увеличение параметров 2, 3 и 4, скрытое за счет неправильного заполнения граф 7 и 8, которые не отражались в сводной ведомости.

306	500	329	329	211 / 98 / 20	465	436
-----	-----	-----	-----	---------------	-----	-----

Комментарий: Разница параметров 7 и 8 дает число 29, что ровно на 300 меньше параметров 2 и 3. Можно предположить, что явка составила 29 человек, к которой потом была подписана цифра «3» и получились «явка» / «урна» в количестве 329 человек.

Анализ правок на данных участках Ленинского района приводит к выводу, что на «всеукраинском референдуме» в Севастополе имели место и махинации с явкой, и накрутки голосов «за». Размеры этих накруток установить затруднительно, по Ленинскому району их удалось выявить лишь в тех случаях, где эти накрутки привели к ошибкам при заполнении ведомости. Однако в целом это означает, что определенные выше как «подозрительные» параметры (незначительное превышение порога явки на 7 участках, а также 18 участков этого района, где голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают либо незначительно меньше голосов «за») действительно являются подозрительными. И результаты голосования по всем этим 25 «сомнительным» участкам Ленинского района стоит поставить под вопрос.

Протоколы еще двух участков Ленинского района содержат прямые исправления чисел.

В протоколе 280-го участка затерта изначальное число параметра «недействительно» (переправлено на «67»), а в протоколе 305-го участка — затерты изначальные числа параметров «против» (переправлено на «620») и «погашено бюллетеней» (переправлено на «1 081»). В первом случае можно предположить случайную ошибку, которую исправили путем затирания, а вот во втором случае, скорее, возможно говорить о намеренном исправлении числа «против» (в сторону занижения?), часть из которых записали в «погашенные бюллетени». Так или иначе в обоих случаях из-за этих правок невозможно реконструировать общие результаты голосования по данным участкам, т. к. голоса «против» и «недействительные бюллетени» являются неотъемлемой частью параметра «урна» и должны соотноситься с голосами «за», а графа «погашенные бюллетени» должна соотноситься с графой «явка» путем вычитания из графы «было бюллетеней».

Отдельно стоит остановиться на четырех участках Ленинского района, протоколы голосования которых стоит признать сомнительными по разным причинам.

Это 273-й участок, протокол которого по референдуму заполнен чисто, зато протокол по голосованию на выборах президента Украины на этом же участке был изначально заполнен карандашом, от которого остались следы на бумаге. Измененное при переписывании с карандаша на ручку число «явки» по голосованию в президенты означает, что стоит поставить под сомнение тот же параметр по голосованию на «всеукраинском референдуме».

282-й участок вызывает сомнение большим разрывом между явкой (1 160) и урной (1 106), разница составляет 54 бюллетеня, при этом разрыв между голосами «за» (577) и «против» (521) — 56 голосов в пользу «за».

Протокол 297-го участка имеет следы стертого карандаша, при этом почти все числа, написанные изначально карандашом кажутся не совпадающими с числами ручкой, в частности, голоса «за» карандашом были либо двузначным числом («75»), либо трехзначным числом «125», но не «255» (число ручкой).

В протоколе 299-го участка в графе «получено бюллетеней в комиссии» изначально стоял прочерк, поверх которого была написана число «925». С точки зрения смысла, в данной графе прочерка быть не могло, то есть, скорее всего, это было результатом

неправильного понимания бланка протокола (как отмечалось выше, бланки протоколов были на украинском языке), но с юридической точки зрения — это правка на протоколе, что является нарушением процедуры заполнения данных документов.

Протоколы голосования по Ленинскому району отличаются от других районов наличием сводной ведомости, в которой на 4 листах в виде таблицы приведены числа по пунктам 1–6 по всем участкам. Таблица заполнена ручкой, карандашом в столбце «явка» подписан процент явки по всем участкам. В столбце с номерами участков обведены карандашом те участки, на которых явка составила менее 50%. В совокупности это означает, что районную комиссию на этапе сведения информации по голосованию воедино интересовало не распределение голосов «за» / «против», а явка. Это, в свою очередь, означает, что у комиссии присутствовало понимание: на этих участках голосование не состоялось.

Приоритетное внимание к параметру «явка» у районной комиссии показывают карандашные правки соответствующего столбца у участка №271 (подписано карандашом «+ 200», на 200 изменена в сравнении с протоколом участка «явка», числа при этом перечеркнуты) и участка №290 (карандашом подписано «1 204» вместо «1 219», как было в протоколе, карандашное число перечеркнуто). Подобные карандашные приписывания, которые были зачеркнуты, вероятно, являются следами внутренней борьбы в районной комиссии по поводу того, что делать с полученными результатами, самыми низкими в Севастополе.

Итоговые числа по голосованию на открытых участках («за», «против», «недействительно») написаны на последнем листе ведомости карандашом. Данные числа отличаются от подсчетов автора этих строк (см. Таблицу №5).

Числа по участкам в сводной ведомости совпадают с данными протоколов, т. е. и суммы по всем параметрам должны были совпасть с моими подсчетами. Однако, как можно заметить по таблице, нет совпадения ни по одному параметру.

Минимальное отличие, которое можно признать несущественным, всего 6 голосов, — в количестве «недействительных» бюллетеней. При этом на этапе суммирования занизили голоса «против» (на 309 голосов меньше в сравнении с моими подсчетами) и подняли голоса «за» (на 122 голоса больше в сравнении с моими подсчетами). В связи с этим можно предположить следующую причину отличий параметров явка/урна в моих подсчетах

Таблица №5. Сравнительный анализ результатов голосования по подсчетам автора и по сводной ведомости районной комиссии Ленинского района

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Сводная ведомость (только «открытые» участки)	85 661 (карандаш) 85 890 (ручка)	53 577 (карандаш) 53 645 (ручка)	52 890 (карандаш)	25 683 (карандаш) 48,5%	25 267 (карандаш) 47,8%	1 940 (карандаш) 3,6%
Подсчеты автора по протоколам	85 690	53 800 62,7%	53 113	25 561 48,1%	25 576 48,1%	1 946 3,7%

с подсчетами районной комиссии Ленинского района: как заметно из таблицы, снижение параметра «урна» повысило, хотя и не существенно, процент «за» независимость Украины, и понизило (опять же в пределах полпроцента в сравнении с моими расчетами) голоса «против».

Сводная ведомость в отличие от протоколов участковых комиссий не имеет подписей, т. е. является не официальным документом, а черновым вспомогательным документом районной комиссии. Тем не менее чмсла, написанные в сводной ведомости карандашом, стали в дальнейшем итоговыми официальными данными по Ленинскому району.

К числам сводной ведомости, приведенным в таблице выше, были добавлены голоса по закрытым участкам. Информация по голосованию в воинских частях, хотя и в очень обобщенном виде — одна из важных особенностей Ленинского района.

На последнем листе сводной ведомости карандашом подписаны две строки: «в. ч.» (очевидно, речь идет о воинских частях, т. е. закрытых участках) и «Хронометр» (очевидно, название корабля). Кроме того, ниже карандашом, сделана подпись «не забыть + 203». На обороте листа карандашом заполнена информация по семи, видимо, закрытым участкам (два участка под одним номером 340, что само по себе вызывает вопросы и № 343, 345, 346, 348, 352), которые в совокупности по параметру «список», т. е. количество людей, наделенных правом голоса, дают число 203.

Заполнение членами районной комиссии сводной ведомости по голосованию воинских частей показывает, что в районной комиссии не только не было протоколов с закрытых участков, но и информация по голосованию на закрытых участках (за исключением семи отдельных участков и «Хронометра») была предоставлена с Черноморского флота в комиссию в виде итоговых чисел. непонятно, почему эти данные зафиксированы в сводной ведомости карандашом, только если не допустить, что это было сделано в целях возможного стирания данных чисел и их исправления на другие.

Таблица №6. Данные сводной ведомости Ленинского района по голосованию в воинских частях

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
«в. ч.»	3 626	3 576	3 551	2 726	742	83
«Хронометр»	60	60	59	37	18	4
Участки 340, 340, 343, 345, 346, 348, 352	203	195	193	154	28	11
Итого	3 889	3 830	3 803	2 917	788	98
Итого, %		98,4		76,7	20,7	

Приведенные в сводной ведомости по Ленинскому району итоговые числа по голосованию в воинских частях в целом соотносятся с данными по голосованию Черноморского флота на «всеукраинском референдуме». Как сообщала официальная газета «Краснознаменного Черноморского флота», явка на голосование составила 97%, «за» независимость Украины проголосовало 75%¹³.

Данные по голосованию в воинских частях были суммированы с числами, представленными в таблице №4, результаты этих подсчетов отражены на последней странице сводной ведомости карандашом — в числовом и процентом выражении (на данном эта-

¹³ Объяснение такому голосованию на флоте см.: Ульянова А. В. Что не так с цифрами по референдуму 1 декабря 1991 года? Доказательство первое // ForPost. Новости Севастополя. 20.05.2023: <https://sevastopol.su/news/polozhitelnoe-reshenie-kryma-i-sevastopolya-na-referendume-o-nezavisimosti-ukrainy-bylo>. Свое объяснение еще в 1995 году предлагал севастопольский автор С. П. Горбачев. См.: Горбачев С. П. Пессимистическая трагедия или ЧФ и Севастополь в судьбе России. М., 1998.

пе ошибок в подсчетах нет). Стоит отметить, что числа опять же не во всех параметрах совпадают с итоговым Протоколом Ленинской районной комиссии по всеукраинскому референдуму¹⁴.

Таблица №7. Сравнение данных сводной ведомости и протокола районной комиссии по Ленинскому району

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Сводная ведомость, итог, карандаш	89 550	57 408	56 693	28 600	26 055	2 038
Официальный протокол районной комиссии	89 576	57 281	56 693	28 600	26 055	2 038

Как можно заметить, на финишном этапе были незначительно: увеличен параметр «список» (на 26 человек), снижен параметр «явка» (на 127 человек).

Сложно предложить убедительное объяснение этим изменениям, кроме возможной невнимательности членов комиссии. В частности, итоговый протокол содержит правку параметра «явка»: изначально число было написано как «57 201», а не как «57 281», что противоречит ранее отмеченному вниманию районной комиссии к параметру «явка».

Подводя итоги анализа протоколов голосования и сводной ведомости по Ленинскому району, стоит отметить следующие особенности голосования в этом районе на «всеукраинском референдуме». Протоколы участковых комиссий содержат следы правок, характер которых свидетельствует о целенаправленной работе по увеличению голосов «за» независимость Украины от весьма незначительных (в пределах 10 голосов) до нескольких сотен с вероятной целью достичь положительного результата голосования по району, при том, что протоколы почти половины участков Ленинского района показали превышение голосов «против» над голосами «за», и в итоге сумма по всем участкам всё равно оказалась на 15 голосов больше в протестную сторону. Районная комиссия, в свою очередь, повышенное внимание уделила и «явке» по райо-

¹⁴ Государственный архив города Севастополя. Ф. Р-79. Оп. 9. Д. 17. Л. 4.

ну, и изменению соотношения голосов «за» и «против» в пользу голосов «за». В то же время даже при последующем суммировании этих чисел с результатами по воинским частям Ленинский район официально показал минимальный процент «за» независимость Украины в Севастополе — 50,4%.

В целом схожую с Ленинским районом картину голосования дает анализ протоколов участковых комиссий по Гагаринскому району, в котором на примерно то же количество людей, наделенных правом голоса (около 90 тысяч человек), участков было почти в два раза меньше (не 59, как в Ленинском районе, а всего 34). Соответственно, и участки в Гагаринском районе были сильно крупнее по «списочному» составу, а также всем другим параметрам, в сравнении с Ленинским районом.

Таблица №8. Анализ протоколов участковых комиссий Гагаринского района

Параметры анализа	Номера участков	Кол-во участков	% от числа участков района
Участки с «явкой» менее 50%	105, 113, 115, 118, 120, 121, 127	7	20%
Участки, на которых «явка» незначительно превышает 50-% порог	103, 104, 111, 116	4	12%
Участки, на которых голоса «против» превышают голоса «за»	110, 111, 112, 116, 118, 122, 125, 126, 130	9	26%
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают «за»	114, 119, 124, 127, 128	5	15%
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»	104, 105, 113, 115, 121, 123, 129	7	20%
Участки, протоколы которых содержат либо правки, либо ошибки в подсчетах	102, 111, 113, 120, 121, 123, 125	7	20%

Полужирным выделены участки, которые встречаются в таблице 2 или 3 раза. Обращает внимание, что в эту категорию попали все участки с явкой ниже 50%; 6 из 7 участков протоколов с правками; 6 из 7 участков, на которых с голоса «против» и «недействительно» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»; и 3 из 4 участков с незначительным превышением порога явки. Столь высокая плотность «подозрительности» по разным критериям дает возможность квалифицировать выделенные автором этих строк сами критерии для анализа как корректные.

Проанализируем, какие участки обозначены в таблице 2–3 раза и по каким критериям:

1. 104-й участок — явка чуть выше 50% (52%, превышение порога явки на 50 человек), голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»;
2. 105-й участок — нет явки, голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»;
3. 111-й участок — явка чуть выше 50% (53%, превышение порога явки на 117 человек), голоса «против» превышают голоса «за», протокол содержит следы правок;
4. 113-й участок — нет явки, протокол содержит следы правок;
5. 115-й участок — нет явки, голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»;
6. 116-й участок — «явка» незначительно превышает 50%-порог, голоса «против» превышают голоса «за»;
7. 118-й участок — нет явки, голоса «против» превышают голоса «за»;
8. 120-й участок — нет явки, протокол содержит следы правок;
9. 121-й участок — нет явки, голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за», протокол содержит следы правок;
10. 123-й участок — голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за», протокол содержит следы правок;
11. 125-й участок — голоса «против» превышают голоса «за», протокол содержит следы правок;
12. 127-й участок — нет явки, голоса «против» и «недействительно» в сумме превышают «за».

В Гагаринском районе — участок с рекордно низкой явкой (120-й участок, в котором из 1 167 списочного состава на участок пришло 238 человек, явка составила 20%). Остальные 6 участков, где явка была меньше «порога», показали процент по явке в районе 45–47.

Участки, где явка оказалась чуть выше половины от заявленного списка (в Гагаринском районе их 4), проанализированы аналогично таким же участкам Ленинского района, а именно: можно ли выявить манипуляции с параметром «список» (то есть его намеренное занижение) с целью, чтобы «явка» стала выше 50%.

Пороговое значение «явки» у 116-го участка. При списке в 2 721 человек, явка показана как 1 361 человек, при этом погашенных бюллетеней было 1 360, и это же число (1 360) является «порогом» явки. Обращает на себя внимание протокол голосования по выборам президента Украины этого же участка. Он заполнен не полностью: отсутствуют числа по трем параметрам — недействительные и погашенные бюллетени, а также общее количество бюллетеней, имевшихся в комиссии изначально. Несмотря на это, на нем есть росписи членов участковой комиссии. Данный пример позволяет утверждать, что на голосовании 1 декабря 1991 года заполнение отдельных граф протокола могло проводиться уже после того, как члены участковой комиссии в нем расписались и, видимо, ушли.

Сравнение адресов у 115-го и 116-го участков (в первом случае порог явки не преодолен, во втором случае преодолен на один) между списочным составом январского и декабрьского референдумов приводит к неожиданному выводу. На январском референдуме это был один 115-й участок с количеством людей, имеющих право голоса 4 223 человека. К декабрьскому референдуму 115-й участок разделили на два (115-й и 116-й), не изменив ничего в самих адресах, но при этом сумма списочного состава в протоколах 115-го и 116-го участков декабрьского референдума (2 722 и 2 721 соответственно) оказывается 5 443 человека. Получается, что адреса остались те же, численность наделенных правом голоса увеличилась на 1 200 человек, но в первом случае участок оказался без «явки», а во втором случае превышение порога явки имело место на 1 человека, а голосование было «протестным» (голоса «против» выше, чем голоса «за»).

В то же время можно предположить намеренное занижение списочного состава для показания «явки» в протоколе 103 участ-

ка. При одинаковых адресах на этом участке на январском и декабрьском референдумах в декабре параметр «список» — меньше на 253 человека (3 302 было в январском протоколе, 3 049 — в декабрьском), в то время как порог явки превышен всего на 38 человек (на этом участке это меньше 1%).

113-й участок также не отличается по адресам между двумя референдумами, но имеет разницу в списочном составе: в протоколе декабрьского референдума список показан меньше на 383 человека (в январе было 2 994, в декабре стало 2 611), но явка не дошла до 50% порога.

Таким образом, анализ протоколов Гагаринского района, скорее, не подтверждает высказанную выше гипотезу применительно к протоколам участков Ленинского района, что в некоторых случаях порог явки обеспечивался путем занижения числового значения в графе «имеющие право голоса». В случае с Гагаринским районом такое предположение справедливо только в отношении одного участка (103).

В то же время ряд протоколов участковых комиссий Гагаринского района позволяет говорить о манипуляциях с числами. В первую очередь, это 102-й, 111-й, 123-й и 125-й участки.

В протоколе 111-го участка параметр «список» перетерт и исправлен с числа «3 232» на «3 451», что, впрочем, не влияет на отсутствие или наличие явки (явка показана как 1 842, что составляет 53% от 3 451).

Очевидна правка «явки» и «урны» в протоколе 123-го участка: к «0» в обоих случаях дорисовали палочку и вместо «явки» «1 045» человек «явка» стала «1 945», тоже самое произошло и с «урной» (вместо «1 042» стало «1 942», при этом перетерты и числа «42»). Таким образом число голосов по этому участку было увеличено на 900.

Вызывает вопросы параметр «урна» в протоколе 102-го участка (правка «1» на «8», в итоге вместо «1 159» — «1 859»), что ставит под вопрос и явку («1 859», 56%), и голоса «за», «против» и «недействительные бюллетени».

На 125-м участке исправление числа «явка» с «2 828» на «2 089», скорее, было вызвано случайной ошибкой, когда в эту графу записали число людей, наделенных правом голоса. В то же время «список» в данном протоколе — «2 819», т. е. даже меньше, чем изначальное число параметра «явка». Данную правку затруднительно объяснить логически, но юридиче-

ски протокол с замазкой должен был являться недействительным.

Еще более затруднительно объяснить числа «явки» (238) и «урны» (239) в протоколе 120 участка, т. к. в данном случае оказывается, что в урне было больше бюллетеней, хотя и всего на 1, чем пришло людей на участок. Таким образом, этот протокол является недействительным и по невозможности согласовать между собой его разные параметры, и по наличию на нем правок.

Один протокол невозможно идентифицировать, т. к. он не содержит информацию о номере участка, отсутствуют параметры «список», «было бюллетеней в комиссии», «погашено бюллетеней», «недействительно», также нет подписей членов комиссии, заполнены только параметры «явка», «урна», «за» и «против». Не ясно, посчитан ли этот участок в итогах, т. к. сводной ведомости по Гагаринскому району нет. В мой подсчет этот протокол включен не был (графа «явка» — «37» человек). В то же время данный «протокол» показывает порядок заполнения документов участковыми комиссиями, подтверждая выводы, которые были сделаны выше при анализе протокола 116-го участка по выборам президента Украины — в первую очередь заполнялись числа по итогам голосования и графа «явка». А списочный состав участка и количество погашенных бюллетеней не относились к этому первому этапу заполнения протоколов, что означает возможность манипуляции с цифрами, в первую очередь, — возможность показать превышение порога явки по участку.

В целом анализ протоколов голосования на «всеукраинском референдуме» по Гагаринскому району (без Атлантики) приводит к выводу о более серьезных манипуляциях с цифрами, более небрежном отношении к заполнению протоколов и их юридической значимости, чем это можно сказать о Ленинском районе. Обращает на себя внимание большое количество участков Гагаринского района (№ 108, 116, 122, 127, 128, 129), где параметр «количество бюллетеней в комиссии» равен списочному составу, что наводит на мысль о механическом заполнении предпоследней графы протоколов, без реального подсчета бюллетеней, имевшихся на участке. Если это действительно так, то это в очередной раз ставит под сомнение и числа графы «погашено бюллетеней», а, значит, и графу «явка», которая должна представлять собой разницу между двумя выше названными параметрами.

В то же время именно в Гагаринском районе Севастополя больше всего участков, которые показали явку менее 50% или пограничную с ней (11 участков или одна треть от общего числа участков Гагаринского района).

В условиях отсутствия сводной ведомости суммы протоколов по всем параметрам по открытым участкам (№101–134) могут быть определены только путем собственного подсчета.

Таблица №9. Результаты голосования в Гагаринском районе (подсчет автора)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Числовое выражение	86 310	48 161	47 897	24 961	21 545	1 380
%		55,8		52,1	45	2,8

Стоит отметить, что таковы результаты голосования по Гагаринскому району по всем открытым участкам, включая участки, где не было явки, и голосование должно было быть признано «несостоявшимся», а также участки, протоколы по которым содержат следы явных манипуляций с цифрами и несознательные (скорее всего) ошибки в подсчетах, которые также должны были быть признаны юридически ничтожными.

Из-за ошибок в протоколах сумма голосов «за», «против» и «недействительные бюллетени» (47 886) не совпадает с итоговым значением параметра урна (47 897), хотя и отличается от него всего на 11 голосов.

Следуя логике организации голосования на «всеукраинском референдуме» в Гагаринском районе, к этим числам стоит добавить результаты голосования на гражданских судах «СПОРП-Атлантика» — крупнейшего рыболовецкого хозяйства Севастополя, т. к. протоколы голосования хранятся в деле фонда Гагаринского райисполкома. Поэтому логично предположить, что эти результаты вошли в итоговую сумму по Гагаринскому району. Сводная ведомость голосования на судах «Атлантики» также отсутствует, поэтому и в данном случае приходится опираться на собственные подсчеты.

Участки со 147-го по 171-й, а также 174-й участок, номер которого в деле фонда ошибочно отпечатан как 147 (всего 25 участ-

Таблица №10. Результаты голосования на судах
«Атлантики» (подсчет автора)

	К-во участков	Список	Явка	Урна	«За»	«Про- тив»	Не- действ.
Участки №147–198 (нет протоколов участков №166, 170, 175, 196)	50	3 643	3 522	3 510	2 552	767	192
Процентное выра- жение результатов голосования			97		73		

ков, включая два под номером 147, один из которых в действительности 174-й) представляют собой отпечатанный лист формата А4, на котором единственная рукописная помета — это подпись «начальник ГБРЦ Ломоносов», скрепленная печатью. Участки же со 172-го по 198-й (всего 25 участков, за исключением 174-го участка, который по ошибке вставили в начало под номером 147) — это телеграммы с судов, оформленные по стандартам телеграмм на тонкой телеграфной бумаге, без всяких рукописных помет. Но из-за внешнего вида источника именно этот тип протоколов голосования на судах стоит признать более достоверным, чем отпечатанные в самой «Атлантике» данные по голосованию на 25 участках, исходники по которым (т. е., собственно, телеграммы) в деле отсутствуют.

Интересным представляется тот факт, что «явка» на голосование на гражданских судах «СПОРП-Атлантика» составляет 97%, совпадая тем самым с объявленной в газете «Флаг Родины» явкой на Черноморском флоте. Почти тоже самое можно сказать и про процент голосов «за» независимость Украины: на Черноморском флоте он составляет 75%, по произведенному мной подсчету по «Атлантике» — 73%.

Как можно заметить, результаты голосования на открытых участках сильно отличаются по всем параметрам от голосования на судах «Атлантики». Но эти результаты были суммированы, став частью голосования по Гагаринскому району. Суммирование результатов также было произведено автором этих строк, т. к. итоговый протокол Гагаринской районной комиссии по «всеукраинскому референдуму» отличается от данных чисел.

Таблица №11. Результаты голосования на «всеукраинском референдуме» по Гагаринскому району с учетом «Атлантики»

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Числовое выражение	89 953	51 683	51 407	27 513	22 312	1 572
В %, с «Атлантикой»		57		53,5	43,4	3
В %, без «Атлантики»		55,8		52,1	45	2,8

Однако в итоговом официальном протоколе районной комиссии совсем другие числа.

Таблица №12. Результаты голосования по Гагаринскому районной комиссии (официальный протокол и подсчет автора)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Официальный протокол районной комиссии	94 087	55 787 (59,3%)	55 716	30 438 (54,6%)	23 424 (42%)	1 854
Подсчет автора (с «Атлантикой»)	89 953	51 683	51 407	27 513	22 312	1 572
Увеличение сумм между подсчетом по участковым и районным протоколам	4 134	4 104 (99% от 4134)	4 309	2 925 (67% от 4309)	1 112	282

Числа, представленные в последней строке таблицы, скорее всего, являются итоговыми по закрытым участкам (т. е. голосование по воинским частям). Достоверность этих данных реконструировать невозможно, однако тот факт, что параметр «урна» в нижней строке оказался выше параметра «явка» в этой же строке, позволяет прийти к выводу: в официальном протоколе районной комиссии «урна» была «завышена» по отношению к получившейся у комиссии не сохраненной сводной ведомости на 205, и эти 205 голосов — где-то «внутри» голосов «за» и «против».

За счет голосов «Атлантики» и чисел неизвестного происхождения общие итоги голосования изменились.

Таблица №13. Изменение результатов голосования в Гагаринском районе (в %)

	Открытые участки	Открытые участки + «Атлантика»	Итоговый протокол
Явка	55,8	57,0	59,3
«За»	52,1	53,5	54,6%
«Против»	45	43,4	42,0
«Недействительно»	2,8	3,0	3,3

Третий крупный район Севастополя, Нахимовский, принципиально отличается от Гагаринского и Ленинского районов и по результатам голосования, и с точки зрения тех параметров анализа, которые были сформулированы автором этих строк. Совпадение первого и второго обстоятельств подтверждает корректность сформулированных автором параметров анализа.

Таблица №14. Анализ протоколов участковых комиссий Нахимовского района

Параметры анализа	№№ участков	Кол-во участк.	% от участков района
Участки с «явкой» менее 50%	353, 380	2	4%
Участки, на которых «явка» незначительно превышает 50% порог	351, 352, 361, 364, 369, 375, 378, 381, 382	9	17%
Участки, на которых голоса «против» превышают голоса «за»	353, 368, 391	3	6%
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают «за»	369, 374, 382	3	6%
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»	361, 362, 367, 376, 377, 380, 399, 400	8	16%
Участки, протоколы которых содержат либо правки, либо ошибки в подсчетах	354, 356, 361, 364, 379, 381, 386, 388, 389, 392, 395, 396, 397	12	24%

В сравнении с аналогичными таблицами № 2 (Ленинский район) и № 8 (Гагаринский район) в Нахимовском районе самый выделяющийся параметр «подозрительных» протоколов — это протоколы с правками. Если в Гагаринском и Ленинском районах этот параметр в процентном соотношении не выделяется на фоне других параметров для анализа (в Ленинском районе он сильно меньше), то в Нахимовском районе именно исправления протоколов оказались на первом месте. Это позволяет предположить стремление участковых комиссий центрального района города снизить в документах уровень «протестного» голосования (низкая явка, голосование «против») на тех участках, где оно было, чтобы вывести относительно высокий (в сравнении с Ленинским и Гагаринским районами) общий результат.

Итак, в Нахимовском районе больше всего протоколов с правками, как в числовом выражении в сравнении с другими районами города, так и в процентном соотношении к общему количеству участков данного района, и заметно меньше в сравнении с Ленинским и Гагаринским районами участков с, условно, «протестным» голосованием. В то же время в этом районе более существенна доля тех участков, которые автором отнесены к «подозрительным», т. е. таким, где явка чуть выше 50% порога, а также сумма голосов «против» и «недействительных бюллетеней» попадает в параметр «за».

Полужирным выделены участки, которые оказались сразу в нескольких строках таблицы:

1. 353-й участок: явка менее 50%, голоса против превышают голоса «за»;
2. 361-й участок: явка незначительно выше 50% порога; голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»; протокол содержит правки;
3. 364-й участок: явка незначительно выше 50% порога, протокол содержит правки;
4. 369-й участок: явка незначительно выше 50% порога; голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают голоса «за»;
5. 381-й участок: явка незначительно выше 50% порога, протокол содержит правки;
6. 382-й участок: явка незначительно выше 50% порога; голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают голоса «за».

Разберу по предложенной выше методике протоколы участков №361, 364, 369, 381 и 382, которые обращают на себя внимание сразу по нескольким параметрам.

Таблица №15. Результаты голосования по протоколам участков № 361, 364, 369, 381 и 382

№ уч.	Список Явка (1)	Урна (2)	«За» / «Против» / Недейств. (4, 5, 6)	Было Погашено бюл. 7)	Погашено бюл. (8)	
361	1875	952	952	483 / 418 / 51	1 850	898
<p><i>Комментарий:</i> Порог явки превышен на 15 человек, сумма голосов «против» и «недействительных бюллетеней» (469) меньше голосов «за» на 14. Протокол содержит следы чисел карандашом, которые отличаются от чисел ручкой: «против» карандашом, скорее всего, было «485», а «недействительных бюллетеней» — «0» или «8» или «9» (между цифрами «5» и «1» ручкой в числе «51» просматривается овальная цифра карандашом).</p>						
364	922	472	474	266 / 194 / 14	1 040	566
<p><i>Комментарий:</i> Число «явка» исправлена с «474» на «472», что делает весь протокол недействительным, т. к. протокол содержит следы правок, а «урна» превышает «явку». Порог явки превышен на 11 или 13 человек. В совокупности это может означать внутренние споры в комиссии, «показывать» ли «явку».</p>						
369	1287	672	672	329 / 328 / 15	1 300	628
<p><i>Комментарий:</i> Порог явки превышен на 29 человек, голоса «за» превышают голоса «против» на 1.</p>						
381	2146	1122	1102	625 / 429 / 48	2 550	1 448
<p><i>Комментарий:</i> Число явки правлена с 1 102 на 1 122, в первом случае (1 102) порог явки превышен на 29 человек. Эта правка делает весь протокол недействительным, т. к. разница параметров 7 (2 550) и 8 (1 448) составляет «1 102», т. е. число «явка» до правки. Вероятная причина нелогичной правки — подгонка протокола по референдуму к протоколу этого же участка по выборам президента, в котором явка обозначена как «1 122» (в этом протоколе подсчеты также не сходятся). Это означает, что «явку» могли писать произвольно, в зависимости от позиции участковой комиссии.</p>						
382	1343	679	668	323 / 320 / 25	2 000	1 321
<p><i>Комментарий:</i> «За» больше «против» на 3 голоса, порог явки превышен на 8 человек (от 671), «урна» меньше «явки» на 11 человек. В сумме</p>						

голоса «против» и «недействительные бюллетени» превышают голоса «за» на 22. Можно предположить: 1) намеренное увеличение «недействительных бюллетеней», чтобы показать положительное голосование; 2) намеренное увеличение «явки» (число «урна» меньше порога явки); 3) Намеренное занижение «списка» («кол-во бюллетеней» превышает «список» на треть — 657). Предположительная цель данных манипуляций — показать «явку».

Учитывая реконструкцию общего процесса заполнения протоколов, вряд ли отражающими реальность можно считать результаты голосования на участке №369, где голосов «за» больше голосов «против» на 1; на участке №374, на котором сумма голосов «против» (313) и «недействительных бюллетеней» (29) равно голосам «за» (342).

Не ясен смысл правок в протоколах 356-го и 379-го участков, только если опять же не предполагать махинации с параметром «явка». В обоих случаях правке подвергся параметр «было бюллетеней», который в целом в протоколах голосования на «всукраинском референдуме» в Севастополе не принципиально отличается от параметра «список». В протоколе же 356 участка в графе «было бюллетеней» указано с правкой «2 154» при «списке» на треть больше (2 835) и явке «1 738». Делает недействительным протокол 379-го участка число «2036,0» в графе «было бюллетеней». Число «36» и запятая втиснуты между «20» и «0» (то есть изначально было число «200», что само по себе выглядит необъяснимым). Помимо самого факта правки, протокол оказывается недействительным, т. к. не сходятся подсчеты: разница параметров 7 (после правки) и 8 дает число «1 300», тогда как явка показана как «1 302».

В протоколе участка №388 на 100 человек не стыкуются подсчеты между параметрами «было бюллетеней» (700), «погашено» (294), «список» (623), «явка» (506). Соответственно, нелегитимными становятся и голоса «за», «против» и «недействительно» на этом участке.

Протокол 389-го участка содержит правку «явки» (1 518). Такое число указано в протоколе голосования на выборах президента, но если во втором случае разница параметров 7 и 8 дает «явку», то в протоколе по референдуму возникает ошибка (на 1). Казалось бы, ошибка минимальная, но она показывает (как и анализ протокола 382-го участка), что параметр «явка» мог правиться произвольно в зависимости от тех задач, которые стояли перед ко-

миссией. В данном случае такой задачей было согласовать данные протоколов двух голосований.

К выводу о произвольности при заполнении протоколов говорит и сравнительно-сопоставительный анализ протоколов по референдуму и по выборам президента на участках №392, 395, 396 и 397.

Таблица №16. Результаты голосования по «всеукраинскому референдуму» по протоколам участков №392, 395, 396 и 397

№ уч.	Список (1)	Явка (2)	Урна (3)	«За» / «Против» / Недейств. (4, 5, 6)	Было Погашено бюл. (7)	Погашено бюл. (8)
392	1752	1134	1134	850 / 284 / 0	2350	1216

Комментарий: Участок в поселке Осипенко в сравнении с январским референдумом, т. е. менее, чем за год «приобрел» 492 жителя, наделенных правом голоса. По непонятным причинам бюллетеней было больше «списка» еще на треть (на 598). При урне в 1134 бюллетеня неожиданным оказывается отсутствие недействительных бюллетеней («0» иногда встречается на маленьких участках в пределах 100–200 человек — больницы, интернат, дом престарелых, т. е. там, где, скорее всего, голосовали коллективно), причем как в протоколе по референдуму, так и в протоколе по выборам президента. Протокол по выборам президента содержит правку «явки», головсов «против» Гринева и Кравчука (затерты изначальное число).

395	3851	2855	2791	1859 / 894 / 38	3500	645
-----	------	------	------	-----------------	------	-----

Комментарий: Участок в садовом товариществе «Кача» в сравнении с январским референдумом, т. е. менее, чем за год, «приобрел» 615 жителей, наделенных правом голоса. Перетерты числа трех параметров («урна», «недействительные бюллетени», «погашено бюллетеней»). В протоколе по выборам президента перетерты числа «против» Кравчука, Чорновила, Гринева, не сходится разница полученных (3500) и погашенных (622) бюллетеней с явкой (2855, показано как 2878, такое же число в протоколе по референдуму). Анализ двух протоколов в совокупности показывает активные манипуляции со всеми параметрами голосования на данном участке. Вероятная цель — снизить число «недействительных бюллетеней» за счет «занижения» «урны» (рекордный разрыв с «явкой» — на 64 бюллетеня меньше, чем «пришло» людей на участок).

396	1209	1022	1022	805 / 199 / 18	1300	278
-----	------	------	------	----------------	------	-----

Комментарий: В протоколе по выборам президента не заполнены графы «явка» и «урна», стоят все подписи, «погашено бюллетеней» заполнена другим почерком и другой ручкой. Это позволяет предположить произвольное заполнение данных граф (как и в большинстве случаев, проанализированных выше, речь опять идет о «явке»), как кем-то в участковой

комиссии, так и в дальнейшем в районной комиссии. Так или иначе комиссия обращалась к параметру «явка» после подсчета голосов и, соответственно, отталкиваясь от его результатов.

397	1 245	1 044	1 044	731 / 273 / 40	1 250	206
-----	-------	-------	-------	----------------	-------	-----

Комментарий: Параметр «явка» перетерт (первоначальное число было не четырехзначным, а трехзначным, скорее всего «500»). «Урна» и «явка» заполнены другим почерком. В протоколе по выборам президента перетерта «урна» и голоса «против» Гринева. В совокупности это позволяет предположить манипуляции со всеми числовыми параметрами «народного волеизъявления».

Отдельно стоит отметить 401-й участок, получившийся из выделения части адресов участка №384 на январском референдуме. В декабре в список адресов была добавлена турбаза КЧФ «Севастополь». Превышение «списка» в декабре над «списком» в январе составляет 233 человека, которые не имели права голоса на референдуме о статусе Севастополя (как турбаза).

В целом протоколы участковых комиссий Нахимовского района содержат правки, отличающиеся по своему характеру от правок протоколов в Гагаринском и Ленинском районах. В то же время анализ «подозрительных» протоколов по голосованию в Нахимовском районе позволяет прийти к выводу, что имели место сознательные манипуляции с числами с целью обеспечить и порог явки, и минимальный перевес голосов «за» над голосами «против». Этот факт, в свою очередь, позволяет вычестить из общих результатов голосования по городу Севастополю не только числа участков без явки, включенные в него в нарушение «Закона Украинской ССР о всеукраинском и местном референдумах», но и числа участков с пороговыми значениями явки.

Общие результаты голосования в Нахимовском районе выглядят следующим образом (подсчет автора).

Таблица №17. Итоги голосования на открытых участках Нахимовского района (подсчет автора)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Числовое выражение	79 207	50 137	49 966	30 369	17 894	1 703
В %		63,3		60,7	35,8	3,4

Как и в случае с Гагаринским районом эти числа отличаются от данных итогового Протокола районной комиссии по всеукраинскому референдуму Нахимовского района

Таблица №18. Результаты голосования по Нахимовскому району (официальный протокол районной комиссии и подсчет автора)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Официальный протокол районной комиссии	86 280	57 030	56 802	35 318	19 552	1932
Авторский подсчет по протоколам открытых участков	79 207	50 137	49 966	30 369	17 894	1 703
Увеличение сумм между авторским подсчетом и официальным протоколом	7 073	6 893	6 836	4 949	1 658	229

Как было отмечено выше применительно к Гагаринскому району, числа, представленные в последней строке таблицы, скорее всего, являются итоговыми по закрытым участкам (т. е. голосование по воинским частям), достоверность которых реконструировать невозможно. При этом в Нахимовском районе высока доля числ неизвестного происхождения в росте голосов «за» (рост почти на пять тысяч), и в гораздо меньшей степени — в голосах «против» (на 1 658 голосов). Изменилось и процентное соотношение.

Таблица №19. Изменение результатов голосования в Нахимовском районе (% , подсчет автора)

	Открытые участки	Районный протокол
Явка	63,3	66,1
«За»	60,7	62
«Против»	35,8	34,4
Недействительно	3,4	3,4

Еще более высокие проценты, чем в Нахимовском районе, и явки, и голосов «за» показал Балаклавский район. Стоит отметить, что и выделенные автором этих строк параметры анализа протоколов участковых комиссий мало репрезентативны в отношении данного, самого маленького района Севастополя, состоящего в основном из сельских территорий.

Количество участков Балаклавского района аналогично количеству участков Гагаринского района — 35, но общая численность списочного состава Балаклавского района почти в три раза ниже и составляет порядка 30 тысяч человек (более точные числа будут даны в подсчетах ниже).

Таблица №20. Анализ протоколов участковых комиссий Балаклавского района

Параметры анализа	№№ участков	К-во участков	% от числа участков района
Участки с «явкой» менее 50%	—	—	0
Участки, на которых «явка» незначительно превышает 50% порог	8, 20	2	
Участки, на которых голоса «против» превышают голоса «за»	10, 32, 33	3	6
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме превышают «за»	35	1	3
Участки, на которых голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме незначительно меньше, чем голоса «за»	2, 4, 34	3	6
Участки, протоколы которых содержат либо правки, либо ошибки в подсчетах	1, 18, 23, 25	4	11%

В отличие от трех других районов Севастополя в этой таблице нет пересечений между участками. Стоит отметить и низкие проценты по каждому из выявленных параметров. Как и в других районах города, протоколы содержат два типа ошибок: ошибки в подсчетах (23-й участок, где при «урне» в 545 бюллетеней, голоса и «за», и «против» одинаковые — 447; и 25-й участок,

где не сходится разница 7 и 8 граф с «явкой»); и следы исправлений (1-й участок, где оставшийся при стирании карандаш показывает совсем другие числа по всем параметрам, например, «за — «303», а не «393», «против» — «154», а не «251»; 18-й участок, где замазкой исправлена число в графе «полученные бюллетени»).

Особенностью сохранившихся источников по данному району является наличие дел в фонде Балаклавского районного исполкома по голосованию на референдуме и на выборах президента, и наличие дела в фонде городского исполкома с протоколами по выборам президента. Таким образом, есть возможность сравнить протоколы участковых комиссий по выборам президента, оставшиеся в делах самого исполкома, с чистовыми итоговыми вариантами, отправленными в горсовет. Например, протокол 28-го участка в фонде районного исполкома заполнен карандашом, при этом подписи всей комиссии стоят ручкой. Почерк и ручка одинаковые в обоих протоколах в деле районного исполкома (один по референдуму, один по президенту), в протоколе по референдуму числа обведены ручкой по карандашу. В протоколе в фонде горисполкома числа написаны другим почерком, без предварительного карандашного заполнения.

30-й участок содержит сильные правки в протоколе по выборам президента в деле фонда горсовета, т. е. в данном случае правки вносились на финишном этапе.

Наиболее интересны для анализа протоколы 34-го участка. В фонде районного исполкома нет протокола голосования по президенту, но сопоставление карандашных чисел на незаполненном протоколе (последний лист дела) с протоколом 34-го участка в фонде горсовета показывает, что это данные по одному участку. Протокол без номера участка содержит карандашные числа по кандидатам в президенты («за», «против», «недействительные бюллетени»), количество бюллетеней, полученных комиссией, и число «погашенные бюллетени». Два последних параметра совпадают с числами ручкой в голосовании по референдуму. Подписи комиссией на незаполненном протоколе стоят ручкой. Всё это в совокупности позволяет сделать вывод о процессе заполнения протоколов участковыми комиссиями: в лучшем случае в присутствии комиссии считались голоса «за», «против», «недействительные бюллетени», после чего комиссия подписывалась и уходила, т. к. в данном случае подписи стоят даже без пара-

метра «урна», который получается простым суммированием посчитанных бюллетеней. Отсюда возникает вопрос, кто вносил данные по явке, урне и списочному составу, и в соответствии с какими критериями?

Суммирование протоколов участковых комиссий, проведенное автором этих строк, показало, что в Балаклавском районе — самые высокие проценты явки и голосования «за» независимость Украины по Севастополю.

Таблица №21. Итоги голосования на открытых участках Балаклавского района (подсчет автора)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Числовое выражение	34 587	24 032	23 768	15 427	8011	962
В %		69,5%		64,9%	33,7%	4%

Эти числа отличаются от данных итогового протокола районной комиссии по всеукраинскому референдуму Балаклавского района.

Таблица №22. Сравнение сумм по протоколам открытых участков Балаклавского района (подсчет автора) и данных районного протокола

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Официальный протокол районной комиссии	37 081	26 502	26 477	17 315	8 060	1 102
Авторский подсчет по протоколам открытых участков	34 587	24 032	23 768	15 427	8 011	962
Превышение сумм официального протокола над суммами протоколов (подсчеты автора)	2 494	2 470	2 709	1 888	49	140

Сумма «за», «против» и «недействительно» в авторском подсчете не равна параметру «урна», что можно объяснить ошибками при заполнении протоколов. Кроме того, в итоговом протоколе в Балаклавском районе также присутствуют числа неизвестного происхождения, превышающие суммы протоколов (по подсчетам автора). Обращает на себя внимание параметр «урна» в нижней строке таблицы, который (как и в Гагаринском районе) выше параметра «явка» на 239, что в очередной раз позволяет предположить накрутки голосов. В этот раз — в районной комиссии, на финальном этапе оформления итогов голосования.

Таблица №22. Изменение результатов голосования в Балаклавском районе (в %)

	Открытые участки	Итоговый протокол
Явка	69,5	71,5
«За»	64,9	65,4
«Против»	33,7	30,4
Недействительно	4	4,2

Таким образом, подводя промежуточные итоги, стоит отметить следующее.

В результате проведенного анализа протоколов из разных районов, в различной степени заполненных карандашом, но содержащих при этом подписи всех членов комиссии, стоит прийти к выводу, что в целом протоколы заполнялись способом, обратным положенному порядку: графы «список» и «явка» заполнялись в последнюю очередь, часто уже в отсутствии членов комиссии, хотя по идее это должны были быть известные числа еще до вскрытия урн, при этом в последнюю очередь могла заполняться и графа «урна».

Важным моментом является установленный факт, что комиссия расписывалась на протоколах до его полного заполнения ручкой.

Кроме того, еще одно принципиальное наблюдение состоит в том, что чем выше процент явки и процент «за» независимость Украины по району в целом, тем больше в этом районе протоколов со следами правок и «карандашных» протоколов. Оба варианта заполнения протоколов, очевидно, являются нарушениями юридической практики того времени. Об этом говорит отсутствие протоколов, заполненных карандашом или заполненных частич-

но, но подписанных членами комиссий, а также отсутствие ошибок в подсчетах, следов правок на протоколах и переписывания цифр при обведении ручкой на двух других референдумах 1991 года, имевших место в Севастополе — 20 января и 17 марта 1991 года. В протоколах этих референдумов по всем участковым комиссиям двух голосований есть всего 3 протокола, в которых были замазаны числа, соответственно, результаты которых не могли поколебать итоговые числа.

В случае с «всеукраинским референдумом» наблюдается картина массовых правок протоколов и махинаций с числами на значительной части открытых участков, на различных этапах заполнения протоколов (правки на протоколах участковых комиссий, правки на протоколах районных комиссий). При этом самой непрозрачной составляющей голосования в Севастополе на «всеукраинском референдуме» являются закрытые участки.

Единственный район города, в котором нет расхождений между суммами сводной ведомости и данными итогового протокола — это Ленинский район, в котором в сводную ведомость добавлены результаты голосования в воинских частях. Логично предположить, что числа неизвестного происхождения, выявленные в результате анализа районных ведомостей, в трех других районах города также возникли вследствие добавления к суммам всех параметров по открытым участкам результатов голосования на закрытых участках. Поэтому в сводную таблицу таких «добавок» по районам города оправдано добавить данные по голосованию в воинских частях из сводной ведомости Ленинского района.

Таблица №23. Сумма голосов неизвестного происхождения по районам (подсчеты автора)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
Балаклавский	2 494	2 470	2 709	1 888	49	140
Гагаринский	4 134	4 104	4 309	2 925	1 112	282
Ленинский	3 889	3 831	3 803	2 917	788	98
Нахимовский	7 073	6 893	6 836	4 949	1 658	229
Итого	17 590	17 298	17 657	12 679	3 607	749
Итого, %		98,3%		71,8	20,4	4,2

Итак, воинские части (предположительно это всё же голосование на закрытых участках) добавили в общее число жителей, наделенных правом голоса, 17 590 человек. В явку по городу они добавили 17 298, в голоса «за» — 12 679, в голоса «против» — 3 607, и всего 749 голосов — в параметр «недействительных бюллетеней».

Однако возникает вопрос, сколько из этих 17 590, во-первых, имело право голоса как местные жители, а во-вторых, насколько вообще оправданы данные числа, в какой степени они являются или не являются «плодом фантазий» районных комиссий.

Для ответа на первую часть поставленного вопроса стоит сравнить результаты декабрьского голосования 1 декабря 1991 года с итоговыми районными протоколами голосования 20 января того же 1991 года в Севастополе. Районные протоколы январского референдума также имеют определенный «лаг» между суммами по открытым участкам и числами итоговых протоколов, но этот «лаг» принципиально меньше, чем на референдуме 1 декабря 1991 года, и имеется только в двух районах из четырех (Ленинский и Нахимовский).

Таблица №24. Сравнение сумм протоколов открытых участков на референдуме 20 января 1991 года (подсчеты автора) с данными итоговых районных протоколов

Район	Итоговый протокол	Сумма по протоколам открытых участков	Разница
Балаклавский	32 169	32 169	0
Гагаринский	87 647	83 697 (+ 3 950 с «Атлантики»)	0
Ленинский	82 790	80 542	2 248
Нахимовский	79 561	77 281	2 280
Итого	282 167	277 639	4 528

Таким образом, право голоса по открытым участкам в январе было у 273 689 человек, к которым стоит добавить 3 950 по Гагаринскому району голосов «Атлантики» (277 639). Что касается воинских частей, то в них право голоса, как у местных жителей, было у 4 528 человек. Очевидно, речь идет о срочниках, которые, согласно Положению о референдуме в Севастополе 20 января 1991 года, могли принимать участие в референдуме о статусе Се-

востополя только в том случае, если они до призыва проживали в Севастополе. Логично предположить, что все остальные военнослужащие Черноморского флота голосовали на открытых участках как местные жители. В сумме открытые и закрытые участки и дали официальный результат на январском референдуме (по параметру «список» — 282 167, мой подсчет, 282 347 — официальные результаты).

Это означает, что среди 17 590 человек, которых автор этих строк предложил определить как военнослужащих Черноморского флота, право голоса на декабрьском референдуме было только у 4 528 человек.

Теперь стоит обратиться ко второй части вопроса, а именно: что собой в принципе представляют выявленные числа?

На январском референдуме в Балаклавском районе нет разницы между суммами по открытым участкам и итоговым протоколам, соответственно, при корректном подходе и на референдуме 1 декабря в этом районе итоговый протокол должен совпадать с суммами по участкам. Между тем, итоговый «список» по Балаклавскому району (по данным районного протокола) содержит «плюс» в сравнении с суммой по открытым участкам, посчитанной автором, в размере 2 494 человек, которые при этом почти полностью отражены и в параметре «явка» (2 470), и в параметре «урна» (2 462), а также добавили 1 898 голосов «за» независимости Украины и всего лишь «59» голосов «против». Эти данные принципиально отличаются от распределения голосов «за» / «против» в Балаклавском районе: 15 427 — «за» (64,9%), 8 011 — «против» (33,7%). (голоса «за» превышают голоса «против» почти в два раза.) В то время как в числах неизвестного происхождения голоса «за» / «против» распределены, соответственно, как 97% / 3%.

Схожая картина в Нахимовском районе. В первую очередь, стоит отметить, что согласно проведенному анализу результатов голосования на январском референдуме по этому району в параметре «право голоса» автором этих строк было зафиксировано плюсом 2 280 человек. Особую достоверность этим данным придает сводная ведомость Нахимовского района по референдуму 20 января 1991 года, которая содержит информацию по всем параметрам каждого (!) закрытого участка¹⁵. Итоговые же данные же

---

¹⁵ ГАГС. Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 15. Л. 53–56, 107–110.

по голосованию в декабре (сравнение районного протокола с суммами по открытым участкам) показывают прибавку в параметр «список» 7 073 человек, что превышает аналогичное январское число на 4 793. Из 7 073 человек «явка» составила 6 893 (97%). «За» при этом в районный протокол было добавлено 4 949 голосов (72%), «против» — 1 658 (24%). В целом эти числа совпадают с общими официальными результатами голосования на Черноморском флоте, объявленными в газете «Флаг Родины». Однако обоснованность и общего «списочного» состава, и распределения голосов «за» / «против» остается под большим вопросом, т. к. ее невозможно верифицировать.

В Гагаринском районе превышение «списка» составляет 4 134 человека, из них в «явке» показано 4 134 (99%), при этом голоса «за» / «против» распределились как 2 925 (71% от явки, т. к. «урна» в данном случае неизвестна) и 1 112 (27%). В целом это соответствует данным по аналогичным параметрам Нахимовского района, существенно отличаясь при этом от голосования на открытых участках самого Гагаринского района (52% — «за», 45% — «против»).

В то же время распределение результатов голосования в Ленинском районе по закрытым участкам не соответствует аналогичным параметрам Нахимовского и Ленинского районов. Напомню, что в Ленинском районе эти результаты зафиксированы в черновой сводной ведомости карандашом: «явка» составила 98,4% (3 830), голоса «за» — 76,7% (2 917), голоса «против» — 20,7%. Говоря другими словами, в Ленинском районе в сравнении со средним результатом по Черноморскому флоту голоса «за» выше на 3–4%, а голоса «против» — ниже на 5–7%. Именно такой результат по закрытым участкам позволил районной комиссии Ленинского района «превратить» итоговые по открытым участкам голоса «за» из 48,1% в 50,4% по району в целом.

Учитывая очевидную заинтересованность районной комиссии Ленинского района в подобных результатах (показать выше 50% «за»), стоит предположить произвольное переписывание чисел по голосованию на закрытых участках.

Как уже отмечалось, ни по одному району нет никаких документальных данных по голосованию на закрытых участках, кроме итоговых карандашных помет в черновой сводной ведомости Ленинского района. Соответственно, фальсификация результатов за пределами 178 открытых участков могла иметь место два-

жды — как на самих закрытых участках Черноморского флота, предоставлявших в районные комиссии только сводные итоговые числа, так и в последующем в самих районных комиссиях. О том, что «закрытое» голосование военнослужащих могло переделываться районными комиссиями в соответствии с их задачами говорят и впечатляющие числа по этому параметру в Балаклавском районе (97% «за» в этой группе голосов), результаты «народного волеизъявления» в котором были в целом явно проукраинскими.

Тем не менее, при всей условности получившихся чисел «явки», голосов «за» и «против» по закрытым участкам, стоит всё же перевести их в числовое и процентное соотношение с общими официальными результатами голосования, отталкиваясь от зафиксированной выше «нелегитимного» числа голосовавших — 13 062 человек. Их нужно вычесть из общего списочного состава на декабрьском референдуме 1991 года: $307\,024 - 13\,062 = 293\,962$. Также их нужно вычесть из явки (98% от 13 062 — это 12 801), и из результатов голосования (72% от 12 801, тут придется пожертвовать отсутствующими данными «урны» и считать от «явки», — это 9 217). Данные расчеты опять же весьма условны, т. к. в этой «нелегитимной» части военнослужащих ЧФ голоса «за» независимость Украины, скорее всего, были существенно выше, чем среди тех голосовавших на закрытых участках, кто являлся местным жителем.

Таблица №25. Результаты голосования в случае вычитания «нелегитимной» части голосов с закрытых участков

	Официальные результаты голосования	Сколько нужно вычесть по закрытым участкам	Новый итог
Список	307 024	13 062	293 962
Явка	196 600	12 801	183 799
«За»	111 671	9217	102 454
«Против»	77 091	2560	74 531

Аналогичную процедуру стоит провести и с открытыми участками, на которых в совокупности в январе право голоса имело 273 689 человек (без «Атлантики», которая голосовала отдельно, а не по открытым участкам).

Таблица №26. Превышение «сумм» декабряского референдума над январским референдумом по открытым участкам (подсчеты автора)

Районы	Сумма «списка» протоколов открытых участков, 20 января 1991 года	Сумма «списка» протоколов открытых участков, 1 декабря 1991 года	Превышение сумм «списка» протоколов декабряского референдума над январским
Балаклавский	32 169	34 587	2418
Гагаринский	83 697 («без Атлантики»)	86 310 (без «Атлантики»)	2613
Ленинский	80 542	85 690	5148
Нахимовский	77 281	79 207	1926
Итого	273 689	285 794	12 105

Теперь стоит остановиться на тех участках, голосование на которых должно быть признано юридически ничтожным, по причине несоответствия юридическим нормам и практике того времени. Соответственно, такие участки также стоит вычесть из официальных результатов голосования. Так как данный анализ касается только открытых участков, то по итогу от официальных результатов представляется оправданным вычесть вначале «нелегитимные» результаты по закрытым участкам (таблица №25). В то же время внутри этих чисел останется «нелегитимное» голосование по открытым участкам (таблица №26), т. к. затруднительно высчитать, как эти посторонние 12 105 человек распределялись по конкретным участкам.

Итак, в первую очередь, голосование должно было быть признано несостоявшимся на участках, явка на которые составила менее 50%.

Таблица №27. Участки с явкой меньше 50% (количество)

Балаклавский	Гагаринский	Ленинский	Нахимовский	Итого
0	7	4	2	13

Ниже представлены данные по 13 участкам трех районов (в Балаклавском районе не было таких участков), на которых явка составила менее 50%.

Таблица №28. Результаты голосования на участках с явкой менее 50%.

№ участка	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
105	2 201	1 027	1 027	536	432	59
113	2 611	1 167	1 167	600	533	24
115	2 722	1 305	1 287	648	611	28
118	3 176	1 556	1 553	721	795	37
120	1 167	238	239	159	78	2
121	3 688	1 744	1 740	926	743	71
127	1 960	908	908	452	436	20
251	1 080	481	476	254	204	18
271	745	327	323	194	112	17
274	1 289	458	458	259	180	19
298	1 358	669	664	367	241	56
353	1 026	513	513	214	272	27
380	2 545	1 045	1 045	554	456	35
Итого	25 568	11 438	11 400	5884	5093	413

В следующую группу участков, результаты которых также стоит вычесть из общих результатов, представляется корректным отнести участки, протоколы которых имеют следы исправлений, либо содержат ошибочные подсчеты. Так как в обоих случаях невозможно составить легитимную картину голосования на данных участках, то и они должны были быть признаны недействительными.

Таблица №29. Участки с правками в протоколах (количество)

Балаклавский	Гагаринский	Ленинский	Нахимовский	Итого
4	7	7	12	30

Таблица №30. Участки с правками в протоколах
(числовое выражение). (Данные по тем участкам, которые
не преодолели 50% порог явки и уже были посчитаны в таблице
№28, здесь повторно не учитываются)

№ участка	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
18	1 285	929	927	505	390	32
23	635	545	545	447	447	12
25	1 718	1 196	1 196	911	285	
102	3 300	1 859	1 859	1 132	663	64
111	3 451	1 842	1 842	865	936	41
123	2 995	1 945	1 942	1 018	885	39
125	2 819	2 089	1 887	772	1 059	56
272	1 298	1 290	747	284	440	23
280	1 600	1 263	1 263	524	672	67
285	2 118	1 231	1 227	607	585	25
304	2 203	1 302	1 302	639	632	31
305	2 514	1 454	1 454	801	620	33
306	500	329	329	211	98	20
354	2 388	1 437	1 434	792	571	71
356	2 835	1 738	1 690	1 050	582	58
361	1 875	952	952	483	418	51
364	922	472	474	266	194	14
379	2 399	1 302	1 291	720	530	41
381	2 146	1 102	1 102	625	429	48
386	1 720	1 155	1 138	760	353	25
388	623	506	506	407	82	17
389	2 090	1 518	1 512	950	503	59
392	1 752	1 134	1 134	850	284	
395	3 851	2 855	2 791	1 859	894	38
396	1 209	1 022	1 022	805	199	18
397	1 245	1 044	1 044	731	273	40
Итого	51 491	33 511	32 610	19 014	13 024	923

Таким образом, с юридической точки зрения нелегитимным является голосование на 39 участках (13 участков без явки, которые включают 4 участка с исправлениями, и 26 участков со следами правок протоколов или ошибочными подсчетами), приведенные в таблицах №29 и 30. На этих участках совокупно правом голоса обладали 77 059 человек, из них явились на участки 44 949, голоса «за» в этих двух группах составили 24 898, голоса «против» — 18 117. Если руководствоваться юридической логикой, тогда легитимные результаты голосования на всеукраинском референдуме в Севастополе стоит представить следующим образом.

Таблица №31. Сумма «нелегитимных» голосов и их процентное соотношение с официальными результатами

	Официальные результаты голосования (1)	«Нелегитимные» закрытые участки, сумма (2)	«Нелегитимные» открытые участки, сумма (3)	Сумма «нелегитимных» голосов (4)	«Чистые» результаты (5, разница 1 и 4)
Список	307 024	13 062	77 059	90 121	216 903
Явка	196 600	12 801	44 949	57 750	138 850
Урна	195 688	12 801	44 010	56 811	138 877
«За»	111 671	9217	24 898	34 115	77 556
«Против»	77 091	2560	18 117	20 677	56 414

Как уже отмечалось выше, эти результаты включают такую составляющую «нелегитимного» голосования как прирост по открытым участкам голосов неизвестного происхождения (выявлен в количестве 12 105 человек по параметру «список»).

Переводя данные таблицы №31 в проценты, стоит отметить, что «легитимная» явка составляет 45% от официально заявленной численности людей, имевших на том референдуме право голоса. Ещё ниже 50% оказываются «легитимные» голоса «за» от заявленного официально параметра «урна» — 39,6%.

Таким образом, в случае опротестования результатов референдума в юридически корректные сроки (3 года после его проведения — срок, который должны были храниться первичные бюллетени) можно было говорить об отсутствии легитимных результа-

тов по городу Севастополю, т. к. и явка, и голоса «за» на участках без нарушений не превысили 50% порога.

В то же время «юридическими» аргументами вопросы по результатам голосования в Севастополе на «всеукраинском референдуме» не исчерпываются.

Проведенная выше историческая реконструкция процесса заполнения протоколов участковыми комиссиями показала, что участки: 1) с незначительным превышением 50% порога явки; 2) с незначительным превышением голосов «против» над «за» и 3) даже с незначительным превышением суммы бюллетеней «против» и «недействительно» над голосами «за» — в значительном числе случаев были получены в результате приписывания голосов, занижения списочного состава, заполнения граф «явка» и «урна» после ухода членов участковых комиссий, а также по причине приведения протоколов по референдуму к одинаковым числам с протоколами по голосованию на выборах президента Украины. «Исторические» аргументы не столь убедительны, как строго юридические, однако всё же суммировать данные по таким «сомнительным» участкам представляется оправданным, т. к. в конечном итоге это позволит выявить, сколько же в действительности было участков и голосов «за» на «всеукраинском референдуме» в Севастополе, которые не вызывают вопросов.

Таблица №32. Участки с минимальным превышением «порога» явки (количество)

Балаклавский	Гагаринский	Ленинский	Нахимовский	Итого
2	4	5	8	19

Таблица №33. Участки с минимальным превышением «порога» явки (числовые параметры). (Здесь не учитываются участки, уже учтенные в таблицах №28 и 30)

№ участка	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
8	1 051	572	572	332	225	15
20	1 403	774	774	459	295	20
103	3 049	1 562	1 562	1 008	524	30

104	3 240	1 670	1 663	888	732	43
116	2 721	1 361	1 361	664	671	26
252	818	434	434	264	161	9
270	1 841	957	957	564	327	66
290	2 311	1 219	1 193	718	409	66
299	880	485	485	194	261	30
351	1 096	572	572	410	145	17
369	1 287	672	672	329	328	15
375	970	509	509	316	163	30
378	1 300	665	663	403	235	25
382	1 343	679	668	323	320	25
Итого	23 310	12 131	12 085	6 872	4 796	417

Совокупный процент явки по данным 14 участкам составляет 52%, превышение порога явки на участках с общим списочным составом 23 310 человек составило 476 человек.

Следующий параметр из категории участков с «сомнительными» результатами — это участки, на которых голоса «за» значительно выше голосов «против», и при прибавлении к голосам «против» «недействительных» бюллетеней сумма превышает голоса «за».

Таблица № 34. Участки, где голоса «против» и «недействительно» в сумме превышают «за» (количество)

Балаклавский	Гагаринский	Ленинский	Нахимовский	Итого
1	5	5	3	14

Совокупное превышение на данных 9 участках суммы голосов «против» и «недействительных» бюллетеней над голосами «за» — 245, что составляет 2% от общего числа бюллетеней (10 827), оказавшихся в урне. При этом в данной таблице нет протоколов пяти участков, учтенных ранее как «нелегитимные» или «сомнительные» по другим параметрам, но попадающих и в эту

Таблица №35. Участки, где голоса «против» и «недействительно» в сумме превышают «за» (числовые параметры). (Здесь не учтены участки, уже посчитанные по другим параметрам в таблицах №28, 30, 33)

№ участка	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
35	432	324	324	148	135	41
114	2 985	1 759	1 759	874	824	61
119	3 710	2 120	2 120	1 037	1 029	54
124	2 407	1 350	1 350	644	639	67
128	2 545	1 671	1 671	817	809	45
254	1 601	897	897	429	423	45
292	1 420	1 057	1 057	523	471	63
302	1 364	965	965	477	455	33
374	1 108	690	684	342	313	29
Итого	17 572	10 833	10 827	5291	5098	438

категорию. Это 127-й участок Гагаринского района, 285-й и 304-й участки Ленинского района, 369-й и 382-й участки Нахимовского района.

Болезне типичной стоит признать ситуацию, когда сумма голосов «против» и бюллетеней, признанных «недействительными», не существенно не дотягивает до голосов «за». Если в предыдущем случае можно было предположить намеренную «порчу» бюллетеней с голосами «против» для обеспечения положительных результатов голосования на каждом конкретном участке, то здесь эта мотивация не столь очевидна. В то же время относительная типичность такого рода протоколов (26 протоколов из 178) не позволяет выпустить из анализа и эти участки.

Таблица №36. Участки, где голоса «против» и «недействительно» в сумме чуть меньше, чем «за» (количество)

Балаклавский	Гагаринский	Ленинский	Нахимовский	Итого
1	7	12	6	26

Стоит отметить, что из этих 26 участков были проанализированы выше по разным параметрам 11:

- 6 участков — без явки (№105, 113, 115, 121, 298, 380);
- 3 участка — с минимальным превышением порога явки (№104, 269, 273);
- 2 участка — с протоколами со следами правок (№123, 361).

Получается, что более трети участков (42%), выделенных для анализа в данной группе, являются «нелегитимными» или «сомнительными» по другим параметрам. Это подтверждает корректность самого критерия, сформулированного как основание для анализа этой группы участков в целом.

Кроме того, на всех этих участках процент голосования «за» составляет 51–53%. Данный процент рассчитывается из соотношения голосов «за» и «урны», в то время как на всех этих участках высок процент «недействительных» бюллетеней, в которые в случае махинаций могли относить протоколы с голосами «против». Понятно, что на любом голосовании присутствуют недействительные бюллетени, в то же время на декабрьском референдуме общее количество бюллетеней, признанных «недействительными» (6926) в 2,5 раза превышает аналогичный параметр референдума о статусе Севастополя (2964).

Таблица №37. Участки, где голоса «против» и «недействительные бюллетени» в сумме чуть меньше, чем голоса «за» (числовые параметры)

№ участка	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
34	1 161	788	788	419	337	32
129	2 670	1 500	1 500	752	706	42
282	1 995	1 160	1 106	577	521	8
286	2 023	1 475	1 469	754	673	42
289	2 026	1 277	1 276	642	593	41
291	1 800	1 127	1 127	593	492	42
295	1 802	1 180	1 180	635	496	49
297	750	480	476	255	183	38
300	948	573	573	310	240	23

301	1 473	883	883	467	387	29
303	1 565	1 032	1 032	548	466	18
367	1 458	822	822	419	354	49
377	1 056	754	754	385	331	38
399	143	143	143	73	70	0
400	562	345	345	175	170	0
Итого	21 432	13 539	13 474	7004	6019	451

Совокупный процент голосов «за» по данным 15 участкам — 51,9%, голосов «против» — 44,7%, «недействительных» бюллетеней — 3,3%. При этом голоса «за» превышают сумму «против» и «недействительно» на 534 при общем количестве бюллетеней в урне в 13 474 (3,9%).

Таблица №38. Результаты голосования на «сомнительных» участках (все критерии)

	Список	Явка	Урна	«За»	«Про- тив»	Не- действ.
Участки с минимальным превышением «порога» явки	23 310	12 131	12 085	6 872	4 796	417
Участки, где голоса «против» и «недействительно» в сумме превышают «за»	17 572	10 833	10 827	5 291	5 098	438
Участки, где голоса «против» и «недействительно» в сумме чуть меньше, чем «за»	21 432	13 539	13 474	7 004	6 019	451
Итого	62 314	36 503	36 386	19 167	15 913	1 306

Для полноты картины кажется корректным представить голосование по Севастополю с учетом не только «нелегитимных», но и «сомнительных» результатов. Тогда в «сухом остатке» (последняя колонка таблицы №39) окажется «чистое» голосование на референдуме о независимости Украины.

Таблица №39. Результаты голосования по «нелегитимным» и «сомнительным» участкам и их соотношение с официальными результатами

	Официальные результаты	Сумма «нелегитимных» результатов	Сумма «сомнительных» результатов	Сумма «не-легитимных» и «сомнительных» результатов	«Чистые» результаты
Список	307 024	90 121	62 314	152 435	154 589
Явка	196 600	57 750	36 503	94 253	102 347
Урна	195 688	56 811	36 386	93 197	102 491
«За»	111 671	34 115	19 167	53 282	58 389
«Против»	77 091	20 677	15 913	36 590	40 501

Результаты «чистого» голосования охватывают как участки с голосами «за», которые не могут быть поставлены под сомнение, так и участки с голосами «против», которые в данном случае являлись открытым протестным голосованием.

Таблица №40. Участки с протестным голосованием (количество)

Балаклавский	Гагаринский	Ленинский	Нахимовский	Итого
3	9	24	3	39

В этой группе 4 участка (№111, 125, 272, 280), на которых комиссия правила протоколы (ошибки при заполнении). Поэтому в подсчетах по «протестному» голосованию они не учтены.

Таблица №41. Участки с протестным голосованием (числовые параметры)

№ участка	Список	Явка	Урна	«За»	«Против»	Недейств.
10	1 304	882	882	403	419	60
32	52	52	52	20	32	
33	47	47	47	20	24	3

110	3 455	1 976	1 976	959	962	55
112	3 294	1 888	1 879	886	959	34
116	2 721	1 361	1 361	664	671	26
118	3 176	1 556	1 553	721	795	37
122	3 000	1 902	1 902	923	926	53
126	1 936	1 269	1 260	555	652	53
130	1 221	865	864	397	429	38
255	1 087	625	625	249	334	42
256	1 227	819	817	343	455	19
257	1 749	1 006	1 004	381	593	30
258	1 480	1 017	1 017	331	654	32
259	1 676	1 156	1 156	500	618	38
260	1 012	752	752	267	457	28
261	1 393	1 042	1 042	340	676	26
262	1 480	1 056	1 056	395	630	31
263	979	580	580	235	306	19
264	1 380	990	990	416	539	35
265	862	666	666	263	377	26
266	879	608	603	220	357	26
267	1 181	868	868	328	510	30
268	1 644	960	951	435	456	60
275	1 503	1 115	1 109	423	674	12
276	2 044	1 268	1 262	572	652	38
278	1 520	979	979	427	531	21
279	1 782	1 025	1 025	367	604	54
281	2 152	1 268	1 265	585	634	46
293	2 005	1 235	1 235	581	603	51
299	880	485	485	194	261	30
307	662	656	656	301	344	11
353	1 026	513	513	214	272	27
368	1 224	757	757	348	381	28
391	421	416	416	158	238	20
Итого	53 454	33 660	33 605	14 421	18 025	1139

Данные по открыто протестному голосованию позволяют считать и совокупный «чистый» результат «за» независимость Украины.

Таблица №42. Распределение результатов голосования между участками с протестным и положительным голосованием

	Официальные результаты	«Чистые» результаты	«Протестное» голосование	Голосование «за»
Список	307 024	154 589	53 454	101 135
Явка	196 600	102 347	33 660	68 687
Урна	195 688	102 491	33 605	68 886
«За»	111 671	58 389	14 421	43 968
«Против»	77 091	40 501	18 025	22 476

В целом при сочетании юридического и исторического подходов можно говорить о том, что явка по городу Севастополю на референдуме, которую можно признать «чистой», составляет 102 347 от списочного состава в 307 024 (33%), а не вызывающие вопросов по заполнению протоколов участки в параметре «за» составляют от официального параметра «урна» 29,8%.

При всей парадоксальности этих чисел и их условности (понятно, что на «сомнительных» и «нелегитимных» участках были те, кто пришел и проголосовал «за»), стоит отметить, что они в общем и целом коррелируют с данными социологического опроса населения, проводившегося Севастопольским филиалом Советской социологической ассоциации Академии наук СССР с 25 по 28 сентября 1991 года «на тему об отношении жителей... к Акту провозглашения Украины независимым государством». Вопрос был сформулирован следующим образом: «Одобряете ли вы Акт провозглашения Украины независимым государством?» Ответы распределились следующим образом: «да» — 25,7%, «нет» — 34,3%, «мне это безразлично» — 21,4%, «затрудняюсь ответить» — 18,6%.

Раскол населения Севастополя, зафиксированный этим опросом, явно отразился и в протоколах участковых комиссий по «всеукраинскому референдуму» 1 декабря 1991 года, анализу которых была посвящена данная статья. Огромное количество правок, вплоть до финишного этапа заполнения официальной ведомости,

нелогичные исправления корректных чисел на явно ошибочные, готовность членов комиссий расписаться в протоколе на середине его заполнения карандашом, предпочтя не знать, какие числа будут в этом документе позднее ручкой, приписывание цифр и их последующее вычеркивание — всё это свидетельство не только сознательных манипуляций с результатами голосования под заранее заданный результат. Но это также свидетельство и серьезных внутренних конфликтов всех тех, кто эти манипуляции осуществлял в трагической для Севастополя ситуации, когда основным было ощущение неотвратимого крушения единой страны¹⁶.

---

¹⁶ Автор статьи выражает благодарность губернатору города Севастополя Михаилу Владимировичу Развожаеву за организационную поддержку проекта, а также заместителю губернатора города Севастополя Светлане Валентиновне Пироговой и Архивной службе города Севастополя за помощь в поиске архивных документов.

Леонид Кацис

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ
И СОСТАВНЫХ ЧАСТЯХ РОМАНА
М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР
И МАРГАРИТА».

3. От «Штурман Жоржа» к «Матросу — “Жоржу”»,
ЛЕФу, Маяковскому и ЛЦК

В истории изучения «Мастера и Маргариты» есть проблемы, которые не решаются десятилетиями только из-за того, что исследователи исходят из последней редакции романа, в которой многие сцены, персонажи, сюжетные ходы и т. д. либо крайне редуцированы за время с 1927–1928 по 1940 г., либо радикально трансформированы в условиях возникшей всё новой и новой политической и литературной реальности. С двумя такими случаями мы встретились в первых двух заметках из предложенной серии¹. Например, так называемый «Директор театра», пострадавший вместе с бароном Майгелем — Штейгером, оказался связан с самыми последними событиями московской литературно-театрально-дипломатической жизни. А ненавистный критик Латунский и Ершалаимские сцены романа странным образом оказались связаны с давней киевской статьей А. Кугеля о постановке «Царя Иудейского» велико-

---

¹ Кацис Л. Заметки об источниках и составных частях романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». 1. «Директора театров» в «Мастере и Маргарите». 2. «Царь Иудейский» К. Р. и «дяди из Киева» в «Мастере и Маргарите» // Литературный факт. 2017. №5. С. 267–286.

го князя К. Р. Но увидеть это всё позволяет, условно говоря, «динамическое прочтение» рукописных материалов романа², с одной стороны, и новообретенных источников — с другой.

В настоящей заметке мы коснемся еще одного подобного случая, когда предлагаемый нами источник текста «Мастера и Маргариты» позволит датировать начало работы над конкретной редакцией и даже конкретным эпизодом «не ранее» с точностью до дня. Пройдемся по редакциям романа, где мы встретим имя писательницы, публикующейся под псевдонимом «Штурман Жорж».

В не самом квалифицированном и не очень, как станет ясно ниже, библиографически оснащенном, но самом большом кумулятивном источнике по прототипам «Мастера и Маргариты» читаем: «“Штурман Жорж” — это не только пародия на французскую писательницу Жорж Санд (Аврору Дюпен) (1804–1876) (под таким псевдонимом пишет присутствующая на заседании в Д<оме> Г<ерцена> “московская купеческая сирота” Настасья Лукинична Непременова, автор морских батальных рассказов).

Тут есть и конкретный прототип из булгаковских современниц — драматург Софья Александровна Апраксина-Лавринайтис, писавшая под псевдонимом “Сергей Мятажный»». Тут же Б. Соколов сообщает, что эта дама, согласно дневнику Е. С. Булгаковой, 5 и 8 марта 1939 г. звонила писателю по поводу своего либретто. И чуть далее сообщает: «Отметим, что в отличие от “С. Мятажно-го” Булгаков хорошо запомнил Апраксину-Лавринайтис, ибо восходящая к ней колоритная героиня появлялась уже в ранних редакциях “Мастера и Маргариты” под псевдонимом “Боцман Жорж” и с почти апокалиптическим возрастом в 66 лет» [БЭ. С. 303]³.

Еще одним прототипом автор называет Ларису Рейснер (?!), флотского комиссара, связывая всё это с появлением «Оптимистической трагедии» В. Вишневского в 1933 г. и с неприятием Булгаковым «Робеспьера» мужа Рейснер Ф. Ф. Раскольникова,

² Булгаков М. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновигов романа. Основной текст : в 2 т. М., 2015. (далее ПСЧР1 и ПСЧР2 с указанием страниц).

³ Соколов Б. Булгаковская энциклопедия: самое полное издание. М., 2016 (здесь и далее БЭ с указанием страниц). Мы называем эту работу кумулятивной, так как в ней использовано очень много источников. И хотя на некоторые нет точных ссылок, а алфавитный указатель не отражает даже очевидные для Булгакова имена, — в условиях современного сетевого поиска этот конгломерат сведений позволяет выйти на первичные источники и проверить их по соответствующим изданиям, что при нарастающем вале булгаковедческих работ является хоть каким-то подспорьем.

который был в конце 1920-х гг. начальником Главреперткома и редактором «Красной Нови» [БЭ. С. 303].

Это всё требует существенных уточнений. Если так уж важен 1933 г., то, как мы недавно узнали из публикации в «Литературном факте», В. Вишневский участвовал в обсуждении булгаковской инсценировки «Мертвых душ» и спектакля во МХАТе, где Андрей Белый громил мхатовцев. Вишневский же доклад Белого явно одобрял. Булгакова на обсуждении не было⁴. Но всё это касается взаимоотношений Вишневского, общавшегося в 1932–1933 гг. и с Пастернаком, и с Мандельштамом и другими, но никак не связано с содержанием романа Булгакова. По-видимому, здесь необходимо отказаться от слишком вольного построения или сочинения контекста, рискуя заняться уже не литературоведческим, а авторским писательским творчеством...

Тем не менее, учтя предложенные прототипы, идем дальше.

Обратим внимание на последовательность появления разного рода именований «Жоржа» в черновиках романа. Причем, в данном случае нам представляется важным не столько анализировать окончательную редакцию, сколько заняться тем, что в лингвистике называется методом внутренней реконструкции, то есть исследованием этимологии слов вниз по хронологической шкале. Понятно, что в лингвистическом случае количество языков и корней будет сужаться, это и позволяет прийти до «конечного» этимона.

В нашем же случае мы получим прямо обратный результат. Углубление в предшествующие редакции позволит построить хронологически выверенную систему смысловых слоев и добраться как до реальных и менявшихся со временем контекстов, так и до, как нам представляется, прямого источника и имени *Штурман Жорж* и причины появления в «Мастере и Маргарите» «морской» пиратской образности.

Не будем предрекать окончательный результат и проведем анализ имеющихся в наших руках датированных вариантов.

Начнем с окончательного:

— Хлопец, наверное, на Клязьме застрял, — густым голосом отозвалась Настасья Лукинична Непременова, московская купеческая

---

⁴ Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» в МХАТе / Вст. ст. Н. А. Дровалева, К. И. Плотникова; подгот. текста и коммент. Е. В. Безмен // Литературный факт. 2018. №6. С. 360–387.

сирота, ставшая писательницей и сочинявшая батальные морские рассказы под псевдонимом — *Штурман Жорж*». За этим следует общеизвестный разговор о распределении дач в Перельгино, загремел фокстрот «Аллилуйя!» и «заплясал маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем...» [ПСЧР2. С. 582].

В отличие от традиционного подхода, когда изучается лишь происхождение псевдонима «купеческой сироты», мы будем здесь и в дальнейшем приводить сведения «морской» тематики, которые всегда следуют за «Штурман Жоржем» в юбке во всех редакциях и вариациях.

Итак:

Грохот золотых тарелок в джазе иногда покрывал грохот посуды, которую судомойки по наклонной плоскости спускали в кухню.

Словом, ад.

И было в полночь видение в аду: вышел на веранду черноглазый красавец *с кинжальной бородой*, во фраке и царственным видом окинул свои владения. Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан *широким кожаным поясом*, из-за которого торчали рукояти пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, и плыл в *Караибском море* под его командой *бриг под черным гробовым флагом с Адамовой головой*.

Но нет, нет! Лгут обольстители-мистики, *никаких Караибских морей* нет на свете, и не плывут в них *отчаянные флибустьеры*, и не гонится за ними *корвет*, не стелется над волною *пушечный дым*. Нет ничего, и ничего и не было! [ПСЧР2. С. 583].

Чуть ниже Арчибальда Арчибальдович вновь появляется в «морских» одеждах:

Звенела падающая со столов посуда, закричали женщины.

Пока официанты вязали поэта полотенцами, в раздевалке шел разговор между *командиром брига* и швейцаром.

— Ты видел, что он в подштанниках? — холодно спрашивал *пират*» [ПСЧР2. С. 586].

И далее он несколько раз именуется «пиратом», затем «флибустьером», затем «командиром».

Вновь обратимся к кумулятивному труду Б. Соколова. Он приводит сведения о том, что прототип Арчибальда Арчибальдовича Я. Д. Розенталь, знаменитый директор разного рода интеллигентских клубов и ресторанов по прозвищу Борода, был во время Первой мировой войны интендантским офицером, что жизнь его изобиловала приключениями и т. д. Однако наиболее убедительна карикатура середины 1930-х гг., приводимая составителем, где на рисунке К. Елисеева «В ресторане всё в порядке» приводится известная цитата «С ними дядька *Черномор*» [БЭ. С. 36].

Нетрудно видеть, что «Кара-ибских» морей, действительно, нет в природе. А вот «Кара-ибское море», просто *Черное море* существует, что вполне соответствует прозвищу, использованному карикатуристом, *Черномор* [БЭ. С. 36].

В шестой редакции «Мастера и Маргариты» (1938–1940) за исключением микроскопических отличий, изменения названия писательского поселка и т. д., для нас ничего принципиально важного нет. Это и не удивительно, учитывая, что чистовик переписывался именно отсюда.

В пятой редакции (1937–1938) принципиальных отличий немного, но они есть в характеристике интересующей нас писательницы: «— Хлопец, наверное, на Клязьме застрял, — густым голосом отозвалась Настасья Лукинична Непременова, пожилая дама в кудряшках, пишущая военно-морские рассказы под псевдонимом — Штурман Жорж» [ПСЧР1. С. 532]. Здесь нет 66 лет, а поэтому и не возникают ненужные ассоциации с Апокалипсисом. Но в разговоре о дачах появляется еще одна характеристика «дамы в кудряшках»: «Радость загорелась в маленьких глазках штурмана [sic! — Л. К.] Жоржа, и она сказала, смягчая свое контральто» ... А в сцене танца нет «штурмана», но есть: «маленький Денискин и крупная Непременова». [ПСЧР1. С. 534].

Приведем теперь сцены с пиратом и бригам, которые пока всё еще достаточно близки между собой во всех поздних редакциях, но попробуем представить себе технику писания Булгакова, происхождение некоторых его писательских приемов: «Официанты, оплывая потом, несли над головами запотевшие кружки с пивом, хриплыми голосами с ненавистью кричали “виноват!”», где-то *голос в рупор кричал “Карский — раз!”*, к грохоту и писку джаза примешивался *пулеметный грохот ножей в подвале, где в дыму и огне работали повара*» [ПСЧР1. С. 534]. Далее следует фраза, отвлекающая читателя от специально создаваемого образа: «Коротко гово-

ря: кромешный ад», а ведь образ связан не столько с адом (если и с ним, то чисто метафорически), а с пиратским кораблем.

Здесь, «опливая потом», официанты несут пиво, вообще-то горя, пенное, каким бывает бурное море. В рупор тоже кричат на корабле, равно как стреляют и из пулеметов, а ножи — атрибут пиратских сюжетов. Наконец, «Кар-ский» и «Раз (с)», из которого будут сделаны «КараИБские моря», продолжен описанием подвала, где работают повара, но в нижней части корабля работают машинисты и кочегары.

Таким образом, с перерывом на «кромешный ад», готовится появление Главного пирата АрчиБальда АрчиБальдовича.

Здесь, обращаем внимание, к абстрактным мистикам последних редакций прибавляется конкретный мистик с именем и отчеством:

И в полночь было видение в аду: на веранду вышел черноглазый красавец с острой как кинжал бородой, во фраке, и царственным благосклонным видом окинул свои владения.

Утверждал всё тот же Клавдий Изербей, известнейший мистик и лгун, что было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, за которым торчали пистолеты... » [ПСЧР1. С. 535].

Таким образом, появление пиратского брига, пистолета, кинжалов и т. д. было полностью подготовлено в предыдущем абзаце про вполне «сухопутный» «Грибоедов»; ср. ГРИБ = БРИГ, или = ОБЕДОВ.

И чуть ниже: «Пока официанты вязали поэта ресторанными полотенцами [санитары это сделают чуть позже. — Л. К.], в раздевалке шел разговор между командиром брига и швейцаром.

— Ты видел, что он в подштанниках? — спросил холодно пират» [ПСЧР1. С. 535].

После нескольких повторений вопроса:

Тут швейцар умолк, кожа на его лице приняла тифозный оттенок, глаза помертвели. Ему померещилось, что черные волосы, причесанные на пробор, покрылись огненным шелком. Исчез пластрон и фрак, и за ременным поясом возникла ручка пистолета.

Швейцар представил себя повешенным на фор-марса-рее. Своими глазами увидел собственный, высунутый язык и безжизненную голову, упавшую на плечо, даже слышал плеск волны за бортом. Ко-

лени швейцара подогнулись. Но тут флибустьер сжался над ним, погасил свой острый взор» [ПСЧР1. С. 538].

Почти всё это есть и в окончательном варианте. Однако там несколько отличается как раз описание ресторана, мягко уводя читателя от крайне прямолинейной ассоциации Штурман Жорж — Черномор — Пират — флибустьер — корабль и, главное, как мы увидим, «бриг».

Вот как это сделано в окончательной отделке:

Оплывая потом, официанты несли над головами запотевшие кружки с пивом, хрипло и с ненавистью кричали: «Виноват, гражданин!» Где-то в рупоре голос командовал: «Карский — раз! Зубрик — два! Фляки господаарские!!» Тонкий голос уже не пел, а завывал «Аллилуйя!» Грохот золотых тарелок в джазе иногда покрывал грохот посуды, которую судомойки по наклонной плоскости спускали в кухню. Словом, ад [ПСЧР2. С. 583].

Не будем перечислять обретения и потери — они очевидны.

В еще более ранней редакции «Князь тьмы» (1928–1937) находим вариант без «Штурман Жоржа»: «Хлопец на Клязьме застрял, — сорванным голосом отозвалась поэтесса Настасья Савишна Храпкина...»

Здесь развитая впоследствии сентенция об официантах и блюдах сжата до минимума: «Официанты, с оплывающими лицами несли над головой кружки с пивом, хрипло и ненавистно говорили «виноват», продираясь между танцующими, где-то кто-то кричал [и] в рупор “Карский — рез!”

Словом — ад» [ПСЧР1. С. 419].

А вот абзац с фор-марса-реей и флибустьером уже был. Следовательно, на данном этапе работы мы видим исчезновение морской рассказчицы Штурман Жорж и резкое уменьшение корабельной тематики. А вот поименованный мистик-лгун здесь уже имел свое имя, которое он утратит к последним редакциям и основному тексту.

В третьей редакции романа (1936) возникает названный Б. Соколовым «Боцман Жорж». К нему мы сейчас обратимся, заметив, что «Боцман» превратился в «Штурмана». Однако если первый «Штурман» имел вполне женский голос контральта, то у «Боцмана» всё было еще серьезнее:

Богатая некогда купеческая наследница Настасья Саввишна Непременова, ставшая военно-морской романисткой [sic! — Л. К.] и подписывавшаяся “Боцман Жорж”, была в засаленной шелковой блузочке и черной кривой юбке...

— Однако вождь-то наш сильно запаздывает, — пошутил небритый Двубратский.

Настасья Саввишна отозвалась густым баритоном... » [ПСЧР1. С. 389].

Танец тоже был сначала иным: «Боцман Жорж, охваченная за талию каким-то рослым по фамилии Коротяк... » [ПСЧР1. С. 391].

Здесь ад настал уже в конце описания танца, и очень скоро появился краткий рассказ «мистика и лгуна» Изербея, потерявшего в конце концов свое имя, а здесь еще не ставший и римским Клавдием в сочетании с турецким беем. Нет здесь и сцены со швейцаром и флибустьером. Сейчас мы не будем решать, почему на границе 1936 г. Булгаков начал то вставлять, то убирать всю бригговско-корабельную тематику, над которой он впоследствии так упорно работал, хотя наша гипотеза вскоре станет очевидной.

Во второй редакции романа (1932–1936) находим несколько иное распределение танцующих и очередную вариацию бригговской темы: «... плясала боцман Жорж с поэтом Гречкиным Петром... В волнах грома слышно было, как кто-то кричал командным голосом, как в рупор, “пожарские, раз!”» Ада на сей раз Булгаков еще не поминал («Карские» оказались «пожарскими» и т. д.), а сразу переходил к видению, но со сменой фамилии распространителя слухов:

И в полночь было видение. Пройдя через подвал, вышел на веранду под тент красавец во фраке... И утверждал новеллист Козовертов, известнейший лгун, что будто бы этот красавец некогда носил не фрак, а белую рубаху и кожаные штаны, за поясом которых торчали пистолеты и воронова крыла голова его была повязана алой повязкой, и плавал он в Караибском море, командуя бригом, который ходил под гробовым флагом — черный с белой адамовой головой.

Ах, жлет Козовертов, и нет никаких Караибских морей, не слышен плеск за кормой, и не плывут отчаянные флибустьеры, и не гон[я] ится за ними английский корвет, тяжело бухая волной из пушек. Нет, ничего этого нет! И плавится лед в стеклянной вазочке... [ПСЧР1. С. 162–163].

Чуть ниже там же появляется среди слухов: «Самоубийство (автор боцман Жорж)».

А начало эпизода в этой редакции всё дополняет и дополняет характеристику «Жоржа»: «Некогда богатая купеческая дочь Доротея Саввишна Непременова подписывалась псевдонимом “Боцман Жорж” и писала [необыкновенно кровожадные] {военно-морские} пьесы, из которых ее последняя “Австралия горит” с большим успехом шла в одном из театров за Москвой-рекой. У боцман Жоржа голова была в кудряшках. На боцман Жорже была засаленная шелковая кофта старинного фасона и кривая юбка. Боцману Жоржу было 66 лет» [ПСЧР1. С. 160].

В этой редакции появляется поэт Житомирский: «— Однако, вождь-то наш запаздывает, — вольно пошутил поэт с жестоким лицом — Житомирский». И чуть ниже: «... поэт Житомирский заметил, что товарищ Цыганский мог бы позвонить, если [бы] обстоятельства не позволяют ему прибыть на заседание» [ПСЧР1. С. 160–161].

В этом месте нас ждет много неожиданного. Во-первых, «Австралия горит» да ещё и пьеса, однозначно указывает на «Москва горит»⁵ — предсмертную пьесу Маяковского для цирка. Во-вторых, идеи поэта Житомирского о том, что Берлиоз-Цыганский не успевает на заседание, довольно ясно указывают на «Прозаседавшихся» Маяковского и не столько на само слово *заседание*, сколько на конкретную ситуацию Цыганского-Берлиоза, который лежал с отрезанной головой на анатомическом столе.

«Пришел товарищ Иван Ваньч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».
Взъяренный,
на заседание

⁵ Пьеса «Австралия горит» — это с большой вероятностью аллюзия на знаменитый «Трансвааль в огне» Г. Галиной, и вероятность лишь возрастает, если вспомнить «Хорошо!»: А летом / слушают асфальт / с копейками / в окне: / — Трансвааль, / Трансвааль, / страна моя, / ты вся / горишь / в огне! (гл. 11).

Подробно исторический и актуальный политический контекст см.: *Колеров М. Сталин. От Фихте к Берия: Очерки по истории языка сталинского коммунизма*. М., 2017. С. 357–358. Отсюда, возможно и «Москва горит» самого Маяковского, отвечавшего на оскорбительный текст Поля Морана «Я жгу Москву» и на отвечавший последнему «Я жгу Париж» Б. Ясенского, о чем подробно см.: *Кацис А. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи*. 2-е изд., доп. М., 2004.

врываюсь лавиной,
дикие проклятья доро́гой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря́.
От страшной картины свихнулся разум.

С учётом этих строк придется учесть и место Маяковского в образе Иванушки Безродного или Бездомного, которого поэт Рюхин (очевидный Маяковский) или в одном из вариантов Житомирский отвезет в психиатрическую клинику. «Людей половины» анатомически не комментируем.

И чуть ниже:

Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там...

Теперь становится ясно, что пиратская тематика «командира брига» указывает не только на Маяковского, но и на одного из лидеров Лефа — Осипа Брика.

Что касается собственно «брига», корабельной, пиратской образности, происхождения бороды Арчибальда Арчибальдовича, то этот разговор мы продолжим после анализа самого первого появления Жоржа. Тогда же мы вернемся и к происхождению прозвища поэта Житомирского.

Сейчас же приведем сведения из «Булгаковской энциклопедии», где важным прототипом Ивана Бездомного назван Александр Безыменский: «В редакции “Мастера и Маргариты” 1929 г. упоминался памятник “знаменитому поэту Александру Ивановичу Житомирскому, отравившемуся в 1933-м году осетриной”, причем памятник располагался напротив Дома Грибоедова.

Учитывая, что Безыменский был родом из Житомира, намек здесь был еще прозрачнее, чем в окончательном тексте, где комсомольский поэт связан лишь с образом И<вана> Б<ездомного>».

За этим следует описание антибулгаковских выпадов в пьесе Безыменского «Выстрел», которые продолжают описанием эпиграммы Маяковского на Безыменского «Уберите от меня этого бородатого комсомольца...», наконец, «Ссора Безыменского и Маяковского спародирована в ссоре И<вана> Б<ездомного> с поэтом Александром Рюхиным (прототипом последнего послужил Маяковский)» [БЭ. С. 36].

В главке о повести «Тайному другу» Б. Соколов указывает, что некий Вова Баргузин, считающий, что Миша пишет «плохонький роман», тоже связан с Маяковским: «Прототипом поэта Во-вы Баргузина, возможно, послужил Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930), близко знакомый с писателем и резко выступавший против пьесы “Дни Турбиных”. Фамилия Баргузин — название штормового байкальского ветра из известной песни “Славное море, священный Байкал”, которую исполняют под руководством Коровьева-Фогота сотрудники Зрелищной комиссии в “Мастере и Маргарите”» [БЭ. С. 671].

Трудно сказать, почему Б. Соколов остановился только на этой редакции. В новейшем издании черновики и законченных редакций «Мастера и Маргариты» есть и еще один, более ранний вариант развития сюжета, который даст нам очередное звание Жоржа, неизвестное, похоже, Б. Соколову, недаром остановившемуся на «боцмане Жорже».

Между тем эта самая первая вариация сюжета для нас наиболее важна. И если уж нас интересует Маяковский, то редакция 1929–1931 гг. (датирована автором) позволяет нам перейти от первой несохранившейся в интересующих нас частях редакции (1928–1930), когда Маяковский был жив, к редакции 1929 — предсмертного года поэта, и 1931 — первого посмертного года. Здесь уже можно сказать, что указанная нами выше граница между редакциями 1935 и 1936 гг. напрямую связана с декабрём 1935 г. и всем известными словами Сталина о Маяковском.

Останется только один вопрос: почему во второй редакции мы видим 1929 год, а во всех остальных, включая самые последние, год 1928. Попробуем ответить и на этот вопрос.

Пока же максимально полно приводим сцены из второй редакции, связанные с нашим сюжетом. Здесь масса интересно и важно. Прежде всего, фраза о том, что никто еще ничего не знал о том, что всех ждет, здесь начинает, а не завершает сюжет:

Итак, *упало 14-го июня солнце*⁶ за Садовую в Цыганские Грузины и над истомленным и жутким городом *взошла ночь со звездами*. И никто еще не подозревал тогда, что ждет каждого из нас.

Столики на веранде под тентом заполнились уже к восьми часам вечера. Город дышал тяжело, стены отдавали накопленный за день жар, визжали трамваи на бульваре, электричество горело плохо, почему-то казалось, что наступает сочельник тревожного праздника, всякому хотелось Боржому. Но тек холодный Боржом в раскаленн[ое]ую [чрево] глотку и ничуть не освежал. От боржому хотелось шницеля, шницель вызывал на водку, водка жажду, в Крым, в сосновый лес!..

За столиками пошел говорок. Пыльная пудренная зелень сада молчала и молчал гипсовый поэт Александр Иванович Житомирский, *во весь рост* стоящий под ветвями с книгой в одной руке и обломком меча в другой. За три года поэт покрылся зелеными пятнами и от меча осталась лишь рукоять [ПСЧР1. С. 107].

Здесь до всех будущих рассуждений очевидно, что «Маяковский во весь рост» — просто название книги Г. Шенгели в сочетании со стихотворением «Сергею Есенину», где речь идет как раз о материале памятника:

Вам
и памятник еще не слит, —
где он,
бронзы звон
или гранита грань? —
а к решеткам памяти
уже понесли
посвящений
и воспоминаний дрянь.

И есенинский след лишь подтверждается безумным словом *сочельник* применительно к лету. Как известно, сочельник — это канун праздника Рождества Христова, который приходится на 24 декабря нового стиля и 6 января старого. Ведь Есенин погиб 28 декабря 1925 г., т. е. между двумя сочельниками.

---

⁶ Здесь, по-видимому, контаминация «Приключения, бывшего с Владимиром Маяковским на даче...» и «С башни упал двенадцатый час, как с плахи голова казненного...» из «Облака в штанах».

Идем дальше:

И родилось видение. В дни, когда никто, ни один человек не носил фрака в мировой столице, прошел человек во фраке ловко и бесшумно через ад, сквозь расступающихся лакеев и вышел под тент. Был час десятый, когда он сделал это, и стал, глядя гордо на гудевшую веранду где не танцевали. Синева ложилась под глаза его, сверкал бриллиант на белой руке, гордая мудрая голова.

Мне говорил Козобоев, что он пришел [явился] под тент[ом] прямо из [Тихого] океана, где [плавал на] был *командиром пиратского брига*, плававшего [в бассейне Тускорары] у Антильских и Багамских островов. Вероятно жмет Козобоев. Давно не ходят [в Трускораре] разбойничьи бригаи и не гонятся за ними быстроходные [бриганские] английские корветы. Лжет Козобоев [ПСЧР1. С. 108].

Уверенно проходил через Ад Маяковский в «150 000 000»:

Сверльнуло глаза́ маяка одноглазье —
и вот
    в мозги,
        в глаза,
            в рот,
из всех океанских щелей вылазя,
Америка так и прет и прет.
Взбиралась с разбега верфь на верфь.
На виадук взлетал виадук.
Дымище такой,
        что, в черта уверовав,
идешь, убежденный,
            что ты в аду.

Еще одно важное место, очевидным образом связанное с Маяковским и появившееся уже после известия о смерти Берлиоза, такое: «Трудно почтить, хмуρο глядя на свиную отбивную. Поэт же Рюхин и вовсе нагробил. Воспалено глядя, он предложил спеть “Вечную память”. Уняли с справедливо. Вечная память дело благородное, но не в шалаше ее петь, согласитесь сами!» [ПСЧР1. С. 108]. С одной стороны, здесь явно маяковское «верить бы в загробь» из «Про это», а с другой — «Вечная память» из поэмы «Война и мир»:

Библеец лицом,
 изо рва
 ряса.
 «Вспомните!
 За ны!
 При Понтийстем Пилате!»
 А ветер ядер
 в клочки изорвал
 и мясо и платье.

Выдернулась из дыма сотня голов.
 Не смей заплаканных глаз им!
 Заволокло
 газом.

Белые крылья выросли у души,
 стон солдат в пальбе доносится.
 «Ты на небо летишь, —
 удуши,
 удуши его,
 победоносца.

Таким образом, место Маяковского в этой редакции становится столь большим, что из шуток над его смертью вырастает и тема Понтийского Пилата. Это заставляет очень внимательно присмотреться к христианской теме у Маяковского и ее трансформации у Булгакова.

Теперь вновь к морской и флибустьерской теме. В этой редакции различаются знакомые нам «Карибские моря», которые, естественно, Карибское море. Кстати, Б. Соколов пишет только *Карибское*, что уводит от булгаковской игры. Карибы, Антильские и Багамские острова находятся между Южной и Северной Америкой. Но нет внятного объяснения Тускорары. Юмор здесь в том, что это сразу и Америка, и Россия. Тускорара — это узкая глубоководная впадина в Тихом океане у восточных подводных склонов Курильских

островов и южной части Камчатки, названная в честь американского корабля с таким именем, но *тускарора* — знак из рода цицания, дико растущий в Северной Америке, да и само слово ирокезского происхождения. С океанами путаница (отсюда и сомнения с Тихим океаном)⁷. А с пиратами Карибского моря проблем не было никогда.

Все-таки перед нами ранний рабочий текст, поэтому не будем придираться. Однако явно другое — в «Маяковском контексте» Тихий океан отвечал на американские стихи Маяковского, на его «Мелкую философию на глубоких местах», где Америка была Невым (то есть загробным) Светом. А океан Атлантическим. Впрочем, и Тихий встречается у поэта не раз.

Та же тема развивается и в так называемой «Второй тетради черновиков» 1931 г. с некоторыми особенностями:

Сад молчал. Молчал и гипсовый поэт Александр Иванович Житомирский, в позапрошлом году полетевший в Кисловодск на аэроплане и разбившийся под Ростовом. Ныне в гипсовом виде во весь рост поэт осужден был стоять под чахлыми деревьями вечно с книгой в одной руке и шпагой в другой. За два года поэт покрылся [зелеными пятнами] зеленой слизью и от шпаги уцелела лишь рукоять [ПСЧР1. С. 121].

Учитывая, что в первой тетради действие относилось к 14 июня 1943 г., а во второй тетради к 14 июня 1945 г., встает вопрос об определении даты происходящих событий в романном времени. Необходимо определить к какому году относится хронология реальных событий в романе.

Если речь идёт о Есенине, то три года спустя — это 1928 г.⁸ Если отсчитывать от даты писания, то 1929 г. Если Булгаков мучился над *поза-* или «*прошлым* годом», то действие после смерти Есенина относится к 1926 или 1927 г. Разумеется, легко опознаются стихи Маяковского типа «Москва-Кенигсберг» конца 1923 г. о полете на самолете в этот город вместе с Бриком. Но еще более характерной чертой текста оказываются размышления над «зелеными

---

⁷ Если уж мы во всём доверяем писателю, считая его «ошибки» осмысленными, не забудем во всей этой путанице и Козьмы Пруктова: «Не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?»

⁸ См. в первой редакции романа (1928–1930): «В 1925 году в 18° мороза» [ПСЧР1. С. 96].

пятнами» или «зеленой слизью» на гипсовом (!) памятнике, отсылающие прямо к предсмертному «Во весь голос»:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.

Наряду с этим в черновиках романа есть и ещё одно ключевое для нас слово:

Народ загудел...

Послышалось слово [«милиция»] *доктор*...

И лицо приятное мясистое, лицо в [черных огро]огромных очках в черной фальшивой оправе, бритое и сытое, участливо появилось у Иванушкина лица.

Товарищ Безродный, — заговорило лицо[, сдобным, мягким и внушительным голосом] юбилейным, вы расстроены смертью всеми нами любимого и уважаемого Антона, ... нет Антоши Берлиоза [ПСЧР1. С. 111].

Теперь к предыдущей цитате из «Во весь голос» добавим «Юбилейное», где встретим и Пушкина — живого и памятник, и Есенина, и Безыменского сразу:

Ну Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь ...
но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.
Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
Ну, а что вот Безыменский?!
Так...

ничего...

морковный кофе.

Такой «словесный» анализ вариантов неожиданно приводит нас к важному понижению Жоржа в звании и к совершенно новому списку танцующих, и к новому, еще не мистику, но уже вруну:

Мне говорил Поплавков, что он пришел в Шалаш прямо из океана, где командовал пиратским бригом, ходившим у Багамских островов. Вероятно неправду говорит Козобоев-Поплавков! Ах, давно не ходят у Караибского моря разбойничьи бриги и не гонятся за ними с пушечным громом быстроходные английские корветы! Да и нет на свете никаких Багамских островов, нет солнца и воли, ничего нет, Нехорошо у меня на душе от поплавского вранья.

В аду плясали. Пар дымил под потолком. Плясал Прусевич, Куплямов, Лучесов, Эндузизи, плясал самородок Евпл Бошкодиларский из Таганрога, плясал Корма, Коротяк, Крупилит, Краснопальцев, плясал нотариус, плясали одинаковые женщины в платьях с хвостами, плясал один в косоворотке, плясал художник Рогуля с женой, бывший регент Пророков (...) плясали женщины на потолке и пели — Аллилуйя! Плясала полная лет шестидесяти Скелетея Глаумитовна Непременова, некогда богатейшая купеческая внучка, ныне драматургесса, подписывающая свои полные огня произведения псевдонимом *Жорж-Матрос* [ПСЧР1. С. 123].

Вот самое низшее звание интересующего нас персонажа. И оно наиболее важно и для идентификации начальных источников романа Булгакова, и для определения его хронологии. *Матрос Жорж* — перевертень *Жоржа-Матроса* оказывается вполне реальным лицом, напрямую связывающим 1927 и самое начало 1928 года с началом работы над романом и объясняющим твердую авторскую датировку начала работы 1928 г. Что же касается тетради, из которой взяты тексты про «матроса», то она датирована 1929–1931 гг. Чтобы понять это, приведём реальный газетный фельетон об интересующем нас «персонаже»:

МОСКВА, 2 января. В Москву доставлена шайка бандитов, совершившая десятки грабежей и убийств в различных городах СССР. Этой шайкой руководил бандит Зинин.

Зинину только 22 года. Свою преступную деятельность он начал 17 лет, перебив ремесло сапожника на ремесло карманного вора. Позже Зинин попал в шайку налетчиков. Здесь он быстро “выдвинулся” и стал правой рукой расстрелянного ныне по приговору московского губсуда налетчика Тулкова — *“Жоржа-матроса”*. В этой шайке он зарекомендовал себя, как бандит, обладающий большой хитростью, ловкостью и жестокостью. Вся шайка Жоржа-матроса была поймана. Одному лишь Зинину удалось скрыться. Зинин бежал в Среднюю Азию. Там он собрал шайку из закоренелых бандитов и стал разъезжать из города в город, совершая налеты, грабежи и убийства. В наиболее крупных городах СССР шайка Зинина имела свои тайные квартиры.

Убийствами Зинин руководил сам. Бандиты тяжело ранили начальника станции Аулита Смирнова и убили его жену. В Ново-Сибирске ими были убиты рабочий Климов и кассирша местного цирка Аносова и ранен ее муж. В Оренбурге ими был совершен необычайный по дерзости налет на склад общества “Транспорт”.

Шайка Зинина, рассевшись на подводах, подъехала к складу “Транспорт”. Один из бандитов обратился к сторожу, охранявшему склад, с вопросом:

— Скажи, друг, где тут постоялый двор?

Как только сторож высунулся из-за калитки для того, чтобы ответить, бандиты его тут же пристрелили и вывезли из склада мануфактуры на 17 тыс. рублей.

Интересно отметить, что в Зинине жестокость уживалась с “поэтической душой”. В свободное от налетов время Зинин сочинял стихи и лепил фигуры.

Когда Зинин был арестован, он был вооружен с ног до головы. У него были револьверы, винтовки, бомбы и гранаты. Как оказалось, он подготавливал налет на тюрьму, желая ее взорвать и освободить арестованных бандитов.

Для того чтобы арестовать всех участников шайки, инспектор Центророзыска объехал ряд городов СССР и арестовал 24 грабителя. Арестованные грабители совершили 28 крупных налетов и убийств.

Все бандиты доставлены в Москву⁹.

---

⁹ Поймана шайка головорезов: Бандит-поэт. — Тайные квартиры в городах СССР. — Попытка взорвать тюрьму / По телефону из Москвы (От нашего корреспондента) // Вечерний Киев. 1928. 2 янв. С. 1.

Интересно, что и современный автор знает немного больше московского корреспондента «Вечернего Киева», но сведения совпадают: Ср.:

И снова наступила осень. И снова сентябрь и октябрь явились «рекордными» по росту преступности. В Барабинском округе действовали банды Попова — Зайцева и Шубиных. В Новосибирск прибыл на «гастроли» некто Зинин. До этого промышлял на Урале в банде «Жоржа Матроса». В столице Сибири убил кассиршу цирка, пытался освободить приговоренных к расстрелу товарищей. По Новосибирску разгуливало полно вооруженных грабителей. Например, подходит к киоску покупатель, просит пачку папирос. Продавец подает. Покупатель направляет револьвер и требует выдачи денег.

Бандиты нападали ночью на жителей на улицах, врываются в квартиры, приказывали лежать, а сами забирали вещи и скрывались.

Правоохранительные органы снова стали ходатайствовать об объявлении Сибирского края неблагополучным по бандитизму и грабежам осенью 1927 года. Не объявили¹⁰.

И эта дата не случайна. В хорошо знакомом Булгакову «Гудке» 8 мая 1927 г. появился судебный фельетон А. Троля «Карьера Жоржа-матроса», который, как мы узнали из его републикации, принадлежал перу Георгия Шенгели¹¹. Там и было указано, что некоторые члены банды еще оставались на свободе.

¹⁰ См.: Кузменкина Л. «Месячник борьбы с бандитизмом?» Уже было... : <http://bsk.nios.ru/content/mesyachnik-borby-s-banditizmom-uzhe-bylo>.

¹¹ Троль А. Карьера Жоржа-матроса // Шенгели Г. Из зала Московского губернского суда. Избранные репортажи (1926–1927). СПб., 2021, где этот фельетон републикован на с. 147–148. Важно и замечание составителя книги: «Пребываю в уверенности: имя Шенгели оказалось вычеркнуто из истории “Гудка” преимущественно из-за его конфликта с Маяковским. Творчеством последнего, в той или иной степени, восторгались все перечисленные выше именитые коллеги Шенгели за исключением Михаила Булгакова. С подачи советских литературоведов они стали одними из самых знаменитых сотрудников “Гудка” образца двадцатых — этими журналистами первого ряда. В этом ряду никак не мог оказаться яростный противник Маяковского». См.: Маринин А. «Гудка» забытый представитель // Шенгели Г. С. 11–12. Автор статьи указывает, что в первом издании «Большой советской энциклопедии» сказано о работе Шенгели в «Гудке» под псевдонимом «Платон Ковров», однако загадочный для исследователя псевдоним «А. Троль», восходящий к поэме Г. Гейне фельетонист указал лишь в пополнившей собрание автора поздней автобиографии. То, почему Шенгели не раскрывал этот псевдоним, автор статьи обсуждать не берется. Мы считаем возможным предположить, что это было очень долго неуместно, т. к. Атта Троль подписывался знаменитый одесский и общероссийский журналист

А между тем Жорж Матрос сыграл свою непростую роль в истории русской литературы. Так З. Прилепин пишет, что Леонид Леонов рассказывал Горькому, как собирал материал к еще не прочитанному им «Вору» [1927 г. — Л. К.]: посещал суды, часто присутствовал на допросах убийц, грабителей.

Между прочим, поведал Горькому несколько случаев.

Жил тогда такой бандит — Жорж Матрос, харьковский. Его поймали, приговорили к расстрелу: было за что. Когда пришла его любовница к тюрьме, он крикнул из-за решетки: “Подними юбку!” Она подняла. Жорж Матрос смотрел, вцепившись в прутья. Потом махнул рукой и отошел от окна.

Горький записал в дневнике:

«Вчера Леонид Леонов рассказал, что бандит, приговоренный к расстрелу, увидав свою жену в тюремное окно (...) предложил ей поднять подол, и нагота ее даже на расстоянии успокоила его возбужденную чувственность.

Леонов (...) не понял трагического смысла в жесте старика, не понял последней вспышки в человеке слепой воли к жизни».

Леонов позже отмахивался, когда ему говорили об этой записи Горького, — мол, сам он не понял. «Это было прощание с жизнью, — такие слова запишут за Леоновым, вспомнившим случай с бандитом. — Это было не просто половое переживание. Для него закончилась вся радость жизни. Это было как затухание на кресте»¹².

В задачи нашей «Заметки» не входит изучение темы «Горький, Леонов, Булгаков», это отдельная задача в новом контексте, но и пройти мимо неё невозможно.

В Жаботинский, и это было не лучшее соседство в конце 1920-х. В рамках нашей темы стоит отметить, что Шенгели, как указывает А. Маринин, бывало подменял и друг Есенина «Сигма» — Е. Г. Сокол, автор одной из крайне немногих положительных рецензий на книгу «Маяковский во весь рост». Никаких указаний на связь «Жоржа-матроса» со «Штурман Жорж» мы в указанной публикации не нашли. Идею о том, как повлияли на романы Ильфа-Петрова гудковские фельетоны Шенгели на фоне «маяковского» и «жаботинского» их слоя, мы оставим на будущее.

¹² Прилепин З. Подельник эпохи: Леонид Леонов: <https://biography.wikireading.ru/82113>. Обращаем внимание на поразительную в данном контексте христианскую аллюзию в устах Леонова.

Вернёмся к текстологии и источниковедению. В слове *матрос* не дает усомниться примечание публикатора черновиков Булгакова: «В слове “Матрос” заглавная буква написана изначально, но затем она обведена более четко» [ПСЧР1. С. 123]. Таким образом, мотивируется и «жестокое лицо» поэта Житомирского, и имя военно-морской писательницы «Матрос — Боцман — Штурман Жорж». Командиром Брига становится Арчибальд Арчибальдович во всех его трансформациях, а всё это так или иначе ведёт нас в 1927 г. или к дате выхода газеты/сообщения в свет: не ранее 2 января 1928 г., если Булгаков узнал о «Матросе Жорже» не тогда, когда его расстреляли, а только в январе 1928, либо в 1927 г. Впрочем, «гудковская» публикация прибавляет уверенности в знакомстве Булгакова с делом этого бандита. Тогда все даты, связанные с Есениным: и в позапрошлом году (1927), и три года тому назад (1928) — окажутся мотивированы. В любом случае, псевдоним морской писательницы, купеческой дочки-внучки носит не литературный, а вполне реальный характер. Это и позволяет осознать такую прочную привязку Булгакова к 1928 г.

Здесь нельзя не вспомнить и еще один источник «Жоржа Матроса», который объединяет литературную и морскую тематику, одновременно мотивируя рассказы об Арчибальде Арчибальдовиче, приписанные мистикам или мистикам. Кроме «Энциклопедии» Б. Соколова, еще одно издание в комментарии к Непременовой и Штурман Жоржу пишет:

Предположение, что за этим псевдонимом скрывается советская писательница Ольга Форш, было впервые высказано М. Безродным и подробно аргументировано И. Белобровцевой и С. Кульяс. Форш, автор романа «Сумасшедший корабль», в молодости публиковалась под псевдонимами Жорж Матрос и Б. А. Терек. «Она рано потеряла родителей и провела школьные годы в московском Николаевском сиротском институте».

Утверждение Б. М. Гаспарова (Из наблюдений над мотивной структурой... 1988. № 12. С. 105.), что имеется в виду Жорж Санд, не представляется убедительным¹³.

Прежде всего, отметим: любая женщина, называющая себя Жорж, неизбежно ассоциируется с Жорж Санд. Но куда важ-

---

¹³ Лескис Г., Атарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Москва — Ершалаим. М., 2016. С. 310.

нее другое. Ни М. Безродный, ни И. Белобровцева и С. Кульюс не приписывали Форш псевдонима «Матрос Жорж»¹⁴. К. Атарова и Г. Лесскис вводят читателя в заблуждение, порождая псевдоним Ольги Форш, который неизвестен Масанову (здесь находим: О. Ф.; Терек А.; Ф. О.; Шах-Эддин; Эддин Ш.)¹⁵. Псевдонима Б. Терек, ни тем более Матрос-Жорж здесь нет.

Теперь верное суждение И. Белобровцевой и С. Кульюс:

(...) догадка М. Безродного, что «Штурман Жорж» происходит от Ольги Форш с ее «Сумасшедшим кораблем» (Безродный, 1996), может быть подтверждена целым рядом аргументов. Морской псевдоним (в раннем варианте [«Мастера и Маргариты». — Л. К.] «Жорж-Матрос» переключается с еще одним «водным» псевдонимом Форш — «Б. А. Терек», а также с тем, что Горький называл ее «Жорж Санд») и морская тематика творчества (в вариантах романа упоминались военно-морские пьесы) отсылают к автору книги о литературном доме — «сумасшедшем корабле». В ранних вариантах героиня называлась то поэтессой, то «драматургессой» и было подчеркнуто, что она «богатейшая купеческая внучка» (...) «московская купеческая сирота», что отчасти соответствует биографии Форш: дочь генерала, она рано потеряла родителей и провела школьные годы в московском Николаевском сиротском институте. Другая значимая деталь — возраст героини («лет шестидесяти», «66 лет»). В литературных кругах ее называли «старик Форш», а мемуаристы упоминали старинный фасон ее одежды и поношенные юбки, делающие ее человеком иного поколения (см. «шелковую кофту старинного фасона» у Булгакова). Неизменная акцентировка «густого голоса», «густого баритона», «контральто» героини отвечает воспоминаниям, фиксирующим низкий, «гудящий» голос О. Форш и «гигантские размеры», «габариты» героини булгаковского романа (грузность, «царственная массивность» Форш в тридцатые годы)¹⁶.

¹⁴ *Безродный М.* Конец цитаты. СПб., 1996.

¹⁵ <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/0.htm>.

¹⁶ *Белобровцева И., Кульюс С.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. М., 2006. С. 243–245. Нам неизвестно, почему этих сведений (не важно: М. Безродного, И. Белобровцевой — С. Кульюс, Г. Лесскиса — К. Атаровой) нет в «самом полном издании» у Б. Соколова. В любом случае сведения эти должны учитываться при любом серьезном анализе.

Итак, похоже, никакой Матрос Жорж как псевдоним Ольги Форш никому не известен.

А вот даты выхода «Сумасшедшего корабля» в свет известны — ленинградская «Звезда», номера 2, 3, 4, 6, 12 за 1930 г. Набор разного рода нападок с употреблением слова *корабль* и т. п. в критической литературе о Маяковском того времени требует специального комментария, которому мы посвятим специальный PS к этой заметке. Однако именно дата выхода в свет сообщения о Матросе Жорже в самом начале 1928 г. в указанной нами статье, либо, тем более, каких-то не известных нам сообщений о расстреле этого бандита, в любом случае предшествует выходу в свет романа о «Доме искусств» в Петрограде. Отсюда необходимость в будущем проанализировать и имена, и внешность всех Матросов, Боцманов и Штурман Жоржей, равно как и проанализировать наложение этих сведений на аналогичную топику анти-лефовской борьбы вкупе с хроникой, связанной уже с «Сумасшедшим кораблем».

И раз уж мы коснулись здесь имени Матроса Жоржа «в юбке», то вот и слова самой Ольги Форш о Маяковском:

Ольга Форш уловила, что происходит в душе поэта, когда Маяковский выступал в одном из небольших залов. «Маяковский стоял и тяжелым, твердым взором оглядывал аудиторию. Он будто взвешивал, отбирал, выбрасывал негодных. Презрительно смигнув их, он переводил глаза на другую группу людей. Он давил глазами... Внезапно от легкой застенчивой улыбки лицо сбросило тяжесть и стало, как у юноши. Задорно откинулась голова, отмахнув с белого лба темную прядь. Маяковский вдруг одним шагом прошагнул на эстраду. Расставив ноги, он выставил чуть вперед голову. Так с капитанского мостика глядит капитан. Он налился огромной внутренней силой. Выражение его рта, широкого и словно нарочно надменного, подчеркнулось до дерзости благодаря своеобразному жесту, каким он сунул руки в карманы брюк. Маяковский чуть покачался на высоких ногах, отвел руки за спину, углы губ нервно дернулись книзу, стал говорить. Он рождал свои слова, как первый человек, когда он в самый первый раз называл по имени вещи. Такая новизна была в его интонации, что стих его, как ядро, попадал прямо в цель¹⁷.

---

¹⁷ Цит. по: Михайлов А. Владимир Маяковский. Жизнь замечательных людей. М., 1988. С. 29.

Знал или не знал Булгаков об этом отзыве, мы не знаем, но этот пример показывает, что образ Маяковского-Капитана прожил вплоть до Командора «Алмазного моего венца» В. Катаева.

Хроника определения времени работы над текстом здесь окажется основана на появлении в доступных нам текстах упоминаний «мистиков», одним из которых точно была Ольга Форш, и, естественно, Матроса Жоржа. И в этом особая ценность приведенной нами газетной заметки, дающей заведомо внелитературную датировку интересующей нас работы Михаила Булгакова над романом, одновременно становясь одним из его источников.

И не только романа, начатого в 1928–1929 гг., а и почти синхронных пьес «Иван Васильевич» и «Блаженство».

Теперь на фоне всего сказанного выше уже совершенно иначе звучит такие, например, сцены из «Ивана Васильевича», где к имени персонажа «Жоржа Милославского» закономерно не дается никакой дефиниции:

Милославский (тихо). Ой, дурак! Такие даже среди управдомов редко попадаются... (Вслух.) Ну да, другими словами, я князь Милославский. Устраивает вас это?

Дьяк (впадая в ужас). Чур меня! Сгинь!.. Милославский. Что такое? Опять не слава богу? В чем дело?

Дьяк. Да ведь казнили тебя намеренно...

Милославский. Вот это новость! Брось трепаться, как так казнили?

Бунша (тихо). Ой, начинается!..

Дьяк. Повесили тебя на собственных воротах третьего дня перед спальней, по приказу царя.

Милославский. Ай, спасибо! (Бунше.) Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыплемся. (Тихо.) Что же ты молчишь, сволоочь? (Вслух.) А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?

Дьяк. Ванька-разбойник.

Милославский. Ага. А я, наоборот, Жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него отмежевался. И обратно — царский любимец и приближенный человек. Ты что на это скажешь?

Дьяк. Вот оно что! То-то я гляжу, похож, да не очень. А откуда же ты тут-то взялся?

Милославский. Э, дьяк Федя, до чего ты любопытный! Тебе бы в уголовном розыске служить! Приехал я внезапно, сюрпризом,

как раз когда у вас эта мура с демонами началась... Ну, я, конечно, в палату, к царю, где и охранял ихнюю особу.

Дьяк. Исполать тебе, князь!

Милославский. И все в порядочке!

И чуть далее:

В передней появляются милиция и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники, гляньте! Тимофеев. Ах ты, подлец!

Милиция. Эге!.. (Бунше.) Вы — царь? Ваше удостоверение личности, гражданин.

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товарищи! Мы с маскарада, из парка культуры и отдыха мы. (Снимает боярское облачение.).

Бунша снимает царское облачение. На груди Милославского — медальон и панагия.

Бунша. Оправдались мои подозрения! Он патриарха обокрал и шведского посла!

Шпак. Держите его! Мой костюм!

Милиция. Что же вы, гражданин, милицию путаете? Они воры?

Шпак. Воры, воры! Они же крадут, они же царями притворяются!

Появляется Ульяна Андреевна.

Ульяна. Вот он где! Что это, замели тебя? Дождался, пьяница!

Бунша. Ульяна Андреевна! Чистосердечно признаюсь, что я царствовал, но вам не изменил, дорогая Ульяна Андреевна! Царицей соблазняли, дьяк свидетель!

Ульяна. Какой дьяк? Что ты порешь, алкоголик? Какой он царь, товарищи начальники! Он — управдом!

Тимофеев. Молчите все! Молчите все! Мой аппарат, моя машина погибла! А вы об этих пустяках... Да, это я, я сделал опыт, но нужно же такое несчастье на каждом шагу... явился этот болван управдом и ключ утащил с собой! Старый рамоли, князь-развалина... и этот разозлил Ивана Грозного! И вот нет моего аппарата! А вы об этой ерунде!

Милиция. Вы кончили, гражданин?

Тимофеев. Кончил.

Милиция (Милославскому). Ваше удостоверение?

Милославский. Ну, чего удостоверение? Что же удостоверение?
Милославский я, Жорж.

Милиция (радостно). А! Так вы в Москве, стало быть?

Милославский. Не скрою. Прибыл раньше времени.

Милиция. Ну-с, пожалуйста все в отделение.

Бунша. С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю.

Милославский. Эх, Коля, академик! Не плачь! Видно, уж такая судьба! А насчет панагии, товарищи, вы не верьте, это мне патриарх подарил.

И как поразительно выглядит теперь сцена из пьесы со значимым и двусмысленным названием «Блаженство» на фоне того, что мы слышали от Леонова и Максима Горького о Жорже-матросе:

Тот же день. Та же площадка.

Анна. Милый Жорж, я так страдаю за вас! Может быть, я чем-нибудь могу облегчить ваши переживания?

Милославский. Можете. Стукните кирпичом вашего вредного Саввича по голове.

Анна. Какие образные у вас выражения, Жорж.

Милославский. Это не образные выражения. Настоящих образных вы еще не слышали. Эх, выругаться б сейчас, может быть, легче бы стало.

Анна. Так ругайтесь, Жорж!

Милославский. Вы думаете? Ах, ты! Нет, не буду. Неудобно как-то здесь. Приличная обстановка...

Анна. Жорж, я не верю в то, что вы преступник!

Милославский. Кто же этому поверит?

Анна. О, как вы мне нравитесь, Жорж!

Милославский. Я всем женщинам нравлюсь.

Анна. Какая жестокость!

Милославский. Анеточка, вы бы лучше пошли бы, послушали, что они там говорят на заседании.

Анна. На что ты меня толкаешь?

Милославский. Ну, как хочешь... Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде...

Анна. Твои стихи?

Милославский. Мои.

Анна. Я иду. (Уходит.)¹⁸

Мелкая кража из ариозо Онегина на этом фоне выглядит даже мило и романтично. И если бы не запись Горького в дневнике, мы бы никогда не могли сопоставить Юрия Милославского из «Блаженства» с Жоржем Милославским из «Ивана Васильевича» по общей уголовной линии, достойной лишь газетного фельетона из зала суда.

Однако весь романтизм снимает сцена ограбления Михельсона:

Милославский (прислушиваясь у двери Рейна). Дома. Все люди на службе, а этот дома. Патефон починяет. А где же комната Михельсона? (У двери Михельсона читает надпись.) Ах, вот! Сергей Евгеньевич Михельсон. Какой замок курьезный. Наверно, сидит в учреждении и думает, какой чудный замок повесил на свою дверь. Но на самом деле этот замок плохой. (Взламывает замок и входит в комнату Михельсона.) Прекрасная обстановка. Холостые люди всегда прилично живут, я заметил. Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство. Вот первым долгом и нужно ему позвонить. (По телефону.) Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. (Несколько изменив голос.) Товарищ Михельсон? Бонжур. Товарищ Михельсон, вы до конца на службе будете? Угадуйте. Артистка. Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы, до четырех будете? Я вам еще позвоню. Я очень настойчивая. (Кладет трубку.) Страшно удивился. Ну-с, начнем. (Взламывает письменный стол, выбирает ценные вещи, затем взламывает шкафы, шифоньерки.) Амбир. Очень аккуратный человек. (Снимает настенные часы, надевает пальто Михельсона, меряет шляпу.) Мой номер. Устал. (Достает из буфета графинчик, закуску, выпивает.) На чем это он водку настаивает? Прелестная водка! Нет, это не польнь. Уютно у него в комнате. Почитать любит. (Берет со стола книгу, читает.) Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы... Красивые стихи. (По телефону.) Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. Товарищ Ми-

---

¹⁸ Булгаков М. Иван Васильевич. Комедия в трех действиях. Действие третье // Булгаков М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1999 (цит. по: http://lib.ru/BULGAKOW/ivan_vas.txt).

хельсон? Это опять я. На чем вы водку настаиваете? Моя фамилия таинственная. А какой вам сюрприз сегодня выйдет! (Кладет трубку.) Страшно удивляется. (Выпивает.) Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы...¹⁹

Таким образом, всё, что связано с «Жоржем», перешло в «Мастере и Маргарите» к писательнице «Штурман Жорж», а носящая по всей советской стране банда Воланда приняла на себя заслуги героя судебных фельетонов «Гудка» и «Вечернего Киева».

P. S.

На сказанном можно было бы и остановиться, перейдя к следующей заметке из нашей серии и сохранить структуру всей серии. Однако это не позволяет зафиксировать ряд важных маркеров текста, который мы отметили в заметке III, но не объяснили, так как они были объяснены нами ранее: Житомирский как субститут Маяковского, «бриг» — Брик, даже борода Арчибальда Арчибальдовича, коли он связан с Бриком и Лефом, правый уклон или левый загиб, опять-таки в связи с Лефом, «Австралия горит» — «Москва горит» и др.

Главным маркером для нас оказывается именно последний маркер «Москва горит». И маркер предсмертно-посмертный. Эта меломима Маяковского — Брика была представлена впервые 21 апреля 1930 г., то есть через неделю после смерти Маяковского.

Без обращения к нашим более ранним работам о Булгакове и Маяковском здесь не обойтись, тем более что все обозначенные здесь маркеры нами давным-давно были специально разобраны в книге о Маяковском (2000, 2004)²⁰, однако они никогда не становились предметом внимания булгаковедов, которые наши специальные работы о Булгакове замечали, а книгу даже рецензировала киевский филолог, имеющая отношение даже к Музею Булга-

---

¹⁹ Булгаков М. Блаженство (сон инженера Рейна). Пьеса в четырех действиях. Действие первое // Булгаков М. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М., 1999 (цит. по: <http://lib.ru/BULGAKOW/blagen.txt>) Аналогичную сцену ограбления Шпака из первого действия «Ивана Васильевича» мы не приводим, отмечая лишь важность образа Жоржа из обеих пьес для понимания их единого замысла и, возможно, смысла. См.: Булгаков М. Иван Васильевич. Комедия в трех действиях. Действие первое (цит. по: http://lib.ru/BULGAKOW/ivan_vas.txt).

²⁰ Кацис А. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи / 2-е изд., доп. М., 2004 (далее: ВМИК с указанием страницы).

кова²¹. Не будем исследовать причины происшедшего, обсуждать «мифы и репутации» или оценивать библиографическую оснащенность науки о киевском классике.

Однако булгаковские главы оказались пропущены и библиографически хорошо оснащенными исследователями, которые цитируют наши работы²². Тем важнее напомнить сегодня то, что существует с 2000, 2004 г. и, естественно, позволяет делать выводы из основного текста заметки III.

Кроме того, проведенный анализ во многом подтвердил наши ранние работы, и мы сейчас возвращаемся к ним во всеоружии знаний о черновиках Булгакова, которые были доступны исследователям Булгакова, но к которым мы не обращались в 1994–1999 гг., когда писалась первая редакция нашей книги. Напомним, что базой анализа явилась тогда острейшая полемика ЛЕФа и Литературного центра конструктивистов (ЛЦК) 1927–1929 гг., которая ни до, ни после наших работ в булгаковедении внимания к себе не привлекала. Достаточно сказать, что в труде Б. Соколо-

---

²¹ Булкина И. Рецензия после рецензии // Русский Журнал / Круг чтения / Книга на завтра: www.russ.ru/krug/kniga/20010118.html. В этом тексте имя Булгакова даже не упомянуто. Впрочем, для написания текстов этого рода чтение книги совсем не обязательно. Ср.: «Право судить о научных достоинствах книги Л. Ф. Кациса должно в первую очередь быть отдано специалисту — именно в силу своеобразной репутации автора и неравноценности его читательских резонансов. Герой этой фундаментальной — громоздкой, но безусловно основательной в лучшем смысле слова — монографии в чем-то сходен с автором: он тоже анфантеррибль, и не только по жизни, но и по смерти имел серьезные проблемы и с репутацией, и с резонансом». Рецензент — не специалист по Маяковскому, но, кажется, специалист по Булгакову, своего героя здесь не увидела, более того, она не заметила, что автор той монографии и этой статьи, в отличие от Маяковского, второго элемента репутации пока не имеет. Впрочем, в том научном антимире либо антинаучном мире, где филологическое исследование заменяет мифологическая «репутация», всё это допустимо. Однако все «мистические» и «репутационные» пропуски когда-то будут заполнены. Поэтому и тогда, и сейчас мы интересуемся только конкретной исторической реальностью, которая породила роман Булгакова.

²² В фундаментальной работе: Яблоков Е. Михаил Булгаков и мировая культура. СПб., 2011 — есть даже очень содержательный раздел о Маяковском, однако из его противников-конструктивистов Н. Адуев упомянут лишь в цитате из Булгакова, а И. Сельвинский не упомянут вообще. В книге И. Белобровцевой и С. Кульюс (Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. С. 235) упомянуто даже стихотворение «Юбилейное» в связи со строкой «стрелял, стрелял в него этот белогвардеец». Как известно, в «Юбилейном» Маяковский писал: если выяснить, чем занимался Дантес до 17 года», — «только этого Дантеса бы и видели».

ва имя их лидера И. Сельвинского упомянуто один раз в случайном списке. Мы придерживались и придерживаемся прямо противоположного мнения, и здесь помогает анализ самых ранних редакций романа, зарождавшегося именно в это время.

Начнем с портрета героя романа в стихах «Пушторг» лидера ЛЦК Иаби Сельвинского — Льва Семеновича Кроля, то есть издевательски и макаронически ЛСК, но на деле ОМБ, то есть Осипа Максимовича Брика. Его «портрет» очень хорошо коррелирует с событиями, которые произойдут и в Грибоедове, и в МАС-СОЛИТЕ со всеми его вариациями:

Каков он? Седой, лысый, рыжий?
Он председатель правленья. Судьба.
Он изъясняется кнопкой, как призрак,
Веял холодом морга.

Это для начала. Теперь о «сумасшедшем корабле» Шалаша Грибоедова. Корабельная образность постоянно встречалась в полемике ЛЦК и ЛЕФа да еще и с почти анекдотической «бородой», уходящей вглубь литературной борьбы.

Было это, в частности, при сравнении Маяковского с бородой Льва Толстого.

Приведем здесь пару цитат из еще одного сочинения конструктивиста Николая Адуева, упомянутого нашим предшественником.

Это стихотворение «В. В. Маяковскому до востребования» из сборника 1929 г. «Бизнес»:

Владимир Владимыч! Примите с доверьем
Мой нижайший поклон во первых строках.
Вы ушли из Лефа, хлопнувши дверью
И, так сказать, отряхая прах.
(...)
Заглянем же правде прямо в лицо:
В свой фарватер для вящего украшения
Леф пытался втянуть *посторонних гребцов,*
Как воронка после кораблекрушения!
Но гребцы отвечали корректно: «мерси!»
И умчались, сверкнув эпиграммною пеной,
И так как этот хвокус не удался,
То поднять свой престиж вы решили поэмой ...

Понятно, что речь идёт о «Хорошо!».

А в концовке мы найдём и искомую бороду, что, разумеется, не мешает прототипу Арчибальда Арчибальдовича иметь свой основной признак Черномора.

Итак:

Прекратились скандалы, скандальчики и скандалыцы,
Благонравный плакат запестрел по городу,
Вы стали сквозь зримые миру пальцы
Пропускать «незримую миру» бороду.

Здесь, как видим, «борода» лысого Брика «приписана» бритому Маяковскому.

Надо сказать, что литературные игры раннего (1928–1930) Булгакова и окончательный вариант «Мастера и Маргариты» — тексты разных литературных эпох и разных писателей. Не учитывать здесь постоянно меняющиеся литературно-политические обстоятельства, жизнь или смерть того или иного участника полемики или игры, жизненных перипетий Булгакова, его отношений с Властью, и мнения Власти о Маяковском невозможно. Поэтому и убирал он постепенно от ранних редакций к поздним разного рода диагностические признаки, отсылавшие к очевидным для читателя 1920-х — самого начала 1930-х гг. обстоятельствам.

Вот ещё продолжение истории бород Маркса и Толстого у того же Адуева:

И чтоб совсем достичь рубежа
И стать таким же великим и древним,
Не хватало только от Лефа сбежать,
Как Толстому от Софьи Андревны!
[ВМИК. С. 613–616].

Теперь обратим внимание на бумаги, которые остались лежать на столе покойного председателя правления в одной из самых ранних редакций:

В [комнате] служебном кабинете самого Берлиоза звонок [кнопкой звонка, как мы помним, изъяснялся похожий на труп живой Кроль-Брик у Сельвинского. — Л. К.] на настольном телефоне работал непрерывно. Рвались голоса, хотели что-то узнать,

себе почти полностью воспроизвести наш анализ так называемых «стихов» Булгакова на смерть Маяковского, которые точно разграничивают самые первые редакции 1928–1930 гг., и тетради, начиная с 1931 г. [ВМИК. С. 630–632]. Напомним здесь наши давние рассуждения, обретшие теперь новую актуальность: «Эти строки под названием “Funeralles” (“Похороны”) датированы 28 декабря 1930 г. Они были впервые опубликованы в описании архива М. Булгакова М. О. Чудаковой²⁴. По сей день не существует более подробной публикации интересующих нас отрывков. К сожалению, в описании архива писателя текст опубликован не полностью, поэтому мы вынуждены пользоваться имеющимися кусками и учитывать пересказ публикатора» М. О. Чудаковой.

Таким образом, перед нами источник редакции, написанной не только после апреля 1930 г., но и в самом начале 1931.

Идем дальше: «Чудакова указывает, что “это — черновые наброски стихотворения, начинающегося строкою: ”Надо честно признаться...”, открывающей исповедально-итоговый его характер”. Затем следует цитата, которая не может не привлечь наше внимание употреблением двух важнейших для нас выражений: “подпольные крысы” (ср. “Кысодав”, “Мы”) и “флейтный свист” (ср. “Флейта-позвоночник”). Отметим, что с мотивом “свиста” или “крыс республики” мы уже встречались в “Пушторге” И. Сельвинского. К тому же Маяковский участвовал в работе журнала “БОВ”. А именно это слово в варианте “- бов” было псевдонимом Н. Добролюбова в журнале “Свисток”».

Это особая тема полемики вокруг Маяковского.

«Сейчас же лишь констатируем, что эти слова вполне знаковы для тех, кто был в курсе событий вокруг последних дней Маяковского.

Так строки:

Я уткнусь головой белообрый
В недописанный лист —

говорят нам не столько об исповедальности этого стихотворения для Булгакова, сколько, похоже, о есенинском следе в «По-

---

²⁴ Чудакова М. Архив М. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 37. М., 1976. С. 94–95.

хоронах». Сегодня стоит отметить, что датированы эти отрывки 5-й годовщиной смерти Есенина, а ритмически они напоминают как раз строки о разного рода «бригах». И это лишний раз напоминает о той парности Есенин — Маяковский, которой пронизана вся сцена в Грибоедове.

«Далее М. О. Чудакова указывает: “Дальнейшие, большей частью зачеркнутые черновые строки развивают тему исповеди и трагического конца: “вероятно, собака (залает) завоет (Пожалеет испорченный стол) (...) (Не раз поганой ложью я пачкал уста / Темна и нечиста)””.

В следующем случае мы полагаемся на выводы и заключения М. О. Чудаковой: “Наброски обнаруживают прямую близость к некоторым излюбленным мотивам автора [Булгакова. — Л. К.]:

Почему ты явился повитый
Почему раздроблен рот
Ты в бою убитый < ... >
Меня обнимет монах”.

Первые три стиха ведут к материалу “Красной короны”, вероятно, по-прежнему живому для автора, не изжитому в творчестве; второй стих использует также деталь описания гибели Берлиоза в ранних редакциях романа; “монах” в одном ряду с “мошенниками” “Кабалы святош”, пугающими Мольера; о нем же, вероятно, говорят и два стиха в конце набросков: “Почему ты меня не берег? Почему он меня подстерег?” Далее вновь цитируется обширный кусок черновика:

Вспомню ангелов жгучую водку
И ударит мне газом
В позолоченный рот
Почему ты явился непрошенный
Почему ты (не кончал) не кричал
Почему твоя лодка брошена
Раньше времени на причал?
Едва ли достойная кара
Под твоими ударами я, господь, изнемог ...

К выделенным словам М. О. Чудакова даёт примечание: «Укажем на возможную связь последних двух стихов с четырьмя стихами из второго “лирического” вступления к поэме “Во весь голос”».

До того, как продолжить наш старый текст заметим, что абсолютно все строки, если искусственно не искать отдельные совпадения слов у Булгакова, имеют отношение к Маяковскому: и ангелы от ранних «богоборческих» поэм до поздних «атеистических» стихов, и «позолоченный рот», и водка с самогоном, и стихи о монахах и монахинях и т. д.

Последнее «замечание М. О. Чудаковой, безусловно, верно. Трудность здесь одна. Так называемые “лирические” отрывки “Неоконченного” были опубликованы только в 1934 году в альманахе “С Маяковским”. Лишь поэтому исследователь не рискнула сделать более радикальный вывод о принадлежности стихов М. Булгакова к “маяковскому” тексту. Однако следующие замечания публикатора только подтверждают наше предположение: “Шесть последних черновых стихов, по-видимому, не законченного стихотворения, развивают тему гибели, вводя метафорический ряд “дальних созвездий”, в которых “загорится еще одна свеча”».

На наш взгляд, здесь несомненные следы как “полета на звездочку” в “Про это”, так и знаменитого “Послушайте!”:

Ведь если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда!?

Понятно, что Булгаков не хотел говорить впрямую об этой звезде и заменил ее на одну свечу» [ВМИК. С. 630–632].

Теперь есть смысл сопоставить способы работы с текстами Маяковского и о Маяковском в черновиках (особенно ранних, что сейчас наиболее важно!), чтобы увидеть, что техника работы и в прозе, и в так называемых стихах Булгакова — одна и та же. А строки про «одну свечу», заставляя задуматься, не ведет ли Иванушка Бездомный, во всех своих ипостасях, с его одинокой и свечкой, и иконкой, приколотой прямо на тело, к образам героя «Про это», венчанного в луне и с лицом Иисуса.

В любом случае мы видим, что вся последующая система символов и прототипов романа «Мастер и Маргарита» основана, так или иначе, на стихах и образе Маяковского. А булгаковская «ис-

поведальность» этих конструктивистских по конструкции стихов выглядит очень сомнительно. Теперь, разумеется, есть смысл проанализировать и то, как и куда «уходит» Маяковский в окончательной редакции романа, и то, что связано с декабрем 1935 г. и словами Сталина о «лучшем и талантливейшем поэте нашей советской эпохи», как изменение ситуации с Маяковским повлияло на место и роль его в будущем романе.

А вот идея видеть Маяковского не только в Рюхине, но и во многих других персонажах и ситуациях «Мастера и Маргариты», представляется плодотворной. Только без знания именно позднего Маяковского и конкретной борьбы поэта и с поэтом увидеть этого нельзя²⁵.

Но видеть или не видеть — это выбор каждого.

---

²⁵ Происхождение Маяковского-Житомирского связано с образом Маяковского-Мардохея Гольдвассера, прибывшего в Москву и в ЛЕФ после выступления в Минской синагоге, в антимаяковском и антисемитском рассказе Поля Морана «Я жгу Москву» (1925). Об этом подробно и специально см.: ВМИК. С. 546–588.

Вадим Беспрозванный (Анн Арбор)¹

ВЛАДИМИР НАРБУТ
И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ:
ЛИТЕРАТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ДИАЛОГ. Статья 1

Вопреки краткосрочности существования акмеизма как формального объединения, это литературное направление сохранило свои принципы поэтики, влияния на литературу и, шире, культуру, на длительное время. Дружба, частные отношения, глубокая приязнь или столь же глубокая неприязнь делали акмеистов «лицеистами» начала XX века.

В акмеистической среде литературно-биографический диалог² сыграл значительную роль, поскольку послужил для неё дополнительным объединяющим фактором, компенсировавшим известную гибкость и открытость литературной идеологии акмеистов. «Цветущее разнообразие» миропонимания и поэтики, видимо, стало причиной тому, что до сих пор многие исследователи говорят об отсутствии акмеизма как целостного литературного явления («акмеизма не было, были акмеисты»), либо делят акмеизм на «левый» и «правый».

Обе составляющих диалога — собственно литературная и биографическая — несмотря на их глубинную связь, не всегда раз-

---

¹ Вадим Григорьевич Беспрозванный — PhD, лектор Школы информации Мичиганского университета, США.

² Литературный (литературно-биографический) диалог как форма существования литературы позволяет рассматривать проблемы поэтики в связи с изучением литературного быта. Сказанное вполне справедливо для понимания целого ряда литературных направлений, в том числе и для акмеизма.

виваются синхронно. Именно таким нам представляется диалог двух ключевых фигур акмеистического направления — Владимира Нарбута (ВН) и Осипа Мандельштама (ОМ), диалог, который мы рассмотрим в данной работе.

Довольно длительный период знакомства (1911–1934?) и общения, в силу разных обстоятельств часто прерывавшегося, и принадлежности — не всегда к одному и тому же, но, во всяком случае, к близким литературным кругам, не означали немедленного сближения двух поэтов. Ограниченные сведения об их знакомстве и встречах все же позволяют составить некоторое впечатление об их биографическом и литературном диалоге³.

В книге «Поэтическое искусство Мандельштама» (1964) Ирина Бушман справедливо отметила то, что впоследствии стало общим местом мандельштамоведения: «У биографии Мандельштама (...) есть тенденция обрастать легендами»⁴. Сказанное в полной мере может быть отнесено к жизни и смерти ВН⁵.

Начнём с конца. Из-за отсутствия документально подтверждённых сведений обстоятельства смерти ВН и ОМ на долгое время заменили биографические апокрифы⁶, во много сходные меж-

---

³ В процессе работы на этой статье, наряду с другими источниками и собственными разысканиями, мы пользовались следующим изданием: *Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубяниковой, П. Мицнера*. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2019.

⁴ *Бушман И.* Поэтическое искусство Мандельштама. Мюнхен, 1964. С. 11.

⁵ «О нем ходило множество непроверенных слухов» (*Катаев В.* Алмазный мой венец // Катаев В. Трава забвения. М., 1999. С. 110). См. об этом: *Беспрозванный В.* Владимир Нарбут в восприятии современников // Новое литературное обозрение. 2005. №2. С. 193–206.

⁶ Вероятно, одним из первых печатных изложений версии смерти ОМ можно считать воспоминания И. Эренбурга: «В начале 1952 года ко мне пришёл брянский агроном В. Меркулов, рассказал о том, как в 1938 году Осип Эмильевич умер за десять тысяч километров от родного города; больной, у костра он читал сонеты Петrarки» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания : в 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 313). К первым публикациям, содержащим легенды о гибели поэта, относится и вышеназванная книга Бушман. Источники сведений о смерти ОМ рассмотрены в следующих работах: *Тименчик Р.* О мандельштамовской некрологии // Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М. 2008. С. 550–566. Первые опубли.: Даугава. 1997. №2. С. 132–138; *Нерлер П.* «Сарафанная почта»: вести и слухи о смерти Осипа Мандельштама // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 548–560. Сведения об обстоятельствах смерти ОМ и ВН упоминаются Н. Я. Мандельштам в её книге «Воспоминания» (первое издание — Нью-Йорк, 1970); ср. также о ВН: «А. Г. Тихомиров, вернувшийся из колымской ссылки, рассказывал: “Видели, как столкнул Нарбута с баржи в бухте Находка солдат или заключённый”»

ду собой: голодный безумный ОМ, крадущий еду и читающий стихи уголовникам, — и чистящий отхожие места в лагере, а потом сброшенный с баржи в воду (или погибший на взорванной барже) инвалид ВН. Оба сюжета, ставшие известными благодаря первой книге воспоминаний Надежды Мандельштам, сблизила эпоха, которая, перефразируя заглавие статьи Романа Якобсона, «растрачивала своих поэтов», отдавая явное предпочтение их уничтожению⁷. ОМ скончался 27 декабря 1938 г. в пересыльном лагере под Владивостоком. ВН был расстрелян 14 апреля того же года, последнее его место пребывания — карантинно-пересыльный пункт номер 2 СВИТЛ НКВД в Магадане.

Даже решение о реабилитации ВН и ОМ (в отношении последнего — частичное), принятое определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, датируется одним и тем же днём — 31 июля 1956 г.⁸

Определенный параллелизм восприятия биографий ВН и ОМ просматривается в образах поэтов, созданных в мемуарах Георгия Иванова. Для Иванова поэтическое творчество ВН и ОМ в после-революционное время завершилось крахом, своего рода «смертью при жизни»:

Заговорили о стихах. Мандельштам, как всегда, был полон планами и надеждами. — «Нет, ты прочти что-нибудь написанное за это время». Он смущённо признавался — ничего нет. Теперь он снова пишет стихи. Время от времени в советских газетах, среди разных неведомых имён, на десятом месте — мелькает его подпись. Грустно читать это имя под такими стихами [далее цитируется шуточное стихотворение ОМ «Тётушка и Марат», опубликованное в 1925 г. в вечернем выпуске «Красной газеты» от 19 октября. — В. Б.]⁹.

(Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь // Нарбут В. И. Стихотворения. М, 1990. С. 43). О смерти ВН: Бирюков А. Кольмские истории. Новосибирск, 2004. С. 87–91; см. также письма ВН к жене, Серафиме Густавовне Нарбут, написанные в лагере: Нарбут В. И. Стихотворения. М, 1990. С. 371–382.

⁷ Ср. ответ Н. Я. Мандельштам на вопрос С. С. Аверинцева, почему она причисляет Гумилёва к акмеистам: «Во-первых, его расстреляли...» (Гаспаров М. А. Записи и выписки. М., 2000. С. 168).

⁸ Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь. С. 44; Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 171–172.

⁹ Иванов Г. Петербургские зимы. Фрагменты, не вошедшие в книгу // Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 204.

Ср. в «Петербургских зимах»:

(...) в 1920 году в книжном магазине я увидел тощую книжку, выпущенную в каком-то из провинциальных отделов Госиздата: «Вл. Нарбут. Красный звон»¹⁰ или что-то в этом роде. Я развернул ею. Рифмы «капитал» и «восстал»¹¹ сразу же попались мне на глаза. Я бросил книжку обратно на прилавок...¹²

ЗНАКОМСТВО

ВН и ОМ познакомились не позднее осени 1911 г. в Петербурге¹³. В это время оба были студентами Санкт-Петербургского университета, но встретились впервые, вероятно, вне его стен. ОМ был зачислен на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета 10 сентября 1911 г., ВН начал своё обучение на физико-математическом факультете в 1906, в 1908 перешёл на историко-филологический факультет, а в сентябре 1912 подал прошение об увольнении из числа студентов.

К 1911 г. ВН, начинающий поэт, чья первая книга стихов была встречена благожелательно, уже успел установить множество контактов в литературном мире. Он состоит секретарём редакции студенческого журнала «Gaudeamus», издания, ориентированного на «новую» поэзию»; стихи ВН охотно печатают

¹⁰ Курьёзно, но сборники с таким заглавием в действительности были изданы во второй половине 1920-х гг., правда, ВН не имел к ним никакого отношения: Морозов И. Красный звон. М., 1916; Красный звон: сборник стихов С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Ширяевца. Пг., 1918.

¹¹ Эта рифма в известных нам стихотворениях ВН не встречается, ближайшую к ней «капитал / пьедестал» находим в стихотворении «НЭП» (Коммунист [Харьков]. 1922. №256 (848). 7 нояб. С. 3).

¹² Иванов Г. Петербургские зимы // Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 117–118.

¹³ В ноябре 1911 г. С. П. Каблуков записывает в своём дневнике: «Я ушёл от В. И. [Иванова] в 12 ч. [вечера], к каковому времени приехали поэты Мандельштам и Нарбут. Они изучали только что вышедший альманах «Аполлона» (О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 246.) Речь идёт о следующем издании: Литературный альманах. Издание «Аполлона». СПб., 1912 [так в выходных данных. — В. Б.]. Акмеистическое сообщество в альманахе, кроме ОМ, было представлено стихами А. Ахматовой, Н. Гумилёва и М. Зенкевича; стихотворений ВН там не было.

в различных периодических изданиях. Позднее сам ВН напишет об этом времени не без гордости: «С 1911 года печатался почти во всех столичных газетах и журналах. Попадал в “толстые”: довольно удачно и — без протекций»¹⁴. В это же время Нарбут намечает и два направления своей поэтической деятельности: продолжая быть «певцом природы»¹⁵ в изданиях типа «Русский паломник» и «Сельский вестник», он вступает в только что созданный «Цех поэтов». Тогда же и ОМ знакомится с петербургской литературной средой, первые публикации его стихотворений появляются в «Аполлоне». Предлогом для более раннего знакомства поэтов (очного или заочного) могла послужить публикация статьи Владимира Пяста «По поводу последней поэзии» в журнале «Gaudeamus»¹⁶ в феврале 1911 г. с анализом ритма стихотворения ОМ «Источается тонкий тлен...»¹⁷, опубликованного в девятнадцатом номере журнала «Аполлон» за 1910 г.

«ЦЕХ ПОЭТОВ»

Время создания «Цеха поэтов»¹⁸ было началом более тесных контактов между двумя поэтами. Так, одна из документально зафиксированных встреч ВН и ОМ, состоявшаяся 28 октября 1911 г. на «башне» Вячеслава Иванова, судя по всему, не была первой (см. выше). В этот период, а отчасти и позднее, их сближала, главным образом, среда: акмеизм как литературное направление оказался достаточно гибким, чтобы объединить поэтов, поэ-

¹⁴ Нарбут В. Письмо Венгеру Семёну Афанасьевичу с ответом на анкету К. Б. С. 12 мая 1913 года (Архив С. А. Венгерова) // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. №2532. Л. 3.

¹⁵ Слова Екатерины Уманец, «редактора-издательницы» журнала «Светлый луч», из заметки раздела «Почтовый ящик», адресованной ВН (Светлый луч. 1912. №8. С. 2).

¹⁶ Gaudeamus №4 (17 февраля 1911 г.); №5 (24 февраля 1911 г.).

¹⁷ О возможных параллелях этого и нескольких других стихотворений ВН данного периода со стихотворением ОМ см.: Фролов Д. О стихотворении Осипа Мандельштама «Источается тонкий тлен...» (1909) // Toronto Slavic Quarterly. 2016. №56. Представляется справедливым то, что автор придаёт этим пересечениям типологическое, а не генетическое истолкование, относя их за счёт общности поэтического языка эпохи.

¹⁸ Первое заседание «Цеха» состоялось 20 октября 1911 г., (см. Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С. 141–142; Блок А. Дневник. 1911–1913. Л., 1928. С. 24). На этом первом собрании ОМ не присутствовал.

тика которых существенно различалась. И, возможно, благодаря этой особенности зыбкое акмеистическое единство оказалось глубоким и прочным. Как формальное объединение акмеизм сходит на нет, едва объявив о своём рождении, но продолжает существовать, хоть и без какой-либо организационной «рамки», уже как литературное мировоззрение, как творческое и человеческое содружество.

После публикации книги «Аллилуиа» (апрель 1912 г.) и последовавшего за ней постановления Санкт-Петербургского цензурного комитета от 1 мая 1912 г. «О возбуждении судебного преследования по ст. 74 Уголовного уложения (ст. 73–98 в составе Гл. 2 “О нарушении ограждающих веру постановлений”) и ст. 1001 “Уложения о наказаниях” (“О противных нравственности и благопристойности сочинениях”)», суливших крупный штраф и тюремное заключение сроком не менее шести месяцев¹⁹, ВН был вынужден спешно покинуть Россию. Его отъезд продлился до февраля 1913 г. Вернувшись из Абиссинии, Нарбут вновь становится активным участником литературной жизни Петербурга. ВН и ОМ встречаются на заседаниях «Цеха поэтов», в «Бродячей собаке», в литературных салонах, на собраниях и диспутах. Георгий Иванов так описал одно из собраний редакции «Гиперборея», журнала первого «Цеха поэтов», проходивших зимой 1912–1913 гг. в квартире Михаила Лозинского:

Однажды он [ОМ. — В. Б.] ехал с Гумилёвым в «Гиперборей» на извозчике и вёл какой-то литературный спор. В пылу спора Гумилёв не заметил, что ядовитые реплики из-под башлыка становились всё реже и короче. И вдруг уже недалеко от Гиперборейского подъезда на колени Гумилёву падает совсем бесчувственный Мандельштам. Споря, он замёрз. И его долго растирали, тормошили и отпайвали, прежде чем привели в чувство. Поэт Владимир Нарбут требовал себе медали за спасение погибающего. Он уверял, что, пока все без толку хлопотали над замёрзшим, он догадался поднести к его носу трёхрублёвку. Близость столь крупной суммы будто бы и подействовала оживляюще на всегда безденежного поэта...²⁰

¹⁹ *Беспровзванный В.* Владимир Нарбут: Поэтика «Аллилуиа» // Toronto Slavic Quarterly. 2012. №39. С. 8–9.

²⁰ *Иванов Г.* Китайские тени // Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 223–224.

Весной 1913 г., сделавшись на краткий срок владельцем и редактором «Нового журнала для всех», ВН привлекает к участию в нем некоторых поэтов близкого ему круга, сам пишет для журнала ряд рецензий²¹. В апрельском номере журнала ВН публикует свою рецензию на только что вышедший сборник Мандельштама «Камень»²². Замечание Ральфа Дутли — «отклики акмеистов (Нарбут, Городецкий и Гумилёв), выступивших в печати, можно счесть любезностью коллег» — представляется резонным²³, однако рецензия ВН, бывшая положительной и очень краткой (всего три абзаца) содержит одно интересное замечание:

²¹ В исследовательской литературе, к сожалению, существует довольно распространённая точка зрения касательно того, что рассказанную Г. Ивановым историю покупки ВН «Нового журнала для всех» и последующей его продажи, следует считать достоверной. В частности, таких взглядов придерживаются О. Лекманов: «(...) не всегда правдивый в деталях, но почти всегда — точный по существу Георгий Иванов» (*Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы.* Томск, 2000. С. 131); В. Шубинский: «(...) история, которую описал (на сей раз почти не соврав) Г. Иванов» (*Шубинский В. Зодчий. Жизнь Николая Гумилёва.* М., 2014. С. 355). Более справедливой представляется оценка Л. Черткова, отметившего «многочисленные неточности и передержки» в «Петербургских зимах». Ср. у Р. Тименчика: «(...) в изображении Н[арбута] у Иванова царит отсебятина» (*Тименчик Р. Нарбут Владимир Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: Т. 4. М–П. М., 1999. С. 229*). На самом деле, этот сюжет Иванова, за исключением факта сделки, практически не содержит никаких правдивых свидетельств. Не следует также преувеличивать радикальности «смены литературных вех», произошедшей при редакторе ВН; конечно, он хотел изменить лицо журнала, но преуспел в этом немного: кроме рецензий, ВН поместил несколько поэтических публикаций авторов, прежде в «Новом журнале для всех» не печатавшихся, — вот, в сущности, и всё. За несколько месяцев ВН просто был не в состоянии существенно обновить редакторский портфель. Купивший журнал А. Л. Гарязин, один из руководителей Всероссийского национального союза (но отнюдь не «активный член «Союза русского народа», как пишет в вышеуказанном фрагменте Шубинский), назначив главным редактором издания молодого сотрудника М. А. Иллешевского, выпустившего в этом качестве номера журнала с шестого по десятый, тоже не стал делать это издание особенно консервативным: в этих номерах были напечатаны произведения Михаила Кузмина, Александра Кондратьева, Александра Тинякова — и Степана Скитальца, раннего Александра Малышкина, др. малоизвестных «реалистов». «Новый журнал для всех» (который не следует идеологически связывать с «Новым журналом», журналом «с направлением») был изданием хоть и массовым, но безликим.

²² Новый журнал для всех. 1913, №4. Стб. 175–176. «Камень» вышел в марте–апреле 1913 г.

²³ Дутли Р. «Век мой, зверь мой». Осип Мандельштам. Биография. СПб., 2005. С. 68.

В заслугу Мандельштаму следует поставить (...) включение в его поэтический словарь живой повседневной речи («на шею *нацепил* турецкий узорчатый платок», «*привяжется* бродяга, *вымогая* на ночлег») и тонкую наблюдательность («Слышу с крепости сигналы, замечаю, как тепло. Выстрел пушечный в подвалы, *вероятно, донесло*») ²⁴.

«Живая повседневная речь» — иначе говоря, включение в поэтический язык разговорной и даже просторечной лексики — одна из важных характеристик поэтики самого ВН, куда более важная для его творчества, нежели для поэзии ОМ, во всяком случае — для ОМ времени публикации этой рецензии.

Существенной частью эстетической программы акмеизма было обновление литературных ориентиров ²⁵. В этот период ВН создаёт свой собственный «синодик» авторов (отличный от составленного Гумилёвым), которых он считает ключевыми ²⁶ для своего творческого самоопределения. Об этом он пишет Зенкевичу: «А мы — и не акмеисты, пожалуй, а — натуралисто-реалисты. Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер!!!» ²⁷. Кроме Гоголя, влияние которого на поэзию ВН было очевидным, упоминание Бодлера не было ни случайным, ни декларативным: в поэзии ВН мотивы «падали», разлагающейся плоти, плотской любви, вообще использование «эстетики безобразного» играют важную роль. ВН и Бодлера сближает также их трагическое мировосприятие. Весьма показательны, что Георгий Иванов в своих беллетризованных мемуарах воспользовался именем Бодлера для характеристики литературных пристрастий ВН. Говоря об издательской премии, обещанной читателям «Нового журнала для всех» новым редактором (ВН), он называет «сочинения украинского философа Сквороды и стихи Бодлера в переводе Владимира Нарбута» ²⁸.

Поиск литературных ориентиров был в высшей степени характерен и для ОМ. Европейские авторы, чьё творчество интересо-

²⁴ Новый журнал для всех. 1913, №4. Стб. 176.

²⁵ Гумилёв Н. Заветы символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. №1. С. 42–45.

²⁶ Например, в книге «Аллилуиа» круг своих «вечных спутников» ВН определяет через выбор авторов, цитаты из которых он использует в качестве эпиграфов (Гоголь, Гребенка, Котляревский, Нарезный, Скворода).

²⁷ Из письма М. Зенкевичу от 7 июня 1913 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М., 2000. С. 240.

²⁸ Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 115.

вало ОМ, в список ВН не входят— за одним исключением. Внимание ОМ к творчеству Бодлера²⁹ был глубоким и разносторонним: Бодлер привлекал его прежде всего как поэт, близкий его собственным поэтическим предпочтениям; кроме этого ОМ интересовало значение Бодлера для эволюции европейской и русской поэзии³⁰.

Летом 1913 г. ВН, не справившись с издательскими обязательствами, продаёт журнал А.Л. Горязину, уезжает домой, женится на соседке по имению и, по большей части, живёт в Глуховском уезде; здесь его застаёт Первая мировая война и последовавшие за войной две революции.

В годы Первой мировой войны ОМ поначалу поддаётся общему подъёму, принимает участие в благотворительных вечерах, даже пытается определиться на службу военным санитаром. Но его поэзию не затронула мода на примитивные ура-патриотические поделки, которыми грешили тогда даже маститые поэты. ВН же в этот период напечатал в провинциальной прессе не менее дюжины стихотворений, написанных в полном соответствии с *la mode en temps de guerre*— о «родных витязях» и немецком «коронованном мяснике».

Никаких контактов с ОМ³¹, впрочем, как и с большинством литераторов своего круга (исключая Михаила Зенкевича), ВН не поддерживает, но следит за творчеством других акмеистов. Так, в январе 1916 г. он пишет Зенкевичу: «В “разводе” Гумилёва и Город[ецкого] я становлюсь на сторону первого. Не нравятся мне последние стихи Сергея!³² А к новому “Цеху” примыкать нам

²⁹ Заметки к данной теме см.: Лекманов О. Мандельштам и Бодлер. Toronto Slavic Quarterly. 2008. №23. Жанр этой заметки сам её автор определил как обобщающую справку. Вопрос о более обширном и более значительном влиянии Бодлера на творчество ОМ рассмотрен в монографиях Лады Пановой: Панова Л. Итальянсья, русея: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М., 2019; Панова Л. Зрелый модернизм: Кузмин, Мандельштам, Ахматова. М., 2021.

³⁰ Рамки данной работы не позволяют здесь подробнее останавливаться на роли Бодлера как в творчестве ОМ, так и в поэзии ВН; этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

³¹ В этот период ОМ живёт преимущественно в Петербурге/Петрограде, с недолгими отъездами в Варшаву, Крым, Москву.

³² Возможно, речь идёт о многочисленных ура-патриотических стихотворениях, которые Городецкий публиковал в «Биржевых ведомостях» и журнале «Лукоморье» (где сотрудничал и брат ВН, художник-график Г. Нарбут), или о сборнике «Четырнадцатый год» (1915, оформление Г. Нарбута). Стихи Городец-

не следует. (...) Попроси от моего имени книги новые у Мандела и Гумилёва»³³.

О СБЛИЖЕНИИ С ФУТУРИСТАМИ

В те же годы, обсуждая с Зенкевичем предполагаемое сближение с футуристами, ВН не находит возможным привлечь к таковому ОМ:

Относительно издания сборника — тоже вполне согласен: да нужны — и твой, и мой. Можно и вместе (хорошо бы тогда пристегнуть стихи какого-либо примкнувшего к нам кубиста). Мандель мне не особенно улыбается для *этой именно* затеи. Лучше Маяковский или Кручёных, или ещё кто-либо, чем тонкий (а Мандель, в сущности, такой) эстет³⁴.

С этим высказыванием ВН во много совпадает мнение Василия Гиппиуса, позднее писавшего:

Мандельштам, кажется, стал популярен. Превращение его из утончённейшего символиста в акмеиста было внезапно и неожиданно. Но акмеистом он был логически-добросовестным, наиболее последовательным из всех — до тенденциозности. Он — наиболее литературен из всего кружка, в нем очевидны — грация, школа, техническая выучка, преданность словесному искусству и знание его — все, чего нет у Нарбута и Зенкевича.

кого этого периода очень близки и по темам, и по выбору поэтических средств той поэзии, которую печатал в 1914–1915 гг. сам ВН.

³³ Из письма к М. Зенкевичу от 25 января 1916 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М., 2000. С. 255–256. «Колчан» Гумилёва вышел в декабре 1915 г., второе издание «Камня» ОМ несколько ранее декабря.

³⁴ Из письма к М. Зенкевичу от 17 декабря 1913 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. С. 243. Ср. в том же письме об альянсе с футуристами: «О сближении с кубофутуристами. (...) Я, конечно, не имею ничего против их литературной платформы. Даже больше: во многом с нею согласен. (...) Антиэстетизм мной, как и тобой, вполне приемлем, при условии его живучести. (...) Разница между ими и нами должна быть только в неабсурдности. (...) Я — согласен и на слияние принципиальное. Мы — так сказать — будем у них центром» (С. 242–243).

Но несмотря на эти качества, а может быть и с их прямой помощью, стихи его часто производят впечатление не подлинной поэзии, а поэтических препаратов³⁵.

Даже в ряду акмеистов как оппонентов символизма ВН считает ОМ фигурой случайной: «Не характерно ли, что все, кроме тебя, меня и Мандела (он, впрочем, лишь из чувства гурмана) боялся трогать Брюсова, Бальмонта, Сологуба, Иванова Вячеслава»³⁶.

О попытке сблизиться с футуристами рассказывает в своих устных мемуарах, записанных на магнитофон В.Д. Дувакиным в 1960-е гг., Зенкевич. Вспоминая о лекции Корнея Чуковского, посвящённой футуризму (она состоялась в ноябре 1913 г.), Зенкевич сообщает:

В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там должен был выступать Мандельштам от акмеистов. (...) Они хотели, чтобы туда [в состав группы футуристов. — В. Б.] вошли я, Нарбут и Мандельштам, и тогда соглашались блокироваться»³⁷.

Зенкевич также упоминает о реакции ОМ на встречу с футуристами:

Он ко мне прибежал и говорил: «Я у них был... я их видел... Это такая богема, богема, знаешь... Я заново переписал своё выступление...» — и так далее. И вот он там выступал. По-другому уже выступал, знаете, как он обычно — с апломбом несколько таким. Об акмеизме говорил...³⁸

Тем не менее интерес ОМ к футуристической поэзии был достаточно глубок, в частности, интерес к творчеству Маяковского

---

³⁵ *Галахов Вас. [Гиттинс В. В.] «Цех поэтов» // Жизнь (Одесса). 1918. №5. С. 12. Ср. высказывание Николая Гумилёва: «(...) я совершенно убеждён, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными» (Письмо А. А. Ахматовой от 9 апреля 1913 г. // Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 8. Письма. М., 2007. С. 173).*

³⁶ Из письма к М. Зенкевичу от 7 июня 1913 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. С. 239.

³⁷ Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 26.

³⁸ Там же. С. 28.

и Хлебникова. Об этом писал Георгий Иванов в статье, посвящённой выходу из печати собрания сочинений ОМ (1955):

(...) в 1913 году он [ОМ] до того бурно увлёкся кубофутуристами, что едва не перешёл в их группу. Удержал его от этого шага, доказав ему всю безрассудность его, Бенедикт Лившиц, кстати, сам кубофутурист. Характерно, что Мандельштама пленяли не Хлебников или Каменский (т. е. лучшие из кубофутуристов), а Бурлюки с Маяковским³⁹.

Ср. высказывание самого ОМ о значении Хлебникова в русской поэзии: «Каждая его строчка — начало новой поэмы. Через каждые десять стихов — афористическое изречение, ищущее камня или медной доски, на которой оно могло бы успокоиться. Хлебников написал даже не стихи, не поэмы, а огромный всероссийский тревник-образник, из которого столетия и столетия будут черпать все, кому не лень»⁴⁰.

В рецензии на сборник ВН «Плоть» Зенкевич писал:

(...) в русской поэзии последнего десятилетия Вл. Нарбут по праву занимает совершенно особое место, будучи среди акмеистов такой же своеобразной фигурой, как Вел. Хлебников среди футуристов⁴¹.

В 1920-е гг., когда многое изменилось и в литературе, и в отношении ВН к ОМ, ВН уже видел его в рядах своих соратников — неважно, шла ли речь о возрождении акмеизма, или, позднее, в 1930-е, о создании новой «научной поэзии»:

Нарбут всегда мечтал воскресить акмеизм — в обновлённом, конечно, виде. В 22 году он часто приходил к Мандельштаму с рукописями Бабеля и Багрицкого и умоляюще твердил: «Ведь они же настоящие акмеисты...». На Багрицком он настаивал меньше, чем на Бабеле: с поэтами не так-то легко разобраться, но что касается

³⁹ Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 619.

⁴⁰ Мандельштам О. Буря и натиск // Русское искусство. 1923. №1. С. 80.

⁴¹ Зенкевич М. Владимир Нарбут. Плоть. Быто-эпос. Одесса, 1920. 32 стр. // Культура: Журнал науки и искусства [Саратов]. 1922. №1. С. 6.

Бабеля, то все ясно. (...) Нарбуг упорно прочи Бабеля в неоакмеистическую группу во главе с Мандельштамом, но без Ахматовой. (...) Мандельштам категорически отказывался от нового акмеизма в союзе с одесситами⁴².

РЕВОЛЮЦИЯ

Революционные события в России, решительно повлиявшие на ход её истории, вторгшиеся в миллионы людских судеб, изменили язык человеческого общения и язык искусства.

В 1920 г. в статье «Портреты русских поэтов» Илья Эренбург писал об ОМ:

Поэты встретили русскую революцию буйными вскриками, кликушескими слезами, плачем, восторженным беснованием, проклятьями. Но Мандельштам — бедный Мандельштам, который никогда не пьёт сырой воды и, проходя мимо участка-комиссариата, переходит на другую сторону, — один понял пафос событий. Мужички голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории, творимой после Баха и готики, прославил безумье современности: «Ну что ж! попробуем огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля!»⁴³.

В своей статье «Осип Мандельштам и оптика трех революций» Павел Нерлер справедливо отметил: «Что касается революции и революционности, то они, в восприятии Мандельштама, (...) эмигрировали в область искусства и литературы»⁴⁴.

Если же говорить о сиюминутном, эмоциональном отклике на события, которые виделась их участниками не как медленный, «скрипучий поворот руля», но как умопомрачительно быстрый бег киноленты, то и такое переживание революции, никак не отменявшее первое, было характерным в это время для ОМ:

---

⁴² Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 79.

⁴³ Эренбург И. Портреты русских поэтов. Берлин, 1922; цит. по: Эренбург И. Портреты русских поэтов. СПб., 2002. С. 83.

⁴⁴ Нерлер П. Осип Мандельштам и оптика трех революций // Текст и традиция : альманах. Т. 6. СПб., 2018. С. 283.

С Мандельштамом творилось что-то невероятное, точно кто-то подменил петербургского Мандельштама. Революция ударила ему в голову, как крепкое вино ударяет в голову человеку, никогда не пившему. Я никогда не встречал человека, который бы так, как Осип Мандельштам, одновременно и принимал бы революцию и отвергал её⁴⁵.

Что же касается ВН в эти годы, то он, прежде всего, стремится лично участвовать в революционных событиях, и это стремление опережает в какой-то мере его рефлексию над происходящим. То, что, примкнув на краткое время к эсерам, он вскоре присоединяется к большевикам, видимо, соответствовало его тогдашним романтическим представлениям о революции как о силе, способной к «потрясению основ». ВН, будучи натурой деятельной, остаться «над схваткой» не хотел. Что же касается поэтического осмысления событий Февральской и Октябрьской революций, то в творчестве ВН последующего пятилетия вполне примитивные стихотворные агитки соседствуют с поэзией, развивающей традиции акмеистической поэтики. Произведения этого периода предстают как сложный внутренний монолог, толкующий судьбу поэта то как единение со временем, то как изгойничество: наиболее характерный пример последнего из толкований — цикл стихотворений «Большевик», в котором образ автора спроецирован на образ Иуды Искариота — и библейский, и литературный⁴⁶.

Следует отметить ещё одно обстоятельство, повлиявшее на судьбы многих людей в пореволюционный период и отразившееся на судьбах ВН и ОМ самым существенным образом. Спешная ломка всех дореволюционных институтов сопровождалась столь же быстрым созданием новых. И речь идёт здесь не только об органах власти, но и об учреждениях культуры, издательствах, печатных органах и т. п., появившихся также быстро, как и исчезающих. Все эти организации нуждались в новых кадрах, которые часто вербовались без разбору: перед ними либо вовсе не ставили внятных целей и задач, либо меняли эти цели и задачи согласно логике хаоса. Именно в этой маловразумительной социокультурной

⁴⁵ Осип Мандельштам в «Мемуарах» Рюрика Ивнева / Публ. Е. И. Ледневой // «Сохрани мою речь ...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 43.

⁴⁶ *Беспровзванный В.* Разгадаю вещей ребус: структура и смысл цикла стихотворений Владимира Нарбута «Большевик» // Wiener Slawistischer Almanach. 2013. Bd. 71. С. 133–187.

среде ВН и ОМ пришлось жить, творить, заботиться не только о хлебе насущном, но и о физическом выживании. Без учёта этих обстоятельств их жизнь в 1920-е гг. не может быть понята верно. В это время ОМ и ВН встречаются не слишком часто, но сотрудничество при этом чаще, нежели в предшествующий петербургский период, и инициатива здесь, в основном, исходит от ВН.

ВОРОНЕЖ. «СИРЕНА»

В 1917 г. ВН живёт то в Глухове, то неподалёку в селе Хохловка в имении жены, принимает участие в общественно-политической жизни уезда. С мая 1917 г. он становится редактором-издателем «ежедневной демократической» газеты «Глуховская жизнь», которая, по его словам, вскоре сменила «эсеровский оттенок» на «явно выраженный большевистский»⁴⁷. ВН датирует свой переход в стан большевиков маем того же года, однако ещё в июльском выпуске «Глуховской жизни» он призывает голосовать за «два истинно демократических списка (...) — от «объединённых» и «украинских» социалистов. (...) И если город хочет видеть свою первую Думу демократической и дисциплинированной, он обязан голосовать за искренних защитников своих — социалистов»⁴⁸. Колебания в выборе политической платформы продолжались до октября, когда ВН публично заявил о своём выходе из партии эсеров⁴⁹.

Заметка, в которой редактор глуховских «Известий» высмеял метание ВН между разными выборными списками, назвав его «маскарадом», заканчивалась следующими словами: «Эта заметка была уже набрана, когда в Глуховский комитет партии социалистов-революционеров поступило заявление г. Нарбута о выходе его из Глуховской организации партии с.-р.»

⁴⁷ Автобиография Нарбута В. И. 13 мая 1927 г.

⁴⁸ *Нарбут В.* Семь нянек // Глуховская жизнь №66. 1917. 18 июля. Цит. по: Сборный Майдан. 2012. №2 (50). Березень—квітень. С. 8.

⁴⁹ [Буримов М.] «Маскарад // Известия Глуховского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. 1 окт. №33. О последовавшей за этой публикацией полемике между Буримовым и ВН см.: *Нарбут В.* Унтер-офицерская вдова // Известия Глуховского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. 11 окт. №34; *Буримов М.* Мой ответ // Известия Глуховского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. 11 окт. №34 [так!].

В ночь под новый 1918 год ВН чудом спасся от рук бандитов, ограбивших имение его жены, убивших в числе других его младшего брата Сергея и тяжело ранивших его самого. Но даже эта трагедия⁵⁰ не изменила решимости ВН участвовать в «деле революции».

После прихода в Глухов немецких войск ВН оказывается в Воронеже⁵¹, где с марта 1918 г. участвует в работе местной прессы: сотрудничает в воронежских «Известиях», в «Вестнике Воронежского округа путей сообщения», «Обзрении театров г. Воронежа», в газете «Огни», становится председателем губернского Союза советских журналистов. Кроме того, в качестве главного редактора он начинает издание «иллюстрированного литературно-художественного пролетарского двухнедельника» «Сирена», к сотрудничеству в котором старается привлечь наиболее известных современных литераторов — без различия их литературных взглядов и позиций.

В номере 4–5 «Сирены» ВН публикует статью ОМ «Утро акмеизма» (1913), прежде не издававшуюся⁵². Надежда Мандельштам сообщает об обстоятельствах создания и публикации этой статьи:

В качестве манифестов новой группы напечатали статьи Гумилёва и Городецкого⁵³. Манифест, предложенный Мандельштамом (статья «Утро акмеизма»), Гумилёв и Городецкий отвергли. (...) Рукопись статьи «Утро акмеизма» случайно сохранилась у Нарбута, и он в период своего комиссарства раздобыл бумагу и тиснул в Воронеже журналчик под пышным названием «Сирена». Там он напечатал и «Утро акмеизма», не проставив дату. Рассказал он об этом Мандельштаму весной девятнадцатого года при встрече в Киеве. Мандельштам хмыкнул, а журналчик так никогда

⁵⁰ Из письма к М. Зенкевичу, январь 1919 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. С. 257.

⁵¹ «В феврале–марте 1918 г. подходят к Глухову немцы, я эвакуируюсь в Воронеж» (Автобиография Нарбута В. И. 13 мая 1927 г.; из письма к М. Зенкевичу, январь 1919 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. С. 257).

⁵² Сирена (Воронеж). 1919. №4–5. Стб. 69–74.

⁵³ Гумилёв Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. №1. С. 42–45; Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Там же. С. 46–50.

и не увидел — у Нарбута с собою не было ни одного экземпляра, а впоследствии оба и думать об этом позабыли...⁵⁴

Сомнения в достоверности сведений мемуаристки высказали авторы комментария к «Утру акмеизма» в академическом издании «Камня»:

(...) статья у Нарбута вряд ли могла сохраниться (его архив был уничтожен пожаром в январе 1918 г.⁵⁵); вернее всего, он получил статью для «Сирены» позднее у одного из общих знакомых в Петрограде в 1918 г.⁵⁶

Следует сказать, что ВН довольно ответственно относился к сбору редакторского портфеля «Сирены»: он вёл переписку с авторами, (напрямую или через оказии), много ездил по делам издания. Так, в письме Константину Кандаурову, художнику, близкому кругу «мирискусников» (Александру Бенуа, Мстиславу Добужинскому и Сергею Судейкину в их числе) ВН просит своего корреспондента помочь в организации материалов для задуманного им «Литературно-художественного двухнедельника “Сирена”»: «Был бы чрезвычайно признателен Вам, кабы Вы сообщили мне также адреса Маяковского, Ал. Блока, К. И. Чуковского, Н.А. Клюева, Сергея Есенина, О.Э. Мандельштама»⁵⁷. Тогда же он обращается к Георгию Чулкову: «Не знаете ли Вы адреса О.Э. Мандельштама? Он, кажется, в Москве. Если встретитесь с ним, передайте, пожалуйста, ему мою просьбу написать мне и участвовать в “Сирене”»⁵⁸.

Что же касается упрека Надежды Мандельштам, адресованного ВН («журнальчик [ОМ. — В. Б.] так никогда и не увидел»), то, видимо, его не увидел и сам редактор (разве что сигнальный экземпляр): последний (двоенный) номер «Сирены» вы-

⁵⁴ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 63–64.

⁵⁵ Данное утверждение, к сожалению, сложно подтвердить. Неизвестно, где был архив ВН в это время — в имении родителей в Нарбутовке или в имении жены в Хохловке. Некоторые рукописные материалы ВН мог увезти с собой в Воронеж.

⁵⁶ Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 334–335.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 769 Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 2. О переписке ВН с авторами «Сирены» см. также: Крюков А. Редактор провинциального журнала // Нева. 1984. №2. С. 197–198.

⁵⁸ Крюков А. Редактор Владимир Нарбут // Подъём. 1987. №11. С. 111–120.

шел в середине апреля 1919 г.⁵⁹, а ВН покинул Воронеж не позднее марта⁶⁰, т. е., экземпляров этого номера у него, скорее всего, не было.

КИЕВ

В марте 1919 г. ВН отзывают в Украину для дальнейшей работы по линии УкРОСТА, он едет сначала в Харьков, где с середины февраля уже находился ОМ⁶¹, заведовавший секцией поэзии при Всеукраинском комитете.⁶²

Почти сразу ВН был направлен в Киев в распоряжение Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен), где он служит в Бюро украинской печати (БУП)⁶³, и занимается устройством информационных витрин и световых плакатов для «информации населения проекционным фонарём»⁶⁴. ОМ тоже принимал

---

⁵⁹ Уточнено по «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина»: «1919. Апрель, 17 или 18. В Воронеже выходит журнал “Сирена” (№4–5) (...). Время выхода журнала определяется с учётом объявлений в газ. “Известия Воронежского губернского исполкома...” (см.: 15 и 16 апр. 1919; 19 и 27 апр. 1919). Вместе с тем на титульном листе этого номера журнала стоит дата: “30 января 1919 г.”. Это, скорее всего, означает, что номер был сверстан до этой даты.» ([Хронологическая часть]: 1917–1920 // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. Т. 2. М., 2005. Цит. по: <http://feb-web.ru/feb/esenin/el-abc/el2/el2.htm>. Дата обращения: 15 октября 2022 г.)

⁶⁰ Ласунский О. Г. Из прошлого региональной журналистики // Сирена: Пролетарский двухнедельник. Воронеж, 1918–1919. [Репринт.] М., 2013. С. 183–184.

⁶¹ Пребыванию ОМ в Украине посвящены работы П. Поберёзкиной (Мандельштам и киевская печать. Предварительные заметки // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. Ч. 1. М., 2015. С. 211–229; Вокруг Ахматовой. М., 2015. С. 215–234) и П. Нерлера (Лирический поэт и Гражданская война: Осип Мандельштам на Украине и в Крыму в 1919–1920 гг. // Текст и традиция : альманах. Т. 8. СПб., 2020. С. 281–324).

⁶² Всеукраинский литературный комитет при Наркомате просвещения.

⁶³ «Всех нас, украинцев, отправляют в Харьков. Оттуда перебрасывают меня в Киев, в распоряжение Наркомвоена» (Автобиография Нарбутова В. И. 13 мая 1927 г.). Сведения о работе Нарбутова в редакции «Красной армии» содержатся в «Характеристике Нарбутова В. И., составленной Мордвинкиным В.» (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. Л. 48); также см. «Письмо Нарбутова В. И. Сольцу А. А. с просьбой о смягчении наказания. 6 марта 1929 г.» (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. Л. 106).

⁶⁴ Поберёзкина П. Мандельштам и киевская печать. С. 214. Проекционный фонарь, называемый также «волшебным» или «аппаратом для демонстрации туманных картин», был одним из важных средств пропаганды и агитации. Существовал

участие в этой работе, но в Харькове, поэтому ВН через БУП вызывает ОМ в Киев, куда тот приезжает в середине апреля⁶⁵ вместе с «литературными силами» в лице Рюрика Ивнева⁶⁶.

В Киеве ВН планировал вернуться к издательской деятельности⁶⁷, а пока он работает в редакции нескольких изданий, в частности, с апреля по август 1919 состоит в должности заместителя редактора издательства Наркомвоена, пишет агитационные брошюры и политические статьи, сотрудничает в газете «Красная Армия», журнале «Красный офицер», двухнедельнике «Солнце труда». Летом 1919 г. ВН затевает свой собственный издательский проект — двухнедельник «Зори» (оба эти двухнедельника оформлял его брат, художник-график Георгий Нарбут). Несмотря на активное сотрудничество с советской властью, некоторые сомнения в её прочности у ВН, видимо, имелись, поэтому он запасся справкой и билетом, удостоверявшими, что ВН является

особый жанр — «проекционное искусство», которое «заключалось в изготовлении изображений на стекле и их представлении публике в существенно увеличенном виде при помощи волшебного фонаря, чаще всего в виде специально подобранных серий» (Котомина А. Световые и теневые картины и «искусство проекции» в России конца XIX — начала XX в. // Киноведческие записки: Историко-теоретический журнал. 2011/2012. №99. С. 135). Такие фонари использовались с пропагандистскими целями как белым движением, так и большевистскими организациями. «Световые картины» сопровождалась подписями, предполагалось, что для неграмотной части населения эти подписи читает рассказчик (возможно, составлением таких подписей и занимался ОМ).

⁶⁵ «На святой прибыли Мандельштам и Рюрик Ивнев» (Н. У. [Ушаков Н.] Киев и его окрестности // Ветер Украины. Альманах Ассоциации революционных писателей «АРП». Кн. 1. Киев, 1929. С. 122). Пасха в 1919 г. пришлось на 20 апреля. П. Нерлер предполагает, что ОМ прибыл в Киев несколько раньше, 3 или 6 апреля с наркомовским поездом (Лирический поэт и Гражданская война: Осип Мандельштам на Украине и в Крыму в 1919–1920 гг. С. 288).

⁶⁶ 26 марта 1919 г. Евгений Ловчиновский (временно исполнявший обязанности заведующего Харьковским отделением БУПа) телеграфировал: «Киев / БУП. Люксембургу, Нарбуту / Мандельштам хочет взять [с] собой [в] Киев две–три видные литературные силы. Полагаю, что если Литературно-Агитационный отдел будет существовать и работать, то привлечение таких нужных товарищей надо признать желательным. Срочно сообщите своё распоряжение [по] этому вопросу» (ЦГАВО Украины. Ф. 1738. Оп. 1. №60. Л. 133; цит. по: *Поберёжина П. Мандельштам и киевская печать. С. 215*).

⁶⁷ «К нашим читателям. Вследствие отозвания редактора “Сирены” В. И. Нарбута на Украину [так! — В. Б.] для ведения ответственной работы издание двухнедельника приостанавливается. Редакция не сомневается, что издание будет продолжено в ближайшем будущем в одном из центральных пунктов Советской Украины, о чем своевременно последует сообщение» (Сирена (Воронеж). 1919. №4–5, стб. 97–98).

студентом «Киевской Академии искусств, мастерская профессора Г. Нарбута»⁶⁸.

На начало июня был запланирован «отчет» ВН о «Сирене» в популярном киевском клубе «ХЛАМ» (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты)⁶⁹. Весной 1919 ОМ часто бывал в ХЛАМе — месте встреч местной и приезжей богемы, читал там свои стихи. Здесь ОМ впервые встретился со своей будущей женой Надеждой Хазиной, здесь же состоялась одна из немногих в этот период очных встреч ВН и ОМ. Именно о ней шла речь в вышеприведённом фрагменте из «Второй книги» Надежды Мандельштам. По устным воспоминаниям Евгении Дейч, «в ХЛАМе состоялась знаменательная встреча Мандельштама с Надеждой Хазиной, будущей Надеждой Яковлевной Мандельштам. Это было 1 мая 1919 года. Тогда там отмечали день рождения Александра Дейча. Были Тычина, Терапиано, Нарбут, Надя Хазина, Эренбург»⁷⁰.

В заметке о литературной жизни Киева 1918–1920 гг. Всеволод Рождественский, в частности, вспоминает: «В 1919 году (...) Комиссариат Искусств выпустил один номер “Зорь”, где редактором отдела поэзии был Вл. Нарбут. О. Мандельштам, выступавший на митингах, стихов почти не печатал. (...) О. Мандельштам поместил, все-таки, в “Ежегоднике искусства и гуманитарного знания” прекрасное стихотворение “Я изучил науку расставанья...”»⁷¹. ОМ принял участие и в стихотворной мастерской, организованной Эренбургом⁷²; как пишет Николай Ушаков, «хотел заниматься со студистами и Мандельштам, но был терроризирован поклонниками Апухтина»⁷³. ОМ про-

⁶⁸ Студентський квиток та посвідчення Володимира Нарбута. 10.04.1919 р. Національний художній музей України (НХМУ). Фонд Г. Нарбута. Од. зб. 196. Ар. 1–2.

⁶⁹ Эти сведения со ссылкой на Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОУ. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 49. Л. 44–55.) приводит П. Нерлер (Лирический поэт и Гражданская война: Осип Мандельштам на Украине и в Крыму в 1919–1920 гг. С. 291).

⁷⁰ Громова Н. А. Именной указатель // Знамя. 2017. №6. С. 85.

⁷¹ *Рождественский Вс.* Литературная жизнь Киева // Жизнь искусства. 1920. №558. 16 сент. Речь идёт о следующей публикации стихотворения ОМ: Гермес. Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Сб. 1. Киев, 1919.

⁷² Илья Эренбург «организует Мастерскую художественного слова. К работе в мастерской [он] привлекает поэтов О. Мандельштама и В. Маккавейского, литературоведа М. П. Алексеева». (Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. Т. 1. 1891–1923. СПб. 1993. С. 161).

⁷³ Н. У. [Ушаков Н.] Киев и его окрестности // Ветер Украины. Альманах Ассоциации революционных писателей «АРП». Кн. 1. Киев, 1929. С. 122.

был в Киеве до конца августа; когда в город вошли войска Добровольческой армии (31 августа 1919 г.) уехал в Крым, а затем в Грузию; перенес множество опасностей и лишений⁷⁴, он возвратился в Москву в начале октября 1920 г.

«ВЫ — В СКИФИИ,
ВЫ — В ВАРВАРСКИХ СТЕПЯХ...»⁷⁵

Обстоятельства отъезда ВН из Киева не вполне понятны, знаем мы о них, главным образом, со слов самого ВН:

При эвакуации Киева в августе–сентябре 1919 г. я остаюсь в Киеве (впоследствии, в 1920 г. получаю за это партвыговор), прячусь, бегу в Екатеринослав, оттуда в Ростов н/Дону, где на вокзале, будучи кем-то опознан и выдан, через два-три часа по приезде, арестуюсь контрразведкой⁷⁶.

Вот что писало об аресте ВН в начале октября 1919 «Вечернее время», газета, поддерживавшая Добровольческую армию (особенности орфографии оригинала сохранены)⁷⁷:

8-го октября на вокзале арестован чинами контр-разведки большевицкий поэт и журналист Владимир Нарбут.

Нарбут был первым коммунистическим редактором Воронежских «Известий».

Затем он «эвакуировался» в Киев, где редактировал газету «Красный офицер» и участвовал в составе редакции киевских «Известий».

В Воронеже Нарбут активно работал в партии коммунистов и всегда выдвигался партией в члены губернского исполкома.

По происхождению Нарбут — черниговский помещик, крупный землевладелец.

---

⁷⁴ В ряде мемуарных источников (Н. Мандельштам, И. Эрнбург) этот мандельштамовский «анабазис» описан довольно подробно.

⁷⁵ Нарбут В. «Большевик» (1920).

⁷⁶ Автобиография Нарбута В. И. 13 мая 1927 г.

⁷⁷ Арест Владимира Нарбута // Вечернее время. 1919. 9 окт. №382. Указание на эту заметку: Тименчик Р. К вопросу о библиографии В. И. Нарбута // De Visu. 1993. №11 (12). С. 55.

Между прочим, Нарбут в 1907–1908 гг. не брезгал и «работой» в «Бюро русских журналистов», — орган ведомства внутренних дел, редактируемый проф. Позднеевым.

Для того чтобы сохранить себе жизнь, ВН на допросе написал «исповедь», в которой он отрекался от своего (недолгого) большевистского прошлого, объяснив свою службу у большевиков материальной нуждой⁷⁸. В этом документе ощущается, прежде всего, страх за собственную жизнь; правдивые сведения в нём перемешаны с преувеличениями и чистым вымыслом. Это «чистосердечное признание» явилось причиной глубокой внутренней драмы, нашедшей отражение в творчестве ВН, прежде всего, в цикле «Большевик»⁷⁹. Извлечённое из архива деникинской контрразведки и оказавшееся в 1927 г. в распоряжении партийных органов, это «признание» привело к краху партийной и издательской карьеры ВН.

ВН провёл в заключении два месяца, перенёс тиф. В январе 1920 г. Ростов-на-Дону был взят частями Красной армии, и ВН был освобождён из тюрьмы. После недолгой службы в Ростов-Нахичеванском (Донском) Наробразе⁸⁰ он вернулся к работе по организации советской печати, принял участие в устройстве новостных агентств системы РОСТА на юге Украины — в Николаеве, Одессе (в это же время он побывал по делам РОСТА и в Крыму), затем — в Харькове.

Не миновал тюрьмы и ОМ⁸¹. Сначала, зимой 1920 г. в Феодосии его пытались арестовать как «жида»⁸². Летом его арестовали по заявлению «какой-то женщины» — она сообщила о том, что ОМ будто бы «пытал ее в Одессе»⁸³ — и обвинили в «принадлежности

⁷⁸ Протокол дознания Нарбута В. И. офицером для производства дознаний при Ростовском-на-Дону контрразведывательном пункте. 9 октября 1919 г. Заверенная копия // РГАСПИ. Д. 589. Оп. 2. Д. 4907. Л. 72–78.

⁷⁹ Об этом см., в частности, нашу статью о цикле «Большевик», упомянутую выше.

⁸⁰ Письмо К. Листопад: в партийный комитет ЦКК ВКП (б) о Нарбуте В. И. 24 июля 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. Л. 49а). Тогда же ВН сотрудничает и в газете «Советский Дон» (Ростов-на-Дону).

⁸¹ Подробнее о злоключениях ОМ в этот период см.: *Зарубин Г.* Арест поэта Мандельштама О. Э. в Феодосии (1920 г.) // *Историческое наследие Крыма.* 2007. № 19.; *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. С. 16–25.

⁸² *Волошин М.* <Мемуарные записи. 1932> // *Волошин М.* Собр. соч. Т. 7. Кн. 2: Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания. М., 2008. С. 423–424; о летнем аресте: С. 425–427.

⁸³ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания : в 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 146.

к партии большевиков-коммунистов и в участии его в деятельности чрезвычайной комиссии этой партии»⁸⁴; ОМ провёл в тюрьме около недели, с 22 июля по 1 августа (датируем по «Переписке о Мандельштаме, обвинённого [так! — В. Б.] в большевизме»):

(...) мне пришлось глядеть на любимые, сухие, полынные холмы Феодосии, на киммерийское холмогорье из тюремного окна и гулять по выжженному дворику, где сбились в кучу перепуганные евреи, а крамольные офицеры искали вшей на гимнастёрках, слушая дикий рёв солдат, приветствующих у моря своего военачальника («Меньшевики в Грузии»)⁸⁵.

ОМ был вызволен «братьями-литераторами» Эренбургом, Волюшиным, Вересаевыми Майей Кудашевой. Однако через месяц он снова был задержан, на этот раз немедленно после прибытия на территорию Демократической Республики Грузия. Его арестовала Батумская береговая охрана и ОМ провёл некоторое время за колючей проволокой портового карантина:

Люди лежат на полу. Тесно, как в курятнике. Военнопленный австриец, матрос из Керчи, человек, который неосторожно зашёл в русскую миссию, буржуа из Константинополя, юродивый молодой турок, скребущий пол зубной щёткой, белый офицер, бежавший из Ганджи. (...) Нас много. Ничем не кормят, как в восточной тюрьме («Меньшевики в Грузии»)⁸⁶.

И на этот раз ОМ был спасён из заключения благодаря чьему-то доброжелательному вмешательству: здесь много неясного; однако часто в мемуарах в числе принявших участие в судьбе ОМ называется имя генерал-губернатора Батумского района Вениамина Чхиквишвили). Николо Мицишвили, один из спасителей ОМ, вспоминает его ламентации:

От красных бежал в Крым. В Крыму меня арестовали белые, будто я большевик. Из Крыма пустился в Грузию, а здесь меня приняли

---

⁸⁴ Переписка о Мандельштаме, обвинённого в большевизме // Государственный архив в Республике Крым (ГА в РК). Ф. 483. Оп. 4. Д. 1367. Л. 1 об, 2. Цит. по: *Зарубин Г.* Арест поэта Мандельштама О. Э. в Феодосии (1920 г.). С. 149–150.

⁸⁵ *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 33.

⁸⁶ Там же, С. 33, 34–35.

за белого. Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я — белый, красный или какого ещё цвета. А я вовсе никакого цвета. Я — поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс⁸⁷.

В отличие от ВН, чье переживание происшедшего продлилось на долгие годы, ОМ сумел перенести свои злоключения относительно легко (или, во всяком случае, легкомысленно) и с неотягощенной совестью вспоминать и рассказывать о них со свойственной ему тогда комической экзальтацией: «(...) меня объявили двойным агентом и чуть было не расстреляли. Я в тюрьме сидел. Да! Да!»⁸⁸

ХАРЬКОВ. «ГРЯДУЩИЙ МИР»

В апреле 1921 г. ВН переводят из Одессы в Харьков, где он возглавляет работу УКРОСТА, тогда же переименованного в Радиотелеграфное агентство Украины — РАТАУ. Кроме обширной деятельности по реорганизации РАТАУ, ВН участвует в литературно-издательской жизни города: печатается в газетах «Коммунист», «Харьковский понедельник», журналах «Календарь искусств» и «Художественная мысль», его стихи вошли в «Революционный чтец-декламатор» за 1921 г.⁸⁹ ВН входит в круг местных литераторов, критиков, публицистов, среди которых были Александр Лейтес, Валентин Рожицин, Александр Соловьёв, Измаил Уразов и ряд др. По приглашению ВН в Харьков из Одессы приезжают Юрий Олеша, Валентин Катаев и Георгий Шенгели.

В Харьков в начале февраля 1922 г. ненадолго приезжает и ОМ⁹⁰, публикация его стихов планировалась для первого номера нового харьковского литературного журнала «Грядущий мир»⁹¹.

⁸⁷ Мицшивили Н. Пережитое (фрагмент) // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 134.

⁸⁸ Одовцева И. На берегах Невы (фрагмент) // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 150.

⁸⁹ Октябрь в поэзии: Революционный чтец-декламатор / Сост. под ред. А. Лейтеса. Послесл. В. Рожицына. Харьков, Всеукраинский литературный комитет Главполитпросвета, 7 ноября 1921 г.

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Мандельштам О. О природе слова / Вступ. ст. и прим. А. Г. Меца // Русская литература. 2006. №4. С. 138.

⁹¹ Грядущий мир: Литературно-художественный, политический, научный и критический марксистский журнал. 1922. №1. Объявление о выходе журнала: Худо-

Ещё до выхода этого издания из печати харьковский журнал «Художественная мысль» поместил в разделе хроники его анонс: «В начале мая выйдет литературно-художественный, полит[ический], научн[ый] и критич[еский] марксистский журнал “Грядущий мир”, в объеме более 20 печатн[ых] листов. В №1 (...) стихи: В. Нарбута, И. Уразова, О. Мандельштама, В. Сосюры». Здесь же сообщалось, что «В. Нарбут готовит к печати книгу стихов “Александра Павловна”»⁹².

Редакция «Грядущего мира», вероятно, не без инициативы или, по крайней мере, не без поддержки ВН, намеревалась опубликовать два стихотворения ОМ — «Кому зима арак и пунш голубоглазый...», «Умывался ночью на дворе...», и его же статью «О природе слова». Однако, по словам Л.Э. Ландсберга, эта инициатива вызвала возражения Д.З. Мануильского, бывшего тогда членом ЦК КП (б) У, а также ответственным редактором харьковской газеты «Коммунист»:

На днях выходит первый номер толстого журнала «Грядущие дни» (типа «Красной Нови»), издаваемый ЦК КПУ под редакцией Вал. Рожицына. У него вышел курьёз со стихами и статьёй Мандельштама, который оставил их здесь проездом в Киев месяца три тому назад. Секретарь ЦК Мануильский потребовал на просмотр материалы в гранках и разразился по поводу стихов, где встречаются:

«Кому жестоких звёзд солёные приказы»
«Лунный луч, как соль на топоре»

— Какая соль? При чем здесь топор? Ничего не понимаю! Что Ленин скажет?

Предложено изъять, а также и статью, признанную неудобовразумительной. Ее мы хотим издать отдельной книжкой, благо есть готовый бесплатный набор.⁹³

жественная мысль (Харьков). 1922. №9. 16–22 апр. С. 20.

⁹² Художественная мысль. 1922. №9. 16–22 апр. С. 20. Сборник «Александра Павловна» вышел в конце апреля — начале мая 1922 г.

⁹³ Письмо Ландсберга Максимилиану Волошину от 29 апреля 1922 г. Цит. по: Мандельштам О. О природе слова / Вступит. ст. и примеч. А. Г. Меца // Русская литература. 2006. №4. С. 138–139. Н. Я. Мандельштам (как и Ландсберг в процитированном здесь письме) назвала журнал «Грядущие дни», что мо-

В результате статья ОМ, действительно, вышла в Харькове отдельной брошюрой⁹⁴; что же касается стихотворений, то одно из них было изъято из журнала сразу после встречи с Мануильским («Умывался ночью на дворе...»), а другое — «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» — вошло в сигнальный экземпляр журнала⁹⁵, но было исключено из вышедшего из печати номера⁹⁶. Тоже произошло и со стихами ВН: имеющиеся в сигнальном экземпляре два его стихотворения, «Совесть» и «Бродяга», также не были опубликованы. Изъятие стихов ОМ можно объяснить реакцией на них партийного начальства. Но с ВН ситуация иная: во-первых, в это время он занимал достаточно видное положение среди местной партийной номенклатуры, во-вторых, маловероятно, что эти его произведения вызвали такое же недовольство, что и мандельштамовские⁹⁷. Т. е. либо было принято решение существенно сократить отдел поэзии в целом, либо ВН отказался печататься из чувства протеста против разрушения его первоначально го замысла.

В неподписанной рецензии⁹⁸ в харьковской газете «Коммунист» от 4 августа 1922 г. новый журнал, несмотря на ряд критических замечаний, в целом был оценён как несомненная удача. Правда, наибольшее внимание рецензент уделил прозе и публицистике «Грядущего мира», в особенности статьям о марксизме. Однако публикация «идеологически верных» материалов не спасла жур-

---

жет быть как ошибкой/оговоркой, так и первоначальным вариантом названия. Ср. этот же вариант в комментарии к статье ОМ «О природе слова» (*Мандельштам О.* Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 441).

⁹⁴ Харьков, издательство «Истоки», 1922 г.

⁹⁵ Кроме стихов ВН и ОМ из журнала были изъяты стихотворения Уразова. На их месте было помещено стихотворение Анри Гильбо «Карл Либкнехт» (С. 63–65).

⁹⁶ Ср.: «По письму А. Ландсберга М. Волошину от 29 апреля 1922 г.; это и следующее стихотворения были исключены из № 1 харьковского журн. “Грядущий мир” секретарём ЦК КПУ Д. Мануильским, затребовавшим на просмотр гранки номера». (*Миц А. Г.* Комментарий // Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 523).

⁹⁷ Оба стихотворения ВН были опубликованы: «Совесть» («Жизнь моя, как летопись, загублена...») // Зори (Воронеж). 1922. № 2. С. 6; «Бродяга» («Ты не воспестована, нищета...») // Новый мир. 1922. № 1. Стб. 10; другая редакция этого стихотворения — Путь коммунизма. 1922. № 2. С. 19.

⁹⁸ Автором её, вероятнее всего, был А. Соловьёв, литературный рецензент газеты, участник «Грядущего мира». Это ему ВН подарил экземпляр книги «Александра Павловна» с дарственной надписью на обложке: «А это — более древние плоды порнографии и пр. Насладись, приятель Соловьёв! 11/VI [1922?]».

нал от закрытия: он прекратил своё существование после выхода первого номера в мае 1922 г.

ВН пробыл в Харькове до конца 1922 — начала 1923 г.⁹⁹ Вследствие конфликта при реорганизации РАТАУ был переведён в Москву в аппарат Секретариата ЦК ВКП (б). В Москву после своего крымско-грузинского анабазиса приезжает и ОМ, побывав перед этим на юге России и в Украине (Киев, Харьков).

Оба поэта в это время испытывают творческий подъём, оба часто печатаются в периодических изданиях. ОМ принимает участие в ряде публичных выступлений. В Москве и ВН и ОМ публикуют стихи в только что созданном (1921) Алексеем Воронским журнале «Красная новь»¹⁰⁰, входят в состав авторов созданного в августе 1922 г. под председательством Воронского же книгоиздательства «Круг»¹⁰¹, их сборники (книга стихов ОМ «Слепая ласточка», книга стихов ВН «Казнённый Серафим»¹⁰²) намечены к изданию «в ближайшее время». «Казнённый Серафим» напечатан не был; книга «Слепая ласточка», вероятно, была переработана ОМ: вышедшая в ноябре 1923 г. в московском кооперативном издательстве «Круг» «Вторая книга» (третий сборник ОМ) содержит стихотворение «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (1920), уже опубликованное в книге «Tristia» (1922). Строка из этого стихотворения — «Слепая ласточка бросается к ногам...» — была процитирована в заглавии этого неизданного сборника.

В течение 1920–1923 гг. ВН, кроме стихов в периодической печати, опубликовал три поэтических книги: «Плоть», «Советская земля», «Александра Павловна», а также выпустил второе издание «Аллилуиа». Но уже в 1924 г. ВН-поэта вытесняет ВН-организатор и партийный чиновник. В печати, кроме нескольких републикаций его старых стихотворений и злободневных статей

---

⁹⁹ Харьковский журнал «Художественная жизнь» в №3 (27 января — 2 февраля) за 1923 г. сообщает об открытии 30 января «трибуны поэта», ВН упомянут среди приглашённых поэтов (с. 11).

¹⁰⁰ ВН: «Хлеб» («Отфыркиваясь По-телячи...») // Красная новь. 1922. №4. С. 29; «Столяр» («Визжит пила уверенно и резко...») // Там же. 1922. №5. С. 52; ОМ: «Декабрист» («Тому свидетельство языческий сенат...») // Красная новь. 1922. №4. С. 27; «Уничтожает пламень...» // Там же. С. 28.

¹⁰¹ Хроника литературы и искусства // Коммунист (Харьков). 1922. 1 окт.

¹⁰² См. об этом в объявлении: Корабль. Литературно-художественный двухнедельник. Калуга, 1923. №1/2 (7/8). С. 48.

о печатном деле, не появляется ничего.¹⁰³ «Молчание ВН» было воспринято многими как отказ от поэзии. Об этом писал тогда же Иван Лежнев:

И трижды прав Вл. Нарбут, несомненно один из интереснейших поэтов нашего времени, что, посвятив себя политической работе, он отсекает художественную, — и стихов сейчас не пишет «принципиально». Работа его в Ц.К. Р.К.П. совершенно отчётлива, ясна, прямолинейна, рациональна до конца. Поэтическое же творчество, по самой природе своей, иррационально, и «совместительство» было бы вредно для обоих призваний. Здесь у Нарбута — не только честность с самим собой, которой в наше время не хватает многим и многим; здесь ещё и здоровый эстетический инстинкт художника, которого лишены наши бесталанные соискатели этого блистательного звания¹⁰⁴.

Ближайший к ВН человек в литературной среде, Михаил Зенкевич, в 1926 г. написал стихотворение «Отходная из стихов», в котором истолковал отказ ВН от литературной деятельности в романтическом ключе:

Свершу самоубийство, если
Поверю на миг, что с тобой
Расстаться можно так, поэзия,
Как сделал Нарбут и Рембо¹⁰⁵!

Ср. оценку, данную этому решению ВН Корнелием Зелинским:

Владимир Нарбут, вступив в партию большевиков, почему-то почти оставил поэзию. Став редактором газет, организатором пер-

---

¹⁰³ С 1924 по 1926 г. в различных сборниках появляются републикации стихов ВН, среди которых выделяется следующая большая подборка: Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней / Сост.: И. Ежов и Е. Шамурин. М., 1925. С. 155–157. Последней републикацией можно считать стихотворение «Октябрь» («Семнадцатый!.. Но догорели ... »): Октябрьские дни: Сборник стихотворений / Сост. И. Ионов. Л., 1926. С. 30. Первое стихотворение, с которым ВН возвращается в публичное пространство литературы, было опубликовано в 1933 г.

¹⁰⁴ Россия. 1924. №1. С. 187.

¹⁰⁵ Зенкевич М. Поздний пролёт. М., 1928. Цит. по: Зенкевич М. Сказочная эра. М., 1994. С. 190.

вых радиопередач, он словно запер в себе, как краску в тубике, кругое, почти физиологически ощутимое тесто слов¹⁰⁶.

В автобиографии, подписанной 13 мая 1927 г., ВН сообщает: «Стихи бросил писать в 1921 г. (...), твёрдо учитывая бесполезность и ненужность в настоящее время подобного рода занятий»¹⁰⁷. На самом деле, он не писал стихов примерно с 1924 по 1932 г.

МОСКВА. ЗИФ

Середина 1920-х годов оказалась временем поэтической немоты и для ВН, ставшего советским партийным чиновником, и для ОМ, пытавшегося выжить, зарабатывая переводами. После переезда в Москву, помимо должности заведующего отделением неперидической печати (Агитпроп), ВН занимает ряд других номенклатурных должностей, также связанных с делами печати¹⁰⁸. В 1926 г., после преобразования издательства «Земля и фабрика» (основано в 1922 г.) в акционерное общество, место председателя его правления занял ВН («выпросил у Варейкиса и Сырцова»¹⁰⁹), в этом качестве практически единолично определявший стратегию ЗИФа. В частности, он инициировал издание «Тридцати дней», «ежемесячного художественно-литературного, общественного и научно-популярного иллюстрированного журнала», выходившего в Москве с 1925 г.¹¹⁰ Кроме того, ВН вошёл в со-

¹⁰⁶ Зелинский К. На рубеже двух эпох. Литературные встречи. 1917–1920. М., 1962. С. 20.

¹⁰⁷ Автобиография Нарбута В. И. 13 мая 1927 г. Л. 4.

¹⁰⁸ В феврале 1923 г. на IV Всероссийском съезде работников печати он был избран членом Бюро работников печати (Печать и революция. 1923. Кн. 2. С. 265). «По просьбе Главлита (...) распоряжением Секретариата 24 ноября 1922 г. с Украины был вызван В. И. Нарбут для работы в Главлите» (Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП (б)–ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/index.html?id=3383>. С. 266).

¹⁰⁹ Письмо Нарбута В. И. Сольцу А. А. с просьбой о смягчении наказания. 6 марта 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. Л. 108).

¹¹⁰ В создании нового журнала принимал активное участие Василий Регинин (Раппопорт) (1883–1952), критик, журналист, редактор, давний знакомый ВН. В Петербурге он был редактором иллюстрированного литературно-художественного ежемесячника «Аргус» (1913–1917), в котором печатались акмеи-

став редколлегии ряда журналов, издававшихся ЗИФом¹¹¹. «Смутное» и «кочевое» время начала 1920-х гг. сменилось для ВН более «оседлым», но, как вскоре оказалось, не менее «смутным» временем московской жизни.

Жизнь ОМ к концу 1920-х гг. была связана с Москвой и с Ленинградом. Об этом времени в жизни ОМ пишет Надежда Мандельштам:

Зимой 23/24 года Бухарин, редактировавший журнал «Пржектор», сказал О. М.: «Я не могу печатать ваших стихов. Давайте переводы». Скорее всего, первоначальное ограничение касалось только периодики, и купленная в 22 году книга стихов («Вторая книга») успела выйти в 23, но через два года Нарбут, заведовавший издательством «ЗИФ», повторил то же, что сказал Бухарин: «Тебя печатать не могу, а переводов дам сколько угодно». К этому времени все, кому не лень, писали, что Мандельштам бросил поэзию и перешёл на переводы¹¹².

Тем не менее, 1928 г. был отмечен выходом трёх книг ОМ, выпущенных ленинградскими издательствами: «Стихотворения» (Госиздательство, 2000 экз.), в июне — «О поэзии» (Academia, 2100 экз.), в сентябре — «Египетская марка» («Прибой», 4000 экз.)¹¹³. Сотрудничество же с ЗИФом в качестве переводчика Мандельштам, видимо, считал надёжным и удобным; так, Борис Горнунг в мае 1927 г. записывает: «Мандельштам считает, что в ЗИФе надо укрепляться как можно прочнее»¹¹⁴.

сты (ВН в их числе). ВН и Регинин встречались в 1919 г. в Киеве и в 1920 г. в Одессе, где последний работал фельетонистом газеты «Моряк»; в «Тридцати днях» Регинин заведовал редакцией с начала выхода журнала.

¹¹¹ «Всемирный следопыт», «Вокруг света» (приложение к «Всемирному следопыту»), «Всемирный турист», «Музыка для всех» (приложение к журналу «30 дней»). Среди них (ирония судьбы или ирония издателя?) был и «Журнал для всех» (первые номера которого, изданные при Нарбуте, сохранили даже дореволюционное оформление обложки).

¹¹² Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. С. 217. Ср. в письме ОМ к Н. Я. Мандельштам от 17 марта 1926 г.: «Я уже получил санкцию Гиза на договор. (...) Остаётся поговорить завтра с Нарбутом и Воронским» (Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 3. С. 366).

¹¹³ Струве Н. Осип Мандельштам. London, 1988. С. 314.

¹¹⁴ Горнунг Б. В. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама // Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 161.

ПЕРЕВОД «ТИЛЯ УЛЕНШПИГЕЛЯ»

Для ОМ, как и для ряда других писателей, переводческая работа в то время была существенным источником заработка, и, конечно, его интересовала возможность обеспечить себя долгосрочным сотрудничеством с издательствами. Как вспоминает Борис Горнунг, «в мае 1927 г. я должен был быть в Гослитиздате¹¹⁵ у В. И. Нарбута вместе с Мандельштамом¹¹⁶, Бенедиктом Лившицем и Михаилом Зенкевичем по поводу составленного Мандельштамом и Лившицем обширного массового издания сокращённых переводов западных классиков (план не осуществился из-за резкого протеста ленинградской группы — Томашевского, Жирмунского, Эйхенбаума, Тынянова, считавших это предприятие “халтурой”)¹¹⁷».

3 мая того же года ОМ подписал договор на литературную обработку перевода «Тили Уленшпигеля»¹¹⁸. В конфликте, произошедшем вокруг этого издания, было виновно и издательство (а значит, и его глава ВН), и сам ОМ, который обозначил суть ситуации следующим образом:

К столкновению с Горнфельдом меня привела дурная практика издательств, выпускающих в явочном порядке и анонимно десятки отредактированных и обработанных переводов, причём соглашение между издательством и переводчиком достигается неизменно задним числом. (...) Мой ложный шаг — следовало настоять на том, чтобы издательство своевременно договорилось с переводчиками (...).¹¹⁹

¹¹⁵ Ошибка мемуариста. Речь, скорее всего, шла о ГИЗе; ГИХЛ (он же «Гослитиздат») был создан в 1930 г. (см. следующую ссылку).

¹¹⁶ ОМ рассчитывала на поддержку продвигавшегося по служебной лестнице ВН. Ср. в его письме к А. Э. Мандельштаму (конец мая — начало июня 1927 г.): «Нарбут идёт в гору» (*Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем*: в 3 т. Т. 3. С. 382). В примечании к этой фразе А. Мец пишет (там же, с. 677): «Помимо заведования изд-вом “Земля и фабрика”, Нарбут получил должность заведующего литературно-художественным отделом ГИЗа. В письме к К. И. Чуковскому от 5 апреля 1928 г. А. П. Гроссман сообщал: «Третьего дня в ГИЗе у нас, т. е. в редакции классиков, было первое совещание с новым заведующим литературно-художественным отделом — Нарбутом».

¹¹⁷ *Горнунг Б. В. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама*. С. 153.

¹¹⁸ Там же. С. 157–158. Ситуация, в которой оказался ОМ, детально рассмотрена в книге Владимира Мусатова «Лирика Осипа Мандельштама» (Киев, 2000. С. 293–317; глава четвертая «Двадцатые годы 1921–1925», раздел VI «Шучий суд»).

¹¹⁹ В редакцию газеты «Вечерняя Москва» [до 12 декабря 1928 г.] // *Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем*: в 3 т. Т. 3. С. 388–390. Несмотря на то,

Вопросы существующей практики литературного перевода живо интересовали ОМ, они же были важны и для ВН, рассматривавшего их не только в отношении к деятельности ЗИФа, но и шире — как одну из насущных проблем издательской деятельности в СССР. Леонид Кацис, анализируя взгляды ОМ и ВН по указанному вопросу, отмечает, что «три текста Мандельштама — “Потоки халтуры”, “Жак родился и умер” и “О переводах” — абсолютно точно соответствуют позиции и даже лексике статей» ВН¹²⁰, и указывает, в частности, на программную публикацию последнего в «Журналисте»¹²¹.

Скандал с переводом «Тия Уленшпигеля» разразился в ноябре 1928 г., уже после того, как в октябре того же года ВН был исключён из партии¹²² и уволен от руководства ЗИФом. Помочь ОМ в этой ситуации он ничем не мог, оба они оказались литературно-общественными изгоями, но и само их положение, и его переживание были различны.

В жизни ВН перелом произошёл внезапно: до этого времени он был погружён в дела одного из крупнейших издательств РСФСР, участвовал в редактировании множества журналов, в противоборстве литературных группировок, был функционером, а не поэтом. Но при этом дружеские связи с Ахматовой, Зенкевичем, ОМ и многими другими литераторами старшего и младшего поколения не прерывались. С точки зрения многих его современников, обострённо ощущавших границу между «своими» и «чужими», партийный чиновник ВН к «чужим» не относился.

что ОМ признал свою ошибку и принёс извинения, конфликт был использован его противниками как повод для травли поэта.

¹²⁰ Кацис Л. Проблема выявления политической реальности в документах О. Э. и Н. Я. Мандельштамов о М. Б. Вольфсоне, В. И. Нарбуте, Н. И. Бухарине // Литературный факт. 2020. №1 (15). С. 330.

¹²¹ Нарбут В. Некоторые итоги литературно-художественного года // Журналист. 1927. №4. С. 14–17.

¹²² См. официальное постановление ЦКК ВКП (б), опубликованное в газете «Правда» от 3 октября 1928 г. (особенности орфографии и пунктуации оригинала сохранены): «Ввиду того, что Нарбут, Владимир Иванович, скрыл от партии как в 1919 г., когда он был освобождён из ростовской тюрьмы и вступил в организацию, так и после, когда дело его разбиралось в ЦКК, свои показания денкинской контрразведке, опорачивающие партию и недостойные члена партии, — исключить его из рядов ВКП (б). Секретарь партколлегии ЦКК ВКП (б) Шкирятов». Через десять лет в Магадане оперуполномоченный управления НКВД по Дальнему Северу «отредактирует» эту формулировку: «Исключён за сокрытие данных о службе в денкинской разведке в 1919 году» (Бирюков А. Колымские истории. С. 87).

Для ОМ это время было продолжением борьбы за выживание в постоянно ужесточавшихся условиях общественной и литературной среды, но тоже и временем переосмысления себя как поэта-гражданина. В начале 1930-х гг. он возвращается к поэтической работе. Тяжёлая ситуация, в которой он находился с конца 1920-х гг. практически постоянно, лишь ненадолго сменялась относительным благополучием. Именно в начале 1930-х гг. происходит наибольшее сближение двух поэтов. ОМ бывал у ВН в Марьиной Роще, неподалёку от квартиры ВН находился дом, в котором жили Виктор Шкловский и Николай Харджиев, которых ОМ также посещал.

ВН из партийного начальника превратился в это время в литературного подёнщика, и теперь уже ОМ помогал ему, делясь заказами на переводы¹²³.

Ещё больше поэты сблизились после переезда ОМ в Хамовники, где он и Надежда Яковлевна получили кооперативную квартиру в Нащокинском переулке (конец лета — начало осени 1933 г.). ВН, переехав в тот же район (Курсовой переулок), стал часто бывать у них. Здесь, у Мандельштамов, останавливалась Ахматова во время своих приездов в Москву, сюда приходили их общие с ВН друзья: «В новой квартире сразу пошёл оседлый сумбур, споры с Чечановским¹²⁴, болтовня Нарбута и Зенкевича, гости, ещё не научившиеся пользоваться телефоном, нормальное количество стучачей (...). Чулков, какие-то люди из Художественного театра, вдова Есенина»¹²⁵.

---

¹²³ Эмма Герштейн вспоминает (речь идёт о 1933 г.): «У Нарбута образовался в это время “простой” в заработках. Мандельштамы делились с ними тем, что у них было» (*Герштейн Э. Мемуары*. СПб., 1998. С. 43). Ср. также в письме ОМ к Зенкевичу (начало января 1929 г.): «Моё решение делиться с ним [Нарбутом] работой стоит твёрдо [подчёркнуто ОМ. — В. Б.]» (*Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем*: в 3 т. Т. 3. С. 465). Отстранённый от руководящих постов ВН пытался, насколько мог, содействовать публикации стихов ОМ: «У Мандельштама есть новые стихи (“О пространстве”). Не хотите ли ознакомиться с ними? Ни в “Новый мир”, ни в “Красную Новь” давать он их принципиально (в связи со своим отношением к Гронскому и Вс. Иванову) не желает ...» (Письмо ВН к Ф. И. Панфёрову (1932–1934): РГАЛИ. Ф. 1128. Оп. 2. Ед. хр. 288); цит по: *Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем*: в 3 т. Т. 3. С. 601.

¹²⁴ Видимо, речь идёт о переводчице Марке Осиповиче Чечановском (1899–1980). См. *Мандельштам О. Соч.*: в 2 т. Т. 2. С. 421.

¹²⁵ *Мандельштам Н. Я. Собр. соч.*: в 2 т. Т. 2. 421. Об этом же: *Видгоф Л.* «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., С. 481–482.

То, что профессиональные и, во многом, поверхностные взаимоотношения двух поэтов стали в это время более личными, более близкими¹²⁶ подтверждает ряд мемуарных источников.

Борис Кузин: «Из тех, кого я встречал у Мандельштамов, я не могу назвать ни одного близкого друга О. Э. Ближе других, пожалуй, был В. И. Нарбут»¹²⁷.

Эмма Герштейн: «В течение трех-четырёх недель Мандельштамов ежедневно посещали Нарбуты — поэт Владимир Иванович и его жена Серафима Густавовна (...). Разумеется, эти давнишние друзья Мандельштамов были окружены Надиными новеллами»¹²⁸.

Михаил Лозинский: «Нарбут? (...) Я от Мандельштама слышал о нем, и то, что слышал, — почтено»¹²⁹.

ОМ, ценившего «весёлость едкую литературной шутки»¹³⁰, привлекал саркастичный ум ВН, его язвительные остроты, в том числе литературные — достаточно вспомнить историю с «проектом» журнала, изложенную в воспоминаниях Эммы Герштейн:

Шла подготовка к I съезду писателей, в печати появлялись дискуссионные статьи о поэзии и прозе на новом этапе. Мандельштам и Нарбут, несмотря на кажущиеся независимость и индифферентность, следили за этой кампанией. Как-то Нарбут пришёл и обратился к Осипу Эмильевичу самым серьёзным тоном: «Мы решили издавать журнал. Он будет называться...» — «Как?» — «Семён Яков-

---

¹²⁶ Мнение Н. Я. Мандельштам о ВН и о его взаимоотношениях с ОМ местами крайне субъективно, а порой просто не соответствует действительности. Ср. её высказывание о ВН и Зенкевиче: «Нарбут и Зенкевич — спутники акмеизма, друзья молодости, случайно пошедшие за тремя поэтами с трудной судьбой. Ни Нарбут, ни Зенкевич даже не подозревали, что существует такая вещь, как миропонимание и основная идея, на которой строится личность. Да и до личности им дела не было» (*Мандельштам Н. Я. Собр. соч.* : в 2 т. Т. 2. С. 80). См. также ссылку 153.

¹²⁷ Кузин Б. Мемуарная и автобиографическая проза // Б. С. Кузин. Воспоминания. Произведения. Переписка. Н. Я. Мандельштам. 192 письма к Б. С. Кузину. СПб., 1999. С. 168.

¹²⁸ Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 42–43.

¹²⁹ Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1: 1924–25 гг. Paris, 1991. С. 28. Запись датирована 9 января 1925 г.

¹³⁰ Даже в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам, в которых образ ВН практически целиком подчинён единой точке зрения мемуаристки («случайный попутчик», не понимавший ОМ — см. также ссылки 126, 153), отмечено, что ОМ «ценил в нем [ВН. — В. Б.] хохлацкое остроумие и любовь к шутке» (*Мандельштам Н. Я. Собр. соч.* : в 2 т. Т. 2. С. 80).

левич». В имени и отчестве Надсона сконцентрировалась вся ирония Нарбута по отношению к современным дебатам о поэзии¹³¹.

Сюда же, по-видимому, можно отнести и очерк «Коминтерн ЗИФовской периодики», о котором его публикаторы сообщают следующее:

Публикуемый очерк — своего рода сатирический обзор, в котором едкому высмеиванию подвергаются (...) зифовские издания («Вокруг света», «Всемирный следопыт», «30 дней») к становлению которых тот же В.И. Нарбут более чем причастен. Мандельштам, напомним, так же имел зуб на ЗИФ»¹³².

Если всё же предположить, что «Коминтерн» был написан («сделан») ОМ и ВН, тогда мы располагаем свидетельством о какой-то литературной игре, возможно, незавершённой.

К сожалению, нам неизвестны какие-либо высказываниями ОМ о творчестве ВН, однако, оценивая поэзию Эдуарда Багрицкого, ОМ однажды выразил (косвенно) своё мнение и о поэзии ВН, сказав: «Лучшее у него от Нарбута»¹³³.

О «НАУЧНОЙ ПОЭЗИИ»

Несмотря на то, что ВН был отставлен от издательских дел, его интерес к делам литературным в 1930-е гг., скорее, даже упрочился. Он пишет и частично публикует ряд стихотворений, готовит книгу «Спираль», куда, кроме стихов 1930-х гг., включает и сти-

¹³¹ Герштейн Э. Мемуары. С. 42–44. О юморе как о важной составляющей бытового и литературного поведения ВН см.: *Беспровзванный В. Владимир Нарбут в восприятии современников*.

¹³² Мандельштам О. Э., Нарбут В. И. «Коминтерн ЗИФовской периодики. (Этнография, колониальный быт)». Сатирический обзор периодических изданий ЗИФа (РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 57а. Л. 1–10). Крайние даты: 1929–1930. Машинопись. Имеется приписка неустановленного лица: «Справка. “Коминтерн” ЗИФовской периодики. Написан Мандельштамом вместе с Нарбутом в конце 1929 и начале 1930 года, т. е. после ухода из ЗИФа Нарбута и назначения редактором члена правления Венедиктова (чл. ВКП (б)). Мандельштам был обижен Венедиктовым. Венедиктов умер в 1931–1932 г. на Урале. Г. Ц. (?) [подпись неразборчива — В. Б.] Р. С. В печати не было помещено». Впервые опубликовано А. Никитаевым и П. Нерлером («Сохрани мою речь...». М., 1993. №2. С. 12–19).

¹³³ Липкин С. И. Квадрига. М., 1997. С. 395.

хи 1910–1920-х, существенно переработав написанное; в 1934 г. вступает в только что созданный Союз писателей СССР.

В это же время ВН начинает разрабатывать жанр «научной поэзии» как значимый для современной поэзии. Об этом периоде творчества ВН Надежда Мандельштам пишет:

В тридцатых годах, после падения, Нарбут кинулся на поиски «научной поэзии», считая, что именно к ней должен прийти акмеизм. Он думал, что акмеизм живёт деталями, частностями, подробностями и готов смотреть в лупу, чтобы каждая частица стала выпуклой и крупной. Вот доводы Нарбута в пользу нового акмеизма: поэт — изобретатель, значит, он может изобрести что угодно — даже машину, а именно к этому его готовит научная поэзия¹³⁴.

О «научной поэзии» ВН говорил в докладе «Наука и поэзия», с которым он выступил на вечере журнала «Красная новь»¹³⁵. Основными идеями этого сообщения были поэтизация науки («расширение плацдарма поэзии за счёт науки») и «онаучивание» («взятие научной тематики и её освоение при помощи поэтических методов»). Несмотря на то, что ВН, безусловно, стремился в своём докладе не переступить границ идеологически дозволенного, слова «тов. Нарбут ставит вопрос и о том, что за счёт науки может значительно обогатиться язык поэзии» довольно точно указывают на направление его работы в этот период над обновлением поэтического языка.

Надежда Мандельштам вспоминает о выступлении ОМ на этом литературном вечере (в отчёте «Красной нови» о его участии ничего не сообщается):

Выступал он [ОМ. — В. Б.] очень редко (...). При мне он лишь однажды ввязался в спор на литературном собрании в Гихле, по-

---

¹³⁴ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 79–80; ср. у неё же: «Нарбут хотя и своеобразно, но всё же переболел опасной болезнью воли к власти (...). Излечился он от этой болезни только после падения и тогда снова заговорил о поэзии на уровне приблизительно таких вопросов: «Осип, что ты думаешь о научной поэзии? Ведь это как раз то, что сейчас нужно ...» или: «Побольше бы инициативы дали — может, что и вышло б! Ведь поэт — это изобретатель, правда, Осип?» (Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. С. 711).

¹³⁵ [Доклад В. И. Нарбута «Наука и поэзия»] / Ум, лирика и наука. На поэтических вечерах «Красной Нови» // Литературная газета. 1934. 20 мая. С. 2.

священном (...) «научной поэзии». Мандельштам выступал очень резко и оспаривал самое понятие «научная поэзия». Нарбут ликовал: настоящее литературное собрание¹³⁶. Санников¹³⁷, второй адепт этого вида поэзии, чернел от гнева¹³⁸.

Между тем, смысл описанной выше истории, видимо, не столь однозначен. Интерес ОМ к научной проблематике, научному языку как к поэтическому ресурсу в этот же период, несомненно, существовал¹³⁹, хотя и мог им осмысляться в других терминах или понятиях: он мог определять этот поэтический корпус как (натур) философский, нежели как относящийся к «научной поэзии».

В связи с этим вопросом следует обратить внимание на рецензию, написанную ОМ в 1935 г. на сборник Г. Санникова «Восток»¹⁴⁰. В ней ОМ подверг строгому, но, в целом, доброжела-

---

¹³⁶ ВН не только сам интересовался «научной поэзией», но искал и, видимо, хотел привлечь к работе над ней не только ОМ, но и других единомышленников; ср. в воспоминаниях Варлама Шаламова упоминание об их встрече «по делам “научной поэзии”» (*Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. С. 739).

¹³⁷ Григорий Александрович Санников (1899–1969), поэт, прозаик, один из организаторов объединения пролетарских писателей «Кузница», в разные годы был членом редколлегии журналов «Октябрь», «Красная новь», «Новый мир». В начале 1930-х гг. пережил увлечение «научной поэзией»: «Не обошло поэта и характерное для советской поэзии начала 1930-х стремление напрямую поставить стих на службу социалистическому строительству. Так появляются перегруженные документальным материалом (описаниями производственных процессов, цифрами и т. д.) роман в стихах “В гостях у египтян” (1933) и поэма “Сказание о каучуке” (1934), где рассказывается об освоении новых для Средней Азии сельскохозяйственных культур: в одном случае египетского хлопка, в другом — каучуконосов» (*Карпов А. С.* Санников Григорий Александрович // *Русская литература XX век.* Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь : в 3 т. Том 3: П–Я. С. 269).

¹³⁸ *Мандельштам Н. Я.* Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 319.

¹³⁹ *Иванов Вяч. Вс.* Мандельштам и биология // *Осип Мандельштам: Поэтика и текстология. К 100-летию со дня рождения: Материалы научной конференции 27–29 декабря 1991 года.* М., 1991. С. 4–7; *Успенский Ф. Б.* (совместно с *А. Ф. Литвиной*). Язык поэзии и язык науки. Игра с терминами в стихах 30-х годов // *Успенский Ф. Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчинённость порыва и текста». М., 2014. С. 52–67.

¹⁴⁰ Впервые опубликовано: (Рец.). Г. Санников. Восток. Стихи и поэмы. 1924–35 гг. М., ГИХЛ. 1935. — «Подъем» (Воронеж). 1935. №5 (авг.). С. 78–82. Подпись — О. М.; цит. по.: «Вопросы литературы» (публ. Э. Герштейн). 1980. №12. С. 252–257. Об истории написания этой рецензии см.: О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). Вступ. ст. Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца, публ. и подг. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца, коммент. А. Г. Ме-

тельному разбору литературный инструментарий поэта, отметив как ряд недостатков, так и несомненные достоинства поэзии Санникова. Данная рецензия интересна ещё и стой точки зрения, что, в отличие от упомянутого выше спора о «научной поэзии» на собрании в ГИХЛе, ОМ не оспаривает само понятие «научная поэзия» и не возражает против использования научной терминологии в стихах, но утверждает необходимость «взаимного сближения поэтической и химической мысли»: «Научная формула должна претвориться в дышащее слово, сложнейшие элементы строительства — в поэтическую химию — в единый и целеустремленный стиль»¹⁴¹.

Несмотря на в целом благожелательный тон отзывав «Литературной газете» о выступлении ВН, его стихотворные опыты в этом жанре, опубликованные в периодике в 1934 г., были буквально уничтожены критикой¹⁴². А через два года был репрессирован их автор.

ОМ впервые арестовали в мае 1934 г. за чтение написанного им в ноябре 1933 г. стихотворения «Мы живём, под собою не чуя страны...». На допросе он назвал имена тех, кому читал это стихотворение. В их числе был упомянут и ВН. Из показаний ОМ от 19 мая 1934 г.:

В дополнении к первым своим показаниям должен сообщить, что названное выше к/р произведение я читал также и Нарбуту В. И. Выслушав это стихотворение, Нарбут сказал мне: «Этого

ца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 64–67, 69. Интересный разбор рецензии в связи со «Стихами о неизвестном солдате» ОМ см.: *Кацис Л.* Мандельштам и Байрон (К анализу «Стихов о неизвестном солдате») // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991. С. 450–451; *Кацис Л.* «Может быть, это точка безумия...». Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...». Третьи международные Мандельштамовские чтения. Сборник статей. Воронеж, 1995. С. 142–143. Мы признательны С. Шиндину, обратившему наше внимание на этот материал.

¹⁴¹ Вопросы литературы. 1980. №12. С. 255, 257.

¹⁴² См.: *Дотошный читатель.* Лирика и чикчирика (Развлечения стилистов) // Литературный критик. 1934. №5. С. 229–230; *Ёлкин-Палкин.* Не могу молчать! Шапоезд дыбом // Литературная газета. 1934. 12 мая; *Кирпотин В.* За литературу победившего народа: речь на общемосковском собрании писателей // 30 дней. 1936. №4. С. 85.

не было» — что должно было означать, что я не должен говорить кому-либо, что это произведение я ему читал¹⁴³.

После недолго длившегося следствия ОМ был приговорён к высылке в город Чердынь (Пермский край) сроком на три года; получив вскоре возможность выбрать другое место высылки, Мандельштамы направились в Воронеж, где ОМ пробыл три года. Нетрудно представить некоторое облегчение его друзей: ссылка всё же не лагерь, Воронеж не Предуралье, да и срок невелик. Была ли в это время какая-либо переписка у ОМ с ВН, по почте или с оказией, продолжали ли они поддерживать отношения? Сведениями об этом мы не располагаем. Не вполне понятно и то, как складывались отношения ВН и ОМ после ареста и высылки последнего, продолжалось ли в какой бы то ни было форме их общение, особенно если учесть, что уже через год в ночь с 26 на 27 октября 1936 г. был арестован и сам ВН — по так называемому «делу украинских националистов — литературных работников». Вместе с ним по этому делу проходили И. С. Поступальский¹⁴⁴, П. Б. Зенкевич (однофамилец акмеиста), Б. А. Навроцкий и П. С. Шлейман (Карабан): «Все пятеро были осуждены постановлением Особого совещания НКВД СССР 23 июня 1937 г. за КРД на пять лет лишения свободы. Все пятеро осенью того же года оказались на Колыме»¹⁴⁵. Следователем, допрашивавшим ВН, был Н. Х. Шиваров, тот самый «Христофорыч», который годом раньше вёл дело ОМ¹⁴⁶.

В мае 1937 г. окончился срок высылки ОМ. Уехав из Воронежа, в течение нескольких месяцев вместе с женой он скитался по городам Советского Союза. В начале мая 1938 г. ОМ был арестован вторично, осуждён на пять лет лагерей.

Трудно предположить, что ОМ и ВН ничего не знали о судьбах друг друга в течение этих нескольких лет — в промежуток между ссылкой ОМ, арестом ВН и отправкой его на Колыму. Видимо,

---

¹⁴³ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. С. 45.

¹⁴⁴ Игорь Стефанович Поступальский (1907–1990) — советский писатель, переводчик, историк литературы, библиограф. О его знакомстве с ОМ см.: *Поступальский И. С. Встречи с Мандельштамом / Публ., послеслов. и примеч. А. Г. Меца // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 560–566.*

¹⁴⁵ Бирюков А. Колымские истории. С. 88.

¹⁴⁶ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. С. 27.

и показания ОМ, назвавшего имя ВН в числе тех, кому он читал стихотворение «Мы живём, под собою не чуя страны...», и его арест с последующей высылкой в Воронеж всё же как-то повлияли на их взаимоотношения. Надежда Мандельштам кратко замечает по этому поводу: «Как ни глубока была привязанность Нарбута к Мандельштаму, после мая 1934 г. я видела его, может, раз или два»¹⁴⁷. И ещё один фрагмент из её мемуаров, в котором она пишет, что ВН, оказавшийся «восприимчивым учеником нового права», чуть ли не одобрил ссылку ОМ: «Должно же государство защищаться? Что ж будет иначе — ты пойми...»¹⁴⁸. В отсутствие более определенных дополнительных свидетельств выносить какое-либо категорическое суждение об этом, видимо, не следует, однако мы бы хотели рассмотреть ещё одно краткое свидетельство, связанное с рассматриваемым вопросом.

В марте 1937 г. ОМ написал стихотворение «О, как же я хочу...»¹⁴⁹, о котором Надежда Мандельштам сообщает следующее: «Домашнее название этого стихотворения — “Звёздочка”. Оно упоминается в письмах из Воронежа ко мне¹⁵⁰. О.М. смущался, что это “постельные стихи”, и придумывал, как Нарбут будет его дразнить: “Осип шопотом штопаёт звезды”. Ему хотелось сократить одну строфу, чтобы Нарбут не задразнил его, отсюда два трёх-строфных варианта»¹⁵¹.

Маловероятно, что в течение почти полугода ОМ не знал об аресте ВН. Поскольку нет оснований сомневаться в правильности датировки стихотворения, то, возможно, арест ВН не показался ОМ чем-то катастрофическим, фатальным. Возможно, он полагал, что ситуация, в которой оказался ВН, разрешится благополучно: вышлют, например, а то и вовсе отпустят. Ведь если считать, что их взаимоотношения завершились полным разрывом, то зачем тогда ОМ заботиться о том, как его будет вышучивать ВН? Но, так или иначе, это сообщение — одно из последних свидетельств диалога двух поэтов, которыми мы сейчас располагаем.

---

¹⁴⁷ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 80.

¹⁴⁸ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. С. 173.

¹⁴⁹ Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 213. Датировано 27 марта.

¹⁵⁰ Из письма ОМ к Н. Я. Мандельштам от 7. мая 1937 г.: «А твоя звёздочка — чу-чу — очень как хороша» (Мандельштам О. Э. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 3. С. 479)

¹⁵¹ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 809.

Говоря о литературно-биографическом диалоге двух поэтов, мы до сих пор не касались вопроса о диалоге поэтическом, представленном в их творчестве. В первом приближении кажется, что трудно найти поэтов более разных, более непохожих друг на друга, чем ОМ и ВН. Опубликованная в 1974 г. статья «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма»¹⁵², сыгравшая значительную роль в изучении акмеизма, не вполне справедливо отгородила в сознании исследователей Ахматову и ОМ от других представителей этого литературного направления¹⁵³. Связь поэтики ОМ и ВН сложна и не прямолинейна, но она существует, и важна как для понимания творчества этих двух поэтов, так и для понимания поэтики акмеизма в целом. Вопрос о «семантичности» поэтики ВН требует отдельного исследования, здесь же мы ограничимся лишь указаниями на некоторые звенья, связывающие поэзию ОМ и ВН.

ВН и ОМ знали и ценили поэзию друг друга, однако, за исключением большого интертекстуального «сюжета», связанного с циклом ВН «Большевик», многочисленные обоюдные текстовые переключки вряд ли носили программный характер: оба они слушали поэтический «шум времени», внутри которого различали голоса друг друга, — что ни в коей мере не преуменьшает значимости таких переключек.

Поэтическая переключка между творчеством ОМ и ВН в дореволюционный период интересна не только своими совпадениями, но и случаями отталкивания, противоположности, контраста. К примеру, внимание ОМ к готической архитектуре¹⁵⁴, тема архитектоники, баланса «лёгкости» и «тяжести» антигетична барочной эстетике ВН, связанной с избыточностью, дисгармонией, «вычурностью» (ср. «Из вычурных кувшинов труб»). Сходное

¹⁵² Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. Issue 7/8. P. 47–82.

¹⁵³ Существует сходство точки зрения авторов названной статьи, скорее всего случайное, с мнением Н. Я. Мандельштам об «истинных» акмеистах: «Из шести акмеистов один оказался противоположенным всем остальным (Городецкий), двое, в сущности, только друзьями юности (Зенкевич и Нарбут), а троих соединила какая-то незримая связь, не прерывавшаяся до самой их одновременной смерти» (*Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 712*).

¹⁵⁴ Неоднократно отмечалось исследователями его творчества, см., напр.: *Струве Н. Осип Мандельштам*. London, 1988. С. 161.

замечания — сделанное на другом материале и в иной методологической перспективе — встречаем у Игоря Смирнова:

Приведу стихи Мандельштама и Нарбута, где один и тот же метафорический узел (луна — кровь) трансформационно развязан прямо противоположными способами — в первом случае с помощью литературных ассоциаций, во втором — присутствует антиэстетическое задание:

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

Ср.:

Луна, как голова, с которой
Кровавый скальп содрал закат,
Вохрой окрасила просторы
И замутила окна хат¹⁵⁵.

В поэзии ОМ сравнение «звезда — булавка»¹⁵⁶ встречается в нескольких стихотворениях: «Я вздрагиваю от холода...» (1912, ср. вариант 1937 г.), «Петрополь» (1916) и в переводе из Макса Бартеля «Март»; в первом из названных это сравнение входит в состав мотива «звезда/булавка колет сердце»: «Мне в сердце длинной булавкою / Опустится, вдруг, звезда?». Этот же мотив мы встречаем у ВН в стихотворении «Сириус»: «Ангел зимний, ты умер. // Звезда / синей булавкою сердце колет» (это стихотворение из сборника «Плоть», опубликованного в 1920 г., но составленного, в основном, из поэзии 1910-х гг.).

Слово «веретено» как смыслообразующий элемент ряда литературных мотивов встречается у ОМ достаточно часто: в стихотворениях «Бесшумное веретено» (1909) — трижды, «Когда удар с ударами встречается...» (1910), «Я знаю, что обман в видении немислим...» (1911) — дважды, в «Tristia» (1918), а также в переводе стихотворения Макса Бартеля «На пути обрат-

¹⁵⁵ Смирнов И. П. Смысл как таковой. СПб., 2001. С. 147.

¹⁵⁶ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: в 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 129.

ном» (1925)¹⁵⁷. Интересно, что во всех вышеназванных примерах ОМ слово «веретено» связано с мотивом хода времени. В поэтических произведениях ВН мотив веретена встречается десять раз, и включает в себя как вышеназванный мотив, так и некоторые другие: веретено наматывает нить, которую прядут Парки (т. е. ход человеческой жизни и смерть); веретено — человеческое сердце («Дурной», 1913; «Чета», 1916; «Голод», 1922); веретено — стальное сердце машины («Домбровицы», 1919).

Мотивы скитания, бродяжничества, нищеты, аскезы относятся к наиболее устойчивым в поэзии ВН, мы находим их в целом ряде его стихотворений; эти же мотивы мы встречаем и в произведениях ОМ (см ниже). Общим для словаря странничества двух поэтов является «посох» — один из наиболее типичных его атрибутов. Вот лишь некоторые, наиболее характерные примеры:

ВН

Дорогой шёл я — пилигрим,
И **посох** был один мой друг
(«В скиту»)

... **посох** золотистый.
Постой в углу, молчи и — вы-
стой
(«Пасха. 2. Лесная»)

И, опершись на **посох**, как
привык,
Пред Вами тот же, тот же, —
он один! —
Иуда, красногубый больше-
вик...
(«Большевик»)

Натыкаясь на **посох** высокий
точёный,
С красноватой ребристою
рыбьей головкой...
(«Архиерей»)

ОМ

Посох мой, моя свобода —
Сердцевина бытия...
(«Посохмой...»)

И **посоха** усталый ясень,
И меди нищенскую цвель.
(«Я в сердце века —
путь неясен...»)

И я бы вышел на вокзале в Эри-
вани с зимней шубой в одной
руке и со стариковской пал-
кой — моим еврейским **посо-
хом** — в другой.
(«Четвертая проза»)

У России нашёлся для Чаадаева
только один дар: нравственная
свобода, свобода выбора. (...)
Чаадаев принял ее, как священ-
ный **посох**, и пошёл в Рим.
(«Пётр Чаадаев»)

¹⁵⁷ Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 193.

Часто встречающиеся у ряда поэтов постсимволистского поколения (например, у Николая Клюева, Велимира Хлебникова, Марины Цветаевой, Эдуарда Багрицкого), эти мотивы сравнительно редки у других акмеистов¹⁵⁸, но очень важны для ОМ и ВН.

В ряду «страннической» поэзии ВН наиболее интересен цикл «Большевик» (1919, впервые опубликован в 1920), содержание которого строится как поэтическое обращение ВН к поэтам акмеистического круга — Ахматовой, Городецкому, ОМ. Кроме целого ряда с очевидностью узнаваемых цитат из стихотворений ОМ¹⁵⁹, примечательно, что строка ВН «чрез воющую волкодавом Русь» является, по мнению Омри Ронена, одним из предтекстов мандельштамовского «века-волкодава» из стихотворения ОМ «За гремящую доблесть грядущих веков...» (1931, конец 1935)¹⁶⁰; ср. также «век-фейерверк» в черновых набросках ВН 1930-х гг. и «Бал-маскарад. Век-волкодав...» ОМ («Ночь на дворе. Барская лжа...», 1931). Ещё один пример текстового сближения «Большевика» с поэзией ОМ: у ВН «разлука мажет жёсткие уста» — ср. у ОМ «По губам меня помажет. // Пустота... («Я скажу тебе с последней прямой...», 1931).

Одно из наблюдений над возможными параллелями между ранней поэзией ВН и одним из поздних произведений ОМ предложено Олегом Лекмановым: речь в нём идёт о сопоставлении фрагмента «Стихов о неизвестном солдате» (1937) и двух ранних стихотворений ВН:

Сравним загадочное мандельштамовское:

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

¹⁵⁸ Авторский персонаж поэзии Гумилёва, конечно, не странник: он путешественник, авантюрист, исследователь, охотник, «воин и поэт» — т. е. носитель не пассивного, но агрессивного начала.

¹⁵⁹ Об этом см., в частности, нашу статью о цикле «Большевик», упомянутую выше.

¹⁶⁰ Ронен. О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 56.

с нарбутовскими строками «Звёзды — в злате виноград» (из стихотворения «У старой мельницы, 1909) и «В посиневшем небе виснут // Золотые гроздьи звёзд» (начало стихотворения 1909 года)¹⁶¹.

Среди других указаний на нарбутовско-мандельштамовские параллели необходимо отметить следующее замечание Владимира Мусатова: «Думается, импульсом для возникновения “щучьего суда” и “щучьей косточки” послужило стихотворение Владимира Нарбута “Щука” (1921).» Дополнительные наблюдения над связью стихотворения ОМ «1 января 1924» и вышеназванным стихотворением ВН (в том числе и полемические по отношению к исследованию Мусатова) были высказаны Омри Роненом в статье «О “русском голосе” Осипа Мандельштама»¹⁶². К сожалению, оба автора упустили из виду тот факт, что рассматриваемое ими стихотворение Нарбута «Щука» было впервые опубликовано под названием «Уха» («Локоном задумался дымок...») в первом номере журнала «Новый мир» за 1922 г., а впоследствии (в середине 1930-х г.) было радикально переработано автором и включено в неопубликованную книгу «Спираль» под заглавием «Щука». Именно эту, позднюю редакцию опубликовали сначала Леонид Чертков¹⁶³, а несколько позднее — Бялосинская и Панченко в издании 1990 г. Т. е. в 1924 г. ОМ не были известны подтексты из нарбутовской «Щуки», он мог только опираться на текст стихотворения «Уха», в котором строка «несносный суд шемяк» отсутствует. Поэтому утверждение Ронена, «здесь “щучий суд”, соединение сказочного “щучьего веленья” с “Шемякиным судом” восходит, вероятно, к “Щуке” Владимира Нарбута»¹⁶⁴ нуждается в пересмотре.

Вот те фрагменты стихотворения «Уха», которые можно рассматривать в связи с произведением ОМ:

---

¹⁶¹ Лекманов. О. Звёзды у акмеистов: заметки к теме // Философия космизма и русская культура (Материалы международной научной конференции «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Фёдорова», 23–25 октября 2003 г.). Белград, 2004. С. 218.

¹⁶² Ронен. О. Поэтика Осипа Мандельштама. С. 43–67.

¹⁶³ Нарбут В. И. Избранные стихи / Подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Л. Черткова. Париж, 1983. С. 170–171.

¹⁶⁴ Ронен. О. Поэтика Осипа Мандельштама. С. 48.

Трижды включь перевернуло пасть —
Морду вдруг ощеривший башмак —
И пропасть ей под пшеном, — пропасть,
Чтоб в крутящемся и хрящ размяк.

Где ж веленье щучеествоё,
Где разбойничья прямая стать [...].

Интересно, однако, обратить внимание на другое стихотворение ВН в связи с рассматриваемым произведением ОМ:¹⁶⁵

ВН

ОМ

Как полозом по яблоку тугому
(«Мороз», 1923)¹⁶⁵

И яблоком хрустит саней морозный звук (1 января 1924)

Число такого рода переключек, конструировавших поэтический диалог ВН и ОМ, можно умножить¹⁶⁶.

Однако здесь мы бы хотели отметить, что для нашей темы наибольший интерес представляет стихотворение ВН «Ты что же камешком бросаешься...», в котором диалог двух поэтов представлен в наиболее развёрнутой форме.

---

¹⁶⁵ Впервые опубликовано: Силуэты (Одесса). 1923. №10. С. 6.

¹⁶⁶ В частности, мы не рассматривали здесь тему влияния украинского языка и украинской культуры в целом на творчество ОМ и ВН. Ряд соображений по поводу соответствующего интереса ОМ был высказан, в частности, в следующих работах: *Waysband E.* Украинизмы в поэзии Осипа Манделъштама 1919–1932. годов // *Jews, Ukrainians, and Russians. Essayson Intercultural Relations.* Jerusalem; Kyiv, 2008. P. 364–381; *Бунина С.* Своё иное слово: об украинизмах в лирике О. Манделъштама // *Осип Манделъштам и феноменологическая парадигма русского модернизма.* Воронеж, 2008. С. 88–100; *Вайсбанд Э.* Осип Манделъштам и борьба за наследие Тараса Шевченко // *Транснациональное в русской культуре.* М., 2018 С. 250–263. Некоторые аспекты чрезвычайно важной и глубокой связи поэтики ВН и его литературной идеологии были отмечены нами в диссертационном сочинении: *Besprozvany V. Vladimir Narbut's Alleluia: The poetics of Linguistic and Cultural Bilingualism.* Dissertation (Ph.D.), University of Michigan, 2006. Несомненно, тема украинского влияния на поэтов акмеистической среды заслуживает дальнейшего исследования.

Вадим Беспрозванный (Анн Арбор)

ВЛАДИМИР НАРБУТ И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ: ЛИТЕРАТУРНО- БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ.

Статья 2. «Ты что же камешком бросаешься...»

В первой части нашей работы¹ мы рассмотрели биографическую и литературную составляющую диалога двух поэтов-акмеистов, Владимира Нарбута (ВН) и Осипа Мандельштама (ОМ). Однако, ключевым текстом для рассмотрения этой темы является стихотворение ВН «Ты что же камешком бросаешься...», в котором диалог двух поэтов представлен в наиболее развёрнутой форме.

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Два варианта стихотворения ВН «Ты что же камешком бросаешься...», при жизни поэта не публиковавшиеся, были впервые напечатаны в книге *Избранные стихи*, подготовленной Л. Чертковым (издание 1983)², и в собрании стихотворений ВН под редакцией Н. Бялосинской и Н. Панченко (издание 1990)³. В этом последнем

---

¹ См. в Статье 1 в наст. изд.

² Нарбут 1983: 229–230. При обращении к «Избранным стихам» необходимо учитывать сложные биографические обстоятельства, в которых Чертков работал над составлением этой книги. Отдавая должное репутации Черткова как профессионального исследователя и знатока русской поэзии, мы не можем, тем не менее, умолчать, что издание, им подготовленное, содержит не только спорные с текстологической точки зрения решения, но и ошибки и опечатки.

³ Нарбут 1990: 263–264.

издании текст снабжён комментарием: «АШ [архив В. Б. Шкловского] белой автограф Нарбута и Ч. [черновой автограф из архива В. Б. Шкловского]. Один с загл. “Орфей, Евгений и я”»⁴.

Сопоставив издания 1983 и 1990 годов с рукописями ВН, хранящимися у внучки поэта, Т. Романовой-Нарбут отметим, что хотя обе публикации очень близки к рукописям стихотворения, полного совпадения с ними ни одна из двух книжных версий не даёт.

Рукописи ВН, относящиеся к данному произведению (архив Романовой — Нарбут), содержат следующий материал:

(1) Текст стихотворения без названия; рукою ВН; в левом углу имеется им же сделанная надпись, подчёркнутая дважды: «3 экз.»; это лист писчей бумаги, сложенный пополам, текст стихотворения начат на внешнем развороте слева, продолжен на внутреннем развороте, внешний разворот справа оставлен незаполненным; 60 строк. Это полный текст стихотворения, содержащий авторскую правку только в строках 56, 59–60; помета «3 экз.» указывает на то, что рукопись предназначалась для перепечатки на пишущей машинке. Подпись карандашом под стихотворением «Посвящено О. Мандельштаму» ВН не принадлежит; скорее всего, она была сделана составителями издания 1990 г. Этот экземпляр рассматривается нами как **Беловой автограф**. Расхождения между ним и изданием 1990 г. невелики — в последнем исправлено несколько знаков препинания, написание «слонячих» у ВН заменено составителями на «слонячих», в ст. 46 у ВН — «спокойный километр», в издании 1990 г. — «чугунный километр».

(2) Текст стихотворения, озаглавленный «Орфей, Евгений и я»; рукою ВН; лист писчей бумаги, сложенный пополам; текст стихотворения неполный (ст. 1–52), текст стихотворения начат на внешнем развороте справа, продолжен на внешнем развороте слева; (внутренний разворот содержит другой вариант стихотворения, см. ниже), строки 1–45 совпадают с беловым автографом; значительная правка в ст. 46–52; далее — **Черновик 1**.

(3) Текст стихотворения без названия; рукою ВН; текст стихотворения неполный (ст. 1–34), тот же лист писчей бумаги что и (2), сложенный пополам, текст стихотворения начат на внутрен-

⁴ Нарбут 1990: 431. В сборнике ВН 2019 г., подготовленном Р. Кожухаровым, стихотворение перепечатано из издания 1990 г. без изменений. О сборнике 2019 г. см. нашу рецензию: *Беспровзванный В. «Большая книга ошибок»* (новое собрание сочинений В. И. Нарбута) // Литературный факт. 2020. №3 (17). С. 366–386; эл. вар-т: <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020170-366-386>.

нем развороте слева, продолжен на внутреннем развороте справа, (внешний разворот содержит Черновик 1); текст частично совпадает с соответствующим фрагментом белого автографа, значительная авторская правка; далее — **Черновик 2**.

(4) Текст стихотворения без названия; рукою ВН; фрагмент текста стихотворения (ст. 1–13); лист писчей бумаги, сложенный пополам, этот текст расположен на внешнем развороте слева (лист содержит ещё несколько черновых набросков, не имеющих отношения к рассматриваемому стихотворению; внутренний разворот оставлен незаполненным); текст частично совпадает с соответствующим фрагментом белого автографа, значительная авторская правка, в правом верхнем углу пометка ВН «nature = morte»; далее — **Черновик 3**.

(5) Текст стихотворения без названия; рукою ВН; фрагмент текста стихотворения (ст. 1–7), тот же лист писчей бумаги что и (4), сложенный пополам, текст расположен на внешнем развороте справа; частично совпадает с соответствующим фрагментом белого автографа, значительная авторская правка (лист содержит ещё несколько черновых набросков, не имеющих отношения к данному стихотворению); далее — **Черновик 4**.

Несколько сложнее дело обстоит с первой публикацией, подготовленной Л. Чертковым (Нарбут 1983). В примечании к стихотворению Чертков сообщает, что оно печатается по рукописи⁵, но перечисленные выше рукописные материалы содержат ряд расхождений с этой публикацией. Приведём различия между изданием 1983 г. и Беловым автографом:

Беловой автограф

От вылезших и я отнекиваюсь
От гусеничных морд

Лечебницей, ресничной
киноварью
Гноится он!
Сапог-то с кисточкой,
В нем — желчь, в нем
— печень парагвайца,

Нарбут 1983

От прощальг и я отнекиваюсь,
От муравьиных морд,

Мне дальтонической
киноварью
он вытянут)
ботфорты с кисточкой,
В нем любопытство
парагвайца,

⁵ Нарбут 1983: 249.

Однако в архиве Романовой — Нарбут имеется ещё один текст стихотворения, переписанный рукой Черткова (на это указывает сверка образцов почерка). Этот текст отражает правку, вероятно, содержащуюся в той рукописи ВН, которую скопировал, а потом опубликовал Чертков в издании 1983 г. Таким образом, мы располагаем ещё одним вариантом текста, который необходимо учитывать:

(6) [Рукой Черткова]. Текст стихотворения, озаглавленный «Орфей, Евгений и я» (зачёркнуто); текст стихотворения полный, лист бумаги заполнен с обеих сторон; текст совпадает с изданием 1983 г. Первая строка стихотворения подчёркнута. Правка незначительная, и совпадает с некоторыми вариантами строк в **Черновиках 1 и 2**; далее — **Черновик ЛЧ**.

В данной работе мы будем использовать текст **Белового автографа**, учитывая имеющиеся разночтения — как с рукописями, так и с опубликованными вариантами — там, где это представляется необходимым для комментария к стихотворению.

1. Ты что же камешком бросаешься,
2. Чужая похвала?
3. Иль только сиплого прозаика
4. Находишь спрехвала?
5. От вылезших и я отнекиваюсь
6. От гусеничных морд.
7. Но и Евгения Онегина боюсь:
8. А вдруг он — naturemorte?
9. Я под луною глицериновой,
10. Как ртуть, продолговат.
11. Лечебницей, ресничной киноварью
12. Кивает киловатт.
13. Здесь все — абстрактно и естественно:
14. Табак и трактор, и
15. Орфей веснушчатый за песнею
16. («Орфей», — ты повтори!)
17. Естественно и то, что ночи он
18. В соломе страшной мнёт,
19. Пока не наградит пощёчиной
20. Ее (ту ночь) восход.
21. Орфей мой, Тимофей! Вязаться
22. Тебе ли с сорняком,

23. Когда и коллективизация
24. Грохочет решетом?
25. Зерно продёргивает сеялка,
26. Под лупу — паспорта!
27. Трава Орфея — тимофеевка
28. Всей пригоршней — в борта!
29. О, если бы Евгений выскочил
30. Из градусника (где
31. Гноится он)! Сапог-то с кисточкой,
32. Рука-то без ногтей...
33. О, если бы прошел он поздними —
34. Вареная крупа —
35. Под зябь взметенными колхозами
36. (Ступай себе, ступай!)!..
37. ... Орфей кудлатый на собрании
38. Про горбу говорит,
39. Лучистое соревнование
40. Сечет углы орбит.
41. При всех высиживает курица,
42. Став лампою, яйцо ...
43. ... Ну, как Евгению не хмуриться
44. На этот дрязг, дрянцо?
45. Над верстами, над полосатыми —
46. Спокойный километр.
47. — Доглядывай за поросятами,
48. Плодом слонячьих недр!..
49. Евгений отошел, сморкается;
50. Его сапог — протез.
51. В нем — желчь, в нем — печень парагвайца,
52. Термометра болезнь!
53. (Орфей) — Чего же ты не лечишься?
54. (Евгений) — Я в стекле ...
55. ... А мир — высок, он — весок, греческий,
56. А то и — дебелий.
57. Что ж, похвала, начнем уж сызнава
58. (Себе) плести венки,
59. Другим швыряя остракизма
60. Глухие черепки ...

ДАТИРОВКА

В обоих сборниках стихотворение не датировано, но отнесено к 1930-м годам. Так, во вступительной статье к изданию 1983 г. Чертков сообщает следующее:

В 1932 г. он [Нарбут] читает О. Мандельштаму (...) посвященное ему стихотворение «Так что ж ты камешком бросаешься» (так в изд. 1983! — В. Б.)⁶. Оно довольно своеобразно, — развиваясь из собственного нарбутовского метода, стихотворение вместе с тем близко и по стилю, и по замыслу поэзии Мандельштама этих лет, его попыткам осмыслить и принять советскую реальность⁷.

Ср. предисловие к изданию 1990 г.:

Есть в его рукописи [неопubl. сборник «Казненный Серафим»⁸] и стихи явно 30-х гг. Особенно значительно одно из сохранившихся «Ты что же камешком бросаешься...». Оно не датировано, но есть в нем реалии времени. На рукописи нет посвящения, но Леонид Чертков, работавший над наследием Нарбута вместе с С. Г. Шкловской и с Мих. Зенкевичем, утверждает в своем предисловии, что стихотворение посвящено Осипу Мандельштаму⁹.

Утверждение Черткова относительно посвящения «Ты что же камешком бросаешься...» ОМ представляется вполне справедливым, однако для понимания стихотворения важно соотносить его содержание со временем создания, фактами из биографий двух поэтов и другими затекстовым материалом для того, чтобы понять, как именно строится его поэтика. Кроме того, следует попытаться несколько сузить тот временной промежуток, в течение которого это стихотворение было написано.

---

⁶ Источник сведений Черткова о том, что ВН читал это стихотворение ОМ в 1932 г., нам неизвестен.

⁷ Нарбут 1983: 26.

⁸ Это утверждение ошибочно: ни в оглавлении имеющейся копии сборника, ни в самом сборнике этого стихотворения нет. Речь могла бы идти только о книге «Спираль», содержащей, кроме уже опубликованного, стихи 1930-х годов, но в которую, впрочем, ВН это стихотворение также не включил.

⁹ Нарбут 1990: 29–30.

Предельной верхней границей для датировки этого стихотворения могла бы считаться дата первого ареста ОМ — события, произошедшего в ночь с 16 на 17 мая 1934 г., после которого ОМ и ВН, по-видимому, не встречались и, соответственно, читать ОМ посвящённое ему стихотворение ВН не мог; в отсутствии каких-либо ссылок на источник (источники) сведений о том, что эта читка в действительности имела место, мы вынуждены относиться к ним с некоторой осторожностью. В целом, как мы намерены показать это далее, датировка, предложенная Чертковым (1932), в принципе представляется сомнительной. Скорее всего, стихотворение писалось в 1933–1934 гг.

Рассмотрим другие временные указания, содержащиеся в тексте стихотворения, которые важны и для уточнения датировки, и для прояснения его смысловой конструкции.

21. Орфей мой, Тимофей! Вязаться
22. Тебе ли с сорняком,
23. Когда и коллективизация
24. Грохочет решетом?
25. Зерно продергивает сеялка,
26. Под лупу — паспорта!

Процитированные шесть строк содержат отсылки к трём заметным и взаимосвязанным событиям 1930-х гг.: судебным процессам над «вредителями» и «врагами народа», коллективизации и введению паспортной системы.

Собственно, коллективизация, решение о которой было принято ещё в 1927 г. на XV съезде ВКП (б), начала осуществляться в 1931–1932 гг. и повлекла за собой масштабные репрессии («раскулачивание», депортации). Насыщенный словесный ряд процитированного фрагмента («вязаться с сорняком», «коллективизация грохочет решетом», «продёргивать») указывает на мотивы, связанные с этими политическими событиями. Данное замечание хотя и не может существенно сузить датировку стихотворения, несомненно является важным для его понимания.

Строка «под лупу — паспорта» означает, что рассматриваемое стихотворение было написано не ранее 1933–1934 гг., поскольку только 27 декабря 1932 г. было подписано постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу

СССР и обязательной прописки паспортов».¹⁰ За этим постановлением, носившим общий характер, в течение 1933 г. принимается ряд регулирующих его подзаконных актов¹¹. Большинство исследователей советской истории этого периода отмечают, что одной из главных задач введения паспортов было установление тотального контроля за потоком крестьян, покидавших деревни в надежде спастись от голода и от репрессий, связанных с коллективизацией. Проверка эффективности введения паспортной системы началась в 1933 г. и продолжалась весь 1934 г.¹²; проверки продолжались и в 1935 г.¹³ Таким образом, строчка «под лупу — паспорта» относится скорее к процессу контроля над соблюдением паспортного режима (1933–1934), нежели к началу введения паспортов.

Ещё несколько строк стихотворения могут иметь значение для уточнения его хронологии:

17. Естественно и то, что ночи он
18. В соломе страшной мнет,
19. Пока не наградит пощечиной
20. Ее (ту ночь) восход.
21. Орфей мой, Тимофей! Вязаться
22. Тебе ли с сорняком ...

В этом фрагменте можно видеть отсылку к следующим событиям, связанным с биографией ОМ:

В сентябре 1932 года Амир Саргиджан (Сергей Петрович Бородин, 1902–1974) в грубой форме отказался вернуть взятые у Мандельштама займы деньги и устроил драку, которая стала предметом разбирательства в товарищеском суде¹⁴.

---

¹⁰ Опубликовано в № 358 «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 28 декабря 1932 г.

¹¹ «Инструкция о выдаче паспортов» (Постановление Совнаркома СССР № 43 от 14 января 1933 г.); «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» (Постановление Совнаркома СССР № 861 от 28 апреля 1933 г.) и ряд других.

¹² Отчет Паспортного отдела ГУРКМ НКВД СССР ВЦИК об итогах проведения паспортизации в РСФСР. 13 августа 1934 г.

¹³ Инструкция НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и нарушителях паспортного режима. 9 мая 1935 г.

¹⁴ Браун 2014: 162.

«[13 сентября 1932 г.] Состоялся товарищеский суд по «делу Мандельштама — Саргиджана» (во время ссоры между ними, соседями по Дому Герцена, А. Саргиджан (Бородин) ударил Н. Я.). А. Толстой, председательствовавший на этом суде, не вынес даже порицания Саргиджану (в апреле 1934 г. О. М. в знак протеста даст А. Толстому пощечину)»¹⁵.

Окололитературный скандал оказался настолько шумным, что даже одиозный фельетонист парижского «Возрождения» Александр Яблоновский, чьими источниками информации в те годы были советская пресса и слухи разной степени достоверности, упомянул о нем в одном из своих очерков:

Под председательством Алексея Толстого, в Москве, в доме Герцена, слушалось дело об избииении писателем Саргиджаном поэта Мандельштама и его супруги.

Уж и не знаю, право, почему Толстой стал принимать к своему судопроизводству мордобойные дела (для этого, ведь, существует в Москве «нарсуд»), но дело Саргиджана он решил, как Соломон: — Мордобой в социалистическом обществе не поощряется и потому писатель Саргиджан подлежал бы исключению из профсоюза. Но, принимая во внимание, что Саргиджан человек молодой, а молодым писателям надо оказывать поддержку, считать исключение Саргиджана условным¹⁶.

В процитированных выше строках («Естественно и то, что ночи он / В соломе страшной мнет, / Пока не наградит пощечиной / Ее (ту ночь) восход»), на наш взгляд, содержат намёк на историю с пощечиной, данной ОМ Толстому. Согласно существовавшему тогда мнению людей, знавших ОМ, он мог опасаться мести Толстого и тех, кто принял его сторону в конфликте — см. об этом в воспоминаниях Н. Мандельштам, Э. Герштейн, Е. Тагер:

Могли арестовать его и за пощечину Толстому. Получив пощечину, Толстой во весь голос при свидетелях кричал, что закроет для Мандельштама все издательства, не даст ему печататься, вышлет

¹⁵ [1934 г.] Апреля 20-е числа. Пощечина А. Толстому (Мец 2019: 397).

¹⁶ Яблоновский 1932.

его из Москвы... В тот же день, как нам сказали, Толстой выехал в Москву жаловаться на обидчика главе советской литературы — Горькому. Вскоре до нас дошла фраза: «Мы ему покажем, как бить русских писателей»¹⁷.

Данную точку зрения разделяли не все, впоследствии писавшие об этом: так, пасынок Толстого в своих воспоминаниях категорически отрицает такую трактовку¹⁸.

Кроме бытовых обстоятельств, с которыми, как мы предполагаем, связан этот фрагмент, ст. 17–20 содержат аллюзию на стихотворение ОМ «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» К параллелям между двумя стихотворениями (рассматриваемыми здесь строками, в частности) относятся: ночное время действия, мотив обиды, бессонница; ср. также:

Тихонько гладить шерсть и **ворошить солому**,
Как яблоня зимой, в рогоже голодать,
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать¹⁹.

Последние две строки этого фрагмента («вязаться тебе ли с сорняком») прочитываются как совет «не связываться с негодяем».

5. От вылезших и я отнекиваюсь,
5. От гусеничных морд,
(Беловой автограф)

5. От прощальг и я отнекиваюсь,
6. От муравьиных морд,
(Нарбут 1983)

Ср. также вариант из Черновика 3: «От верещащих морд».

Эти строки указывает на позицию автора, отделяющего себя от «вылезших». *Вылезшие* — это выскочки, выдвиженцы, приспособившиеся к новым условиям существования, главным образом,

---

¹⁷ Надежда Мандельштам, 2014 I: 87.

¹⁸ Волькенштейн 1991: 53–57.

¹⁹ Мандельштам 2020 I: 104.

в части идеологической; собственно, приведённый здесь вариант может служить авторским комментарием к этой строке. У ВН речь здесь идёт не только о «высочках-выдвиженцах» вообще, но о представителях литературной среды. Ср. также более раннее описание этого феномена у Добролюбова в статье опубликованной в 1859 г. Приведённая ниже цитата из неё интересна, кроме того, её близостью к рассматриваемому в целом:

Забитая прежде литературная дрянь и мелюзга подняла голову, и «вылезшие из щелей мошки и букашки» опять начали ползать и пищать, не боясь уже быть растоптанными²⁰.

Вариант издания 1983 г. даёт ещё более резкую и прямолинейную оценку «высочкам» — «прощальги», причем здесь ВН, обращаясь к слову из собственного поэтического лексикона²¹, использует, по своему обыкновению, словарь Даля, где «прощельга» — «пролаз, пройда, *пройдоха*, *пронира*, выжега, продувной плут» (Даль 1998 III: 1383)²². В Беловом автографе ВН все же остановился на более «созвучном эпохе» слове — «вылезшие».

Если усматривать в этих словах и намёк «на лица», то, скорее всего, этот фрагмент относится к конфликту ОМ с Саргиджаном — Бородиным²³.

Сергей Петрович Бородин²⁴, до 1941 г. публиковавшийся под псевдонимом Амир Саргиджан, впоследствии известный совет-

---

²⁰ Добролюбов 1896: 381

²¹ У ВН встречаются обе версии написания слова: в стихотворении «Шахтёр» — «Голодранец, *прощальга-лодырь*» (Нарбут: 1912 [без номера стр.]) и в стихотворении «Яблоками небо завалило...» — «Не кудлатый ли и низкокобый / *прощельга* клянчит у окна?» (Нарбут 1922: 7).

²² Отмеченные здесь курсивом слова обычно осмысляются как связанные со словом «щель», что сближает «прощельга» с позднейшим вариантом «вылезшие». См.: Горяев 1896: 283; Фасмер 1986–1987 III: 387; П. Черных однако считает это осмысление позднейшим, возводит его этимологию к слову «шалый» — от «прошальга» (Черных 1999 II: 76).

²³ Толстой здесь — кандидатура менее вероятная: несмотря на то, что его репутация среди коллег-литераторов была неоднозначной, на роль «высочки» он вряд ли подходит. С Толстым ВН был знаком со времени участия первого в журнале «Gaudefamus», который редактировал ВН; в 1910-е годы Толстой общался с поэтами «Цеха поэтов».

²⁴ Подробнее см.: Русская литература XX века: 269–270. Поздние, в особенности посмертные биографы Саргиджана — Бородина либо не упоминают об истории его конфликта с ОМ, либо её отрицают.

Сергей Бородин. 1931

Сергей Бородин. 1940–1950-е

ский прозаик, автор популярных исторических романов. Начал публиковать стихи в 1922 г., в 1926 году окончил ВЛХИ имени В. Я. Брюсова. Некоторое время принадлежал к литобъединению «Перевал»,²⁵ из которого вышел в 1931 г. Для литературной среды, с которой в эти годы он был связан, и в самом деле был новичком, выскочкой, провинциалом.

«Энтомологические эпитеты» («муравьиные/гусеничные морды») даны в одном ряду с субстантивированным причастием «вылезшие». С точки зрения историко-культурной символики, образ муравья означает трудолюбие, деловитость, прозорливость, мудрость, коллективизм и т. п.; но, кроме того, муравьи — это безликая масса, толпа,²⁶ идеальные воины и слуги, лишённые сознания²⁷.

Рискнём предположить, что в выборе эпитета ВН мог опираться на собственные визуальные впечатления. Осознавая зыбкость такого рода аргумента, процитируем все же здесь две фотографии Саргиджана-Бородина, одну датируемую 1931 г., другую — сделанную после 1942 г.; для сравнения приведём изображение муравья из иллюстрации Георгия Нарбута к басне «Стрекоза и Муравей», а также фото муравья, выполненное в технике микросъёмки.

²⁵ Литературная группа «Перевал» (прекратила существование в 1932 г. под давлением критики РАППа) была создана А. Воронским, с которым ВН долгое время конфликтовал.

²⁶ Ср. у ВН в стихотворении «Железная дорога» («Пыхтело в пахах у паровоза»): «Пассажир — муравей» (Вечерняя Москва. 1933. 4 окт.).

²⁷ Ferber 1999:11–12; Sleigh 2004; Белова 2001: 178–179.

Муравей (семейство
Formicidae)

Г. Нарбут.
«Стрекоза и Муравей»

Прилагательное «гусеничный» (ст. 6), кроме белого автографа и издания 1990 г. мы находим в следующих рукописях: Черновик ЛЧ, Черновик 1, Черновик 2 и Черновик 3. Слово «гусеница» в рассматриваемом стихотворном тексте может быть отсылкой к «хищной», «вредительской» природе этого насекомого: большинство гусениц питаются листьями, цветами и плодами растений (в том числе кормовых)²⁸. В ст. 22 обобщённое предостережение — держаться подальше от «гусеничных морд», сменяется более конкретным (замена мн. числа единств.) — не связываться с «сорняком».

«ОРФЕЙ»

Выше мы уже цитировали замечание Черткова о посвящении Мандельштаму этого стихотворения и о близости его «поэзии Мандельштама этих лет».

Прежде чем перейти к рассмотрению аллюзий, посредством которых обозначена связь с поэзией и биографией адресата, обратим внимания на анаграмму имени Осип, содержащуюся с достаточной очевидностью в ст. 3: «Иль только **сип**лого прозаи-

²⁸ Следует отметить, что в поэзии ВН 1930-х гг. мир насекомых играет заметную роль, в том числе и в как источник тропов. Интересен один из вариантов словосочетания «сиплый прозаик» — «сезонный натуралист» (Черновик 4). Об интересе ВН к научной поэзии речь идёт в Статье 1 в наст. изд.

ка...». Такое толкование поддерживает и отсылка к пословице²⁹ «Осип охрип, а Архип осип»³⁰.

Что же касается темы Орфея в стихотворении ВН, то обратим, прежде всего, внимание, на шестикратное повторение в нем имени «Орфей». Для нас здесь важны следующие фрагменты текста:

13. Здесь все — абстрактно и естественно:
14. Табак и трактор, и
15. Орфей веснушчатый за песнею
16. («Орфей», — ты повтори!).

21. Орфей, мой Тимофей! Вязаться
22. Тебе ли с сорняком,
23. Когда и коллективизация
24. Грохочет решетом?
25. Зерно продёргивает сеялка,
26. Под лупу — паспорта!
27. Трава Орфея — тимофеевка
28. Всей пригоршнею — в борта!

- 37....Орфей кудлатый на собрании
38. Про торбу говорит,
39. Лучистое соревнование
40. Сечёт углы орбит.

В приведённых фрагментах имя Орфея помещено в среду, насыщенную реалиями времени, темами коллективизма (коллективизация, собрание, соревнование, колхоз) и сельскохозяйственного труда (трактор, сеялка, решето, тимофеевка, зябь и т. д.). Сходный

---

²⁹ Несмотря на то, что в целом ряде исследований в качестве источника этой поговорки (или скороговорки?) называется «Даль» без уточнения источника и ссылки на него (непонятно, идёт ли речь о «Толковом словаре живого великорусского языка» или о «Пословицах русского народа»), ни в одном из изданий В. Даля, ни в каких-либо других первичных источниках, нам отыскать эту паремию не удалось (цитируется в художественной литературе). Однако в силу чрезвычайной распространенности сам факт её существования больших сомнений не вызывает.

³⁰ Согласно Далю, «сиплый» и «хрипый» семантически связаны: «Хрипый может быть и громкий, но резкий, суровый, а сиплый бывает тих, невзвучен, безгласен. (...) После долгой хрипоты, у него остался сипавый, сиповатый, сипловатый голос» (Даль 1998 IV: 162).

приём ВН использует в целом ряде стихотворений того же времени: в них, к примеру, присутствуют колхозница Далила и агроном Самсон, Ревекка, принимающая солнечные ванны на «Советской Ривьере», красные партизаны Пятница и Робинзон; ср. также стихотворение 1922 г., в котором в качестве персонажей упомянуты парикмахерша Юдифь и её клиент, в образе которого легко угадывается Олоферн³¹.

В исследованиях, посвящённых мифу об Орфее, в качестве основных отмечаются следующие мотивы: Орфей — поэт-музыкант, чья лира приручала диких животных и сдвигала с места деревья и скалы; участник экспедиции аргонавтов в Колхиду, своими гимнами и игрой на кифаре заглушивший пение сирен; он спускается в царство Аида (Орфей и Эвридика); погибает от рук вакханок³².

Как мы видим, эти мотивы, кроме одного из них, наиболее общего и очевидного («Орфей — поэт и, вместе с тем, символ поэзии»), в стихотворении непосредственно никак не отражены. Между тем, проекция образа Орфея на творчестве ОМ в рассматриваемом стихотворении имеет достаточно глубокие основания. Поскольку орфический миф у ОМ исследован в целом ряде работ³³, обратимся лишь к одному из его аспектов, важному для нашей темы, — наблюдению М. Гаспарова относительно того, что «Орфей в античной традиции — не просто поэт, а поэт-цивилизатор, учивший человечество человечности». И, далее, об описании образа Орфея в «Поэтике» Горация: «Это — не что иное, как та программа гуманистических заветов, с которой, по Мандельштаму, поэт обращается к революционному государству. (...) Поэт-Орфей: поэт-тайнохранитель, поэт-цивилизатор, поэт-жертва — это наполнение образа Орфея важно для понимания слов о нем

³¹ «Бабье лето» («Поникшая (... Sictransit ...)...») (Нарбут 1990: 368–370); «В парикмахерской (уездной)» («За завтраком иль в именинной ванне...») (Харьковский понедельник. 1922. №1. 18 декабря: 4).

³² См., например: Гнездилова 2006. Здесь же представлены обзор источников и библиография исследовательской литературы об Орфее.

³³ Рассматривается целым рядом работ: «Orpheus Faber: труд и постоянство в поэзии О. Мандельштама» (Гаспаров 1995: 221–236); Асоян 2002: 16–24; Вайсбанд 2008: 293–303; Вайсбанд 2010: 312–340. См. также некоторые исследования об орфизме русских символистов, существенно повлиявших (Вячеслав Иванов, прежде всего) на формирование мандельштамовского мифа об Орфее: Юрьева 1978: 779–799; Силара 2002: 54–101; Асоян 2003: 25–33; Вестбрук 2003: 34–51.

у Мандельштама»³⁴. Ср. у Вячеслава Иванова: «Орфей — движущее мир, творческое Слово», «божественно-организующая сила Логоса»³⁵.

Таким образом, кроме многочисленных отсылок к образу Орфея у ОМ, которые объясняют обращение к этому имени в стихотворении ВН, в котором речь идёт не только об Орфее-певце, но и об Орфее-созидателе (Orpheus Faber). Разумеется, мы говорим не о прямом отражении, но об истолковании ВН этого образа: философия надличностного в искусстве у ОМ в нарбутовской трактовке становится проблемой примирения личного и коллективного:

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдёшь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я»³⁶.

Времени нет! (курсив ОМ. — В. Б.) Христианское летоисчисление в опасности, хрупкий счёт годов нашей эры потерян — время мчится обратно с шумом и свистом, как преграждённый поток, — и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену: искусства больше нет...³⁷

Кроме того, следует также помнить о модальности процитированных выше фрагментов стихотворения: в них настоящее время имеет значение будущего, предполагаемого или предлагаемого *specto* адресата нарбутовского послания. Об этом речь ещё пойдёт далее, а здесь, в продолжение темы Орфея, рассмотрим ст. 21.

Строка «Орфей мой, Тимофей!» содержит отсылку к имени древнегреческого поэта и музыканта Тимофея из Милета³⁸. Не

³⁴ Гаспаров 1995: 229.

³⁵ Иванов 1979: 706.

³⁶ «Отчего душа так певуча ...» (Мандельштам 2020 I: 39).

³⁷ «Скрябин и христианство» (Мандельштам 2020 II: 32).

³⁸ «Тимофей Милетский, греческий поэт и музыкант — род. в 446 г. до Р. Х. в Милете; прославился в поэзии лирической и дифирамбах и считался одним из искусных исполнителей на кифаре, которую он усовершенствовал, прибавив к семи прежним струнам ещё четыре. Тимофею приписывается изобретение хроматического строя в тетрахорде. Он сочинил поэму в честь богини Дианы, много сочинений для кифары и флейты» («Тимофей Милетский». ЭСБЕ XXXIII: 192–193). Ср. также: «Тимофей как модернист смешивал в одном музыкальном

смотря на то, что Тимофей множество раз упоминался в сочинениях древних авторов³⁹, до начала XX века оно «было почти только бессодержательным именем» (Шестаков 1904: 4). В 1902 г. во время раскопок был найден папирус, содержащий обширный отрывок нома «Персы». Вместе с другими отрывками из произведений Тимофея и наиболее полным собранием сведений о поэте, в 1903 г. «Персов» опубликовал У. Виламовиц — Меллендорф (Timotheus of Miletus 1903)⁴⁰. В том же году на публикацию откликнулся Г. Церетели, сопроводивший свою статью прозаическим переводом «Персов» (Церетели 1903: 270–286). Через год Д. Шестаков напечатал свой перевод, выполненный «трагическим»⁴¹ (разностопным безрифменным) ямбом; этот перевод обычно называют первым русским переводом нома. Две фундаментальные русские публикации, вышедшие с интервалом в полтора года, и следовавшие за этим многочисленные упоминания Тимофея должны были привлечь внимание литературной среды⁴².

Для контекста стихотворения имя «Тимофей» в обращении к ОМ важно отсылкой к образу лирика-новатора, добавившего к семи струнам кифары ещё четыре (по др. версии — следуя за Терпандром, доведшим число струн до десяти, — только одну, см. ниже). Новшество вызвало гнев спартанцев, усмотревших в этом «бесчестие старой песни» и «беззаконный урок молодежи», а потому повелевших «обрезать излишние из одиннадцати струн» (Шестаков 1904: 6–7, со ссылкой на Бозэция). Кроме того, Д. Шестаков указывает на неоднозначность впечатлений, которое поэзия Тимофея производила на его современников: «(...) несмотря на сравнительную чуткость публики к художественным новшествам, поэзия Тимофея встречала столько же рьяных противников, сколько горячих поклонников» (Шестаков 1904: 8).

произведении различные ритмы, расширяя диапазон звучания струнных инструментов» («Тимофей». Словарь античности 1989: 577).

³⁹ Назовём лишь некоторые: Павсаний, «Описании Эллады», Цицерон, «О законах», Аристотель, «Мегафизика», Никомах (четвёртый фрагмент о музыке), Бозэций, «Основы музыки».

⁴⁰ Вышли два издания: Wilamowitz — Moellendorf, Ulrich von. Timotheos Die Perser. Leipzig 1903; его же: Der Timotheos — Papyrus. Leipzig 1903.

⁴¹ Шестаков 1904: 1–90, 83.

⁴² Ср. замечание М. Гаспарова: «В Казани в это время учился студент-естественник В. В. Хлебников, будущий поэт-футурист, и в его позднейшем стиле, быть может, сохранились и отголоски этого (несомненно, читанного им) перевода» (Пиндар, Вакхилид. 1980: 493).

Ср. мнение М. Гаспарова: «(...) фантастическая вычурность стиля Тимофея делает его непонятым гораздо в большей степени, чем неполная сохранность текста» (Пиндар, Вакхилид 1980: 492). И, наконец, соположение «Орфей — Тимофей», в стихотворении подчёркнутое рифмой, находит прямое отражение в заключительной части сохранившегося отрывка «Персов»:

Орфей, сын Каллиопы, из Пиерии, первым изобрел лиру, мать разнообразных песен. За ним Терпандр опоясал музу десятью струнами, славный Терпандр, которого родил Эолийский Лесбос в городе Антиссе. А теперь я, Тимофей, вздымаю кифару, поющую под такт и меру одиннадцати струн, я, открывший дотоле невидимую сокровищницу песнолюбивых муз⁴³.

Ср. в «Катастеризмах» Псевдо-Эратосфена:

На лире было семь струн по числу Атлантид. Аполлон взял ее и, настроив для пения, отдал Орфею, сыну Каллиопы, одной из Муз. Орфей довел количество струн до девяти — по числу Муз (Эратосфен 1992: 75).

Ср. во фрагментах доклада ОМ «Скрябин и христианство»:

В древнем мире музыка считалась разрушительной стихией. Эллы боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным, и каждую новую струну кифары Терпандру приходилось отвоёвывать с великим трудом. Недоверчивое отношение к музыке как к подозрительной и темной стихии было настолько сильно, что государство взяло музыку под свою опеку, объявив её своей монополией, а музыкальный лад — средством и образцом для поддержания политического порядка, гражданской гармонии — эвномии. Но и в таком виде эллы не решались предоставить музыке самостоятельность: слово казалось им необходимым, верным стражем, постоянным спутником музыки⁴⁴.

В ст. 27 «Трава Орфея — тимофеевка» слово «тимофеевка», во-первых, в качестве однокоренного с именем Тимофей усили-

⁴³ Церетели, 278; ср.: Шестаков 1904: 90; Пиндар, Вакхилид 1980: 291–292.

⁴⁴ Мандельштам 2020 II: 33.

ваит сближение «Орфей-Тимофей»⁴⁵, а, во-вторых, служит ещё одним утверждением мотива полезности и обыденности поэтического труда: тимофеевка (она же «timoфеева трава») — «самая распространённая в России кормовая трава»⁴⁶ представляет собой антитезу «сорняку» («Вязаться / Тебе ли с сорняком»). В числе первых, кто дал «сведения о травах», Плиний Старший называет Орфея⁴⁷.

В жизни ОМ с конца 1920-х гг. размышления о собственном месте в современной русской литературе и в современной советской действительности приобретают особую важность. Эта проблема рассматривается в целом ряде исследований; в статье «Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама)» Гаспаров пишет об этом:

С 1924 г. Мандельштам живёт в Ленинграде и Детском Селе, с 1928 г. — в Москве. (...) Внешне ему живётся не хуже, чем многим (...). Но внутренне его все больше мучит душевный разлад. В новый мир он не вписывается и ощущает себя в нем таким же маргиналом, каким он был когда-то на первых жизненных шагах (о которых вспоминал в «Шуме времени»). Тогда он искал самоутверждения через приобщение к мировой культуре и находил его в литературных кружках. Теперь он ищет самоутверждения, стараясь поделить мировую культуру с новым обществом, и делает это вполне искренне. Он сам новый человек в культуре и чувствует тем массах новых людей, которым доступ к ней открыла революция. Он отстаивает интересы рабочих и молодёжных читателей («О переводах»), ищет в литературе «героическую ласку к человеку толпы» («Жюль Ромэн»). Себя он ценит именно как работника на этом фронте (как тогда говорили) и не желает донашивать свою старую и узкую известность («фигурять Мандельштамом», как он пишет жене) (Гаспаров 1995: 353).

---

⁴⁵ Трава «timoфеевка» («timoфеева трава», «Timothygrass») была названа именем её популяризатора Тимоти Хансона. Обыгрывание семантической связи «Тимофей — тимофеевка» мы встречаем в басне Козьмы Пруткова «Помещик и трава»: «Вот Тимофеева трава...» (...) // «Мою траву отдать, конечно, пожалею; // Но эту возвратить не медля Тимофею!» (Козьма Прутков 1965: 78).

⁴⁶ Советов А. «Кормовые травы» (ЭСБЕ XVI: 289).

⁴⁷ «(...) primus autem omnium, quos memorianovit, orpheus de herbiscuriosiusaliquaprodidit». Цит. по: С. Plini Secundi 1906: 120.

Далее Гаспаров цитирует ответы ОМ на анкету 1928 г.

Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня «биографию», ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту. Подобно многим другим, чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она не нуждается⁴⁸.

Именно этой теме посвящены многие поэтические и прозаические высказывания ОМ начала-середины 1930-х гг.:

Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея ...
(«Полночь в Москве. Роскошно
буддийское лето ...». Май — 4 июня 1931)

И до чего хочу я разыграться —
Разговориться — выговорить правду —
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду, —
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков, —
Сказать ему, — нам по пути с тобой ...
(«Ещё далеко мне до патриарха ...». Май–сентябрь 1931)

Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идёт единоличник,
Я в мир вхожу — и люди хороши.
(«Стансы». Май–июль 1935)

Ср. также мотивы строительства и обновления Москвы как оптимистические приметы новой жизни в стихотворении «Сегодня можно снять декалькомани ...» (Мандельштам 2020 I: 146–147) и ряд др.

Однако ВН, который наверняка был знаком с этой темой в творчестве ОМ тех лет, как будто намеренно её игнорирует: в целом

---

⁴⁸ [Поэт о себе] Читатель и писатель. 1928. №46. 18 нояб. С. 3 (в качестве ответа на анкету: «Советский писатель и Октябрь») Цит. по: Мандельштам 2020 III: 259.

складывается впечатление, что «камешком бросается» не ОМ, а сам ВН. Да и сами попытки ОМ «осмысления и приятия» были сложными и неоднозначными: «Пусть это оскорбительно — поймите: / Есть блуд труда и он у нас в крови» («Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» Мандельштам 2020 I: 140–141); «Ну что ж, я извиняюсь, / Но в глубине ничуть не изменяюсь» («Ещё далеко мне до патриарха...»; Мандельштам 2020 I: 143–144)⁴⁹.

«ОРФЕЙ, ЕВГЕНИЙ И Я»

То, что автор послания, адресуясь к ОМ, называет его Орфеем, кажется более-менее очевидным. Но к кому относится имя «Евгений» и следует ли отождествлять его с «Евгением Онегиным»? Этот последний упомянут только однажды, во втором четверостишии:

5. От вылезших и я отнекиваюсь
6. От гусеничных морд.
7. Но и Евгения Онегина боюсь:
8. А вдруг он — naturemorte?

Здесь «Евгений Онегин» противопоставлен авторскому «я», а, точнее, онегинский тип жизненной позиции представляется автору таким же неприемлемым как и жизненная позиция «вылезших». «Евгений Онегин», названный в этом четверостишии «naturemorte» (что буквально означает «мёртвая натура») отсылает к расхожему представлению о пушкинском персонаже как о типе романтического эгоиста, индивидуалиста, оторванно от реальности⁵⁰. Указание на нежизненную «литературность»

⁴⁹ О прозе ОМ тех лет: «Проза ОМ — противостояние недоброй жизни и назревающей коллективизации «соцреализма». В 30-е годы коллективизация охватила не только русскую деревню, но и русскую литературу» (Марголин 1961: 104). Посвящённая этой теме «Четвертая проза» возвращает нас к обсуждавшемуся выше конфликту ОМ с Саргиджаном и Толстым.

⁵⁰ Буквальное значение словосочетания «натюрморт» в качестве характеристики лица/персонажа, подобное содержащемуся здесь, мы встречаем, например, в воспоминаниях Андрея Белого: «(...) небольшого росточку, с носом, загнутым в торчки усиков, крепкий и верткий, он [Иван Иванович Трояновский] едко иронизировал вместе с Грабарем, но не был — «натюрмортом», как Грабарь, взрываясь сердечным энтузиазмом» (Белый 1990: 201).

такого типа поведения можно рассматривать и как риторический упрёк, адресованный и Орфею, и самому повествователю (глагол «боюсь» может указывать на опасение обнаружить «онегинские» черты в себе самом). При этом следует учесть, что стихотворению ВН «Самоубийца», написанному от первого лица и содержащему некоторые автобиографические аллюзии, предпослан эпиграф из «Евгения Онегина» («В какую бурю ощущений / Теперь он сердцем погружен»)⁵¹.

Обратимся теперь к тексту стихотворения в той его части, которая относится к «Евгению»:

29. О если бы Евгений выскочил
30. Из градусника (где
31. Гноится он!) Сапог-то с кисточкой,
32. Рука-то без ногтей...
33. О если бы прошёл он поздними —
34. Варёная крупа —
35. Под зябь взметёнными колхозами
36. (ступай себе, ступай!)

- 43... Ну как Евгению не хмуриться
44. На этот дрязг, дрянцо?

49. Евгений отошёл, сморкается;
50. Его сапог — протез.
51. В нем — желчь, в нем — печень парагвайца,
52. Термометра болезнь!
53. (Орфей) — Чего же ты не лечишься?
54. (Евгений) — Я в стекле...

Аллюзии, содержащиеся в этих строках, определенно связаны с биографией самого ВН. Так, «сапог-протез», «рука без ногтей» указывают на инвалидность (хромота, отсутствие кисти левой руки). Другой словесный ряд — «термометр», «лечебница», «болезнь», «печень парагвайца» — относится к перенесённым ВН в 1920–1930-е годы болезни (тиф, малярия)⁵².

---

⁵¹ Нарбут 1920b: 12.

⁵² Подробнее см.: Комментарий к ст. 51–52. При этом, конечно, нельзя не учитывать, что сходные мотивы (болезнь, лихорадка, малярия) достаточно часты

Как уже было отмечено в предыдущей статье⁵³, 1930-е годы — время интенсивного общения двух поэтов, время, когда оба они оказались отстранены от активного участия в общественно-литературной жизни. Выше мы говорили об отражении этого времени в творчестве ОМ тех лет и применительно к данному стихотворению. Именно в эти годы ВН был исключён из партии, смещён со всех постов и отстранён от издательской деятельности, поэтому строка «(Евгений) — Я в стекле» и ст. 29–36 указывают на то, что болезнь, перенесённая Евгением, является ещё и метафорой его изолированности от общественной жизни. См. об этом, например, у Герштейн: «(...) я еще видела Нарбута на каких-то совещаниях, куда он приходил в качестве директора издательства “Земля и фабрика”. Он сам был организатором этого издательства, но теперь оказался совершенно не у дел. Помню рассказ Нади о том, как “вчера” Нарбут весь вечер говорил о стремительном развитии индустриальной Японии, и чувствовалось, что у него, по выражению Нади, мурашки по спине бегают, так он рвется к большому делу» (Герштейн 1998: 43).

Персонажная структура стихотворения, представленная ВН в одном из вариантов заглавия — «Орфей, Евгений и я» (Черновик ЛЧ и Черновик 1; в остальных случаях стихотворение заглавия не имеет), указывает на размышления автора о возможности полного растождествления Евгения и авторского «я».

Таким образом, в стихотворении нет никаких категорических указаний на то, что заставило бы нас безусловно отождествить Евгения и Евгения Онегина. Частичное совпадение имён может подчёркивать их «содержательное» различие, но также может и служить отсылкой к другому литературному персонажу, например, к «бедному Евгению» из «Медного всадника»: в отличие от героя пушкинского романа в стихах, называемого то по имени, то по фамилии, по имени и фамилии, герой «петербургской повести» именуется только Евгением. Такое соседство двух пушкинских персонажей (в незашифрованном виде) мы встречаем у ОМ в «Петербургских строфах»:

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;

в поэзии тех лет, см. например: В. Маяковский. «Вы думаете, это бредит малярия ...» (1914–1915), Г. Шенгели. «Лихорадка» (1927), Э. Багрицкий. «ТВС» (1929), И. Уткин. «Семейная хроника» (1935) и ряд др.

⁵³ См. публикацию в наст. изд.

(...)

Самолюбивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянёт!

«Подвижность» значения имени «Евгений» у ВН во многом поддерживается композиционной структурой и соответствует смысловой организации стихотворения, она не предполагает какой бы то ни было жёсткой закреплённости литературного прозвища за именем авторского персонажа. Здесь просматривается и сходство с позицией Пушкина в отношении своего героя:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом⁵⁴.

Теперь обратим внимание на строки 3–4: «Иль только сиплого прозаика / Находишь спрохвала». Судя по библиографии творчества ВН, в 1922 г. выходят две его последние книги стихотворений (второе издание «Аллилуиа» и сборник «Александра Павловна»), а 1923 г. он последний раз публикует в периодических изданиях ряд вновь написанных стихотворений. За этим следует десятилетний перерыв: новые стихи появятся в печати только в 1933 г. (несколько републикаций в антологиях 1924–1926 гг. в счёт не идут). Отказ ВН от поэтического труда, в сущности, был временным, но многие современники восприняли его как окончательный отход от творческой деятельности.⁵⁵ Что касается ста-

⁵⁴ Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине» (глава I, строфа LVI).

⁵⁵ Во всяком случае, так его восприняли критик Лежнев — «И трижды прав Вл. Нарбут, несомненно один из интереснейших поэтов нашего времени, что, по-

тей, над которыми ВН активно работал в 1920-е гг., их публикация продолжалась примерно до 1928 г. Конец его партийной и советской карьеры автоматически означал невозможность высказываться публично в печати по вопросам, связанным с литературно-общественной жизнью и издательским делом. В отсутствии постоянного места работы и невозможности найти такое ВН живёт случайными околосредственными заработками⁵⁶.

Интересны варианты определений, которые, кроме окончательного варианта «сильный прозаик», ВН рассматривает в качестве возможных автохарактеристик: «сытый»⁵⁷ прозаик» (Черновик 3); «чёрствый прозаик» (Черновик 4).

Таким образом, самоуничижительный апеллатив «сильный»⁵⁸ прозаик» (окончательный вариант, на котором остановился ВН), как подразумеваемая антитеза «звонкоголосому поэту» — и самому себе из недавнего прошлого, и адресату стихотворения — певцу Орфею, касается именно отказа от поэтической деятельности, а не перехода к прозе. То, что это определение появляется в стихотворном диалоге, делает риторику ВН особенно заострённой и парадоксальной.

святить себя политической работе, он отсек художественную, — и стихов сейчас не пишет “принципиально”» (Лежнев 1924:187) и акмеист Зенкевич — «На что же жаловаться, если я / Так слаб, что не могу с тобой / Расстаться навсегда, поэзия, / Как сделал Нарбут и Рембо!» (Зенкевич 1994: 189).

⁵⁶ Он занимается составлением справочных изданий, литобработкой переводов, пишет радио- и киносценарии, надписи к диапозитивам. Герштейн вспоминает слова своих знакомых о ВН: «(...) он сильно опустился, окружил себя всякой “шпаной”, постоянно околачивается с ними на радио и там постыдно халтурит» (сама Герштейн мнение об «опустившемся» ВН не разделяла) (Герштейн 1998: 43).

⁵⁷ О наступлении для ВН времени относительного благополучия см.: Надежда Мандельштам 2014 II: 79; Герштейн 1998: 43. Ср. также ироническую автохарактеристику в стихотворении ВН «Сердце («Такая была у цикады наружность ...»): «Скажу о себе, не боясь отсебятины: / Одна из зажиточных наших персон» (Нарбут 1990: 361).

⁵⁸ «Сильный», по определению Даля, «звук либо голос приглушенный и шипящий, нечистый»; «тих, незвучен, безгласен» (Даль 1998 IV: 162). Это уточнение важно, поскольку ВН в своем творчестве часто пользуется «сдвигом значений», возникающим за счет различия/оттенка между современным ему словарным значением слова и определением, взятым из «Толкового словаря живого великорусского языка». Ср.: «Приглушенно хриплый, несколько шипящий» (Ушаков 1935–1940 IV: 191). Ср. также звуковой эпитет «глухой» в двух последних строках стихотворения: «швыряя остракизма / Глухие черепки ...».

Если просто пересказать стихотворение «Ты что же камешком бросаешься...» «своими словами», получится примерно следующее: лирический герой, отождествляющий себя с Евгением (Онегиным), обращается к Орфею — персонажу стихотворения, за которым легко угадывается ОМ: он призывает Орфея соединить свой песенный дар с требованиями времени, с «общественно-полезной» деятельностью. При этом Евгений не может забыть и о своей вынужденной, болезненно воспринимаемой изолированности от неё.

ЖАНР И ТЕМА

Стихотворение ВН в жанре стихотворного послания⁵⁹ было написано в то самое время, когда этот жанр в очередной раз претерпевал определенные изменения. Нарбутовское послание — это переход от символистской, субъективно-личностной традиции к социально-ориентированной объективированности, складывающейся в русской поэзии советского периода. Мир поэзии, искусства, философских исканий — это предмет символистского послания. Как отмечает Л. Кихней, оно может содержать установку на «монологическое раскрытие авторского «Я» (автохарактеристика, декларация взглядов), (...) на образное раскрытие адресата, на комментировании его жизненной и творческой позиции», либо на диалоге адресата и адресанта⁶⁰.

У ВН адресация и её содержание постоянно меняются: отсылка к личному конфликту («ты что же камешком бросаешься») сменяется намёком на обстоятельства, известные лишь им двоим («от вылезших и я отнекиваюсь, / От гусеничных морд»), перемещаясь далее вдоль линии неизвестных читателю событий, фокусируясь то на обстоятельствах жизни автора, то адресата (см. далее о композиции стихотворения). Зашифрованность (не «туманность» и не «таинственность») текста послания ВН отделяет его и от символистской, и от советской поэзии 1930-х гг. С последней

⁵⁹ Едва ли не единственный известный нам пример в поэзии ВН, в котором установка на этот жанр выражена наиболее отчётливо.

⁶⁰ Вопрос об эволюции жанра в системе символизма и его формировании у пролетарских поэтов рассматривается в монографии Кихней. Здесь же автор рассматривает теорию жанра и особенности поэтики стихотворного послания в XVIII–XIX веках (Кихней 1989).

из названных, однако, его связывает призыв присоединиться к общественным преобразованиям, сменить личную и творческую эгоцентричность вхождением в массы.

Завуалированный характер адресации, который мог быть понятен очень немногим, сочетается с важным аспектом поэтики ВН — переплетением множества аллюзий и референций разной степени прозрачности. Смысл их дополнительно осложнён тем, что автор послания, во-первых, явно не стремится к прозрачности содержания, во-вторых, полемизируя с адресатом, он исходит, главным образом, из собственных представлений о нём, и, в-третьих, вводит в текст себя не напрямую («авторское Я»), но как персонаж — приём не столь уж частый, но всё же встречающийся в его поэзии.

Однако по отношению к рассматриваемому стихотворению, жанр послания может рассматриваться, скорее, как «рамочный», т. е. дающий очень обобщённую характеристику произведению ВН. Содержание стихотворения даёт нам основания сопоставить его с жанром протрептика:

В античности были распространены так называемые увещательные речи, или протрептики, имеющие характер поучительного наставления и убеждения. (...) Форма сочинения тесно связана с его наставительным содержанием. Происхождение ее восходит еще к софистам, которые поэтические наставления, известные еще со времен поэта Гесиода, заменили прозаическими. Более поздние протрептики дают основание заключить о их сходстве с эллинской увещательной речью, породившей затем христианские послания и проповеди⁶¹.

Тематика протрептиков была довольно разнообразной: от одного из первых — авторства Аристотеля, писавшего о необходимости занятий философией — до сочинения христианского богослова, проповедника и философа Климента Александрийского «Протрептик, или Увещание к эллинам», в котором он осуждает греческое язычество и убеждает греков принять христианство. В этом сочинении Климент обращается к личности Орфея, («обманщика, губящего жизнь доверчивых» языческим суеверием), противопоставляя музыку Орфея божественному Слову Певца,

---

⁶¹ Лосев, Тахо-Годи 2005: 206.

т. е. Христу, только в обращении к которому философ видит истину.

Как уже было сказано выше, «увещательное послание» ВН — это призыв к Орфею соединить свой песенный дар с общественной полезностью. Однако почему Орфей (да и сам Евгений) должны непременно отправиться в колхоз? Откуда этот колхозно-сельскохозяйственный быт, спроецированный на жизнь ВН и ОМ, людей городских и менее всего связанных с этим бытом? И почему Евгений мечтает пройти «под зябь взметёнными колхозами»? А уж призыв «доглядывать за поросятами» и вовсе может показаться абсурдным.

Примечательно, что ВН сочетает свой социальный протрептик с предложением приобщиться именно к колхозной жизни (а не, скажем, отправиться «на стройки коммунизма»). Между тем определённый жанровый смысл видится и за этим. Рассматривая сочинения Лукреция, Аверинцев замечает, что «топика приглашения к философской жизни (так называемый *lóγος* *πρoτρeπτικός*) и топика похвал сельской жизни имели общий раздел, описываемый формулой *summatranquilitasrerum*» (Аверинцев 2005: 115). Но индустриально-сельская «идиллия» подана ВН в реалистически огрублённом виде и сосредоточена исключительно на общественной пользе. Ни о каких «уладах сельской жизни» речь здесь не идёт.

Нам представляется целесообразным высказать здесь некоторые соображения, касающиеся соотнесения произведения ВН с античностью (и примыкающими к ней ранними христианскими источниками) и могущие прояснить позицию автора данной статьи по этому поводу. Речь идёт не только о связи рассматриваемого стихотворения с жанром протрептика, но и о др. рассматриваемых нами вопросах, решение которых связано с обращением к материалу, хронологически и содержательно удалённому от творчества ВН. Конечно, если бы речь шла о таких поэтах как Вяч. Иванов или И. Анненский (число примеров легко умножить), такое объяснение, скорее всего, не понадобилось бы. ВН не обладал ни глубокой образованностью, ни блестящей эрудицией названных авторов, однако и невеждой, каковым его живописал Г. Иванов, он тоже не был. Не получив систематического образования, он, тем не менее, был человеком начитанным. Кроме того, обращаясь к той или иной теме, он предпринимал некоторые усилия для того, чтобы ознакомиться с материалом хотя бы и по источникам, ле-

жащим на поверхности (справочники, словари, «толстые журналы») — черновики ВН свидетельствуют об этом. Поэтому его сведения о Тимофее и афоризмы из Блаженного Августина, знакомство с сочинением Климента Александрийского и жанром протретики, возможно, через опосредованные источники, не кажется нам таким уж невозможным. Кроме того, в некоторых случаях речь может идти о типологическом соответствии: написать «увещательное» послание возможно и без знакомства с термином *πρότροπικός*. Важной и неслучайной нам представляется концентрация в стихотворении античных реалий, о которых речь пойдёт ниже.

КОМПОЗИЦИЯ

Три повествовательных линии стихотворения — увещание адресата адресантом, конфликт адресата и адресанта с «вылезшими», тема вхождения в новую жизнь — тесно переплетены между собой и представлены, по сути дела, внутри одного лейтмотива — антитезы «нового» и «старого», рассматриваемой как ряд противопоставлений: коллективное (коллективистское)⁶² ↔ индивидуальное (индивидуалистическое), польза ↔ вред, поэзия ↔ проза, технический прогресс ↔ отсталость, (освещение = свет) ↔ (темнота = тьма).

Композицию стихотворения в целом можно рассматривать как трёхчастную кольцевую: первая часть (ст. 1–20) вводит полемическую инвективу *εχάβρυτο*. Переход ко второй части в ст. 21 отмечен обращением «Орфей, мой Тимофей!». Определение границы между второй и третьей частью проблематично, но наиболее вероятным переходом к части 3 представляется ст. 43 («... Ну как Евгению не хмуриться»). «Пространство перехода» от 2-й части к 3-й заключено между двумя графически отмеченными отступлениями/перебивками повествования: между ст. 37 («... Орфей кудлатый на собрании») и ст. 43.

Более подробную картину организации стихотворения даёт рассмотрение монтажа, выраженного через структуру номинации персонажей в линейном развёртывании текста; в особенности

---

⁶² Т.е. коллективизация сельского хозяйства в СССР здесь выступает в качестве метафоры надиндивидуального.

здесь важно отношение личных имён, апеллятивов и личных местоимений:

1. Ты что же камешком бросаешься,
2. Чужая похвала?
3. Иль только **сиплого прозаика**
4. Находишь спрохвала?
5. От **вылезших** и я отнекиваюсь,
6. От **гусеничных морд**.
7. Но и **Евгения Онегина** боюсь:
8. А вдруг **он** — **Nature morte**?

Стихотворение начинается риторическим вопросом, в котором ВН, продолжая некую предшествующую полемику, как бы парирует неизвестный нам упрёк/критику адресата. В первых восьми стихах содержится обращение **я** стихотворения (соответствует нарицательному имени «сиплый прозаик») к **ты** (соответствует нарицательному имени/форме обращения «чужая похвала»); при этом **я** дано как в противопоставлении к **они** («вылезшие»; «гусеничные морды»), так и к **он** (Евгений / Евгений Онегин; naturemorte).

В следующем четверостишии в фокусе повествования сохраняется лирическое **я**:

9. Я под луною глицериновой,
10. Как ртуть, продолговат.
11. Лечебницей, ресничной киноварью⁶³
12. Кивает киловатт.

Эти четыре стиха посвящены описанию атрибутов физического пространства, в котором пребывает «я» стихотворении которое можно рассматривать как указание (хотя и данное в форме сравнения) на место действия — «лечебницу», либо — на сходство с ней: первое указание поддержано в стихотворении далее в связи с мотивом болезни.

13. Здесь все — абстрактно и естественно:
14. Табак и трактор, и

---

⁶³ «Мне дальтонической киноварью» (Нарбут 1983: 229).

15. Орфей веснушчатый⁶⁴ за песнею
16. («Орфей», — ты повтори!).
17. Естественно и то, что ночи он
18. В соломе страшной мнёт,
19. Пока не наградит пощёчиной
20. Её (ту ночь) восход.

Использование в ст. 13 наречия места «здесь» указывает на то идеальное (идеализированное) жизненное пространство, которое видится оппоненту Орфея. Примечательно, что слово «естественно» (ст. 13/ст. 17), повторенное в двух разных контекстах, выполняет роль монтажной склейки, обеспечивающей переход от реалий и событий общественной жизни к жизни частной, к её субъективным переживаниям (ст. 17–20). Так, «естественной» объявляется и личная (не названная прямо и понятная очень ограниченному кругу читателей) драма, вызвавшая столь сильные переживания Орфея.

Отметим в вышеприведённом фрагменте два метатекстовых элемента: ст. 16, «“Орфей”, — ты повтори!», представляет собой метатекстовую реплику, выраженную побудительной конструкцией. Ст. 20 — это авторское пояснение, которое должно помочь читателю (так полагает адресант) избежать ошибки в той сложной реляционной структуре текста, которая здесь выстраивается.

21. Орфей мой, Тимофей! Вязаться
22. Тебе ли с сорняком,
23. Когда и коллективизация
24. Грохочет решетом?
25. Зерно продёргивает сеялка,
26. Под лупу — паспорта!
27. Трава Орфея — тимофеевка
28. Всей пригоршней — в борта!

Далее, два четверостишия (ст. 21–28) содержат прямое обращение к «ты» стихотворения — к Орфею; ему адресованы рито-

---

⁶⁴ У людей с рыжим цветом волос часто бывают веснушки. Свидетельством о том, что у ОМ были веснушки, мы не располагаем, однако, целый ряд мемуаристов (С. Маковский, А. Седых, Ю. Терапиано) упоминает о том, что он был в молодости рыжеволос.

рический вопрос и риторическое утверждение, являющиеся предметом полемики — вовлечённость в полезную коллективную деятельность, понимаемую здесь также и как принятие неизбежных репрессивных мер («Зерно продёргивает сеялка, / Под лупу — паспорта!»).

Начиная со ст. 29 сюжет фокусируется на Евгении, композиция этой части стихотворения отмечена целом рядом «перебивок» (вводных конструкций разных грамматических типов):

29. О, если бы **Евгений** выскочил
30. Из градусника (где
31. Гноится**он**) Сапог-то с кисточкой,
32. Рука-то без ногтей ...
33. О, если бы прошёл **он** поздними —
34. Варёная крупа —
35. Под зябь взметёнными колхозами
36. (**Ступай** себе, ступай!)!..

Здесь ВН использует своеобразную риторическую конструкцию: за обращением к 3-му лицу стихотворения («Евгений»/«он»), стоит авторское «я», авторский голос. Евгений, призывающий Орфея присоединиться к новому коллективному бытию, сам от этого бытия изолирован. Изолированность Евгения выражена в этом фрагменте стихотворения употреблением сослагательного наклонения, указывающим на модальность «желаемой действительности».

Вводная конструкция, выраженная назывным предложением («варёная крупа») и заключённая между двух тире, выступает и в качестве монтажной склейки для ст. 33 и 35, и в качестве метафоры колхозных полей, приготовляемых под зябь (т. е. поздней осенью).

Следующие шесть строк (37–42), графически отмеченные как отступление (отточия в начале и в конце), сосредотачивают повествование на Орфее:

- 37... **Орфей** кудлатый на собрании
38. Про торбу **говорит**,
39. Лучистое соревнование
40. Сечет углы орбит.
41. При всех высиживает курица,
42. Став лампою, яйцо ...

Здесь, как и в предыдущих частях стихотворения, возникает вопрос о соотношении языка и фабулы: описывается ли здесь некое реальное событие (выступление Орфея на собрании) или — что представляется более правдоподобным — речь опять-таки идёт о «желаемой реальности»?

- 43... Ну как **Евгению** не хмуриться
- 44. На этот дрязг, дрянцо?
- 45. Над вёрстами, над полосатыми —
- 46. Спокойный километр.
- 47. **Доглядывай за поросятами,**
- 48. Плодом слонячьих недр!.. —

Ст. 43–48 продолжают тему Евгения, однако в плане линейном с непосредственно предшествующими им стихами они не связаны:⁶⁵ с повествовательной точки зрения ст. 43–48 соотносимы со ст. 29–36; ст. 43–44 («...Ну как Евгению не хмуриться / На этот дрязг, дрянцо?») содержат отсылку к ст. 5–6 и к ст. 22: «прошалаги», «вылезшие» и «сорняки» связаны напрямую с тем, что Евгений называет «дрязг, дрянцо».

Побудительная конструкция в ст. 47–48 («Доглядывай за поросятами, / Плодом слонячьих недр!») содержит параллель ст. 36 («Ступай себе, ступай!»). Т. е.

- 49. Евгений отошёл, сморкается;
- 50. Его сапог — протез.
- 51. В нем — желчь, в нем — печень парагвайца,
- 52. Термометра болезнь!
- 53. (Орфей) — Чего же ты не лечишься?
- 54. (Евгений) — Я в стекле ... —

В следующем фрагменте (ст. 49–54), продолжающем тему Евгения, монтируются сразу несколько обстоятельств биографии ВН: инвалидность («его сапог — протез»), вынужденный отход от дел и изолированность от современности («я в стекле»)⁶⁶,

⁶⁵ В противном случае «дрязг, дрянцо», на которые «хмурится» Евгений, относились бы к метафоре инкубатора, что, исходя из авторской точки зрения, кажется проблематичным.

⁶⁶ Оформленные графически как «театральный» диалог двух действующих лиц ст. 53–54 (здесь установка стихотворения на диалог выражена здесь с макси-

представленные как следствие болезни (а в то время ВН действительно был болен — см.: Комментарий), но также и критическое («желчное») отношение к негативным явлениям современной действительности.

Следующие два стиха возвращают повествование к «греческой» теме, лишь намеченной в начале стихотворения, связывая эту тему с современностью (см.: Комментарий):

55... А мир — высок, он — весок, греческий,

56. А то и — дебелей.

И наконец, в последнем четверостишии автор возвращается к мотиву личного конфликта, т. е. это четверостишие, смыкаясь с первым, образует композиционное кольцо: ср.: *чужая похвала, камешки (камешком бросаешься) // похвала, черепки остракизма (швыряя черепки)*. Автор возвращается здесь к нарицательно-му апеллятиву «похвала», используя риторически-ироническое «**МЫ**».

57. Что ж, похвала, начнём уж сызнава

58. (Себе) плести венки,

59. Другим швыряя остракизма

60. Глухие черепки ...

СТИХ

Стих, выбранный ВН для этого послания, примечателен. Его размер — Я4-3 ДМДМ, графической разбивки на строфы нет, цезура отсутствует. В ст. 5, 7, 9, 11 вместо дактилических окончаний использованы гипердактилические, в ст. 21, 51, 59 — женские. Отсюда — разноударные рифмы в строфах VI (ЖМДМ), XIII и XV (ДМЖМ); в строфе II — сочетание двух гипердактилических окончаний: *отнекиваюсь//Онегина боюсь* (в ст. 5 ударение падает на четвёртый слог от конца, а в ст. 7 — на пятый).

мальной определенностью) подчеркивают противопоставленность болезни физической и «болезни» социальной; ср. высказывание Надежды Мандельштам о тоске ВН по участию в коллективном строительстве: у него «мурашки по спине бегают, так он рвется к большому делу».

Стихотворение содержит несколько составных рифм (*отнекиваюсь // Онегина боюсь, трактор, и // повтори, ночи он // пощёчиной*). Несмотря на то, что архив ВН содержит множество черновых набросков, в которых он упражняется в сложных рифмах, в том числе и составных, в его поэзии предшествующего периода таковые встречаются нечасто; не были они характерны и для акмеизма в целом, их появление можно отнести на счёт усиление влияния футуризма.

Говоря о семантизации стихотворных размеров в поэзии ВН, следует отметить, что в целом поэт избегал, и видимо, вполне сознательно, «узнаваемости» стиха.⁶⁷ Размер рассматриваемого стихотворения хотя и не экзотический, но не относится к образующим обширный и/или устойчивый семантический круг. Среди стихотворений, написанных Я4-3 ДМДМ: З. Гиппиус, «Гроза» (1905), А. Блок, «В октябре» (1906), А. Тиняков, «Последняя любовь» (1910), М. Кузмин, «Находит странное молчание...» (1913), В. Брюсов, «В Тифлисе» (1916), Демьян Бедный, «Вязь» (1920), Федор Сологуб, «Грести устали мы, причалили...» (1921); Ср. также стихотворение Б. Пастернака «Порою ты, опередив...» (1915), написанное Я4-3 МДМД.

ГРАММАТИКА

В стихотворении соотношение именных, адъективных и глагольных форм составляет 66–21–24,⁶⁸ что в целом характерно для поэтики ВН с его установкой на предметность поэтического мира. Среди существительных преобладают конкретные. Абсолютное большинство глаголов и предикатов относятся к конструкциям настоящего времени изъявительного наклонения, что соответствует стилю этого стихотворного послания, обращённому к текущим событиям; кроме них автор использует будущее время (дважды), прошедшее время (один глагол), сослагательное наклонение (дважды), повелительное (четыре глагола, один повторен дважды).

⁶⁷ Ср. мнение М. Гаспарова о феномене Пастернака: «Пастернак боролся против образования семантических ореолов — устойчивых связей между содержанием и стихотворной формой произведения» (Гаспаров 1997: 517).

⁶⁸ Составное глагольное сказуемое «начнём плести» рассматривается нами как одна глагольная форма; два др. инфинитива (вязаться, хмуриться) входят в состав неопределенно-личных сказуемых.

То, что все перечисленные конструкции времени и наклонения находятся в меньшинстве, на самом деле означает их отмеченность на фоне более частотных. Инъюнктивные конструкции в рассматриваемом стихотворении (т. е. такие, которые содержат приказ, побуждение к действию, здесь — к участию в колхозной жизни): первая и вторая — «ступай себе, ступай»; «доглядывай за поросятами» — обращены к авторскому «я», третья — «“Орфей”, — ты повтори» — к Орфею. Использование сослагательного наклонения обращено к Евгению (авторскому «я»), изолированному от настоящей «коллективной» жизни болезнью (то, что мы знаем о другой причине изолированности автора, здесь не отмечается):

29. О, если бы Евгений выскочил
30. Из градусника (где
31. Гноится он)! Сапог-то с кисточкой,
32. Рука-то без ногтей...
33. О, если бы прошел он поздними —
34. Вареная крупа —
35. Под зябь взметенными колхозами
36. (Ступай себе, ступай!)!..

Глагол настоящего времени изъявительного наклонения в форме множественного числа используется только однажды, в составном глагольном сказуемом (ст. 57–58): «Что ж, похвала, **начнём** уж сызнава // (Себе) **плести** венки», обращённом к субъекту высказывания посредством риторического «**мы**», где «**мы**» — это нарицательный заместитель Орфея.

ЛЕКСИКА

В вещах — пафос событий,
а в людях — социальный заряд.
*Осип Мандельштам*⁶⁹

В словаре стихотворения объединены два слоя лексики — а) публицистический лексикон советского времени, в котором наиболее заметны словарные группы, связанные с общественной

---

⁶⁹ «Я пишу сценарий» (Мандельштам 1993–1999 II: 458).

жизнью (паспорт, собрание, соревнование. коллективизация), колхозной и сельскохозяйственной деятельностью (зябь, сеялка, солома, сорняк, табак, тимофеевка, трактор), научно-техническая терминология (глицериновый, дальтонический, чугунный, киноварь, ртуть, стекло, киловатт, километр, недра, орбита, термометр) и б) тема античности (греческий, Евгений, Орфей, остракизм, Тимофей, венок, черепки).

В отличие от других стихотворений ВН количество украинизмов, русско-украинских омонимов, местных слов, просторечий и вульгаризмов относительно невелико (14 из 119 уникальных полнозначных слов в стихотворении): слонячий (укр.), доглядывать (укр. доглядати; тж. обл., устар.), дебелий (укр.; тж. обл., прост.), спрехвала (обл.), прощальга, тж. прощельга (прост. бран.), дрянцо (разг., фам. пренебр., прост., устар.), дрязг (устар.), вязаться, сызнава (разг., прост.), отнекиваться, пригоршня, швырять (разг.), кудлатый (прост.), морда (вульг.).

КОММЕНТАРИЙ

В этом разделе, кроме объяснения «тёмных» мест стихотворения, подтекстов, цитат и пр., мы сочли полезным обратить внимание на соотношение поэтического языка ВН с языком русской поэзии предшествующего или совпадающего с его творчеством времени, используя для этого «Корпус русского языка», а также прочие доступные нам печатные и электронные источники. Сознавая заведомую их неполноту (а в некоторых случаях и сознательно ограничивая число этих источников), мы все же полагаем работу в этом направлении отвечающей задачам изучения поэтики ВН.

1. Ты что же камешком бросаешься,

В этой строке объединены два подтекста а) «кто из вас без греха, первый брось на неё камень» (Иоанн 8, 7)⁷⁰ и б) «бросить камень в чужой огород».⁷¹

⁷⁰ Побивание камнями — предусмотренная законом мера наказания (смертная казнь). У древних иудеев кодифицирована Талмудом; упоминается в Библии Ветхого и Нового Завета.

⁷¹ В разных источниках форма этой поговорки варьируется (Фразеологический словарь русского языка. М., 1987. С. 49.) Данное выражение — калька с франц.

2. Чужая похвала?

В литературных и фольклорных текстах словосочетание «чужая похвала» обычно означает нечто малоценное, не заслуживающее доверия:

Хоцеть убо жена, дабы вси хвалили, любили и почитали; аще ли иную похваляют, то она возненавидитъ і вмѣняетъ в недружбу, и чужую похвалу в студѣвълагаетъ⁷².

Чужая похвала жене часовая, а мужнина вековая⁷³.

(...) по пословице «велика растёт чужая земля своей похвальбой, а наша крепка станет своею хайкою»⁷⁴.

Наиболее близким к полемическому контексту ст-ния представляется толкование «чужой похвалы», которое мы находим в сочинении Архимандрита Сильвестра (Лебединского, 1754–1808), представляющее, в свою очередь, цитату из Блаженного Августина: «Не очень, — говорит Августин, — должны мы радоваться, когда нас хвалят, ни печалиться, когда нас ругают; поелику ни поношение нас повредить, ни чужая похвала нас увенчать не может» (Архимандрит Сильвестр 1799: 441). Сильвестр приводит цитату/перифраз слов Блаженного Августина: «Necvaldegauderedebemus, quandolaudamur; neccontristari, quandovituperamur. Neccoronarenospotestlaus falsa, necdamnarevituperatio falsa» (Sanctus Augustinus 1713: 52). Однако в целом ряде случаев цитирующие этот афоризм Августина используют конструкцию *lausaliena* (см. например: Venezia 1760: 534; Raschdorff 1732; 431). Не входя в вопросы, связанные с текстологией Августина, отметим, что использование в одном и том же контексте «чужой похвалы» (*lausaliena*) и «ложной похвалы» (*lausfalsa*) в качестве синонимов представляется интересным, поскольку в рассматриваемом стихотворении эти понятия также сближены: здесь чужая похвала есть похвала ложная. Добавим также, что перевод-пересказ этого афоризма на русский язык часто цитировался в изданиях «назидательного чтения» и в XX веке.

Ещё один из возможных подтекстов «чужой похвалы» связан с 1-м Посланием к коринфянам. В Послании Павел сообщает о на-

---

Jeter des pierres dans le jardin de quelqu'un; ср. также немецк. *Steine in den Gartenwerfen* (Михельсон 1994: 562). См. также: Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 19.

⁷² Костомаров, Кушелев, Безбородко 1860: 462.

⁷³ Снегирев 1848: 460.

⁷⁴ Лесков 1957: 570.

мерении вновь посетить Коринф; здесь же упомянут Тимофей⁷⁵, который должен предупредить апостола: «(...) я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына» (1 Кор. 4: 19). В этой же главе мы читаем:

Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне — Господь. Посему не судите никак прежде времени, пока не придёт Господь, который и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога. (1 Кор. 4: 3–5.)⁷⁶

У ОМ «похвала» связана с дружбой, атрибутами которой являются искренность и честность:

Есть между нами похвала без лести
И дружба есть в упор, без фарисейства —
Почтимся ж серьезности и чести
На западе у чуждого семейства.
(...)
Чужая речь мне будет оболочкой(...) ⁷⁷.

3. Иль только сиплого прозаика

О «сиплом прозаике» см. выше в разделе «Орфей, Евгений и я».

4. Находишь спрехвала?

Чужая похвала... Находишь спрехвала? Спрехвала, нареч. (обл.). Кое-как, с прохладцем, без большого усердия (Ушаков

⁷⁵ Тимофей Эфесский — апостол от семидесяти, ученик апостола Павла и его адресат (первое послание и второе из Нового Завета); первый епископ города Эфеса. Согласно существующему преданию, Тимофей принял мученическую смерть от язычников. Кроме посланий к Коринфянам, к Тимофею обращены два новозаветных послания апостола Павла (1-е послание к Тимофею, 2-е послание к Тимофею) и ряд др.

⁷⁶ Этот фрагмент из 1-го послания Коринфянам в одном из своих сочинений цитирует Августин: «Tunc autem illuminabit Dominus abscondita tenebrarum et manifestabit cogitationes cordis, et tunc clausura tunicae a Deo» (ad 1 Cor. 4, 5) (Sanctus Augustinus 1861: 149–150). Ср.: «Ибо мы, смертные, не знаем сердца смертных, тогда же осветит Господь скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения: и каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. IV, 5)» (Блаженный Августин 2000: 73).

⁷⁷ «К немецкой речи» («Себя губя, себе противореча ...») (Мандельштам 2020 I: 155–156).

1935–1940 IV: 453)⁷⁸. ВН здесь цитирует рифму из поговорки «похвала спрохвала»; поговорка означает «не торопись хвалиться, хвастать» (Даль 1998 III: 953).

9. Я под луною глицериновой,
10. Как ртуть, продолговат.
11. Лечебницей, ресничной киноварью
12. Кивает киловатт.

В этом четверостишии взаимодействуют два семантических слоя. Первый выстроен вокруг слова «лампа» («лампочка»): как источник света она сравнивается с луной; по основаниям «материал», «форма» — с термометром: электрические лампы 1920–1930 гг. отличались от привычных нам; их колба имела продолговатую форму, внутри находился длинный стеклянный стержень, который поддерживал нити накаливания.

Вышеприведённый словесный ряд дополняют эпитет «глицериновый» («глицериновая луна»), описывающий цвет с отсылкой к материалу (глицерин — вязкая бесцветная жидкость) и метонимическое наименование лампы («киловатт»⁷⁹). Тонкая спираль нити накаливания нагревается докрасна («киноварь» — красная минеральная краска) и «дрожит» («кивает») в лампе; глагол «кивает» можно рассматривать здесь как паронимическую производную от «мигает», т. е., речь идет о мигающей электрической лампочке, чей свет ассоциируется с миганием ресниц. Мотив электрического освещения, кроме рассматриваемых строк, появляется и позже в ст. 39–42:

39. Лучистое соревнование
40. Сечет углы орбит.
41. При всех высиживает курица,
42. Став лампою, яйцо ...

Второй смысловой фокус связан с упоминанием о «болезни» Евгения; ключевым здесь является слово «лечебница»⁸⁰, заставляющее нас переосмыслить и ст. 9–10 как к ней же (лечебнице) относящее-

---

⁷⁸ Ушаков 1935–1940 IV: 453.

⁷⁹ См. также комментарий к ст. 45–46.

⁸⁰ «Лечебница» может означать здесь объект сравнение, выраженное формой творительного падежа, либо обозначать место действия стихотворения.

ся. Упоминание ртути в термометре перекликается с уже упомянутой киноварью, которая по своему составу является сернистой ртутью⁸¹. К этому же смысловому фокусу относятся и следующие строки:

29. О, если бы Евгений выскочил
30. Из градусника (где
31. Гноится он)!

[О Евгении]
50. В нем — желчь, в нем — печень парагвайца,
51. Термометра болезнь!

под луною ... Как ртуть ... Сравнение цвета (света) луны со ртутью часто встречается в русской поэзии начала XX века, в частности у таких важных для ВН поэтов как Бунин и Брюсов.

По небесам, в туманной мути,
Сияя, **лунный** лик нырял
И серебристым блеском **ртути**
Слюду по насту озарял⁸².

Вот на мгновенье расступился
Зловещий мрак, и, точно **ртуть**,
По гребням волн засеребрился
Дрожащий отблеск — **лунный** путь⁸³.

Луна плывёт и льёт живую **ртуть**
На сонную, безмольвную окрестность⁸⁴.

Мне все сказалось, в играх **лунной ртути**;
За смысл миров, — того, что есть в минуте,
Я не отдам⁸⁵.

---

⁸¹ Идёт ли здесь речь о простом совпадении или ВН, интересовавшийся в те годы естественными науками, сознательно выстроил такую семантическую связь, нам представляется не столь уж существенным, поскольку «генетика» подтекста здесь нами не рассматривается.

⁸² «Сапсан» (Бунин 2014 I: 289).

⁸³ «Перед бурей» (Бунин 2014 I: 261).

⁸⁴ «Бессонница». (Брюсов 1973 II: 14).

⁸⁵ «КА - - /» (Брюсов 1973 III: 86).

Заметим однако, что ВН разрушает устойчивую связь этих двух сравниваемых понятий, заменив непосредственную их соотнесенность внутри данного клише более зыбкой ассоциацией. Приём, описанный здесь, использован и в следующем стихе.

... *ресничной киноварью*... Прилагательное «ресничный» встречается у ВН в качестве метафорического эпитета:

Жаберник⁸⁶ с **ресничной** бахромой,
Ржавой солью выгрызенный глаз...⁸⁷

Но тут не млин, где сквозь кругляк гусиный
Лоснящемуся не продраться просу,
Где **копотью ресничной** керосина
По липкому осело купоросу [...]⁸⁸.

Ср. у ОМ:

Я запачкал руки в саже,
На моих **ресницах копоть**,
Создаю свои миражи
И мешаю всем работать⁸⁹.

Заметим, что прилагательное «ресничный» в русском поэтическом языке встречается, главным образом, в первой трети XX века и, обычно, семантически связано с понятиями «глаза», «взгляд»; нередко «ресничный» оказывается метонимически связанным с этими понятиями. В этом значении эпитет «ресничный» мы встречаем в поэзии М. Цветаевой 1920-х годов («Грудь Ваша благоуханна...», «Из цикла 'Георгий'» («Из облаков кивающие перья...», «Ресницы, ресницы...»), «Что, Муза моя! Жива ли еще...»)⁹⁰.

Ср. другие примеры, использования прилагательного «ресничный» у Н. Клюева («Мать-Суббота»⁹¹), ОМ («Как соловей, сиротствующий, славит...» (Из Петрарки)⁹²) и некоторых других

⁸⁶ Жаберник — здесь: жабры, покрытые рядами тонких жаберных лепестков. Ср. у Даля: «Жаберник, (...) животное с жабрами» (Даль 1998 I: 1306).

⁸⁷ «Уха» («Локоном задумался дымок...») (Новый мир. 1922. № 1. Стб. 11).

⁸⁸ «Самое» («Не от того ли, жабры раздувая...») (Нарбут 1990: 239).

⁸⁹ «Песенка» («У меня не много денег...») (Мандельштам 2020 I: 257).

⁹⁰ Цветаева 1994: 23, 35, 40, 255.

⁹¹ «Мать-Суббота» («Ангел простых человеческих дел...») (Клюев 1999: 648).

⁹² «Как соловей, сиротствующий, славит...» (Из Петрарки) (Мандельштам 2020 I: 165).

поэтов-модернистов (футуристов, имажинистов, эгофутуристов, экспрессионистов)⁹³; даже в сравнении с ними нарбутовский троп выглядит достаточно радикально, что позволяет говорить о «полевении» поэтического языка ВН. При этом отличие нарбутовской поэтики здесь состоит в том, что как в ст. 11 рассматриваемого стихотворения, так и в двух других случаях использования прилагательного «ресничный», прямой связи с семантикой слов «глаза» / «взгляд» нет.

Мне дальтонической киноварью... [Вариант ст. 11 (Нарбут 1983)]. *Дальтонизм* — цветовая слепота, неспособность глаза различать некоторые цвета; особенно часто страдающие дальтонизмом не способны видеть цвета красного спектра. В сочетании с киноварью, т. е. ярко-красный цветом, в своём непосредственном значении представляет собой оксюморон, понимать который, вероятно, следует так: свет очень яркой лампы слепит по потери способности видеть что-либо, кроме ярко-красного пятна. Учитывая «болезнь» Евгения (т. е. малярию, об этом см. выше), можно предположить, что речь идёт и о расстройствах зрения, которые встречаются у больных малярией, принимающих хинин: «(...) необходимо отметить побочное влияние [хинина] на зрительный и слуховой аппараты, а именно, (...) ослабление зрения до абсолютной слепоты (которая в большинстве случаев скоро проходит), ограничение поля зрения и расстройство цветоощущения» (ЭСБЕ XXXVII: 277).

Киноварь — ярко-красная краска естественного происхождения, употреблялась в иконописи и в рукописных и старопечатных книгах для инициалов, заголовков (т. н. красной строки); это одна из «геральдических красок», символ храбрости, мужества, пролитой крови. Киноварные графические элементы были использованы для оформления первого издания книги ВН «Аллилуиа». Слово «киноварь» принадлежит к числу отмеченных в поэзии ВН (см. стихотворения «Вереск», «Закат», «Осенняя сказка», «В эти дни», «Жизнь моя, как летопись, загублена...»)⁹⁴.

⁹³ «Я жрец я разленился...» (Кручёных 2001: 74); «Принцип обратной темы» («Это лужицы светятся нежно...») (Шершеневич 2000: 127); «Эгофутурист: "Иду я, голову озонтив..."» (Благов 1974: 84–85). «Бунт экспрессиониста» (Соколов 1919: 13);

⁹⁴ «Вереск» («Как дым, распростёртый на тонких руках...») (Нарбут 1910: 124); «Закат» («Будто глаз, налитый кровью...») (Студенческая жизнь. 1910. № 41. 12 дек: 6); «Осенняя сказка» («Бродила по лесу, срывая кап-

Кивает киловатт... Киловатт — единица измерения рабочей силы (мощности) электрического тока, одна из единиц метрической системы измерений⁹⁵. К 1927 г. основные мероприятия, направленные на введения метрической системы были завершены, однако параллельное использование старой и новой системы ещё продолжалось некоторое время. В народной среде смена традиционных русских мер длины и веса ещё долгое время ассоциировались с новой властью и «новым» временем.⁹⁶

В русский поэтический язык слово «киловатт» входит примерно с середины 1920-х гг., вначале появившись в творчестве футуристов (Владимир Маяковский, Сергей Третьяков), а с начала 1930-х и у других советских поэтов.

А там, / где взвит / этажей коробо́к /
и жгут / миллион киловатт⁹⁷.

Ср. стихотворение «Мечты о “Фиате”», присланное в «Новый Леф» начинающим литератором Л. Томашпольским, автор которого пытается подражать Маяковскому:

Миллионами киловатт
Засверкаю сам, как «фиат»⁹⁸.

Год девятый —
Горы долбим.

ли...») (Gaudeamus. 1911. №4: 2); «В эти дни» («Дворянской кровию отяжелев...») (Нарбут 1921: 31); «Жизнь моя, как летопись, загублена...» (Нарбут 1922: 21).

⁹⁵ Метрическая система — общее название международной десятичной системы единиц, основанной на использовании метра и килограмма. Метрическая система была допущена к применению в России (в необязательном порядке) законом от 4 июня 1899 года и введена в качестве обязательной декретом СНК РСФСР от 11 сентября 1918 года («О введении международной метрической десятичной системы мер и весов»), а для СССР — постановлением СНК СССР от 21 июля 1925 года (Шухардин, Ламан, Федоров 1979: 370). Ввиду невозможности осуществить введения новой системы к установленным срокам, была назначена новая дата — 1 января 1927 г. (Каменцева, Устюгов 1975: 284, 287).

⁹⁶ См. также комментарий к ст. 45–46: «Над верстами, над полосатыми — // Спокойный километр».

⁹⁷ «Свидетельствую» (Маяковский 1955–1961 VII: 60).

⁹⁸ «Стихи с примечаниями» (Маяковский 1955–1961 XII: 172).

Бегут киловатты
Советских турбин⁹⁹.

Хлопок по Турксибу везёт паровоз;
под Витебском вызрел короткий овёс;
турбины гордятся числом киловатт¹⁰⁰.

Где чудо-электротурбины
Дают — неслыханный захват —
Миллиарды сило-киловатт¹⁰¹.

13. Здесь все — абстрактно и естественно:

14. Табак и трактор, и

15. Орфей веснушчатый за песнею

В ст. 13 ВН парадоксальным образом объединяет в одну две позиции: «абстрактно — конкретно» и «естественно — искусственно». В идеологическом конгломерате, который в советское время именовался «марксистско-ленинской философией» и который был весьма далёк от философии Маркса, понятие «абстрактный» истолковывалось, главным образом, негативно, как нечто оторванное от реальной жизни, чуждое «чаяниям трудящихся». Такая трактовка использовалась советской идеологией всюду — от партийных дискуссий¹⁰² до литературной критики¹⁰³. Между тем определение этого понятия, достаточно сложного и неоднозначного, представляет собой своего рода философский «ящик Пандоры»; можно лишь с некоторой долей уверенности утверждать, что определение приобретает большую интеллигентность внутри дихото-

⁹⁹ Третьяков Сергей. «Советская десятилетская» («10 лет — / уходи / беда!...»). Новый Леф. 1927. № 10: 5–6.

¹⁰⁰ «Баллада о числах» («Хлопок по Турксибу везет паровоз...») (Смеяков 1979: 59).

¹⁰¹ Бедный Д. Пороги «Сегодня — день от всех отличный...» // Бедный Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1965. С. 231.

¹⁰² Выступая на X съезде РКБ (б) по национальному вопросу И. Сталин отверг обвинения Затонского в том, что его (Сталина) тезисы «носят абстрактный характер». (Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. Заключительное слово. 10 марта; цит. по: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-1.html>).

¹⁰³ «Пьеса “Пао-пао” чрезвычайно абстрактна. Абстрактной схематичностью, внеисторичностью дышит вся критика капитализма, которую даёт Сельвинский в новом своём произведении» (Кирпотин, Субоцкий 1933: 33).

мии «абстрактное — конкретное». Так, Маркс, опираясь на диалектику Гегеля (и, в то же время, критикуя её), описывает мышление как единство движения от абстрактного к конкретному:

Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления¹⁰⁴.

Обратившись к первому изданию «Большой советской энциклопедии», мы найдём здесь определение этой дихотомии, несколько более упрощённое, но достаточно близкое к ее пониманию ВН:

Абстрактный (...), отвлечённый, полученный путём процесса *абстракции* («процесс, с помощью которого мышление отвлекается от массы конкретных признаков предметов внешнего мира, в результате чего и создаются, т. н. абстрактные или общие, отвлечённые понятия») и поэтому лишённый индивидуальных признаков, характеризующих отдельные ко н к р е т н ы е явления и предметы (БСЭ: 1926: 57).

Именно «абстрактность» объединяет использованный здесь ВН вербальный ряд (табак, трактор, поющий Орфей), связь между которыми усилена сочетанием квантора всеобщности («всё») с указательным местоименным наречием «здесь» (см. выше). Подбор примеров характерен: во-первых, это «трактор», символ становления советского строя в 1920–1930-е гг.,¹⁰⁵ шибболет новой жизни, обычно противопоставляемый старой, дореволюционной: «Пахали сохой — запашем трактором»¹⁰⁶; поющий Орфей

¹⁰⁴ Маркс 1958: 727.

¹⁰⁵ Начало 1930-х гг. — время строительства и ввода в строй крупнейших советских тракторных заводов — Харьковского, Сталинградского и Челябинского.

¹⁰⁶ «Пахали сохой — запашем трактором» («Раскрасневшись, будто рак ... »): (Главполитпросвет. 1921. №43) (Маяковский 1955–1961 III: 326).

(«Орфей за песнею») — эллиптическая конструкция (твор. п. + за) с метафорическим непространственным значением «быть занятым/делать что-либо», семантически близкая безглагольному словосочетанию «за работой» или глагольному «идти за плугом». Кроме того, табак в 1920–1930-е гг. был для советской экономики одной из стратегических сельхозкультур, выращивание табака считалось «политической» проблемой¹⁰⁷.

Кроме выращивания для изготовления табачных изделий, табак традиционно применялся для фумигации (окуривания) — в качестве средства борьбы с насекомыми-вредителями использовались сухой табак или табачные шашки; как сообщает Плиний Старший, одним из первых авторов, писавшим о пользе окуривания, был Орфей¹⁰⁸.

Что же касается второй части рассматриваемой характеристики «абстрактно — естественно», то её в самом общем плане можно понимать как указание на естественность единого присутствия материального и духовного, нового и освящённого культурной традицией; при этом названное единство, разумеется, санкционируется государством.

Мысль о приоритете государственного/общественного над индивидуальным, о детерминированности личного историческим процессом, как представляется, была близка ВН в это время:

Государственной пропаганде я поддавалась очень туго, но все же и мне успели внушить дикарские правовые идеи. А Нарбут, например, оказался ещё более восприимчивым учеником нового права. С его точки зрения, нельзя было не сослать О. М.: «Должно же государство защищаться? Что ж будет иначе — ты пойми». (...) Я не возражала. (Надежда Мандельштам 2014 I: 89).

Кроме того, «естественность» того мира, о котором идёт здесь речь, нового советского мира-мифа, содержит отсылку к руссоистским представлениям о естественном состоянии человечества, в котором отсутствуют частная собственность и неравенство; возвращение (а точнее, устремление) именно к такому общественному устройству было объявлено целью коммунистического строительства.

---

¹⁰⁷ «А. Микоян, выступая в 1931 году на одном из пленумов ЦК ВКП (б), открыто заявил то, что табачный кризис принял политический характер» (Моисеев 2022: 118).

¹⁰⁸ «Orpheus et Hesiodusuffitionescommendavere» («Орфей и Гесиод рекомендовали окуривания»). С. Plini Secundi 1906: 120.

19. Пока не наградит пощёчиной

20. Ее (ту ночь) восход.

25. Зерно продергивает сеялка,

26. Под лупу — паспорта!

27. Трава Орфея — тимофеевка

28. Всей пригоршнею — в борта!

Основной комментарий к ст. 25–28 см. выше.

Описание *сеялки*, скорее всего, почерпнуто ВН из словаря Брокгауза и Ефрона, — издания, которым он пользовался для справок; во всяком случае, несмотря на метафорический подтекст, его отличает техническая точность:

Из ручных чаще употребляются тачечные сеялки, в которых **семена протираются особым щеточным снарядом в сделанные в ящике отверстия**, число которых и величину можно регулировать, отчего регулируется и количество высеваемых семян и устанавливается, следовательно, желаемая густота посева. **Более пригодны они для посева мелких круглых семян, напр. клевера, мака, тимофеевки.** (...). Всякая конная **сеяльная машина состоит из ящика, в который насыпаются семена**, и приспособления для ее передвижения. Из ящика с помощью особого прибора семена проводятся к почве, причем они предварительно или рассыпаются по поверхности особой доски — распределителя (ЭСБЕ XXXII: 328).

Зерно продергивает сеялка... «Продернуть» в переносном значении со стилистической пометкой «просторечное, фамильярное» определяется словарем Ушакова как «раскритиковать, дать резко отрицательный отзыв» о ком или о чём-нибудь (Ушаков 1935–1940 III: 920). Наиболее характерным примером употребления глагола «продернуть» можно назвать словосочетания типа «продернуть в прессе». Ср. также толкование, приведенное во фразеологическом словаре М. Михельсона, очень близкое к нарбутовской метафоре: «Продернуть (иноск.) отделить кого-в назидание, как продергивают рассаду, чтоб прополоть, отчистить от сорной травы» (Михельсон 1994: 133). Появившись впервые в художественной литературе и публицистике 1860-х гг. (А. Писемский, Ф. Достоевский, А. Шеллер-Михайлов), это слово оставалось весьма популярным в советское время, приобретая, пожалуй, даже более широкую популярность. В. Ленин в своём письме к В. Карпинскому (1917) употребляет это слово в кавычках:

«Здорово Вы меня “продернули” за Николая II, а?»¹⁰⁹, но уже чуть позднее его употребление становится обыденным:

Дорогие товарищи, просим продернуть нашего директора Василия Новикова, который хоть сам с рабочей семьи, но показал себя как царский директор¹¹⁰.

Заявив милиции о пропаже стекляшки, прошу кроме того уважаемый печатный орган продернуть лиц, тормозящих науку и прущих из-под носа научные стекляшки¹¹¹.

29. О, если бы Евгений выскочил

30. Из градусника (где

31. Гноится он!) Сапог-то с кисточкой

32. Рука-то без ногтей...

Мы уже упоминали выше, что ст. 29–31 содержат намек на ряд заболеваний, перенесенных ВН в 1920–1930-е гг. а ст. 31–32 представляют собой аллюзии, относящиеся к более раннему периоду его биографии: об этом см. ниже в комментарии к ст. 49–52.

Сапог-то с кисточкой (ср. ст. 49–50: «Евгений отошёл, сморкается; // Его сапог — протез»). ВН хромал после перенесённой им операции; по воспоминаниям его сына, Романа Нарбута, «В 18-летнем возрасте ему вырезали пятку (правая нога)». Сам ВН упомянул об этом в автобиографии: «Мобилизации (речь идёт о начале Первой мировой войны. — В. Б.), по инвалидности (ещё будучи в гимназии, осенью 1905 г., я сильно повредил себе ногу и стал хром), я избежал»¹¹². Отвечая на вопросы анкеты, присланной ему С. Венгеровым, ВН писал: «Замечательными событиями в моей жизни считаю: а) болезнь 1905–1906 гг., после которой последовала коренная ломка мира духовного»¹¹³.

Вариант: *Он вытянут) ботфорты с кисточкой* (Нарбут 1983). Отсылка к идиоме «наше вам с кисточкой». «Ботфорты с кисточ-

¹⁰⁹ Письмо В. Карпинскому (между 10 и 22 января 1917 г.) (Ленин 1970).

¹¹⁰ Киршон 1933: 71.

¹¹¹ Зошенко 1981: 29.

¹¹² Автобиография Нарбута В. И. 13 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. Л. 4: 2–3.

¹¹³ Письмо Венгеру Семёну Афанасьевичу с ответом па анкету К. Б. С. [«Критико-биографический словарь русских писателей и учёных», составленный С. А. Венгеровым] 1913 г., мая 12 (Архив С. А. Венгерова) // ИРАИ. Ф. 377. Оп. 7 №2532, 3 л.).

кой» — деталь, относящаяся к пушкинской эпохе, когда такую обувь носили либо военные, либо путешественники.

Рука-то без ногтей... Как уже говорилось в первой части этой статьи, во время празднования нового 1918 года на имение жены ВН было совершено бандитское нападение. ВН писал об этом событии Зенкевичу: «Живу я в настоящее время в Воронеже — и уже около года (...). Ничего особенного со мной не было, — кроме того, что я в январе прошлого года, вследствие несчастного случая (описывать его — крайне тяжело мне), потерял кисть левой руки¹¹⁴ и, главное, младшего брата... Потеря руки сперва была очень неприятна, но потом я освоился и — уже не так неудобно, как прежде»¹¹⁵. После ампутации ВН носил протез в перчатке.

О хромоте ВН и его протезе кисти руки «ходило множество непроверенных слухов»¹¹⁶, согласно большинству которых инвалидность ВН — следствие ранения, полученного на фронтах Гражданской войны¹¹⁷.

Хромота и потеря кисти левой руки мифологизируются в поэзии ВН, получая целый ряд различных автобиографических толкований: «Ну, скажи: не знаешь, почему // Мне рука вторая не отрублена?»; «Шевелит отрубленную кистью, — // червяками робкими пятью» («Совесь»); «Твоя раздробленная голень // На каждом чудится шагу!» («Как быстро высыхают крыши...»); «Хромая, по пятам твоим плетусь, // О, Иоганн, предтеча Иисуса» («Большевик»); «(...) встану и, хромая, // Межой поковыляю» («Александра Павловна») и ряд других. Кроме того, строка «Рука-то без ногтей...» и протез руки, затянутый в перчатку, содержит аллюзию на фольклорную загадку: «На моей руке пять пальцев; // каждый палец без ногтей, // я встречал такие пальцы // и у маленьких детей» (отгадка — «Перчатка») (Рыбникова 1932: 306).

33. О если бы прошёл он поздними —

34. Варёная крупа —

35. Под зябь взметёнными колхозами

36. (Ступай себе, ступай!)

О если бы прошёл он поздними — [...] Под зябь взметёнными колхозами... Сослагательное наклонение, в целом характерное для

¹¹⁴ Руку ВН пришлось ампутировать из-за ранения и начавшейся гангрены.

¹¹⁵ Из письма к Зенкевичу, январь 1919 г. (Нарбут — Зенкевич 2000: 257).

¹¹⁶ Катаев 1999: 110.

¹¹⁷ Беспрозванный 2005: 194–199.

модальности отношения Евгения к реальности, как это часто бывает у ВН, соотносится с определёнными биографическими обстоятельствами: в начале 1930-х гг. ВН обращается к Ф. Панфёрову, бывшему с 1931 г. главным редактором журнала «Октябрь» (а до этого — с 1924 по 1931 г. — редактировавшему «Крестьянский журнал»): «Нельзя ли так устроить, чтобы я и Мандельштам смогли бы побывать в одном из совхозов (предпочтительно — животноводческий, технических культур и т. п.)? Примерный срок — декады две... Если это возможно, посодействуйте» (РГАЛИ. Ф. 1128. Оп. 2. Ед. хр. 228; крайние даты написания письма — 1932–1934 гг.).

Ключевое слово, организующее смысл ст. 33–35 — *зябь* («поле, вспаханное с осени для посева яровых» (Ожегов 1983: 211) т. е. для весеннего сева растений, не выносящих зимних холодов. Этимология слова обычно связывается с др.-рус. «зябнути» — «произрастать (о семени или зерне) и/или с позднейшим «зябнуть» (от «зяблый»), т. е. «мерзнуть, замерзать» («зябь буквально «замерзающая пашня»)¹¹⁸. Характерно, что в качестве примера к слову «зябь» в словаре Ожегова приводится словосочетание «взмёт зяби» (ср. «под зябь взметёнными колхозами») (Ожегов 1983: 73). *Взмёт* как сельскохозяйственный термин означает «первую вспашку парового поля или целины» (Ушаков 1935–1940 I: 280)¹¹⁹.

Кроме технического значения, глагол «взметать» как архаизм становится приметой советского «высокого» стиля: И. Ильф и Е. Петров поместили этот глагол в составленное их героем «незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений. од и тропарей»: «Пускай индустрии огней // Тrepещет злобный враг. // Железный конь несёт вперёд // Истoрия скок взметать»¹²⁰.

¹¹⁸ Шанский — Боброва 2002: 101; ср.: Черных 1999 I: 332.

¹¹⁹ Более содержательное определение этого термина, дающее представление о пользе взмёта, содержится в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Взмёт — первая вспашка более или менее задерновой почвы (целины, залежи, пару, клеверного поля) или жнивья из-под различных хлебов, причём, кроме разрыхления почвы, имеется ещё в виду, главным образом, дать надлежащее покрытие землёй остаткам растительных веществ, отчасти заключающимся в почве, преимущественно же находящимся на ее поверхности, чтобы этим ускорить их разложение и тем доставить удобрение почве» (ЭСБЕ VI: 173).

¹²⁰ Ильф, Петров 1996: 249 (впервые опубл. в 1931 г.).

Вареная крупа... «Крупа» в переносном значении — «снег в виде мелких, шарообразных зёрен» (Ушаков 1935–1940 I: 1531). Ср. у Даля: «мелкий град, нечто среднее между снегом и градом», «на дворе крупит, крупа идёт»; здесь же — возможный источник рассматриваемого словосочетания: «варёная крупа назыв<ает>ся кашей» (Даль 1998 II: 517–518)¹²¹. Именно переносное значение этого словосочетания содержится в произведениях как самого ВН, так и у поэтов — его современников:

Мороз крупной лежит по водоемам¹²².

Утром нанесло было снежных круп [...]¹²³.

Мелко исписанный снежной крупной,
Двор, — ты как приговор к ссылке [...]¹²⁴.

Глянул — и ужас объял его: поляна
Белая, и лес, крупа снежит [...]¹²⁵.

День лишь прошёл с Покрова, — забелела дорога и поле
Снегом, он в липкую грязь лег, как сухая крупа [...]¹²⁶.

Не снежок, а так — крупа,
манная каша¹²⁷.

37. ... Орфей кудлатый на собрании

38. Про торбу говорит,

Кудлатый (рус. прост., укр.) — всклокоченный. Этот эпитет мы встречаем у ВН в стихотворении «Яблоками небо завалило ...» (в сочетании с «прощальга» из варианта ст. 5):

¹²¹ Для творческого процесса ВН в целом характерен поиск словесных ассоциаций в словарях и энциклопедиях, прежде всего в словаре Даля. Черновики ВН содержат выписки такого рода.

¹²² «Зимняя вила» («Мистраль качает ставни. Целый день ...») (Бунин 2014 I: 277).

¹²³ *Горянский В.* На дворе («Васютка на заднем дворе играл ...») // Поэты «Сатирикона». М.; Л., 1966. С. 157.

¹²⁴ «Посвящение» («Мелко исписанный снежной крупной ...») (Пастернак 1965: 74).

¹²⁵ «Святой Серафим» («У ступеней Божьего престола ...») (Волошин 2004: 117).

¹²⁶ *Радимов.* Первозимок («День лишь прошёл с Покрова ...») // Избранные стихи / [Предисл. и сост. П. И. Железнова]. М.: Худож. лит., 1988. С. 57.

¹²⁷ «Ещё о снеге» («Не снежок, а так — крупа ...») (Петров 2008: 122).

Не кудлатый ли и низколобый
прощальга клянчит у окна¹²⁸?

Характерно, что этот же эпитет довольно часто встречается в поэзии Э. Багрицкого¹²⁹, в частности он использует его в стихотворных портретах Пушкина и Блока:

Когда в крылатке, смуглый и кудлатый,
Он легкой тенью двигался вдали,
Бульжник лег и плотью ноздреватой
Встал известняк в прославленной пыли¹³⁰.

И ты проходишь в сумраке сыром,
Покачивая головой кудлатой [...] ¹³¹

Торба (тюрк.) — украинизм, вошедший и в русский язык в качестве диалектного /просторечного слова. Одно из значений, актуальных для данного случая — «мешок, котомка, сумка, обычно у нищего, у странника» (Гринченко 1909: 275). Слово встречается в произведениях авторов, использующих украинизмы: в частности, у В. Нарезного, И. Котляревского¹³², повлиявших на литературную стратегию и поэтический язык ВН еще в период создания книги «Аллилуиа». У самого ВН слово «торба» мы встречаем в одном из рукописных вариантов стихотворения «Бродяга», единственном, содержащем элемент автометаописания:

Я на него похож: бурсак, бродяга
(грохочет в **торбе** гирия-просфора)¹³³.

---

¹²⁸ Нарбут 1922: 7.

¹²⁹ Общеизвестно, с каким вниманием и интересом ВН относился к творчеству Багрицкого, с которым он был в родственных и близких дружеских отношениях.

¹³⁰ «Пушкин» (Багрицкий 1964: 294).

¹³¹ «Александры Блоку» («От славословий ангельского сброда ...») (Багрицкий 1964: 266).

¹³² Цитату из «Енеїди» Котляревского («Вин [так у ВН, должно быть він. — В. Б.], взявши торбу, тягу дав»). ВН использовал в качестве эпиграфа к стихотворению «Шахтер» (Нарбут 1912: [без номера стр.]..)

¹³³ Нарбут 1990: 166.

Тема странствия — одна из ключевых в цикле *Большевик*, в котором авторметаописательный элемент повествования пересекается с цитатным слоем из ОМ¹³⁴.

«Мария», — женщине мужчина, — «жар
Долит, и в **торбе** сохнет хлеб и лук».
Большевик (1. «Мне хочется о Вас, о Вас, о Вас...») ¹³⁵.

В творчестве самого ОМ слово «торба» встречается как элемент построения сложных спиритуальных метафор; в первом случае, он использует часть идиомы, во втором — библейскую аллюзию:

(...) глаз — орган, обладающий акустикой, наращивающий ценность образа, помножающий свои достижения на чувственные обиды, с которыми он нянчится, как с писаной торбой («Путешествие в Армению», 1931–1932)

Антиномичность дантовского «опыта» заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом. Пример извлекается из патриаршей торбы древнего сознания с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минет надобность. («Разговор о Данте», 1933)

Торба как украинизм, основное значение — «дорожный мешок», также встречается в более узком значении — «котомка», «сума нищего и/или странника»:

Довів го до жебрацької торби. Доробився до жебрацької торби¹³⁶.

Я бросил нищенскую торбу с презрением на землю и вышел за церковную ограду¹³⁷.

Оделся нищим, почитай как теперь повесил на шею торбу, всунул засапожник за онучу, да и побрел себе по дороге к посаду, не проедет ли кто¹³⁸?

¹³⁴ См. об этом: Беспрозванный 2013: 133–187.

¹³⁵ Нарбут. 1921: 23.

¹³⁶ Пазяк 1991: 212.

¹³⁷ «Бурсак» (Нарежный 1983: 98).

¹³⁸ «Князь Серебряный» (Толстой 1969: 336).

Обещанье, любовь, честный брак — все как нищему в торбу кинул¹³⁹.

Потрапити в торбу. Мати великінеприємності; потрапити в безвизиднуситуацію; кінець, поганісправи; кепсько, якнайгірше, безвихідь.

Широко распространённая в русском и украинском языках поговорка «как дурак (дурень) с писаной торбой» («як дурень з писаною торбою»), означающая «возиться с кем-чем-нибудь, хлопотать, говорить постоянно об одном и том же (не стоящем серьёзного внимания)», может быть также отнесена к подтексту рассматриваемого фрагмента стихотворения, как противопоставление: индивидуализм поглощённого собой и своим миром Орфея — коллективность / коллективизм собрания.

39. Лучистое соревнование

40. Сечёт углы орбит.

Одно из самых «тёмных мест» в данном стихотворении. Если учитывать содержание двух предшествующих строк стихотворения («Орфей кудлатый на собрании // Про торбу говорит») и полагать, что рассматриваемые строки («Лучистое соревнование // Сечёт углы орбит») не являются поэтическим нонсенсом или набором случайных ассоциаций¹⁴⁰, абстрагированных от контекста, можно высказать следующее предположение: выступающего на собрании Орфея освещают лампы, свет которых, падая на поверхность стола или пола, образует окружности («орбиты»), пересекающиеся по каким-либо углом («сечёт углы орбит»). Здесь, кроме того, любопытно совпадение с терминологией модели орбиты, описанной Иоганном Кеплером (1571–1630), немецким математиком и астрономом, открывшим законы движения планет Солнечной системы. Из шести так называемых Кеплеровых элементов орбиты четыре представляют собой углы.¹⁴¹ К ска-

¹³⁹ «Мисс Май» (Гиппиус 2001: 514).

¹⁴⁰ Для ВН была характерна акмеистическая усложнённая поэтическая семантика, во многом сходная с поэтикой позднего ОМ, нежели футуристические смысловые «разрывы», требующие совершенно иного подхода к их прочтению. См. также комментарий ВН к своему одноимённому стихотворению в ответ на письма читателей: «Белье: Комментарий» (Календарь искусств. Харьков, 1923. №4: 10).

¹⁴¹ Указанные четыре элемента орбиты являются углами примерно в том же смысле, в котором мы используем географические координаты (широту и долготу), выражая их в градусах.

занному можно добавить, что эпитет «лучистый», в досоветской поэзии всегда имевший обычно позитивные коннотации («лучистый день», «лучистый небосклон», «лучистый взор»), сохраняет их в советской лирике, но проецирует на советские реалии:

Над взмывшей, лучистой
Скалой Мавзолея
Блеснул и погас
Позумент атташе¹⁴².

И мир гудит,
Прост и лучист,
Весла блестят
У речной переправы¹⁴³.

Ср. у ВН:

Но куда лучистой воля, ум
У того, кого зовут Мичурин,
Кто в зеленый окунулся шум¹⁴⁴.

41. При всех высиживает курица,

42. Став лампою, яйцо...

курица... яйцо... Параллелизм двух слов, замыкающих ст. 41–42, содержит ассоциацию с известным со времен Аристотеля логическим парадоксом: «Что было раньше — курица или яйцо?»¹⁴⁵

высиживает курица, // Став лампою, яйцо... Превратившаяся в лампу курица, которая высиживает яйца, указывает на ещё одну черту колхозного хозяйства того времени — использование инкубаторов, массовое, промышленное изготовление которых началось в СССР в 1928 г.

Для данного стихотворения в целом характерно использование слов со «световой» семантикой, что, в частности, имплицитно антитеза света и тьмы: свет, кроме своих вообще положительных

¹⁴² Первомайский парад: «Над городом сумрак, / На мостовой ...» [«Патриотическая поэма» (Главы)]. (Васильев 1969: 520).

¹⁴³ «И вот по дорогам, смеясь, иду ...» [Одна ночь, 2] (Васильев 1968: 367)

¹⁴⁴ «Садовник» («Пчелы роются в цветах недаром ...») (Нарбут 1990: 322)

¹⁴⁵ Аристотель рассматривал пример «птица / яйцо», о «курице и яйце» несколько позднее писал Плутарх.

своих, связан с «новым» временем, ориентированным на технический прогресс.

43. ... Ну, как Евгению не хмуриться

44. На этот дрязг, дрянцо

Дрязг. ВН переносит форму областного слова «дрязг», относящегося к *singulariatantum*, означающего «сор, мусор, хлам», на значение разговорного «дрязги», принадлежащего к категории *pluraliatantum*¹⁴⁶, объединяя тем самым оба этих значения.

Дрянцо, просторечная форма от «дрянь»; часто встречается у Маяковского в критике советского обывателя-мещанина:

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,

им

довольно воздали дани.

Теперь

поговорим

о дряни¹⁴⁷.

Налицо —

факт.

Дрянцо

с пыльцой¹⁴⁸,

а девушка

нарасхват¹⁴⁹.

Теперь не наро́дится дрянь

настоящим

характерным лицом.

Теперь

пошло

с измелъчением народа

¹⁴⁶ Ушаков 1935–1940 I: 807.

¹⁴⁷ «О дряни» («Слава, Слава, Слава героям!!!...») (Маяковский 1955–1961 II: 73).

¹⁴⁸ Идиома, встречающаяся у Даля: «Тут набрана всякая дрянца с пыльцой» (Даль 1998 IV: 574).

¹⁴⁹ «Заграничная штучка» (Маяковский 1955–1961 X: 62).

пошрое,
маленькое,
мелкое *дрянцо*¹⁵⁰.

45. *Над вёрстами, над полосатыми* —

46. *Спокойный километр*.

Варианты эпитета «километр» (ст. 46), содержащиеся в других редакциях: «чугунный» (Нарбут 1983, Нарбут 1990, Черновик 1), «Виев» (Черновик 1).

Над вёрстами, над полосатыми... Цитата из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога»: «Только версты полосаты / Попадают одне» (Пушкин 1977: 309).

Километр, киловатт (см. ст. 12) — новая (посереволюционная) система измерений:

Метрическая система мер была допущена к применению в России (в необязательном порядке) законом от 4 июня 1899 года, проект которого был разработан Д. И. Менделеевым, и введена в качестве обязательной декретом СНК РСФСР от 14 сентября 1918 года, а для СССР — постановлением СНК СССР от 21 июля 1925 года¹⁵¹.

Переход на новую систему начался до публикации официального постановления и ассоциировался с «новой» жизнью. Ср. у Маяковского в стихотворной рекламе 1923 г., предназначавшейся для ознакомления широких народных масс с метрической системой:

Запомни сразу, разиней не стой:
километр приблизительно равен с верстой¹⁵².

Клич
несись по Эс Эс Эр:
— Новой мерой

¹⁵⁰ «Стих / не про дрянь, / а про дрянцо. / Дрянцо / хлещите / рифм концом //» (Маяковский 1955–1961 IX: 219–220).

¹⁵¹ Шухардин, Ламан, Федоров 1979: 370.

¹⁵² «Запомни сразу, разиней не стой...» (Маяковский 1955–1961 V: 300); [Карамель «Новые меры»] («Нынче знает каждый — как не знать?!») (Там же, 300–301).

землю мерь!

Эпитет «спокойный» здесь должен выражать уверенность в надёжности государственной системы, которая стоит за этим нововведением. «Чугунный», присутствующий во всех вариантах, кроме Белового автографа, в стихотворных произведениях часто выступает в качестве метонимии металла вообще, но с признаками весомости, прочности, тяжести (ср. также эпитет «железный»). Появление в русской поэзии этого эпитета связано со строительством железных дорог и тем эмоциональным потрясением, которое они вызвали своим появлением:

Род кометы быстротечной,
По пространностям земным
Хвост его многоколенный
Длинно тянется за ним.
Бьют железные копыта
По чугунной мостовой.
Авангард его и свита —
Грохот, гул, и визг, и вой¹⁵³.

И, серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят¹⁵⁴.

Однако у Некрасова в стихотворении «Железная дорога» тема прогресса связана с темой социального неравенства и эксплуатации:

Быстро лечу я по *рельсам чугунным*,
Думаю думу свою ...

То обгоняют *дорогу чугунную*,
То сторонами бегут¹⁵⁵.

¹⁵³ «Ночью на железной дороге» (Вяземский 1986: 310).

¹⁵⁴ «На железной дороге» (Фет 1959: 283).

¹⁵⁵ «Железная дорога» (Некрасов 1967: 159, 160).

У ВН «чугунный» — отсылка к теме индустриального прогресса в послереволюционной России, антитеза «старому» («чугунный километр» — «полосатые версты»). В советской поэзии 1920–1930-х гг. эпитет «чугунный» также связан с темой современности, советского строя, технического прогресса:

Мы — ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы — *чугунные*, бетонные,
Электрические, млечные¹⁵⁶.

Скрежещет наше сердце и летит
По скользким рельсам, грохоча и воя,
Чугунное и звонкое, насквозь¹⁵⁷.

Поезд, нефтью питавший
Топок *чугунную* грудь¹⁵⁸.

Железный конь привозит жито,
Чугунный вол привозит квас¹⁵⁹.

Виев километр: ср. у ВН: «Ведь мы с тобой — виевцы (принимая «Вий» за единицу настоящей земной, земляной жизни)»¹⁶⁰.

47. — Доглядивай за поросятами,

48. Плодом слонячьих недр!..

Слонячий — украинизм, в русском языке слово имеет выраженный просторечный характер:

Не нравится производство кости слонячей?
Производи иначе¹⁶¹!

---

¹⁵⁶ «Владимиру Кириллову» («Мы — ржаные, толоконные ...») (Клюев 1999: 396).

¹⁵⁷ «Большевики (Отрывки из поэмы)» (Багрицкий 1964: 279–280).

¹⁵⁸ «Путешествие к нефти» («Первый окрик звонка ...») (Багрицкий 1964: 471).

¹⁵⁹ «Птицы пели над дубравой ...» (Заболоцкий 1983: 175–176).

¹⁶⁰ Из письма к М. Зенкевичу, 17 декабря 1913 г. (Нарбут — Зенкевич 2000: 243).

¹⁶¹ «Спросили раз меня: “вы любите ли НЭП?” — “люблю — ответил я — когда он не нелеп”» (Маяковский 1955–1961 IV: 12).

В прозаической (нехудожественной) речи прилагательное встречается и ранее, например в дневнике Блока (Блок 1963: 109, 126).

49. Евгений отошел, сморкается;

50. Его сапог — протез.

51. В нем — желчь, в нем — печень парагвайца,

52. Термометра болезнь!

Загадка, которую в этих строках ВН предлагает читателю, связана, прежде всего, с уже упоминавшейся выше болезнью Евгения, персонажа, сложным образом ассоциируемого в этом стихотворении с автором¹⁶². Целый ряд поэтических произведений ВН 1920–1930-х гг. связаны с темой малярии, говорящие о том, что он, вероятнее всего, сам переболел малярией, либо, по крайней мере, был хорошо осведомлён о её этиологии и патогенезе. Об этом свидетельствуют биографические мотивы в стихотворениях, не опубликованных при жизни автора: «Малярия» («Журавли, шурша рогожей...»), «Малярия. Вступление в поэму» («Гольми руками теперь не возьмёте...»), «Воспоминание о Сочи-Мацесте»¹⁶³, «Бухгалтер», вариант первой строки которого — «Мне хина заложила оба уха» — также содержит намёк на малярию (хиной лечились от малярии, но она ослабляла слух). Кроме того, ст. 51, процитированный выше («В нем — желчь, в нем — печень парагвайца»), косвенно также указывает на малярию: во-первых, это заболевание обычно сопровождается поражением печени¹⁶⁴, во-вторых, «печень парагвайца» — это аллюзия на тот факт, что малярия, которая, так же как и жёлтая лихорадка («желчь» фонетически связано с «жёлтый»), была одним из распространённых вирусных заболеваний на территории Парагвая и имели много сходных симптомов¹⁶⁵.

Для понимания принципов построения семантики данного фрагмента будет полезно также обратиться к более раннему стихотворению ВН «России синяя роса...»¹⁶⁶.

---

¹⁶² Ср. Черновик 3: «желчный прозаик».

¹⁶³ Датировка последнего установлена составителями издания 1990 по документам из домашнего архива Шкловских, относящимся ко времени курортного лечения ВН в Сочи (Нарбут 1990: 435).

¹⁶⁴ Малая медицинская энциклопедия 1992: 163.

¹⁶⁵ См. написанное в этот же период стихотворение «Сердце («Такая была у цикады наружность...»)» (Нарбут 1990: 360–361), в котором упоминается нефтяная война между Бразилией и Парагваем (так наз. Чакская война) 1932–1935 гг.

¹⁶⁶ Нарбут 1920а: 18–19. Авторская датировка — Харьков, 1919 г.

И, желтолицый печенег,
Сыпняк, иззябнувший в шинели,
Ворочает белками еле
И еле правит жизни бег...

Сыпняк, сыпной тиф, острое инфекционное заболевание, симптомы — озноб, высокая температура, поражение пищеварительной системы, в том числе печень, вызывающее желтизну кожных покровов и склер. А в языковом плане «желтолицый печенег» трансформируется в здесь «желчь» и «печень парагвайца».

53. (Орфей) — *Чего же ты не лечишься?*

54. (Евгений) — *Я в стекле...*

55. ... *А мир — высок, он — весок, греческий,*

56. *А то и — дебелий.*

Определение мира как «высокого» — метафора, означающая здесь его иерархическую ценность, возвышенность над обыденным. Паронимически соположенная ему характеристика «весомый» (*высок / весок*) сочетает в себе понятие веса, физической тяжести и значительности, важности, убедительности («весомый аргумент»). Ср. у ВН в стихотворении «Бухгалтер» (1935):

Наш век — высок.
Осмысленное семя
Из каждой цифры рвется (волей воля!)¹⁶⁷.

Ср. у ОМ: «За гремучую доблесть грядущих веков, / За *высокое* племя людей» («За гремучую доблесть грядущих веков...»); «Под маской суровости скрывает рабочий / *Высокую нежность* грядущих веков» («Дом актера»); «*Высокий* спорщик» («Бах»); «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне / И ждешь, бессонная, чтоб, *важен и высок*, / Спокойной *тяжестью* — что может быть печальней — На веки чуткие спустился потолок» («Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...»).

В качестве параллели к парному определению «*высок/весок*» можно рассматривать пару «*нежность/тяжесть*» из стихотворения ОМ «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приме-

¹⁶⁷ «Бухгалтер» («... Мне гриппом заложило оба уха...») // Тридцать дней. 1935. №4: 43.

ты...». Важнее также напомнить, что понятие «тяжести» («весомости», «грубости») всегда рассматривалось как одно из ключевых для акмеистической поэтики в целом, в особенности для поэтики ОМ. Определяя значение акмеизма для русской литературы, ОМ писал в статье «О природе слова» (1922):

Подъемная сила акмеизма в смысле деятельной любви к литературе, *ее тяжестим, ее грузу* — необычайно велика (Мандельштам 2020 II: 67).

Ср. однако написанное им же два года спустя в статье «Выпад» (1924):

Великая заслуга символизма, его правильная позиция в отношении к русскому читательскому обществу была в его учительстве, в его врожденной авторитетности, в *патриархальной вескости и законодательной тяжести*, (курсив мой. — В. Б.) которой он воспитывал читателя (Мандельштам 2020 II: 129).

Характерно, что стихотворение Городецкого, посвященное ОМ, начинается строками: «Он *верит в вес*, он чтит пространство, / Он нежно *любит матерьял*» (Городецкий 1987: 310).

Присоединение к предшествующим двум эпитетам, выраженным качественными прилагательными в краткой форме (*высок, весок*), третьего, выраженного полным прилагательным — «греческий», а также сравнительной степенью качественного прилагательного «дебелый» (*дебелей*) предполагает следующие прочтения: 1) *этот мир — «греческий», т. е. похож на греческий, сравним с греческим (метафора), он «высок» и «весок»; сравнительной степень (*дебелей*) может относиться к свойству «быть веским», либо, если рассматривать эти два стиха как целостную метафору, в которой объединена вся предшествующая цепочка прилагательных.

мир (...) греческий. Кроме вышесказанного, эта строка содержит своего рода загадку:¹⁶⁸ мир по-гречески означает космос (*κόσμος*)¹⁶⁹.

---

¹⁶⁸ Определение загадки, данное А. Квятковским, представляется приложимым к данному случаю: «Загадка — замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде. Загадка является своеобразной формой отстранения и строится

В творчестве ВН греческая тема представлена довольно скромно, в основном он использует имена персонажей греческой мифологии, перенося их в современность. Однако для ОМ она является одной из центральных в литературно-биографическом смысле: это единство личного и литературного очень точно понял и отметил в своем очерке 1945 г. К. Мочульский¹⁷⁰. Ранее об этом писал сам ОМ, в частности — в статье «О природе слова»:

Русский язык — язык эллинистический. По целому ряду исторических условий живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям и не надолго загашиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью [курсив ОМ. — В. Б.]. [...] Эллинистическую природу русского языка можно отождествлять с его бытийственностью. Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие¹⁷¹.

Дебелей. Кроме семантики этого слова (рус. простореч., вульг. «дебёлый», укр. «дебелый»), связанной с понятием веса (в том числе выражающие дерогативную оценку) и прочности — толстый, полный, тучный, гладкий, здоровый, прочный, крепкий (Даль 1998 I: 1050; Ушаков 1935–1940 I: 666; Ожегов 1983: 138), оно в переносном смысле также означает могущество, силу (Словарь русского языка XVIII в. 1984: 62–63), весомость и значимость, вообще материальность (Словарь русского языка XI–XVII вв. 1977: 196–197). В стилистическом плане «высокий и веский греческий мир» составляет контраст грубой раблезианской дебелости. Именно в этом раблезианском значении «дебелый» ВН использует в стихотворении «Пьяницы»: «Дебёла попадья. — «Не сахар ли сие?» — // И в сдобный локоть — чмок» (Нарбут: 1912 [без номера стр.]). Более нейтральное значение слова — *прочный*,

---

обычно на принципе замедленной метафоры (вернее — симфоры), каламбурного алогизма и затрудненного параллелизма» (Квятковский 1966: 110).

¹⁶⁹ Ср. в эссе «Скрябин и христианство»: «Рим железным кольцом окружил Голгофу: нужно освободить этот холм, ставший греческим и вселенским» (Мандельштам 2020II: 421).

¹⁷⁰ Мочульский 1945: 30–31.

¹⁷¹ Мандельштам 2020 II: 58.

крепкий ВН использует в стихотворении «Детская весна»: «Фитиль я заправляю дебелей» (Нарбут 1922: 24).

Существенно, что для поэтического языка начала XX в. «дебелый» — это архаизм. Среди современников ВН это слово мы встречаем у Хлебникова («Очкуром вяжет шаровары / Воин дебелый и высок»¹⁷²), что вполне объясняется его (Хлебникова) литературной ориентацией, прочие же случаи употребления этой лексемы связаны с поэзией XVIII–XIX веков, в частности, с темами идиллическими, отсылками к античности или с переводами из античных авторов («Одиссея» в переводе В. Жуковского¹⁷³; А. Шишков, «К Метеллию»¹⁷⁴; В. Капнист, «Обуховка» и его же «Ода на счастье»¹⁷⁵; К. Батюшков, «Элегия из Тибулла»¹⁷⁶; И. Дмитриев, «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту»¹⁷⁷).

57. Что ж, похвала, начнём уж сызнава

58. (Себе) плести венки,

59. Другим швыряя остракизма

60. Глухие черепки...

... похвала... плести венки. Культурная символика венка чрезвычайно обширна, но в контексте стихотворения, указывающего на связь с античностью, в частности с образом Орфея, можно заключить, что речь идёт о венках, которым в древней Греции награждали победителей музыкальных и поэтических соревнований. Откровенный сарказм автора заключен в описании ситуации, обесценивающей награду: победитель сам плетет себе венки.

... швыряя остракизма // Глухие черепки. Остракизм, в широком смысле, — гонение, неприятие, отвержение, презрение со стороны окружающего общества, (от др.-греч. «остракон» — «черепок, скорлупа»); в древних Афинах — народное голосование, во время которого граждане на глиняных черепках писали имя гражданина, который угрожал демократии государства, т. е. остракизм был, скорее, превентивной, нежели карательной мерой. В годы советской власти слово «остракизм» стало широко распро-

¹⁷² «Марина Мнишек» («Пане! Вольны вы ...») (Хлебников 1986: 241).

¹⁷³ Жуковский 1960: 135.

¹⁷⁴ Шишков 1972: 403.

¹⁷⁵ Капнист 1973: 263, 92.

¹⁷⁶ Батюшков 1977: 207.

¹⁷⁷ Дмитриев 1967: 108.

странённым термином политического лексикона, публицистики и средств массовой информации, а сама эта изначально демократическая процедура, превратилась в орудие гонения инакомыслящих, изгнания неугодных (высылка учёных, философов, оппозиционной интеллигенции и политических противников) (об этом см. Макаров, Христофоров 2010).

Слово «остракизм» в поэтической речи встречается довольно редко. В современной ВН поэзии оно нам не встретилось, да и в поэзии XIX в. «остракизм» к числу часто встречающихся лексем не относится. У Радищева в «Песни исторической»¹⁷⁸ «остракизм» — это просто судебная процедура, избранная финскими властями в отношении Аристида, тогда как у Пушкина¹⁷⁹ и Майкова¹⁸⁰ «остракизм» означает «неправый суд толпы», причем у Майкова он содержит намёк на побивание камнями «блудницы».

БИБЛИОГРАФИЯ

Аверинцев С. С. Связь времён: Собр. соч. Киев, 2005.

Архимандрит Сильвестр (Лебединский). Рассуждение тридцать девятое. О похвале. §7.2.// Нетленная пища, или Душеспасительные размышления, на Священном писании основанные, мнениями Св. отец и других учёнейших мужей исполненные, Историю Священною и светскою, иносказаниями, подобиями и нравочениями богословскими украшенные. / Трудом и тщанием Астраханскаго Преображенскаго монастыря архимандрита и семинарии ректора Сивестра сочинённые. М., 1799.

Асоян А. А. Вячеслав Иванов и орфическая тема в культуре Серебряного века // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура : Материалы международной конференции. 9–11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003.

Асоян А. А. К семиотике орфического мифа в русской поэзии (И. Анненский, О. Мандельштам, А. Ахматова)// Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 4: Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. Томск, 2002.

Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. М. ; Л., 1964.

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.

Бедный Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1965.

Белова О. В. Славянский бестиарий. М., 2001.

---

¹⁷⁸ Радищев 1938: 82.

¹⁷⁹ «Ф. Н. Глинке» («Когда среди оргий жизни шумной ...») (Пушкин 1977: 117).

¹⁸⁰ «Машенька» («Куда как надоел элегий современных ...») (Майков 1977: 754).

- Белый А. Между двух революций. М., 1990.
- Беспрозванный В. Г. Владимир Нарбут в восприятии современников // Новое литературное обозрение. 2005. №2.
- Беспрозванный В. Г. Разгада вещей ребус: Структура и смысл цикла стихотворений Владимира Нарбута «Большевик» // Wiener Slawistischer Almanach. 2013. Bd. 71.
- Благов Ф. Ф. Эгофутурист // Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов. Л., 1974.
- Блаженный Августин. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви. // Блаженный Августин. Творения : в 4 т. Т. 2: Теологические трактаты / 2-е изд. СПб. ; Киев, 2000.
- Блок А. А. Дневники // Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 7: Автобиография 1915. Дневники 1901–1921. М. ; Л., 1963.
- Брюсов В. Я. Собр. соч. : в 7 т. М., 1973.
- БСЭ: Большая советская энциклопедия. М., 1926–1947. Т. 1. А–Аколла. 1926.
- Бунин И. А. Стихотворения : в 2 т. Т. 1. СПб., 2014.
- Вайсбанд Э. С. «Translatio Studii», Орфей и поэзия революции // Европа в России : сб. статей. М., 2010.
- Вайсбанд Э. С. Орфей // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/2. М., 2008.
- Васильев П. Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1968.
- Вестбрук Ф. Орфизм и возникновение трагедии в концепции Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск ; М., 2003.
- Волошин М. А. Святой Серафим // Волошин М. А. Собр. соч. [: в 13 т.]. Т. 2. М., 2004.
- Волькенштейн Ф. Ф. Товарищеский суд по иску Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь...» : Мандельштамовский сборник. М., 1991.
- Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986.
- Гаспаров М. А. Избранные статьи. М., 1995.
- Гаспаров М. А. Стих Б. Пастернака // Гаспаров М. А. Избранные труды. Т. 3: О стихе. М., 1997.
- Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998.
- Гиппиус З. Н. Мисс Май // Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 1: Новые люди. М., 2001.
- Гнездилова Е. В. Миф об Орфее в литературе первой половины XX века (Р. М. Рильке, Ж. Кокто, Ж. Ануй, Т. Уильямс): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Городецкий С. М. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М., 1987.

- Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- Горянский В. На дворе // Поэты «Сатирикона» / 2-е изд. М. ; Л., 1966.
- Грінченко Б. Д. Словарь української мови. Т. IV. Київ, 1909.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М., 1998.
- Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967.
- Добролюбов Н. А. Литературные мелочи прошлого года. Статья первая // Добролюбов Н. А. Сочинения. Т. 2. СПб., 1896.
- Жуковский В. А. Соб. соч. : в 4 т. Т. 4. М. ; Л., 1960.
- Заболоцкий Н. А. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М., 1983.
- Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994.
- Зоценко М. М. Через сто лет: Опальные рассказы. Нес-Циона, 1981.
- Иванов В. И. Орфей // Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. (эл. публ. на сайте «Русская виртуальная библиотека»; URL: <http://rvb.ru>).
- Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. М., 1996.
- Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология : учебное пособие для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М., 1975.
- Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973.
- Катаев В. П. Алмазный мой венец // Катаев В. П. Трава забвения. М., 1999.
- Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
- Кирпотин В. Я., Субоцкий Л. М. Литература на новом этапе: М., 1933.
- Киришон В. М. Драматические произведения. 1927–1932. М. ; Л., 1933.
- Кихней А. Г. Из истории жанров русской лирики: Стихотворное послание начала XX века. Владивосток, 1989.
- Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999.
- Прутков К. Полн. собр. соч. М. ; Л., 1965.
- Кручёных А. Е. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001.
- Лежнев И. Г. Где же новая литература? // Россия. 1924. №1.
- Ленин В. И. Полн.собр. соч. Т. 49. М., 1970 (эл. изд.; URL: <https://leninism.su/works/88-tom-49/351-pisma-ynvar-fevral-1917.html>).
- Лесков Н. С. Собр.соч. : в 11 т. Т. 3. М., 1957.
- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 2005.
- Майков А. Н. Избранные произведения. Л., 1977.
- Малая медицинская энциклопедия в 6 т. Т. 3. М., 1992.

- Мандельштам Н. Я. Собр. соч. : в 2 т. Екатеринбург, 2014.
- «Жить подальше от литературы». К 115-летию со дня рождения Н. Я. Мандельштам: Беседы профессора Кларенса Брауна с Н. Я. Мандельштам // Октябрь. 2014. №7.
- Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / Сост. А. Г. Мец. СПб., 2020.
- Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993–1999.
- Мандельштам О. Э. Соч. : в 2 т. / Сост. П. Нерлер. М., 1990.
- Марголин Ю. Б. Памяти Мандельштама // Воздушные пути: Альманах. №2. Нью-Йорк, 1961.
- Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. /2-е изд. Т. 12. М., 1958.
- Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1955–1961.
- Мец А. Г., при участии С. В. Василенко, А. М. Видгофа, Д. И. Зубарева и др. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2019.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое: Опыт русской фразеологии. Т. I–II. 1903–1904. Т. II. М., 1994.
- Моисеев И. В. Табак и табачная индустрия: вчера, сегодня, завтра. М., 2022.
- Мочульский К. В. О. Э. Мандельштам // Встречи. Сб. 2. Париж, 1945.
- Нарбут В. И., Зенкевич М. А. Статьи. Рецензии. Письма. М., 2000.
- Нарбут В. И. Александра Павловна. Харьков, 1922.
- Нарбут В. И. Аллилуиа. СПб., 1912.
- Нарбут В. И. В огненных столбах. Одесса, 1920.
- Нарбут В. И. Избранные стихи / Подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Л. Черткова. Париж, 1983.
- Нарбут В. И. Плоть. Быто-эпос. Одесса, 1920.
- Нарбут В. И. Советская земля. Харьков, 1921.
- Нарбут В. И. Стихи. Книга I. СПб., 1910.
- Нарбут В. И. Стихотворения / Сост. Н. Бялосинская, Н. Панченко. М., 1990.
- Нарежный В. Т. Бурсак // Нарежный В. Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1983.
- Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений : в 3 т. Т. 2. Л., 1967.
- Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1983.
- Пазяк М. М. Прислів'я та приказки: взаємини між людьми. Київ, 1991.

- Пастернак Б. А.* Стихотворения и поэмы. М. ; Л., 1965.
- Петров С. В.* Собр. стихотворений. Кн. 1. М., 2008.
- Пиндар, Вакхилид.* Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. Л., 1972.
- Притча о женской злобе // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 2. СПб., 1860.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 2. 1977.
- Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. ; Л., 1938.
- Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь : в 3 т. Т. 1. М., 2005.
- Русские народные пословицы и притчи, изданные Иваном Снегиревым. М., 1848.
- Рыбникова М. А.* Загадки. М. ; Л., 1932.
- Силард Л.* «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.
- Словарь античности. М., 1989.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 4 (Г–Д). М., 1977.
- Словарь русского языка XVIII века. Грызться–Древный // Словарь русского языка XVIII века / Вып. 6. Л., 1991.
- Смеляков Я. В.* Стихотворения и поэмы. Л., 1979.
- Соколов И. В.* Бунт экспрессиониста: Статьи и стихотворения. [Б.м.], 1919.
- Техника в её историческом развитии: от появления ручных орудий труда до становления техники машинно-фабричного производства. М., 1979.
- Толстой А. Н.* Князь Серебряный // *Толстой А. Н.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1969.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 1935–1940.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. 1986–1987.
- Фет А. А.* Полн. собр. соч. Л., 1959.
- Фразеологический словарь русского языка. М., 1987.
- Хлебников В.* Творения. М., 1986.
- Цветаева М. И.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 2. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994.
- Церетели Г. Ф.* «Персы» Тимофея Милетского // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 347. Май 1903. (Отдел классической филологии).
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1999.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2002.

Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологизмов. М., 1987.

Шершеневич В. Г. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000.

Шестаков Д. П. «Персы» Тимофея. Вновь открытый памятник древнегреческой поэзии // Ученые записки Имп. Казанского университета. 1904. № 12. (Часть неофиц. Отдел наук).

Эратосфен. Превращения в созвездия (катастеризмы) // Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах. М., 1992.

ЭСБЕ: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI. Венцано–Виона, 1894; Т. XXXII. Судходные сборы–Таицы, 1901; Т. XXXIII. Термические ощущения–Томбази, 1901; Т. XXXVII. Хаким–Ходоров, 1908. СПб., 1890–1907.

Юрьева З. О. Миф об Орфее в творчестве Андрея Белого, Александра Блока и Вячеслава Иванова // American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Zagreb and Ljubljana, Sept. 3–9, 1978. Vol. 2: Literature. Columbus, 1978.

Яблоновский А. А. О том, о сем... // Возрождение. 1932. 29 сент. № 2676. C. *Plini Secundi. Naturalishistoriae libri XXXVII. Lipsiae, 1906.*

Ferber M. Ant (or Emmet). A Dictionary of Literary Symbols. Cambridge, 1999.

Raschdorff M. Philosophia Universa Peripatetica, Parergis Ethicis, Quaestionibus, Atque problematis philosophico-moralibus Interpolata. Olomucii, 1732.

Sanctus Augustinus. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi Enchiridion ad Laurentium de fide, spe et caritate. Tubingæ, 1861.

Sanctus Augustinus. Sanctus Augustinus Praedicans, sive conciones Praeter Sacras Literas, ex solo fere S. Augustino concinnatae in festa totius annidomicae. Typis Lambertii Bertus [Maastricht], 1713.

Sleigh C. Ant. London, 2004.

Timotheus of Miletus. Die Perser. Leipzig, 1903.

Timotheus of Miletus. Der Timotheos — Papyrus. Leipzig, 1903.

Venezia G. da. Osservazione storico-moralisul nuovo Sagra Testamento, ovvero rapporto letterale della Storia Santa, accoppiato colla Moralità e coll'Erudizione, Aggiuntavinel Fine la Sagra Cronologia. Venezia, 1760.

Сергей Шиндин¹

ИЗ «ТЕНЕВОГО ОКРУЖЕНИЯ» МАНДЕЛЬШТАМА: КОНСТАНТИН ВАГИНОВ (Статья вторая)²

Реальное «освоение» Мандельштамом поэзии Вагинова состоялось в Воронеже весной — летом 1935 года, когда творчество младшего современника было предметом частых бесед старшего поэта с Сергеем Рудаковым, который, как известно, скрупулезно зафиксировал это в едва ли не ежедневных письмах жене³. Данный эпизод мандельштамовской биографии, являясь, безусловно, периферийным, тем не менее относится к числу немногочисленных ярких свидетельств, содержательно и разносторонне отражающих теоретические и «практические» взгляды поэта на лите-

¹ Сергей Геннадиевич Шиндин — PhD, независимый исследователь, Саратов.

² Нижеследующие заметки тематически, но не содержательно продолжают публикацию: Шиндин С. Г. Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья первая) // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). Ижевск, 2016.

³ См.: О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца, коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997; Герштейн Э. Г. Мандельштам в Воронеже (По письмам С. Б. Рудакова) // Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998; Мец А. Г. Из писем С. Б. Рудакова к жене // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. Обширная, но не исчерпывающая выборка относящихся к вагиновской личности и творчеству материалов в письмах Рудакова представлена в многократно используемом в настоящей публикации издании: Вагинов К. Песня слов / Сост., подгот. текста, вст. ст. и примеч. А. Герасимовой. М., 2012. С. 310–316.

ратурную традицию, современную ему ситуацию и художественное творчество в целом. Дополнительную ценность этому факту придаёт то обстоятельство, что собеседником Мандельштама оказался не просто заинтересованный читатель, а глубоко пристрастный филолог и поэт, настроенный на активное проявление своей «культуртрегерской миссии». И хотя в своих письмах он наверняка не избежал несоответствия реальному изображаемому, думается, речь всё-таки может идти лишь о смещении акцентов, но не о прямом и тем более сознательном искажении смысла того, что было сказано и сделано Мандельштамом⁴. При этом некоторая двойственность рудаковского отношения к Мандельштаму, противоречивость в восприятии и оценке его личности во многом мотивирована, очевидно, едва ли не преклонением «младшего поэта» перед творчеством Николая Гумилёва, что ярче всего отразилось в письме 19.05.1935: «Сегодня один читал Гумилева, и, знаешь, лучше него нет ничего на свете». Видимо, Рудакову, даже при его специфической самоуверенности и безапелляционности в «окончательных» характеристиках и оценках, расстав-

⁴ Непростой, но содержательный диалог Мандельштама и Рудакова до сих пор так и не получил достойного научного освещения, что во многом определяется неоднозначной и противоречивой оценкой личности младшего современника поэта, которой не нашлось места и в единственном до сих пор издании «Мандельштамовской энциклопедии». Такое положение вещей, впрочем, неудивительно, зная сегодняшнюю позицию одного из главных редакторов в данном вопросе (её отражение в традиционной для него художественно-повествовательной и, одновременно, публицистически доступной манере, усиленной неожиданным предельно эмоциональным и глубоко личностным звучанием, см. в публикации: *Нерлер П.* Моцарт и Нарцисс. Рудаковский год в мандельштамовском Воронеже // *Наше наследие.* 2016. № 117). И здесь становится необходимым напоминать прописные истины о том, что, в отличие от газетно-журнального популяризатора, у профессионального исследователя при обращении к таким «сложным» мемуарным данным цель как раз и состоит в том, чтобы отделить, очистить их от неизбежного личного и биографического фона, каким бы он ни был, тем самым выявив или реконструировав в тексте искомое, самое главное — достоверную и объективно присутствующую в тексте конкретную информацию. (Как это было сделано, например, Эммой Герштейн, о мемуарах которой искушенный и более чем осведомлённый современник сказал, что это — «(...) проза большого мастера-художника, умеющего одним поворотом пера обратить свидетельства памяти в зримые приметы времени» (*Морозов А.* Об «ангеле ворующем» и многом другом // *Наше наследие.* 1999. № 49. С. 122, стб. 1).) И тогда автору для выражения собственных чувств в своем биографическом повествовании не будет необходимо пользоваться смесью окраинного подросткового сленга и уголовного жаргона, отрываясь уже не только от художественного, но даже и от разговорного стилей русского языка ...

ляющих всё и всех по своим «иерархическим местам», не хватало решительности для проецирования собственных художественных опытов на творчество Гумилёва. Но, одновременно с этим, его художественное восприятие (и как читателя, и как литературоведа) не позволяло ему отрицать безусловный гений Мандельштама, что ярче всего отразилось, вероятно, в письме 11.04.1935: «Какая, Кит, безумная сила за Гумилевым, победа ведь за ним. Гениальнейший М<андельштам>, со всем своим параболическим путем вышел из Школы и придет к нему. Но стихи, стихи — чудо — за них можно полжизни отдать». А чуть ранее, 07.04.1925, совершенно прямо и бескомпромиссно, можно сказать, в экзистенциальном аспекте: «Это жизнь равная, ровная, и со всеми своими качествами, с деньгами, калошами, комнатами и всем, всем человеческим. — Надо всем, со всем, несмотря на всё — гениальный поэт, написавший “Соломинку”, “Венецйскую жизнь”»⁵.

Темой воронежских разговоров двух петербуржцев стали неизданный цикл стихотворений Вагинова «Звукоподобие» (1929–1934) и поэтический сборник «Опыты соединения слов посредством ритма» (Л., 1931), очевидно, присланный Рудакову из дома, — в письме 02.04.1935 он просил жену: «Линуся, спиши для нас (!) хотя бы немного Вагинова, что передаст тебе Ирина. Пришли хоть 1–2 вещи. Еще — “Опыты соединения слов” — только без автографа». Из писем Рудакова и некоторых известных фактов биографии нетрудно сделать вывод о том, насколько высоко он ценил поэзию своего современника, во многом воспринимая её в индивидуально-личностном аспекте. Более чем показательно здесь содержащееся в одном из рудаковских писем (18.05.1935) самопризнание, при некоторой своей комичности более чем наглядно раскрывающее главные движущие мотивы его во много противоречивого поведения: «Бесконечно читаю несравненного Вагинова. Ах, какие у него стихи. Неужели правда, что мы трое — русская поэзия»⁶. Глубоко ранимый негативными оценками соб-

⁵ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 33, 39, 52. К сожалению, Рудаков не стал одним из «главных героев» недавно опубликованного обстоятельного исследования Р. Д. Тименчика «История культа Гумилева» (М., 2018).

⁶ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 32, 51. Помимо того что адресанта писем связывали с Вагиновым родственные отношения (сестра Рудакова Ирина была замужем за старшим братом писателя Алексеем; см.: *Тоддес Е. А., Мец А. Г.* [Вст. ст. к публ.] О. Э. Мандельштам в письмах

ственного поэтического творчества, Рудаков болезненно воспринимал критическое мандельштамовское отношение к нему, деля, кажется, единственное исключение в случае соположения своих художественных опытов со стихами Вагинова (10.04.1935): «Он обо мне говорит с таким непониманием, как худшие читатели мира о нем самом. Единственная истинная истина, что 90% моих вещей — о стихах и узком литературном круге ассоциаций. Это (и мы согласны) близит нас с Вагиновым». Чуть позже, в письме 13.05.1935, интерпретируя близкую ситуацию, Рудаков высказывает более комплиментарное по отношению к себе предположение о мандельштамовском впечатлении от его стихов: «Между делом (между разговорами о Вагинове) читал свои вещи (...) — реакция, может быть, более сильная, чем на Вагинова», — что будет подкреплено в одном из следующих писем (18.05.1935): «Читали мои стихи — и боюсь, что это уже “признание”»⁷. Правда, полутора месяцами ранее (04.04.1935) Рудаков оставил эмоционально нейтральное сообщение: «Когда я пришел с почты — Оська лежал на животе на диване и твердил по бумажке и без того уже заученные мои стихи», — после чего воспроизвел не поддающуюся однозначной интерпретации мандельштамовскую характеристику: «Оказывается: стихи — “ребус”, а не стихи»⁸.

С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 8, 26), на актуализацию особого его внимания к поэтическому наследию Вагинова могла дополнительно повлиять не слишком далеко отстоящая во времени смерть близкого друга — после долгой болезни 26.4.1934 тот скончался от тяжелой формы туберкулеза (см.: *Филитов Г. В.* Вагинов К. К. // *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь* : в 3 т. Т. 1: А–Ж / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. С. 324). А в самом начале апреля 1935 года состоялось знакомство Рудакова и Мандельштама, практически совпавшее с годовщиной смерти Вагинова.

⁷ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 38, 50, 51.

⁸ *Мец А. Г.* Из писем С. Б. Рудакова к жене. С. 364–365. Очевидно, чтение Рудаковым своих стихов и их обсуждение сопровождало его общение с Мандельштамом постоянно, что нашло своё отражение в письмах 12.04.1935: «Зашел днем М<андельштам>. Обедали в ресторане. (...) Ждали обеда — он переводил, я читал Тынянова. Потом переспорили на высокие темы, кончившиеся, конечно, моими стихами»; 04.06.1935, где говорится о рудаковском стихотворении «Караим»: «Лика, вывод (его): “хорошо, очень хорошо”, но у него живут те же возражения о “неясности”, что раньше. (...) Кидается с восторгом на вентилятор, наизусть бубнит про кровать и самого караима, а в заключение разводит руками: “Тово ...”, дескать» и др. 27.05.1935 Рудаков в косвенной форме передаст ещё одно мандельштамовское высказывание: «Мы друг для друга представляем

Первоначально Мандельштам, как и в середине 1920-х годов, отрицательно отнесся к поэтическим опытам Вагинова; его неприятие зафиксировано в первом рудаковском свидетельстве о совместном чтении цикла «Звукоподобие» (08.04.1935): «Читал О<сипу> Э<мильевичу> Вагинова, он страшно протестовал против сего, кроме последнего стихотворения (про ветер, снег и умирающе соловья), которое ему чрезвычайно понравилось: “Вот это настоящие *посмертные стихи*”»⁹; речь идет о стихотворении «Норд-ост гнул пальмы, мушмулу, маслины...» (1933)¹⁰. По бесспорному предположению Г. А. Левинтона, негативные отзывы Мандельштама о Вагинове именно в воронежский период могли быть вызваны «той трактовкой, которую получили в “Козлиной песни” отношения Ахматовой и Лукницкого»¹¹. Этому, однако, противоречит содержащееся в письме 12.05.1935 (на момент написания процитированной статьи ещё не опубликованном) свидетельство о мандельштамовской характеристике не указанного прозаического текста Вагинова: «Хвалит прозу его». Впрочем, появление столь категоричного утверждения также могло быть результатом пристрастного восприятия мандельштамовских слов Рудаковым, в данном случае, как и в абсолютном большинстве других, преувеличивающим едва ли не до гипертрофированной формы эмоциональные и содержательные характеристики услышанного. В то же время, сам Рудаков воспринимал прозаические произведения Вагинова не менее восторженно, чем стихи. 09.05.1936, находясь в больнице, он писал жене, вновь сопоставляя имена дух своих современников: «Совершенно особенно окрашены эти дни благодаря Вагинову, его прозе. Чувство — будто читаю в первый

всю русскую литературу (его слова)» (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 39, 60, 56), — которое вряд ли имеет оценочное значение: речь, вероятнее всего, идёт о вынужденной изоляции двух поэтов от реального литературного процесса. Впрочем, для культуры того периода подобные «структурно-семантические модели», очевидно, были вполне традиционными и имели «типологический» характер, — в качестве произвольного примера можно привести шуточное свидетельство Георгия Иванова: «Один мой друг рассказывал. Обедал сегодня у Анны Радловой. Договорились что в России есть только два настоящих поэта — я и она. Конечно, прибавил он, здесь одна величина постоянная — хозяйка дома, другая переменная» (Иванов Г. Почтовый ящик // Цех поэтов. Кн. 4. Берлин, 1923. С. 71).

⁹ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 36.

¹⁰ См.: Вагинов К. Песня слов. С. 149.

¹¹ Левинтон Г. А. Мандельштам и Гумилев: Предварительные заметки // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Tenfly, 1994. С. 37.

раз. И проз неподдельных знаю очень мало. Он — с большей несомненностью, чем когда-либо, — вижу это — относится к ним, к немногим. Вот его “проглядывать” нельзя, а надо идти за каждой строкой, как в стихах. Пока читаю всё “Козлиную песнь”. Нужно в Ленинграде будет добыть его последнюю неизданную книгу (...). — Сейчас не умею сформулировать радости от него, но она очень широкая, а не просто удовольствие от экспериментов. Это очень близко и к бытовым стихам Заболоцкого, и нашим с М<андельштамом> семейным анекдотцам, — и впечатлению от прошлогодних (устаревающих на века) газет etc., т. е. это апперцептивная, и вспоминающая, и переоценивающая форма сознания». Очевидно, что вагиновская проза являлась для Рудакова одним из эталонов, своеобразным «термином сравнения» — в его письме 31.03.1936, в частности, говорится: «Днем зашел в книжный магазин. “Город Эн” Добычина (ругаемый в дискуссии рядом с Шостаковичем). (...) Слушая радио, лежал с наушниками, читал. Вроде “Шума времени”, смешанного с прозой Вагинова, — но сухо и малоестественно; но фотографично, т. е. наблюдательно»¹².

Под целенаправленным настойчивым воздействием Рудакова, по его собственной оценке, критическое мандельштамовское восприятие стихов Вагинова постепенно менялось, — уже в письме 12.04.1935 сообщается: «М<андельштам> и Вагинов: приручился, уже жалеет, что мало (я тоже)». Однако говорить об однозначной оценке не приходится — и в этом случае повторяется традиционная для Мандельштама непоследовательность: ровно через месяц, 12.05.1935 Рудаков пишет: «Днем спал у М<андельштама> — с 1 до 3. Потом читали Вагинова. Он злобствует, говорит, что это звукоПРЕподобие: на отдельные вещи восхищается. Хвалит прозу его. Но, в сущности, боится сам себя. История здесь астрономически та же, что со мной. Именно, — где он видит вещи, близкие к себе эпохи 1908–1925 годов — он лезет в бутылку. А похожим ему мерещится любое упоминание Петербурга (Петербурга в широком

---

¹² О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 48, 171, 163. К теме «Мандельштам и Добычин» см. «реплику» автора: Добычин А. И. // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. Вполне возможно, что младший современник был интересен старшему поэту как приверженец «детскому тексту» русской литературы»; ср.: Шиндин С. Г. О некоторых особенностях поэтики романа Добычина «Город Эн» // «Вторая проза»: Русская проза 20-х — 30-х годов XX века. Trento: Dipartimento di Scienze Fologiche e Storiche, 1995.

смысле, с целым пластом, ему присущим). “Разлагаться тоже надо уметь — небось, после Бодлера Вагинова не захочешь”». Но уже на следующий день Рудаков фиксирует: «С Вагиновым происходит любопытнейшее явление: “Преподобие” “оказывается” замечательной книгой. Я читаю ему вещи с перерывами — по одной — он вслушивается — запоминает, хвалит и наслаждается. Расспрашивает о нем». Согласно свидетельствам Рудакова, положительное начало в восприятии Мандельштамом вагиновской поэзии в дальнейшем нарастало; так, 21.05.1935 он сообщает: «О Вагинове разговоры нескончаемы. Сегодня, когда я ночевал у него, он видел во сне Вагинова. Видел, что он утверждает как гениальный поэт. И сам добавляет: “Иначе и быть не может. Это так и есть”. Его сравнивает с Бодлером, Новалисом»¹³. Учитывая то место, которое занимал первый из названных поэтов в мандельштамовской системе культурно-исторических и литературных ценностей¹⁴, трудно

¹³ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 39, 48–50, 52. Как известно, приведенное высказывание Мандельштама содержит «авторитетную» из его статьи «Слово и культура» (1921): «Распад, тление, гниение — все это еще decadence. Но декаденты были христианские художники, своего рода последние христианские мученики. Музыка тления была для них музыкой воскресения “Charogne” Бодлера — высокий пример христианского отчаяния» (*Мандельштам О. Собрание сочинений* : в 4 т. Т. 1: Стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993. С. 214). Вполне вероятно, что данный «интекст» учитывался и автором письма (ср.: *Тоддес Е. А., Мец А. Г.* [Вст. ст. к публ.] О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 49), — с неточностью в цитируемом фрагменте мандельштамовской статьи. Появление в данном контексте имени французского поэта вполне могло быть мотивировано вагиновским увлечением его творчеством в юности, что он подчеркнул в своей автобиографии: «Начал писать в 1916 г. под влиянием “Цветов зла” Бодлера» (ИРАИ, Р. I. Оп. 4. №2; цит. по: *Кибальник С. А.* Материалы К. К. Вагинова в рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 74. Кроме того, от Рудакова Мандельштам мог знать и о раннем вагиновском стихотворении «О Бодлер! Мой царственный любовник...» из так называемой «Парчовой тетради», что, впрочем, кажется довольно сомнительным предположением. — Показательным для общей картины эпохи представляется упоминание бодлеровского стихотворения и его оценка в соответствующем контексте «беллетризованных мемуаров» Георгия Иванова: «Странный человек в рединготте, перед батареей “калинкинского”, на заплеванном “Поплавке” читал гениальную “Charogne” Бодлера. Это было забавно» (*Иванов Г.* Человек в рединготте // *Иванов Г. В.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е. В. Витковского, В. П. Крейда, коммент. В. П. Крейда, Г. И. Мосешвили. М., 1993. С. 401).

¹⁴ См.: *Лекманов О. А., Шиндин С. Г.* Бодлер Ш. // *Мандельштамовская энциклопедия* : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017.

сказать, насколько соответствует действительности утверждение об этом сравнении. Вполне возможно, что в данном случае сказывается стремление Рудакова «нейтрализовать» соположение имен Вагинова и Бодлера в негативном контексте (о чем он писал ранее, 12.05.1935, передавая сказанное в форме прямой речи Мандельштама) и, тем самым, «компенсировать» откровенно отрицательные оценки собственных поэтических опытов¹⁵. Подобный «психологический рисунок» может быть более реален, чем кажется на первый взгляд, если интерпретировать его в контексте постоянных рудаковских самопроекции на личность и творчество Мандельштама, значительная часть из которых связана с именем Вагинова. Особенно любопытно то обстоятельство, что некоторые из них формируются в прямой и опосредованной связи с мотивами сна и сновидений, как в случае с рассматриваемым «бодлеровским» сравнением, чья «суммирующая ситуация», окрашенная в положительные тона, состоит из трёх звеньев: автор письма (21.05.1935) ночевал в «доме» Мандельштама, который во сне видел Вагинова, чье имя соединил затем с именем Бодлера. И если последнее «звено» присутствует в сообщении от 12.05.1935, то два предыдущих обнаруживаются в более позднем письме 26.05.1935 — и опять-таки в опосредованной связи с именем Вагинова и, что не менее интересно, именем Гумилёва: «Спал сегодня у Мандельштама. (...) Сегодня во сне видел Хлебникова. Вчера мы о нем говорили. М<андельштам> его видел перед самым отъездом Х<лебникова> в Новгород, где он умер. Перед отъездом он два раза был у М<андельштама>. — У М<андельштама> к Х<лебникову> огромное почтение. А боится как конкурента он только Гумилева, но это дико скрывает. Побаивается Цветаевой и Вагинова, но по-другому»¹⁶.

¹⁵ С другой стороны, необходимо учитывать его парадоксальное признание об «ассоциативном» восприятии Мандельштама в свете личности Вагинова (письмо 04.04.1935): «Он мне так напоминает минутами Костеньку» (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 33).

¹⁶ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 54–55. Интересным представляется появление в данном контексте фигуры Велимира Хлебникова, согласно точке зрения современных исследователей, нашедшей своё художественное отражение в прозе Вагинова: *Кибальник* С. А. Велимир Хлебников в «Козлиной песни» Константина Вагинова. (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. №2 (29). — И в более широкой перспективе мотивы 'сна' и 'сновидений', безусловно, исключительно актуальны для сознания Рудакова, а в переписке постоянно транспонируются им в откровенно личностный план, формируя тем

Мотив сновидений, оказывающийся столь актуальным в данном семантическом «микространстве», исключительно важен для художественного мира Вагинова, что отмечалось во многих прижизненных отзывах о его поэзии. Одним из первых на это обратил внимание Всеволод Рождественский в коллективной рецензии (Книга и революция. 1922. №7 (19)), где, в частности, упоминаются альманах «Островитяне» и первый сборник вагиновских стихотворений «Путешествие в Хаос» (Пб., 1921): «Мне думается, весь Вагинов — это рассказывание снов, прекрасных и тающих неуловимо»¹⁷. Об этом же говорится в начале доклада или статьи неустановленного автора, очевидно, прочитанного 12.03.1926 на вечере, посвящённом выходу безымянной книги стихотворений Вагинова¹⁸: «Ритмическое течение его образов не регулировано фабулой и не опирается на рифму и строфику. Читая его стихи, словно воспринимаешь образы сновидений. В такой немоти-

---

самым значительный фрагмент его индивидуальной «мифологии». Таковы, например, финалы писем жене 04.04.1935: «Дитя, я ложусь спать. Хочу хотя бы во сне обнять мою дорогу и единственную Лику» (*Мец А. Г.* Из писем С. Б. Рудакова к жене. С. 365), — и 9.2.1936: «Китуся — спокойной ночи — ты, детик, должно быть, уже спишь — может быть, во сне я с тобой — может быть, ты меня видишь» (*О. Э. Мандельштам* в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 143). — Как известно, в отечественной культурной традиции первой трети XX века мотивы 'сна' и 'сновидений' не просто занимали заметное место, но и, обладая высокими смыслопорождающими возможностями, нередко выступали в качестве импульса к формированию индивидуальных сюжетных и семантических моделей; см. до сих пор не потерявшую актуальность и остающуюся «программирующей» первую собственно научную публикацию на эту тему: *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 129–135. В качестве произвольной иллюстрации ср., напр.: «Культуре Серебряного века как целостному явлению было свойственно интенсивное художественное самопознание, выраженное, в том числе, в различных формах “третьей” реальности, представляющих собой разнообразные “зеркальные отражения” как “второй” реальности — произведений, созданных в ее границах, — так и личностей их авторов. Эта общая системная черта была присуща и творчеству Ремизова, который с середины 1900-х годов нашел свой особый вид ее проявления в создании нового малого жанра — “художественной сно-формы”, который в дальнейшем в его прозе существовал как автономно, так и в составе произведений “жанра-ансамбля”» (*Грачева А.* Отблески Серебряного века в «Дневнике мыслей» Алексея Ремизова // Текст и традиция : альманах, 6. СПб., 2018. С. 140).

¹⁷ Цит. по: *Вагинов К.* Песня слов. С. 278.

¹⁸ О специфике мандельштамовского восприятия этого издания см.: *Шиндин С. Г.* Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья первая). С. 77, 79–80.

вированной внешне связи, развивает он свои сопоставления. (...) Недаром столько раз ссылается он на сон, как на условие развития темы»¹⁹, — после чего автор в качестве иллюстрации приводит обширную подборку цитат из вагиновских стихотворений. Еще отчетливее этот семантический признак поэтики Вагинова охарактеризован в анонимной рецензии на «Опыты соединения слов посредством ритма» (Книга — строителям социализма: Бюллетень библиографического института. 1931. №16. Июнь): «Действительность до конца деформирована в его творчестве. Лирические высказывания принимают видимость фантастических снов, обрывков каких-то созданных и забытых автором мифов»²⁰.

Сказанное выше вовсе не означает однозначности мандельштамовских оценок: в письме Рудакова 04.06.1935 описан эпизод, когда Мандельштам «(...) ругал Вагинова и Тихонова»²¹, что даёт основания для расширения смыслового пространства рассматриваемого «историко-литературного» контекста. Актуальное для него имя Николая Тихонова впервые появляется в письме Рудакова 10.04.1935, когда он передаёт негативное впечатление Мандельштама от его стихов, сопровождая это более чем щадящей самооценкой: «Поверить, что стихи плохие или даже далеки от его стихов, — немислимо. Он меня “пугает” Тихоновым (что я на него похож)»²², — при этом остаётся неясным, о положительной или отрицательной мандельштамовской оценке идёт речь. В то же время этот эпизод не может не ассоциироваться с известным свидетельством Лидии Гинзбург об относящемся, вероятно, к 1926 году телефонном разговоре Мандельштама с Борисом Эйхенбаумом, в котором тот, согласно версии рассказчицы, исключительно эмоционально выразил свое впечатление от знакомства с поэзией Вагинова: «Появился поэт!» — на что собеседник высказал осторожное сомнение, когда «спросил робко: “Неужели же вы в самом деле считаете, что он выше Тихонова?”»²³.

---

¹⁹ Цит. по: *Вагинов К. Песня слов*. С. 289. По предположению А. А. Дмитриенко, автором текста, возможно, являлся С. Д. Спасский; см.: *Герасимова А. Примечания // Вагинов К. Песня слов / Сост., подгот. текста, вст. ст. и примеч. А. Герасимовой*. М., 2012. С. 289.

²⁰ Цит. по: *Вагинов К. Песня слов*. С. 302.

²¹ *Мец А. Г. Из писем С. Б. Рудакова к жене*. С. 365.

²² О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 38.

²³ *Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования*. Л., 1989. С. 9.; комментарий этой ситуации предложен в: *Шин-*

Специфический «семантический ореол» появления в данном контексте имени Тихонова определяется несколькими факторами, главный из которых, очевидно, тот, что в начале 1920-х годов оно нередко звучало одновременно с именем Вагинова, причём чаще всего — именно как пример новых авторов, пришедших в современную литературу. Наиболее показательным в этом отношении, очевидно, соположение, содержащееся в заметке Георгия Адамовича «Русская поэзия» (Жизнь искусства. 1923. 16 янв. №2²⁴), почти одновременно републикованной в значительно расширенном и переработанном виде уже в эмиграции (Звено (Париж). 1923. №32). Говоря о современной петербургской поэзии, он, в частности, отмечал: «Из числа никому до того не ведомых имен выделилось несколько, и некоторые из них были в последний год в Петербурге уже популярны. В особенности трое: Тихонов, Ел. Полонская и К. Вагинов»; при этом характеристики участников этого перечня отличаются явной противоположностью. О первом из них Адамович пишет: «Тихонова успех ждал сразу. Осенью 1921 года я впервые услышал его имя. Через три месяца о нем уже писали в “Известиях” и “Правде”. Гумилев перед самой смертью предсказал ему большую будущность. — (...) В нем есть врожденный природой оптимизм и вкус ко всему цепкому, крепкому и сильному. Это сейчас в спросе, — и не в одной только России, а везде. Это не хорошо и не плохо»; о другом замечает: «Стихи Вагинова есть одно из самых странных явлений, которые мне известны в искусстве. Единственное, на что они похожи, — это живопись Чурляниса». Художественную манеру первого из авторов Адамович лаконично характеризует в «координатах» прозаического творчества: «У Тихонова большое беллетристическое дарование: очень зоркий глаз, очень живой словарь», — а потому полагает, что «едва ли из него разовьется поэт, это один из тех людей, которые растут в ширину, а не в глубину, и вскоре ему, вероятно, покажутся бедными и слабыми средства поэта». Именно по этому признаку противопоставляется второй автор: «Вагинов весь погружен в музыку и остро враждебен беллетристике. Последовательность слов и образов в его стихах едва ли может быть мотивирована чем-либо, кроме звуко-

---

дин С. Г. Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья первая). С. 77–79.

²⁴ См.: Вагинов К. Песня слов. С. 284.

вого сцепления»²⁵. Однако сказанное не предопределяет последующей положительной оценки: «В России нашлись догадливые люди, решившие, что в стихах Вагинова скрыта новая поэтика. С точки зрения метода и формы в Вагинове нет ничего, — бред и тупик». Вместе с тем, говоря о младшем современнике, Адамович признаёт, что «нельзя не чувствовать его неподдельной, глубокой взволнованности, естественно сказывающейся в ритме, его подлинно поэтического восприятия жизни и мира. И после всех споров о значении формы и содержания, о мастерстве и “нутре”, нельзя все-таки равнодушно встретить человека, который может стать поэтом». Далее автор развивает это положение применительно к поэтическому будущему Вагинова: «Я подчеркиваю: может стать. Вагинову не надо, конечно, учиться в какой-нибудь студии. Технику он поймет и научится ценить ее. Но ему надо много и долго думать и не бояться быть менее своеобразным. Это главное. Если у него хватит сил и решимости, это будет лишним подтверждением того, что он поэт»²⁶.

Одним из главных обоснований подобного противопоставления двух авторов, несомненно, являлась актуальная для них оппозиция поэзия/проза, совершенно явно проступающая на уровне читательского восприятия. При всей затруднённости для него вагиновского творчества, оно тем не менее воспринималось в координатах традиционной лирики, как, например, в высказанном в докладе неустановленного автора замечании об «антисюжетности», «антипрозаизме» его поэзии: «Стихи К. Вагинова резко отличаются от характера поэзии наших дней. Вагинов не реалист и не рассказчик. Ни одну его вещь не передашь своими словами, не определишь заглавием»²⁷. В то же время, пожалуй, ни один из критиков и рецензентов не оставил неотмеченной ориентацию поэтических произведений Тихонова на самые разнообразные структурно-содержательные признаки прозы. Одним из первых на эту индивидуальную особенность тихоновской поэтики обратил внимание Лев Лунц, в неопубликованной при жизни обзорной заметке «Новые поэты» (1922) охарактеризовав

---

²⁵ Адамович Г. «Поэты в Петербурге» // Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга I. М.; Берлин, 2016. С. 6, 9, 6, 8. В первоначальной редакции применительно к Тихонову автор более откровенно подчеркивает, что «Вагинов — полная противоположность ему»; цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 284.

²⁶ Адамович Г. «Поэты в Петербурге». С. 8–9.

²⁷ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 289.

ший её в собственно филологической терминологии: «Самое замечательное в стихах Тихонова то, что все они сюжетны. Фабулой пронизано все, даже лирика. И поэтому-то стихи его интересны, не приедаются»²⁸. Об этом же писал в первоначальном варианте своей заметки Адамович, причём, в отличие от Лунца, прямо относя «прозаические ориентиры» начинающего поэта к числу явных недостатков его художественной манеры: «О Н. Тихонове пока много говорить нечего. Его большая даровитость несомненна, но едва ли он поэт, во всяком случае, не лирический. В его стихах много беллетристики»²⁹. Своеобразным логическим завершением этой литературно-критической перспективы стала статья Дмитрия Святополк-Мирского «Проза поэтов» (Евразия (Париж). 1929. №34. 24 авг. С. 7–8), где он рассматривает сборник рассказов Тихонова «Рискованный человек», роман «Труды и дни Свистонова» Вагинова, повесть «Египетская марка» Мандельштама и «Повесть» Пастернака³⁰. И хотя речь в публикации о сопоставительном анализе не идёт, сам выбор «объектов описания» для типологического сближения прозаических опытов четырёх совершенно разных поэтов представляется весьма показательным: «За последнее время вышел ряд прозаических произведений поэтов (старших и младших), в которых, несмотря на их большое разнообразие и разноценность, есть черты, общие современной “прозе поэтов”. Одна из этих черт — отсутствие темы обычного прозаического типа. Лирические же темы поэтов нелегко вмещаются в повествовательную форму»³¹.

²⁸ Лунц Л. Н. I. Посмертная литература о Блоке; II. Новые поэты / Публ., вст. ст., примеч. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 204.

²⁹ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 284.

³⁰ Здесь же следует учитывать, что незадолго до этого он отозвался рецензий на книгу мемуарной прозы Мандельштама «Шум времени» (Современные записки. 1925. [Сентябрь.] №25).

³¹ Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подгот. текстов, коммент., мат. к библиографии О. А. Корстелева и М. В. Ефимова. М., 2014. С. 217; никакого обобщающего заключения текст, к сожалению, не содержит. — С выходом в свет статьи совпало появление «официальной» оценки тихоновской прозы Мандельштамом — 04.08.1929, как сотрудник газеты «Московский комсомолец» обращаясь к Виссариону Саянову, он просил его: «Переговорите с Тихоновым. Ваши стихи и его нам необходимы, кроме того, необходима проза Тихонова. Ведя борьбу со всякого рода цеховщиной и варкой в собственном соку, мы сразу берем установку на культурный подъем. Комсомольский литературный молодежь нуждается в старших союзниках» (Мандель-

Очевидным «формальным» историко-литературным поводом для подобного соположения творчества Вагинова и Тихонова служил тот факт, что в 1921 году они вместе с Петром Волковым и, вероятно, Сергеем Колбасьевым образовали поэтическое содружество «Островитяне», после откликов на выход одноименного альманаха которого (Пг., 1921) упоминания Тихонова и Вагинова соединялись в печати постоянно, что не могло не наложить соответствующий отпечаток и на читательское восприятие. Так, например, опыты начинающих авторов были рассмотрены в рецензиях входивших в круг общения Мандельштама современников — Всеволода Рождественского (Книга и революция. 1922. №7 (19)): «“Островитяне” пожелали стать робинзонами нового клочка земли. Их трое — К. Вагинов, С. Колбасьев и Ник. Тихонов. Они очень непохожи друг на друга, но общий язык у них несомненно есть, хотя бы для рабочей песни, с которой веселей разбивать твердые комья едва пропаханного поля», — и Давида Выгодского (Жизнь искусства. 1922. №20. 23 мая): «Четыре “островитянина” — Н. Тихонов, С. Колбасьев, П. Волков, К. Вагинов четыре различных устремления, почти противоположных, четыре стороны света. (...) Если Тихонов и Колбасьев близки друг к другу той динамикой и бодрой стремительностью, которая в них обоих есть, то совсем в стороне от них К. Вагинов. — Первые двое целиком вовне, они движутся во внешнем мире. К. Вагинов — весь в себе. Он даже “перевернул глаза и осмотрелся”, осмотрел себя внутри»³². Неслучайно, вероятно, чрез десять лет соположение имён двух начинающих поэтов, но уже в расширенном «типологическом ряду», повторит в обзоре «О поэзии и поэтах в СССР» (Числа. 1933. №7–8) ещё один «компетентный» эмигрант — Николай Оцуп: «Из поэтов, “вскормленных революцией”, мы знали Тихонова. Знали Нельдихена (...). Знали Вагинова, тогда еще мальчика-декадента с остротой и своеобразием, если и не развившимся с тех пор, то все же, судя по нескольким недавним стихотворениям, и не утраченным. Знали Липавского, одну из “надежд”, бесследно пропавших»³³. Соединение имён этих поэтов, разуме-

---

штам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Ники-таев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. М., 1997. С. 123).

³² Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 278–279; ср.: Фатхуллина Р. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб. 1992. С. 91–92.

³³ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 281.

ется, во многом определялось их совместным участием в одном и том же издании, что не исключало и общей для них откровенно доброжелательной оценки, как, например, в заметке Веры Лурье «Петроградское», опубликованной уже в эмиграции (Дни (Париж). 1923. №232. 5 авг.): «(...) в литературном Петрограде (...) крайне мало талантливой молодежи (...) но несомненно двое из них не пройдут бесследно для истории русской поэзии нашей эпохи — и эти двое Николай Тихонов и Константин Вагинов»³⁴.

В первоначальной редакции заметки Адамовича «Поэты в Петербурге» художественный метод Тихонова был определён как «находчивое по смыслу сочетание слов», что парадоксальным образом не может не вызвать прямых ассоциаций с названием вышедшего намного позже последнего поэтического сборника Вагинова. Взятая в качестве его названия формулировка — «Опыты соединения слов посредством ритма» (Л., 1931) — для многих современников и исследователей стала своего рода творческим девизом (если не *credo*) поэта. На эту специфическую черту вагиновской поэтики задолго до выхода «репрезентирующей» её книги первым обратил внимание, очевидно, Выгодский (входивший в круг ближайшего общения Мандельштама), так охарактеризовавший в рецензии на альманах «Островитяне» фонетическую организацию текстов Вагинова: «Его стих держится на эвтонических приемах. Слова сочетаются друг с другом не по слоговой, а по звуковой ассоциации (...). Поэтому слова у него часто остраиваются, теряют обычное значение и сочетание их часто выпирает из обычных логических схем». О возникающей вследствие этого определённой алогичности и бессмысленности поэзии Вагинова тогда же писал Рождественский в связи с выходом в свет первого сборника стихотворений начинающего поэта «Путешествие в Хаос»: «Стихи его бред, конечно, но какой заставляющий себя слушать бред! (...) Логические несообразности Вагинов часто оправдывает верностью своего звукового рисунка — редкий пример фонетического воображения. На этом построена дикая

³⁴ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 274. — Ассоциативная связь этих имён, очевидно, и за пределы историко-литературного топоса. Так, например, Нина Берберова, в середине 1950-х годов вспоминая о своих корреспондентах в Советской России середины 1920-х, сначала называет рассказы некоего Н. (возможно, Николая Чуковского) о Тихонове, а следом — рассказ И. (вероятно, Иды Наппельбаум) о Вагинове; см.: Берберова Н. Из петербургских воспоминаний: Три встречи // Опыты (Нью-Йорк). 1956. Кн. 1. С. 166–167.

книжка “Путешествие в Хаос”, книжка очень юная, плохого вкуса, но живая несомненно»³⁵. И почти одновременно аналогичную характеристику дал Адамович: «Стихи Вагинова есть одно из самых странных явлений, которые мне известны в искусстве. (...) — Последовательность слов и образов в его стихах едва ли может быть мотивирована чем-либо, кроме звукового сцепления»³⁶.

Попытка «семантизации» подобного комбинаторного принципа организации поэтического текста содержалась в анонимной рецензии на «Опыты соединения слов посредством ритма», где, в частности, говорилось: «Давая сборнику своих стихов такое ироническое и манерное наименование, автор вряд ли хотел этим сказать, что его стихи лишены содержания. В самом деле, если не настаивать на буквальном понимании названия, оно окажется почти точным»³⁷. Вместе с тем, как было отмечено В. Н. Топоровым, понимание специфики семантических трансформаций, происходя-

³⁵ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 279, 278. Симптоматичным кажется то обстоятельство, что позднее в заметке <<Н. Тихонов — С. Есенин>> (Звено. 1925. №146) Адамович отмечал особое значение роли Рождественского в популяризации тихоновской поэзии: «О стихах Н. Тихонова впервые заговорил в 1919 или 1920 году его ближайший друг Всеволод Рождественский. — Рождественский — человек увлекающийся и впечатлительный. Его восторженным отзывам верили с трудом. Отдельные строчки, иногда даже целые строфы, читавшиеся им, убеждали не многих. Но когда он собрал и переписал стихи Тихонова в особую тетрадь, отношение к новому поэту изменилось» (Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга I. М.; Берлин, 2016. С. 245–246). Свидетельство самого Рождественского присутствует в поздних, относительно недавних мемуарах о нём: «Коля Тихонов, — погружался он в события полувековой давности, — привез с фронта целый чемодан рукописей, перетянутый ремнями... Он расстегнул ремни и буквально высыпал гору бумажных листочков передо мной на пол. Из них-то я и составил две его первые книги — “Орду” и “Брагу”...» (Куклин Л. Два Николая — Гумилев и Тихонов // Нева. 2005. №2. С.212). Косвенным дополнением к этому может служить тот факт, что Рождественскому был посвящён первый поэтический сборник Тихонова «Орда: Стихи 1920–1921» (Пб.: Островитяне, 1922), получивший, в частности, такую актуальную в рассматриваемом контексте характеристику Лунца: «О Тихонове надо писать подробно. Ведь “Орда” — событие в русской поэзии. Тихонов сумел найти новые тропы и новые рифмы, свежую, гибкую строфу, а земная восторженность его стихов говорит о здоровом вкусе и о твердой уверенности в своих силах» (Лунца А. Н. I. Посмертная литература о Блоке; II. Новые поэты. С. 409). Тогда же, 09.11.1922, он писал Горькому: «Жаль, что Вы не успели познакомиться с Ник<олаем> Тихоновым. Это неоценимый, интереснейший человек, а стихи его я считаю событием в нашей поэзии. Совершенно необыкновенный напор, пафос, сила!» (Переписка А. Н. Лунца с М. Горьким / Публ. и примеч. А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. 5. М.; СПб., 1994. С. 343).

³⁶ Адамович Г. «Поэты в Петербурге». С. 9.

³⁷ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 302.

щих со словом внутри стихотворной строки, являлось общим для Вагинова и Мандельштама: утверждаемый первым в стихах и прозе принцип «соединения слов» близок теории «знакомства слов» второго³⁸. На этот доминантный «дифференциальный признак» мандельштамовской поэтики ранее указывал Сергей Маковский: «Вообще слова у Мандельштама часто не совпадают с прямым своим смыслом, а как бы “намагничены” изнутри и втягивают в себя побочные представления»³⁹, — а некоторые искушённые современники распространили данное качество и на прозаические произведения Мандельштама. Так, например, Константин Мочульский в отзыве на мандельштамовскую мемуарную «повесть» «Шум времени» (Звено. 1925. №142. 19 окт.), содержащем точнейшее отображение мировосприятия и художественного метода поэта, в частности, писал: «Проза Мандельштама сделана из того же материала, что и его стихи. Абзацы закончены и замкнуты в себе, как статьи. Каждая фраза живет своей напряженной, независимой жизнью: то афоризм, то эпиграмма, то сентенция. За каждым выражением лежит долгий процесс оформления и концентрации. Даны только результаты. Их завершенность делает их непогрешимыми, как догматы. (...) Он судит о тяжести вещей по удельному весу слов: миром его управляют законы синтаксиса»⁴⁰.

В таком контексте совершенно неслучайным оказывается увиденная современниками Тихонова и Вагинова их обоюдная зави-

---

³⁸ См.: *Топоров В. Н.* Стихи И. Игнатова. Представление читателю // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 857: Блоковский сборник. Вып. IX. 1989. С. 41. — Непосредственно о специфических индивидуальных чертах смыслообразования в поэзии Мандельштама Эйхенбаум в своей лучшей самой широкой известность в современной ему литературной среде монографии 1923 года об особенностях поэтики Ахматовой, в частности, отмечал: «Образование новых смысловых рядов при помощи неожиданного скрещения смыслов или такое сочетание слов, при котором каждое из них насыщается новыми смысловыми оттенками, — вот основные приемы поэтической речи. (...) Второй прием характерен для поэтов (...), которые не выходят за пределы семантического воздействия, не вырывают слова из его семантического ряда, а лишь производят некоторый смысловой сдвиг. Степень сдвига бывает различная — у Мандельштама гораздо сильнее, чем у Ахматовой, но самый прием остается одинаковым» *Эйхенбаум Б.* Анна Ахматова: Опыт анализа // *Эйхенбаум Б.* О поэзии. Л., 1969. С. 133).

³⁹ См.: *Маковский С.* Осип Мандельштам // Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 382.

⁴⁰ *Мочульский К.* Проза Мандельштама // Мочульский К. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты / Сост., примеч. С. Р. Федакина. Томск, 1999. С. 246.

симость от акмеистической традиции, что например, в упоминавшейся рецензии Выгодского выступает по отношению ко всем «островитянам» едва ли не как главное объединяющее их начало: «Четыре “островитянина” — Н. Тихонов, С. Колбасьев, П. Волков, К. Вагинов — четыре различных устремления, почти противоположных, четыре стороны света. И нисколько не похожи они друг на друга в приемах и методах своей работы, своих поэтических построений. Многоразличны также и традиции их, дрожжи, на которых они поднялись. Если говорить о предшественниках, с которыми их связывают узы родства, то придется назвать и Гумилева, и Ахматову, и Мандельштама, и Есенина, и Кузмина, и Блока и т. д.»⁴¹. Открывающая данный набор поэтических «предшественников» «островитян» экспликация имён трёх главных представителей акмеистической традиции вполне «резонантно» проецируема на реакцию литературных критиков относительно раннего периода тихоновского творчества, о котором, например, Григорий Горбачев писал (Н. Тихонов // Печать и революция. 1927. Кн. 5): «Тихонов 1921–1922 гг. начал с того, что прошел хорошую акмеистическую школу. Ясность, скупую четкость, обдуманную полновесность сурового и мужественного стиха Гумилева он на первых же порах синтезирует с торжественной плавностью Мандельштама»⁴². Ранее в монографическом очерке на ту же тему он подчёркивал, что зависимость начинающего поэта от акмеизма проявляется в собственно «орудийной» сфере, и противопоставляя ей его явное содержательное новаторство: «Для Тихонова характерна крепость, конкретность, точность, сжатость образов, — то лучшее, что подарила русской поэзии акмеистическая и футуристическая реакция против символизма. Но образы Тихонова, — не учено-литературные, не мифологические, церковно-обрядовые или исторические, как у большинства акмеистов, и не интимно-комнатные, как у Ахматовой; образы Тихонова взяты из боевой и деловой современности или из такой же крепкой, бурной, полной драматизма первобытной жизни»⁴³. Ещё

⁴¹ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 279. К теме «Гумилёв и Тихонов» см.: Тименчик Р. История культа Гумилева (по им. ук.).

⁴² Цит. по: Тименчик Р. Д. Карточки // Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелёва. М., 2011. С. 378.

⁴³ Горбачев Г. Н. Очерки современной русской литературы. Л., 1924. С. 90. — Максимального развития данная ситуация достигла в более позднее время, когда в первой половине 1940-х годов в принадлежавшей Сергею Городецкому «по-

дальше в этом направлении парадоксального «акмеистически-футуристического синтеза» пошёл Выгодский в рецензии на книгу стихов Тихонова «Брага» (М. ; Пб. : Круг, 1922), в которой увидел соединение акмеистического и футуристического начал (Россия. 1923. №6. С. 31): «В ней синтез Гумилева и Маяковского, исполненный четкости акмеизма и бурных взлетов футуризма, если употреблять эти слова не в узко-партийном смысле»⁴⁴. На данный факт обращал внимание и искушённый филолог Борис Бухштаб, в 1926 году отмечавший: «(...) сейчас поэзия живет под руками тех, кто впитал в себя культуру футуристов или же принял ее, выросши из акмеизма (после разложения школ такой синтез оказался возможным: Тихонов, Антокольский)»⁴⁵.

В таком контексте в критике начала 1920-х годов не являлось единичным случаем как включение имён Тихонова и Мандельштама в один и тот же «типологический ряд», так и указание на зависимость опытов младшего поэта от поэзии старшего⁴⁶. Придержива-

---

путной» характеристике акмеизма отмечалось, что «новая школа поэзии, созданная мною совместно с Н. Гумилевым (...), дав ряд талантливых поэтов — А. Ахматову, О. Мандельштаму, В. Нарбута, М. Зенкевича, М. Лозинского, — (...) в своей поэтике утвердила некоторые положения, до сих пор живущие, особенно в творчестве ленинградских поэтов: конкретность образов, «обратная гипербола» (т. е. преуменьшение), лаконизм и высокое качество стиха; сюжетность построения и некоторые другие ее традиции оказались не бесполезными, например, для Н. Тихонова» (*Городецкий С. Автобиография // «... Опасное право быть судимым... по законам немногих»: Из архива Сергея Городецкого / Публ. и коммент. В. Енишерлова // Наше наследие. 2001. №56. С. 144*). Нетрудно заметить, что в такой трактовке фигура Тихонова из традиционного продолжателя акмеизма становится его своеобразным оправданием.

⁴⁴ Цит. по: *Фатхуллина Р. Материалы к биографии Давида Выгодского. С. 92*. Такая точка зрения на творчество молодых авторов, относимых к числу учеников и последователей Гумилёва, встречалась неоднократно, например, по отношению к Эдуарду Багрицкому, по мнению одного из современных ему критиков, писавшему «в эгофутуристской манере с налетом гумилевской экзотики» (*Никонов В. Статьи о конструктивистах. Ульяновск, 1928. С. 51; цит. по: Тименчик Р. История культа Гумилева. С. 72, прим. 96*).

⁴⁵ *Бухштаб Б. Я. Вагинов / Публ. Г. Г. Шаповаловой, вст. ст. и примеч. А. Г. Герасимовой // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 274*. При всей необоснованности и невозможности сближения художественной практики (и тем более — идеологического в самом широком смысле слова мировоззрения) двух этих поэтических направлений, оно могло иметь вполне объяснимую мотивацию. Вероятно, появление в подобных контекстах «революционного» футуризма должно было снизить негативный с классовой точки зрения эффект от неизбежного присутствия в них «реакционного» акмеизма.

⁴⁶ При этом подобные сближения могли иметь и явную интертекстуальную ориентацию. Так, например, И. А. Оксенов в статье «Николай Тихонов» (*Звез-*

вался подобной точки зрения и Рудаков, причём, что немаловажно для данной историко-литературной перспективы, основания для соединения имён Тихонова и Мандельштама он видел в неизбежном соположении с именами других поэтов-современников, встраиваемых в неожиданно ставшую актуальной для середины 1930-х годов «акмеистическую парадигму». Так, в письме жене 12.02.1936 он, в частности, сообщал: «(...) вот об М (андельштаме) — главное скажу, повторю еще раз. Важно, что работа над ним идет в разрезе освоения сейчас критикой (...) акмеистического наследия. В этом же направлении буду с Союзом говорить. Основной тезис: реализм и его ущерб в ранние годы. К нему пути М (андельштама), а рядом учеников: Багрицкого, Тихонова, Луговского, Антокольского»⁴⁷.

Значительно более часты были случаи включения современниками в «акмеистическую перспективу» имени Вагинова, причём далеко не всегда в связи с его близостью третьему «Цеху поэтов» и участием в поэтической студии Гумилёва «Звучащая раковина»; значительно чаще речь идёт непосредственно в сравнении его поэзии с мандельштамовским творчеством. Так, в уже упоминавшейся откровенно негативной анонимной рецензии на последний вагиновский сборник стихотворений «Опыты соединения слов посредством ритма» говорится: «Струя акмеистической торжественной описательности, лирика О. Мандельштама, отпавшая от античных образов и спокойных веских слов, находит у Вагинова свое завершение. Лишенные рифмы, величавые многостопные ямбы теряют свою устойчивость. Образ распадается, остаются отдельные словесные значки, намечающие контур, но неспособные показать плоть вещей и явлений. Изолированное слово эстетски фетишизируется, оказываясь объектом пустой сло-

---

да. 1925. №5) писал о «заимствовании Тихоновым в поэме “Красные на Араксе” образа “советской ночи” из стихотворения “В Петербурге мы сойдемся снова...”» (Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубяниковой, П. Минцера / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2019. С. 275 [эл. изд.]). — Согласно ещё более радикальной точке зрения современного интерпретатора, уже в первом тихоновском сборнике стихов «Орда» «всякого многочисленны реминисценции из стихов Мандельштама, чередующиеся со скрытыми цитатами из стихов других акмеистов» (Лекманов О. А. Тихонов Н. С. // О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 139; там же содержится довольно обстоятельный список предлагаемых взаимных цитат двух поэтов).

⁴⁷ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 147.

весной игры, обесмысливающей его»⁴⁸. Для данной литературно-критической парадигмы особенно показателен более чем «репрезентативный» контекст, присутствующий в анонимном предисловии к последней поэтической книге Вагинова: «После работы над словом Хлебникова, Пастернака, Маяковского, Мандельштама, Тихонова, Сельвинского и других поэтов, расширявших и утверждавших новые возможности стиховой речи, вопрос о законности тех или иных отклонений от бытовых форм языка не возбуждает сомнений. — К. Вагинов в этом вопросе занимает одну из крайних позиций»⁴⁹. Практически все приведённые положения суммированы в доброжелательной в целом «персоналогической» статье Бориса Бухштаба 1926 (?) года, неопубликованной при жизни автора и содержащей, в частности, упоминание Тихонова, опосредованно причисляемого к продолжателям акмеистической традиции, и акцентирование прямой зависимости поэта от акмеизма в целом, и непосредственно от художественного опыта Мандельштама: «Вагинов — акмеист; лучше сказать, его путь идет от места гибели акмеизма. Несмотря на это, он интересен. Я говорю “несмотря”: футуризма тоже давно нет, но сейчас поэзия живет под руками тех, кто впитал в себя культуру футуристов или же принял ее, выросши из акмеизма (после разложения школ такой синтез оказался возможным: Тихонов, Антокольский). А в Вагинове нет футуризма. (...) — Вагинов не из напоминателей. У него есть путь. Его поэзия связана с последним и высшим достижением акмеизма — с поэзией Мандельштама. (...) — Еще до “Tristia” акмеистическая система в стихах Мандельштама распалась. (...) — В Вагинове разложение акмеистической системы достигло предела». Непосредственно с художественно практикой акмеизма Бухштаб связывает и вагиновский опыт «соединения слов посредством ритма», явно интерпретируя его в терминологии Юрия Тынянова и его теории поэтического языка: «В Вагинове разложение акмеистической системы достигло предела. Не строфы, не двустрочия, но каждое слово отталкивается здесь от соседнего»⁵⁰. И далее автор, отмечая безусловную, на его взгляд, зави-

⁴⁸ Цит. по: Вагинов К. Песня слов. С. 302.

⁴⁹ [Б. п.]. Предисловие // Вагинов К. Опыты соединения слов посредством ритма». Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931 (репринтное издание: М., 1991).

⁵⁰ Бухштаб Б. Я. Вагинов. С. 274. Ср. одно из тыняновских определений: «Ритмический стиховой ряд представляет целую систему условий, своеобразно влияю-

симость младшего поэта от старшего, по сути, использует интертекстуальную методологию, констатируя: «У Вагинова нет своих слов. Все его слова вторичны. Он берет чужие отработанные слова, слагающиеся в чужие образы. Иногда Вагинов прямо говорит голосом Манделштама»⁵¹.

Вместе с тем ряд исследователей подчеркивал, что Вагинов не столько следует принципам акмеистической традиции и собственно манделштамовской поэтики, сколько отталкивается от них, методом от противного создавая в своём глубоко индивидуальном поэтическом мире совершенно новую систему отношений на формальном и содержательном уровнях текста. Дальше всех в этом направлении, вероятно, пошёл в своей интерпретации вагиновской поэтики Орест Тизенгаузен, признавая следование уже вполне состоявшимся поэтом отдельным формальным достижениям акмеизма, но указывая на полное его дистанцирование от Гумилёва и его последователей. В заметке «Салоны и молодые заседатели Петербургского парнасса» (Абракасас. 1922. Октябрь. № 1) он, в частности, отмечал: «Константин Вагинов совсем определившийся и совершенно законченный мастер, может быть один из крупнейших поэтов наших дней. Вагинов умеет находить и нашёл настоящие слова, и не носит той поэтической маски, создан-

---

щих на основной и второстепенные признаки значения и на появление колеблющихся признаков» (Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 61; то же: Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: Избранные труды / Сост., вст. ст., коммент. В. Новикова. М., 2002. С. 84). Впрочем, используемый Бухштабом в процитированной характеристике глагол «отталкиваться» может иметь совершенно противоположные значения, как и в данном случае, «не атрибутируемые» контекстуально.

⁵¹ Бухштаб Б. Я. Вагинов. С. 275. В качестве показательного примера подобного рода «словарной зависимости» от Манделштама автор приводит случай Бенедикта Лившица (возможно, являвшегося активным участником формирования манделштамовского отношения к поэзии Вагинова; см.: Шиндин С. Г. Из «теневого окружения» Манделштама: Константин Вагинов (Статья первая). С. 79–80): «В поэтическом языке есть — непонятное для практической речи — право собственности на слова, даже на союзы и предлоги. У Манделштама большое поле возделанных им и закрепленных за ним слов. Попробуйте в наше время произнести в стихе слова: стигийский, летейский, эолийский, Лигейя, медуница, асфодели, простоволосая, кипарисный — и не попасть в плен к Манделштаму. Нужно быть очень осторожным, ставя слова: легкий, косматый, прозрачный, пчелы, воск, шелк, ласточка — потому что у этих слов в поэзии нашего часа сильное стремление вернуться той же манделштамовской стороной. Так попал в безвыходный плен к Манделштаму Бенедикт Лившиц» (Бухштаб Б. Я. Вагинов. С. 275).

ной Гумилевым для своих учеников и называемой акмеизмом. — Как форм-либрист Константин Вагинов целиком отрекается от акмеизма и умеет говорить, что сам себе хозяин. Претенциозность на первый взгляд, и даже декадентский выбор тем при внимательном всматривании кажется нам волнующе-новым и совершенным, потому что сказано им первым. (...) — Константину Вагинову бесспорны достижения акмеистов: выхоленность enjambement, поэмы, написанные асклепиадовым семнадцатисложником, тридцатитрехсложные танки или недоступный санскрит, или преднамеренно им забытый»⁵². Очевидно, подобного рода «полемическая» ориентация была вполне сознательной; во всяком случае, в 1923 году Тихонов в своей автобиографии утверждал: «В 1921 г. вместе с поэтами К. Вагиновым, П. Волковым и С. Колбасевым основал поэтич<еское> содружество “Островитяне”, ставившее себе задачу борьбы с духом академизма и цеха в поэзии, комнатного затворничества»⁵³. Не менее важно для выстраиваемой смысловой перспективы то обстоятельство, что рядом с упомянутой рецензией Выгодского на альманахах «Островитяне» была опубликована «статья Н. Тихонова “Граненные стеклышки”, направленная против “Цеха поэтов”, в частности, с недоумением, почему в 3-м альманахе “Цеха поэтов” нашел место “островитянин Вагинов” и другие, “чуждые по духу Цеху” поэты»⁵⁴. Вполне вероятно, что для самого Тихонова участие в группе «Островитяне» было своего рода формой борьбы с его «акмеистической» репутацией, и Вагинов в такой ситуации воспринимался им не только как литературный коллега, но и как единомышленник в противостоянии третьему «Цеху поэтов» и стоящему за ним комплексу представлений о (нео) классицистической традиции⁵⁵. Прямое

⁵² Цит. по: Вагинов К. К. Песня слов. С. 282.

⁵³ Из автобиографии Н. С. Тихонова 1923 г. / Вст. ст., публ. и коммент. Т. А. Кукушкиной // «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998.

⁵⁴ Герасимова А. Примечания. С. 278–279.

⁵⁵ Последовательным проводником идеи о прямой взаимосвязи широкой акмеистической и «цеховой» перспективы с классицизмом был в нале 1920-х годов Мочульский, уже находившийся в эмиграции. В заметке «Новый Петроградский цех поэтов» (Последние новости (Париж). 1922. 2 дек.) он отозвался о литературно-критической деятельности «цеховиков» следующим образом: «С 1921 года Цех Поэтов стал издавать альманахи. (...) — Примечательна (...) критическая часть сборников. Здесь в коротеньких статьях и беглых рецензиях живет подлинная теоретическая мысль, вырабатывается учение о но-

указание на столь ревностное отношение Тихонова к своему младшему соратнику присутствует в материалах к ненаписанной статье Д. Е. Максимова «Вагинов» (очевидно, начала 1980-х годов), рабочий вариант которой открывается таким развернутым мемуарным вступлением: «Как это ни странно, но о существовании Вагинова я впервые узнал от Николая Семеновича Тихонова. — Он сказал мне, если не ошибаюсь, в 1925, что в Ленинграде живет очень интересный, или даже замечательный поэт — Константин Вагинов. Ни об одном из молодых наших поэтов он не говорил тогда в таком приподнятом тоне, так заинтересованно. Молодого Тихонова, автора сборников “Орда” и “Брага”, мы, студенческая молодежь, и не только мы, но и старшие современники), очень почитали, он становился одним из самых популярных поэтов но-

---

вом классицизме в русской поэзии. Конечно, тонкие, порою блестящие замечания и афоризмы поэтов о стихах, резкие формулировки того, что должно быть, выкованные в пылу борьбы с тем, что есть, — все эти разбросанные замечания ни на какую систему не претендуют. И все же их настоящая научная ценность несомненна. — В первом альманахе — великолепная статья О. Мандельштама “Слово и культура”. Не логическое следование суждений, а лирико-философская импровизация. — Крупнейшим теоретиком и обоснователем современного классицизма является Н. Гумилев. Задуманная им большая “Поэтика” осталась ненаписанной, но краткие заметки, помещенные в альманахах Цеха, позволяют восстановить главные линии его “системы”. Кратко охарактеризовав затем публикации Адамовича и Оцуца, автор завершил рецензию таким выводом: «В утверждениях наших неоклассиков много спорного, преувеличенного. Их теоретическая работа несколько поверхностна и случайна. Но в утверждении жизни, проповеди героизма и классицизма, они движимы торжественным ритмом современности. Будучи лириками, все они предчувствуют и призывают трагедию». Применительно к Гумилёву Мочульский писал об этом тогда же в отклике на книгу его стихотворений «Огненный столп» 1921 года; этот текст вошел в состав публикации с симптоматичным заглавием «Классицизм в современной поэзии» (Современные записки (Париж). 1922. № 11): «Экзотика и стилизация служат ему средствами нового оформления поэтической речи. И через примитив он приходит к классицизму. Все молодые поэты учились у Гумилева. Печально, что задуманной большой “Поэтике” его не суждено было быть написанной» (*Мочульский К.* Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. С. 199–200, 188). Подробнее об этом контексте идёт речь в готовящейся к печати публикации автора данной заметки «Из “теневого окружения” Мандельштама: Константин Мочульский». — Предполагавшаяся для относительно недавно вышедшей из печати «Мандельштамовской энциклопедии» статья «Классицизм» подготовлена не была; обширная, но далеко не исчерпывающая тему публикация «Неоклассицизм» по неизвестным причинам в неё не вошла. Остаётся надежда, что обе они могут увидеть свет во втором издании, появление которого было обещано одним из главных редакторов проекта ещё к концу 2018 года.

вого поколения, и его голос, его оценка значили оч (ень) много. (...) — Вряд ли возможно представить себе образы поэтов и прикреплённые к нему поэтические миры более далекими, чем образы Тихонова и Вагинова. Один был полон жизни и суровой и волевой романтики, другой — уединен от жизненных бурь и огражден магическим кругом своего созерцательного усталого лиризма. Артистичность Тихонова, поднявшая его над своим и позволившая заглянуть в чужое — такое далекое! — понимающими и заинтересованными глазами, меня удивила»⁵⁶.

Возможно, определённое художественное противостояние акмеизму как самому яркому и последовательному проявлению классицизма в новой поэзии было характерно и для «Серапионовых братьев», к числу которых относился Тихонов и в круг общения которых в «Доме искусств» наравне с Мандельштамом мог входить Вагинов. Так, например, Лунц в упоминавшейся выше обзорной заметке «Цех поэтов», содержащей в подзаголовке указание на рецензируемые «цеховые» издания («Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой; Георгий Иванов “Сады”; Н. Гумилев “Огненный столп”»), оставил снисходительно-негативные оценки старшим представителям этого литературного сообщества — Георгию Иванову, Михаилу Лозинскому, Георгию Адамовичу и Михаилу Зенкевичу, — объединив их в одно целое: «Мы всегда знали, что они сидят в болоте», и проведя уничижительные параллели с участниками третьего «Цеха поэтов» — Николаем Оцупом, Сергеем Нельдихенем, Ириной Одоевцевой, Адой Оношкович-Яцыной и др.: «Печально, что в этом болоте завязла молодежь, новые имена и новые лица. И сразу, с первых же стихов мы признаем этих новых лиц

---

⁵⁶ Цит. по: *Дмитренко А. Л.* Статья Д. Е. Максимова о К. К. Вагинове: контур неосуществленного замысла // *Russian Studies*. 2000. Т. III. №2. С. 458–459. В этой же публикации (с. 461) в максимовском конспекте состоявшейся 30.08.1983 беседы с вдовой Вагинова Александрой Федоровой зафиксировано, вероятно, её мемуарное свидетельство: «Очень хорошо относился к К. К. [Вагинову] Н. Тихонов. Общались с Тихоновыми, особенно с его женой». В этой связи следует учитывать и то обстоятельство, что оба литератора были активными участниками создания весной — осенью 1923 года Петроградского (Ленинградского) отделения Всероссийского союза поэтов, с марта 1924 года входили в состав его оргбюро, а в апреле стали членами постоянного правления, что вряд ли не было известно и Мандельштаму, принятому в число участников объединения 28.1.1927; см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы*. СПб., 2007. С. 88–92, 101.

за полноправных болотных жителей». В целом он более чем негативно оценивает художественные проявления возобновившегося поэтического направления, делая исключение лишь для двух участников, без которых представить его невозможно: «У всех поэтов “Цеха” неизменный признак болота (...). Но в болоте есть два подлинных, настоящих поэта. Это вожди школы — Н. Гумилев и О. Мандельштам»⁵⁷. Показательным представляется и тот факт, что позднее имена Мандельштама и Вагинова неоднократно встречались в публиковавшихся под видом литературной критики политических доносах⁵⁸, где они фигурировали в ряду идеологически неприемлемых авторов⁵⁹. Вместе с тем, на более абстрактном уровне современный исследователь доказательно выявил принципиальное оппонирование художественных мировоззрений двух поэтов: «Лирическое Я у Мандельштама эволюционирует по направлению к преодолению любых отчуждающих воздействий, к отмене границ между Я и миром. Для Вагинова естественная «норма» существования Я — раздвоенность (что не отменяет драматизма переживания этой раздвоенности), любые же поползновения к “переходу границ” оцениваются негативно. Отсюда и разница финальных точек эволюции лирического Я двух поэтов: абсолютного самоутверждения и цельности творческого Я Мандельштама и неизбежного самоотчуждения творческого Я Вагинова»⁶⁰.

В формирующемся вокруг данной темы смысловом пространстве кажется возможным гипотетически реконструировать и си-

---

⁵⁷ Лунц Л. Цех поэтов // Лунц Л. «Обезьяны идут!» Собрание произведений / Сост., подгот. текстов, коммент. Е. Лемминга. СПб., 2003. С. 336–337. Нельзя не отметить тот факт, что там же (с. 337) рецензент снова обратился к уже упоминавшейся выше не слишком распространенной «терминологии», находящейся в сфере противопоставления поэзии и прозы, на этот раз — применительно к актуальному в рассматриваемом контексте творчеству Нельдишена: «Единственный интересный поэт из всей молодежи “Цеха” Сергей Нельдишен. Хорош он тем, что он пишет плохие стихи. Да это собственно и не стихи. Но и не проза. И не стихотворение в прозе. — Это проза в стихах».

⁵⁸ См., напр.: Розенталь С. Тени старого Петербурга // Правда. 1933. 30 авг.; Витенсон М. О «правде жизни», о классовой борьбе в литературе и о задачах критики // Звезда. 1934. № 2 и др.

⁵⁹ Ещё раз, уже в совершенно трагическом контексте, имена литераторов соединяются в протоколе допроса Лившица 11.1.1938; см.: Заблоцкий Н. Н. Жизнеописание <Н. А. Заблоцкого> // Заблоцкий Н. А. «Огонь, мерцающий в соку» / Сост. Н. Н. Заблоцкого. М., 1995. С. 367–368.

⁶⁰ Козюра Е. О. Вокруг себя: Мандельштам и Вагинов // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2008. Вып. 3. С. 89.

туацию, несущую в себе комический эффект. Точкой отсчёта в ней является зафиксированное Рудаковым 12.05.1935 каламбурное мандельштамовское именование последнего цикла стихов Вагинова «звукотреподобием», на следующий день определённое как «преподобие»⁶¹. Появление этого «неологизма» связано, очевидно, с постановкой воронежским Большим советским театром чеховского «Вишневого сада», о которой Мандельштам писал в неоконченном тексте неопределённой жанровой принадлежности: «(...) актеры (...) двигались, (...) словно ожидая, что кто-нибудь назовет их “ваше правдоподобие”»⁶². Это «новаторское» обращение появилось, вероятно, в феврале 1935 года⁶³ и стало лексико-семантическим прообразом для будущего каламбура, который, как ни странным может показаться на первый взгляд, кажется допустимым опосредованно связывать с фигурой Тихонова. Обращение «ваше подобие» ассоциативно проецируется на принадлежащее Мандельштаму же «определение» поэтики Тихонова: «Здравия желаю, акмеизм!», о котором известно из упоминаемого Берберовой письма её петербургского знакомого о визите в столицу Советской России: «Был я в Москве. Из московских поэтов, сколь-нибудь меня заинтересовавших, я видел Мандельштама и Пастернака. Мандельштам читал мне чудные стихи и отчаянно ругал Петербург. Произнес целую речь об “Орде” Тихонова, в которой доказывал, что это “здравия желаю акмеизм” и что писать “крепкий ветер” так же пошло, как и “ароматные розы”»⁶⁴. С известной осторожностью можно предположить, что подобная языковая игра в разговорной речи была устойчивым явлением в повседневном общении участников «Цеха поэтов» и основывалась на их «внутрицеховой» иерархии, о чём косвенно свидетельствуют воспоминания Георгия Иванова, относящиеся к периоду издания альманаха «Гиперборей»: «Я не забуду ощущение робости (до дрожи в коленях), знакомое далеко не мне одному, когда Гумилев заговаривал со мною. В те времена я уже был с ним на “ты” и формально на товарищеской ноге, но это “ты, Николай”,

⁶¹ См.: О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 48, 49.

⁶² Мандельштам О. <О Чехове> // Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1994. С. 415.

⁶³ См.: Нерлер П., Никитаев А. [Комментарии] // Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1994. С. 463.

⁶⁴ Берберова Н. Петербургские воспоминания: Три друга. С. 166.

увы, сильно походило на “Ваше Превосходительство” в устах только что произведенного подпоручика»⁶⁵. И он же ранее в обзоре текущей литературы, процитировав строку Ильи Эренбурга: «Закончил дни и был он камергер», — иронически замечает: «Камергер вместо камер-юнкера — “ничтожная разница”, стоившая Пушкину столько крови — должно быть, для рифмы», — к чему делает примечание: «В титулованиях, впрочем, Эренбург вообще слаб. В другом месте (“Повести о легких концах”) у него фигурирует штаб-ротмистр Преображенского полка!»⁶⁶. Возможно, что обыгрывание воинской, военной символики и терминологии вообще было общим местом в культуре того периода; так, например, в подписанном псевдонимом антиакмеистическом критическом обзоре «Игра в литературу» (Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1914. №76. 21 марта. С. 3) говорилось: «Рота, стройся! — И вот сотни поэтов уже выстраиваются “по Брюсову”, десятки беллетристов “по Шмелеву”. Славные такие книжечки в обложках с виньетками, прекрасное топливо для камина!»⁶⁷. Вместе с тем, в подобной ситуации нельзя не учитывать и реальные этикетные нормы обращения: например, Гумилёв адресовал большинство своих писем «старшему наставнику» как «Его Высокородию Валерию Яковлевичу Брюсову»; ср., напр. «предакмеистические» весну — лето 1912 года⁶⁸.

⁶⁵ Иванов Г. Китайские тени // Иванов Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е. В. Витковского, В. П. Крейда, коммент. В. П. Крейда, Г. И. Мосешвили. М., 1994. С. 225. Здесь же уместным будет напомнить хорошо известную негативную «дефиницию» Багрицкого: «Гумилев был любимым поэтом юнкеров и гардемарин» (Коваленков А. Хорошие, разные. М., 1962. С. 36).

⁶⁶ Иванов Г. Почтовый ящик. С. 70.

⁶⁷ Цит. по: Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманов, А. А. Чабан. СПб., 2014. С. 361.

⁶⁸ См.: Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 8: Письма / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера, Т. М. Вахитовой, Ю. В. Зобнина и др. М., 2007. С. 497, 498, 500. Так же он обращался и к некоторым другим современникам. — Как любопытную косвенную деталь можно назвать факт присутствия в художественном мире Мандельштама «офицерской темы», в другой связи отмеченную в публикации: Левинтон Г. А. Из комментариев к прозе Мандельштама (8) // *Donum homini universalis*: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелёва. М., 2011. Военная топика возникает у Мандельштама с началом Первой мировой войны и на протяжении всего его творчества прямо, опосредованно или глубоко редуцированно оказывается соотносима с личностью Гумилева и его поэзией; ср.: Шиндин С. Г. Мандельштам и Гумилев: о некоторых аспектах темы // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конферен-

Вряд ли вызовет возражения утверждение о том, что в связи с темами разговоров Мандельштама с Рудаковым это обстоятельство не могло не актуализировать для него имена Вагинова и Тихонова, дополнительным стимулом для чего послужило присутствие в формирующемся контексте имени Гумилёва. Не вызывает сомнения и тот факт, что большинство из перечисленных фактических составляющих данного эпизода «литературного быта» 1920-х годов (включая его эмигрантский компонент) опосредованно, но разносторонне связанного с тремя представителями разных поэтических поколений, полностью или частично были известны Мандельштаму и могли служить мотивацией для творческих поисков и биографических поступков⁶⁹. Но в целом и вторая часть «диалога» Мандельштама с Вагиновым вновь прошла заочно, что, тем не менее, никак не умаляет её значения для личной и творческой биографии обоих.

ции. СПб., 1992 и др. И здесь возникает неизбежна параллель более общего характера — с биографиями Гумилёва, Тихонова и Вагинова, в различное время и в разном качестве несших военную службу в различных армиях.

⁶⁹ Именно следствием этого допустимо считать неожиданно активизировавшийся интерес опального поэта к советскому литератору, причём не столько в «литературном», сколько в «социально-иерархическом» аспекте: «В декабре 1936 — апреле 1937 года Мандельштам послал Тихонову (лично или в редакцию “Звезды”, которую Тихонов тогда возглавлял) как минимум 5 писем с новыми стихами и просьбами о содействии в их опубликовании и оказании материальной помощи» (Лекманов О. А. Тихонов Н. С. С. 140). Реального содействия литературной судьбе ссыльного коллеги преуспевающий «классик» не оказал, но, возможно, предполагал существенно помочь ему материально: 31.01.1938 один из подозреваемых по так называемому «делу Лившица» («разветвленный право-троцкистский заговор писателей под руководством Н. Тихонова и И. Эренбурга с целью убийства И. В. Сталина») на допросе упомянул Мандельштама, сообщив, что «в марте 1937 года Тихонов собирался послать ему в ссылку 1 000 рублей, будто бы “для развертывания антисоветской работы”» (Нерлер П. Осип Мандельштам и его солагерники. М., 2015. С. 57, 60).

Сергей Шиндин

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА «ОМСКОГО ТЕКСТА»?

Вокруг собрания сочинений Георгия Маслова¹

Несколько лет назад, открывая сборник публикаций, посвящённых малоизвестным, забытым и потерянным представителям литературной среды того фрагмента отечественной культуры, которой принято определять размытым термином «Серебряный век», один из самых искущённых и глубоких знатоков и исследователей этого периода Р. Д. Тименчик утверждал: «(...) сейчас стало очевидно, что перед тем, как создавать обзоры густонаселенной русской литературы столетней давности, надо поименно представить каждого насельника, иначе это будет, как говорил классик из века позапрошлого, пустой забавою»². И самым деятельным и заметным в этом направлении начинанием, безусловно, являет-

---

¹ См.: Георгий Маслов: Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / Сост. В. В. Нехотин, И. Г. Девятьярова. Омск, 2020. 440 с.

² Тименчик Р. Пояснения к сборнику // Тименчик Р. Ангелы — люди — вещи: в ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 7–8; ср.: Богомолов Н. А. Человек серебряного века: попытка персоналогической характеристики // Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века: От fin de siècle до Вознесенского. Т. 1: Время символизма. М., 2021. В шушливой личностной исследовательской «парадигме» охарактеризовал подобные начинания М. Л. Гаспаров, который, по свидетельству А. К. Жолковского, в частной беседе «продекламировал отточенную (полагаю, заранее) формулу: “Только занимаясь второстепенными поэтами, мы смеем надеяться, что не забудут и нас, третьестепенных филологов”» (Жолковский А. «На фоне Пушкина ...» // Жолковский А. Эросипед и другие виньетки. М., 2003. С. 527).

ся издание сборников материалов, освещающих и отражающих биографию и творческий путь тех или иных тeneвых, а то и вообще неизвестных современным исследователям и читателям фигур. Насколько успешны подобного рода культуртрегерские опыты, во многом не зависит от художественной ценности представленного ими литератора первой четверти XX века, а определяется только репрезентативностью выходящих в свет материалов, то есть профессионализмом, информированностью и добросовестностью авторов этих опытов.

По этим критериям должно рассматриваться и оцениваться издание, которому посвящена настоящая заметка. Имя Георгия Маслова для многих филологов и заинтересованных читателей относится к числу тех, которые, «кажется, слышали», но которых «не читали» и о которых «ничего не знают», как, например, имена Всеволода Князева или Леонида Канегиссера. Но в истории русской литературы эти ровесники Маслова оставили память о себе как заметными событиями собственной биографии, так и фактом трагической кончины, не миновавшей прямого или косвенно отклика в культуре 1910-х годов. О главном герое рецензируемого издания такого сказать нельзя.

Об этом же, по сути, пишут в водной заметке рецензируемого издания «От составителей» В. В. Нехотин и И. Г. Девятьярова: «Имя поэта и филолога-пушкиниста Георгия Владимировича Маслова (1895–1920) принадлежит к числу легендарных литературных имен — долгие годы оно оставалось таким даже для его современников», — и предлагают собственный вариант мотивации подобной характеристики: «Формированию ореола легендарности способствовали и его безвременная кончина и сами обстоятельства смерти. Маслов умер в марте 1920 г. от сыпного тифа в Красноярске при отступлении Белой армии на восток. — Студент Петроградского университета, Георгий Маслов оказался в Сибири в конце 1918 г. В Белой столице [Омске. — С. III.] его творческая деятельность достигла наивысшего расцвета» (с. 5)³.

---

³ Лично знавший героя предлагаемой легенды в петербургский период его жизни более чем искушенный литературовед в 1922 году высказался сдержаннее: «Имя Георгия Владимировича Маслова мало кому известно; оно и останется в тени, потому что Георгий Маслов умер в 1920 году на больничной койке, в Красноярске, не достигши и двадцати пяти лет. (...) — Я помню Маслова по Пушкинскому семинарию Петербургского университета. Здесь он сразу и безмерно полюбил Пушкина (...) и (...) занимался по преимуществу изуче-

О том, насколько верны данное утверждение о легендарном ореоле имени Маслова и версия формирования такового, речь пойдёт во второй части настоящих заметок, для чего необходимо предварительно рассмотреть открывающие книгу очерк биографии литератора и разделы, представляющие его поэтическое творчество и публицистику⁴.

1.

До выхода в свет рецензируемого издания у каждого филолога и заинтригованного читателя, интересовавшегося особенностями творчества или жизненного пути Маслова, был, практически, только один известный и надёжный источник для этого: составленная Н. А. Богомоловым краткая научная биография энциклопедического характера.⁵ Но те, кто предполагает в рецензируемом издании найти новое и развёрнутое описание жизни и творчества не самого заметного представителя литературы 1910-х годов, будут, несомненно, глубоко разочарованы: очерк «Георгий Владимирович Маслов. Хроника жизни» (очевидно, относимый составителями к числу «документальных и мемуарных свидетельств о его жизни и посмертном влиянии на русскую литературу» (с. 5)) занимает всего неполных пять страниц (с. 10–14) и содержит только известные факты. Почти целиком первую страницу

нием пушкинского стиха (...). Вскоре мы услышали его собственные, не всегда ровные, но уже строгие стихи. Стихи его стали появляться в печати (...). — В годы революции Маслов очутился в Сибири» (*Тынянов Юр.* Георгий Маслов // Маслов Г. Аврора : поэма. Пб., 1922. С. 7–8; цит. по: *Маслов Г.* Аврора [Репринтное издание] // Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979. С. 109–110).

⁴ Сами составители в целом характеризуют своё издание так: «Настоящая книга представляет собой полное собрание сохранившихся стихотворных и прозаических текстов Маслова. Она сопровождается детальными комментариями, сводом документальных и мемуарных свидетельств о его жизни и посмертном влиянии на русскую литературу, хроникой культурной жизни Белого Омска 1918–1919 г., в которой Маслов занимал одно из ведущих мест» (с. 5).

⁵ См.: *Богомолов Н. А.* Маслов Г. В. // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 3: К–М / Гл. ред. П. А. Николаев. М, 1994. Этой публикации предшествует также единственная попытка научного описания поэтического наследия Маслова: *Богомолов Н. А.* К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // *Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения.* Рига, 1988.

этого раздела занимает подробнейшая биография отца поэта, источником для которой послужили, в частности, сведения из «метрической книги Соборной церкви города Моршанска» и «формулярного списка неперменного члена Симбирского отделения Крестьянского Поземельного банка» (с. 10). В противоположность этому сведения о первых восемнадцати годах жизни будущего литератора уместились в два абзаца объёмом две с половиной строки каждый и для составителей рецензируемого издания явно носят даже не вспомогательный, а формально-обязательный характер. На описание первого самостоятельного года жизни Маслова — легендарного 1913 — приходится шесть полных строк, из которых читатель узнает, что осенью этого года начинающий поэт «(...) поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета по группе славяно-русской филологии. Участник Пушкинского семинария профессора С. А. Венгерова. Писал стихи, научные доклады, участвовал в поэтическом кружке университетской молодежи» (с. 11). Далее отдельные фрагментарные сообщения об этой странице биографии Маслова в разрозненном виде появляются в тексте примечаний; в частности, его участию в Пушкинском семинаре дана такая характеристика: «О контексте пушкиноведческих работ Маслова см.: “Дополнительные данные об историко-литературных занятиях Маслова дают протоколы заседаний Пушкинского семинария (ИРЛИ, ф. С. А. Венгерова). 26 ноября 1915 г. он сделал доклад «Пушкин и Энгельгардт». (...) На заседании 26 февраля 1915 г. состоялось выступление Маслова памяти акад. Ф. Е. Корша»» (с. 167).

Остаётся неизвестным, по какой причине авторы не воспользовались информацией, содержащейся в цитированном ими в другой связи очередном альманахе Пушкинского семинара 1916 года «Пушкинист». В опубликованном там расширенном списке участников этого объединения имя Маслова упоминалось среди лиц, «причастных к литературной и научной деятельности», и сообщалось, что он «(...) в университете с 1913 года; в Пушкинском семинарии с 1913. Читал рефераты “Разбор вопроса о подлинном окончании «Русалки»” (27 ноября 1914 года)⁶. “О стихотворе-

⁶ Во вступительной статье к четвёртому выпуску альманаха «Пушкинист» заглавие упоминаемого масловского реферата несколько отличалось: «Разбор архитектуры и стиха “окончания” “Русалки” сравнительно с подлинными произведениями Пушкина» (Фомин А. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник. Памяти проф. С. А. Венге-

нии «Она» Е. Боратынского» (9 апр. 19914 года). «О стихотворении «Счастлив, кто близь тебя, любовник упоенный...»» (8 октября 1915 года). Поэт. Сотрудник [издания. — С. III.] «Пушкин и его современники»⁷. «История цезуры пушкинского пятистопного ямба» (7 мая 1915 года)⁸. В такой перспективе несомненно заслуживает внимания еще один факт, отражённый в мемуарной биографии Венгерова: «Не ограничившись изданием “Пушкиниста”, объединяющего участников Пушкинского семинария в трех высших учебных заведениях, (...) Семен Афанасьевич задумал создать Общество изучения Пушкина и его эпохи, спланировавшее участников семинария и историков литературы вообще. Общество это было учреждено Семеном Афанасьевичем и группой участников Пушкинского семинария в конце 1915 г. под названием “Историко-литературный кружок имени Пушкина”, причем намеченные ранее цели были значительно расширены и задачу явилось не только исследование Пушкина и его эпохи, но и изучение вообще истории русской литературы XIX века и теории литературы. Первое заседание этого кружка состоялось 5 декабря 1915 г. (...). В январе 1918 г. кружок был преобразован в “Историко-литературное общество имени Пушкина” при Петроградском университете, превратившись из студенческого кружка в научное общество, членами которого могли быть все вообще исследователи литературы. К сожалению, тогдашние тяжелые условия петроградской жизни помешали расцвету общества, и заседания его

рова. (Пушкинист. IV) / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг., 1922. С. XX; на обложке указан 1923-й год издания).

⁷ Речь идёт об одном из регулярно выпускавшихся с 1903 года Комиссией для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук сборнике статей: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Повременное издание. Т. 7. Вып. 28. Пг., 1917, — который содержал единственную прижизненную пушкиноведческую публикацию Маслова «Новое о стихотворении Пушкина “Послушай, дедушка, мне каждый раз...” 1818 г.». В рецензируемом издании составители комментируют данный факт следующим образом: «В основе статьи лежит доклад “Цезура в Пушкинском пятистопном ямбе», прочитанный Масловым в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова 7 мая 1915 г. (...), почему и саму статью позднее упоминали как “работу о цезуре в Пушкинском пятистопном ямбе” или даже “История цезуры в пушкинском ямбе”» (с. 166). Кто и при каких обстоятельствах оставил такие формулировки, комментаторы не уточняют.

⁸ [Б. п.] Второй список участников Пушкинского семинария при Петроградском университете (1913–1915) // Пушкинист. Историко-литературный сборник. II / Под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг., 1916. С. 290, 291, стб. 1.

прекратились». В примечании к этой информации сообщалось: «В комитет кружка входили: С. М. Бонди, П. Е. Будков, Г. В. Маслов, Ю. Г. Оксман и Н. В. Яковлев»⁹.

1914 год из «хроники жизни» Маслова выпал, а четырёхстрочный фрагмент о 1915 открывается таким сообщением: «Публикует свои стихи в петроградских журналах “Рудин” и “Богема”. (...) — Посещает “кружок поэтов” на квартире М. М. Винавера, куда входят Вс. А. Рождественский, С. А. Есенин, Н. А. Адуев, Л. М. Рейснер и др.» (с. 11). Вряд ли станет ошибкой предположение о том, что названия этих периодических изданий ничего не скажут не только абсолютному большинству читателей, но и многим специалистам по отечественной литературе начала XX века. Как, впрочем, и таинственный «кружок поэтов». Между тем данные начинания, очевидно, были связаны между собой. Современный исследователь русской литературы начала XX века определяет названное объединение как «литературный кружок молодых поэтов, студентов Петроградского университета, существовавший в 1915–1916 гг. Организационное собрание кружка состоялось осенью 1915 г. на квартире М. М. Винавера (...). В состав группы входили П. А. Адуев, Е. М. Винавер, И. В. Евдокимов, В. А. Злобин, С. М. Кремков, М. О. Лопатто, Д. Л. Майзелье, Е. Р. Малкина, И. Р. Малкина, Г. В. Маслов, С. А. Никольский, Ю. А. Никольский, Н. А. Оцуп, Л. М. Рейснер, В. А. Рождественский, Г. П. Струве, Е. М. Тагер, В. М. Тривус». А затем автор приводит мемуарное свидетельство Всеволода Рождественского: «Маслов и Рейснер — вот ядро нашего поэтического кружка»¹⁰. Сведений о названном литературном объединении почти не оста-

⁹ Фомин А. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария. С. XXVII–XXVIII. Современный комментатор несколько расширил эту характеристику: «Маслов, принадлежавший к числу ведущих участников семинария, входил в комитет Историко-литературного кружка им. Пушкина (образован в конце 1915 г.), а затем в правление Историко-литературного общества им. Пушкина (создано в январе 1918 г.)» (Чудакова М. О. Комментарии [к ст. «Георгий Маслов»] // Тьянянов Ю. Н. Поэтика. История Литературы. Кино / Изд. подгот. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 452). Там же содержится ещё одно немаловажное биографическое свидетельство современника касательно второго из объединений: «При выборах правления Общества, в составе пяти человек, [...] в правление вошли два художественно одаренных человека, Маслов и Тьянянов. Примкнула еще бестужевка Елена Тагер, жена Маслова, в роли гостеприимной хозяйки».

¹⁰ Шруба М. Кружок поэтов // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов : словарь. М., 2004. С. 83.

лось; ситуацию вокруг него Н. А. Богомоллов охарактеризовал следующим образом: «О “Кружке поэтов” Петербургского университета известно очень мало. Помимо изданного в 1918 году сборника “Арион” (между прочим, сочувственно отрецензированного Гумилевым), кружок издавал машинописный “Альманах “Кружка поэтов”», — и привел обширную цитату из неопубликованных воспоминаний Рождественского: «Университетский кружок наш разросся. Никаких поэтических “студий” в то время еще не существовало, обезличивающей прививки общего для всех “хорошего эстетического тона” мы так и не знали, а потому рост был органически-неровный, живой. Стали собираться каждую неделю (...). Ядро составляли мы с Георгием Масловым, Виктор Тривус, Анна Регатт [псевдоним Е. М. Тагер. — С. III.], Ник. Оцуп. В самом непродолжительном времени к нам, никому не ведомым, примкнули такие же никому не ведомые: Кальма, Квятковский, Ал. Толмачев, Сергей Есенин, Лариса Рейснер, Дм. Майзельс, Алексей Михайлов, Вл. Злобин, М. Лопатто, Ал. Тамамшев, Ник. Адуев, Чролли, Пимен Карпов и др. Полтора или два года мы жили в непрерывном общении друг с другом, и это время, знаю твердо, не миновало бесследно для всех, кто вышел сейчас на самостоятельную литературную тропинку»¹¹. Возможно, и эти собрания подразумеваются в относящихся к данному периоду мемуарах Юлиана Оксмана, когда он упоминает о «студенческих вечерах поэтов, где (...) читали свои стихи Гумилев, Осип Мандельштам, М.<Л.> Лозинский, В.<В.> Гиппиус, а из сокурсников Георгий Маслов, Всеволод Рождественский, Лариса Рейснер (бестужевка, часто у нас бывавшая)»¹².

¹¹ Богомоллов Н. А. Проект «акмеизм» // Богомоллов Н. А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 663, прим. 71. Основанием для этого примечания стало опубликованное там же (с. 503) краткое устное мемуарное сообщение упомянутого среди участников этого начинания В. А. Злобина, зафиксированное Ю. П. Иваском: «У нас был небольшой кружок поэтов в 1915 г. Мы были в оппозиции к акмеизму. Для нас существовали только хорошие и плохие стихи. Мы понимали, что акмеизм — здоровая реакция на плохие стихи символистов, но не одобряли его как лит<ературное> направление. — Члены нашего кружка: Георгий Владимирович Маслов, В. Рождественский, Лариса Павловна <так!> Рейснер и некот<орые> другие <...>. — Техниккой стихосложения мы не занимались. Но стихи обсуждали подробно».

¹² Цит. по: Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современника (Сообщение) // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С. 92. Контекстуально это свидетельство с известной осторожностью может быть отнесено к 1914 году.

Заметным фактом явилось интенсивное сотрудничество участников данного литературного объединения с редакцией независимого периодического издания: «В тесной связи с Кружком поэтов стоял издаваемый М. А. Рейснером и Л. М. Рейснер журнал “Рудин”, печатавший стихи и статьи участников кружка (вышло восемь номеров с ноября 1915 г. по апрель — май 1916 г.»¹³. Некоторые авторы прямо мотивируют эту связь тем, что издатель «Рудина» «стремились привлечь в свой журнал литературную молодежь. Основными его сотрудниками стали студенты — члены университетского “Кружка поэтов”, в который входила и сама Рейснер. Среди них были О. Э. Мандельштам, Вс. А. Рождественский, И. В. Евдокимов»¹⁴. Той же причиной, очевидно, вызвано и существование сообщества «молодых поэтов, группировавшихся вокруг студенческого литературного журнала “Богема” (Пг., 1915–1916. № 1–5/6). В его состав входили А. К. Лозина-Лозинский, Г. В. Маслов, Л. М. Рейснер и др.»¹⁵.

Далее в «очерке жизни и творчества» Маслова следует 1916 год, который, по оценке биографов, отмечен только решением поэта «вступить в первый [? — С. Ш.] законный брак с Еленой Михайловной Тагер», проиллюстрированным архивной записью о венчании «причтом церкви Св. Первоверховных Петра и Павла, что при Императорском университете, 6 ноября 1916 года» и подробным перечнем поручителей по жениху и невесте (с. 11) При этом информация об эпизоде, оставшемся заметным не только для новобрачной, но и, возможно, для её мужа, переключивалась

¹³ Шруба М. Кружок поэтов. С. 83.

¹⁴ Наумова А. И. *Пржиборовская Г. А.* Вступит. ст. к публ.: Рейснер Л. Автобиографический роман / Вступит. ст. и публ. А. И. Наумовой и Г. А. Пржиборовской, примеч. Н. А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: новые материалы и исследования. М., 1983. С. 192. Что именно послужило для комментаторов основанием для включения Осипа Мандельштама в число участников данного литературного объединения неизвестно, как неизвестен источник и более позднего утверждения: «На заседаниях Кружка поэтов бывали С. А. Есенин, О. Э. Мандельштам» (Шруба М. Кружок поэтов. С. 83).

¹⁵ Шруба М. «Богемы» кружок // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 30. О самом издании, в четвертом номере которого за 1915 год состоялась первая публикация Маслова (стихотворение «Вот промелькнула ночь бессонная...»), теперь см.: Соболев А. А. Журнал «Богема» (1915): Роспись с выносками // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: Формы взаимодействия и методология анализа: Коллективная монография. М., 2021.

в примечания. Речь идёт о встрече нового 1917 года, которую Тагер в своих мемуарных записях изобразила так: «Осенью 1916 года я вышла замуж. Мы с мужем одноклассники, оба студенты и оба филологи. — Мы встретили новый, 1917 год в “Привале комедиантов”, в модном подвале у Марсова поля. В “Привале” былолюдно и шумно (...). — Мы с мужем заняли отдельный столик. Нам никого не было нужно, нам нравилось “одинокчество вдвоём”. У нас не хватало денег на вино, но мы опьянели от этой причудливой обстановки. — Поблизости от нас (...) обозначился острый профиль Мандельштама, его высокий лоб. Пронин наклонился к Мандельштаму, что-то ему прошептал. (...) Пронин своим приятным певучим голосом поздравил гостей с Новым годом и объявил, что сейчас мы услышим новые стихи Осипа Мандельштама. — И мы услышали их. (...) — В ту новогоднюю ночь он пропел нам стихи о войне — о европейской войне, что длилась с ранней осени 1914 года и теперь готовилась захлестнуть 1917-й. (...) — Он пропел до конца: горящие глаза погасли, темные ресницы почти сомкнулись. Экстаз кончился. Осип Эмильевич сел рядом со мной — уже будничным, уже не вдохновенным»¹⁶.

Далее в хронике жизни поэта о начале 1917 года сообщает: «До окончания университета оставалось несколько экзаменов. Маслов был намечен к оставлению при кафедре русской литературы и уже приступил к своему кандидатскому сочинению — о лицейских стихах Пушкина. — После Февральской революции

---

¹⁶ Тагер Е. О Мандельштаме // Осип Мандельштам и его время / Сост. В. Крейд и Е. Нечепорук. М., 1995. С. 235–236. Данный фрагмент, в частности, воспроизведён и в единственном подробном жизнеописании Мандельштама (см.: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, А. М. Видофа, Д. И. Зубарева и др. / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2019. С. 116 (эл. изд.)), но и там, как и в других случаях публикации мемуаров Тагера, имя Маслова остаётся не «эксплицированным». Личное знакомство Мандельштама и Маслова к этому моменту более чем вероятно: оба были студентами историко-филологического факультета Петербургского университета по группе славяно-русской филологии; первый — в 1911–1917, а второй — в 1913–1918 годы. — Первая, очевидно, биографическая «реплика» о мемуаристке содержится в публикации: Струве Г. Вступление // Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979. С. 24–27; теперь см.: Сальман М. Г. Из юношеских лет Елены Тагер (Материалы к биографии. 1895–1924) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. [Berlin, Bern, Bruxelles etc.], 2020; Соболев А. Л. Еще раз о ранней биографии Е. М. Тагер // Литературный факт. 2021. №2 (20).

выехал с женой в Симбирск для организации выборов в Учредительное собрание» (с. 11). Вместе с тем, теперь в распоряжении биографов имеется свидетельство о прямом участии Маслова в февральских революционных событиях — поздней спутница жизни поэта вспоминала: «(...) февраль 1917 г., в Петербурге (Петрограде). Снежная ночь, несметная толпа, тысячеустый вопль “Долой самодержавие!” Мы с мужем, плечо к плечу, в студенческом отряде, у нас задание — восстановить коммуникацию Петербургской стороны с Васильевским островом и мы рвемся на Тучков мост. Там рота Финляндского полка, в нас стреляют, мы падаем в снег, поднимаемся, несемся вперед, втроем — муж, подруга и я — вбегаем на Тучков мост (в сущности — безоружные дети!) и солдаты расступаются перед нами, а за нами, лавиной, толпа ...»¹⁷. Данный факт во многом объясняет последующую политическую позицию начинающего литератора, следствием которой стали обстоятельства, приведшие его в Омск¹⁸. Об общественном аспекте деятельности Маслова в Симбирске в хронике сказано кратко и пунктирно: «Занимался организацией лекций в Культурно-политическом клубе, избирается председателем этого клуба. (...) — В июле добровольцем в качестве рядового вступает в Народную армию под командованием полковника В. О. Каппеля. Участвует в организации добровольческих отрядов антибольшевистской Народной армии Комуча в Симбирске. В августе-сентябре публикует статьи популярно-разъяснительного характера в симбирских газетах (о системе выборов в Учредительное собрание, о волостном земстве и т. п.)» (с. 11–12)¹⁹.

С 1918 года историко-биографическое повествование становится подробнее и детальней; омские и шире — сибирские — со-

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 32. Л. 53 об. — 54 об.; цит. по: *Сальман М. Г.* Из юношеских лет Елены Тагер (Материалы к биографии. 1895–1924). С. 476.

¹⁸ В связи с общей характеристикой творчества Маслова единственный комментатор коснулся и «внутренней направленности его поэзии, которая точно соотносится с некоторыми тенденциями движения всей русской поэзии на грани двух великих исторических эпох. При этом следует напомнить, что далеко не всегда именно 1917 г. является этой гранью: в реальном литературном движении перерыва не было» (*Богомолов Н. А.* К изучению поэзии второй половины 1910-х годов. С. 175).

¹⁹ В другой связи спутница жизни поэта охарактеризовала данный период так: «Три года я провела в Поволжье, видела гражданскую войну, голод, разруху. В последний вечер 1920 года я, как из другого мира, возвратилась в Петроград» (*Тагер Е. О.* Мандельштам. С. 236).

бытия или лучше знакомы авторам-составителям, или, на их взгляд, более достойны интереса читателей. Главное внимание оказывается уделено периоду, проведенному Масловым в Омске, — с ноября 1918 года по ноябрь 1919 (с. 12–14). В марте 1920 года поэт трагически скончался...

Продолжать и далее восстанавливать лакуны данного образцового в своей лаконичности жизнеописания вряд ли целесообразно — жанр рецензии этого не предполагает. Говоря откровенно, подобная «хроника жизни», стимулированная не исследовательской дисциплинированностью и ответственностью составителей, а лишь жанровой академической необходимостью, естественнее смотрелась бы на электронных страницах столь любимой некоторыми «комментаторами» «Википедии»²⁰. О возможных побудительных причинах такого откровенно избирательного подхода составителей идёт речь во второй части настоящих заметок.

Собственно художественная часть комментируемого издания состоит из разделов «Стихотворения и поэмы» и «Статьи, выступления, письма». К сожалению, и первую из них нельзя назвать образцом организации собрания сочинений подобного типа. В предуведомлении составители раскрывают принципы своей текстологической работы с произведениями забытого поэта: «(...) значительная часть поэтического наследия Маслова известна лишь в неавторизованных и нередко очень поздних списках. Важнейшие два из подобных источников — это списки, сделанные Е. М. Тагер [женой поэта с 1916 года, формально — до 1919. — С. III]. — Один из них хранится в РГАЛИ (...). — Другой, меньшего объема и менее сложной структуры, находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки» (с. 6). О первом из них сообщается: «Подготовленный Е. М. Тагер, список РГАЛИ был передан ею Ю. Г. Оксману (после смерти которого и поступил в архив). Есть немало оснований полагать, что этот

---

²⁰ К предложенной Виктором Шкловским известной «типологии» халтуры, «греческой» и «татарской», теперь можно добавить ещё одну — халтуру глобальную сетевую, где авторы предусмотрительно остаются анонимными. (Но это как раз не та ситуация, в которой оказались бы уместными знаменитые строки: «Хотелось бы всех поименно назвать ...».) Впрочем, такая страница уже имеется и для героя этих строк: Маслов Георгий Владимирович // Википедия: Свободная энциклопедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маслов,_Георгий_Владимирович. К слову сказать, в разделе «Сочинения» там упоминается и рецензируемый проект.

список в числе прочего воспроизводит композицию анонсированного в октябре 1918 г. издательством “Сиринга”, но оставшегося неосуществленным авторского сборника: “Георгий Маслов. Тростник. Стихи (готовится)” (Арион: Сборник стихов. [Вып.] I. Пб., 1918. С. 63); судя по достаточно сложной и не везде следующей хронологии структуре списка РГАЛИ, в нем также отражен состав “основного” и “дополнительного” корпусов поэзии Маслова петербургского и симбирского периодов (не исключено, что в представлении самого автора)» (с. 6)²¹. Соответственно, «(...) в отсутствие иных однозначно убедительных композиционных решений составители настоящего издания предпочли следовать аналогичной схеме расположения стихотворений» (с. 6).

Выбрав за основу поэтического раздела первый из списков, составители тем не менее на двух страницах дают подробно описание обоих, которое может привлечь внимание только специалистов-текстологов, но вряд ли будет интересно простому читателю. При этом авторы, видимо, целиком захваченные порывом публикаторов-первооткрывателей, лишь вскользь упоминают увидевшее свет более тридцати лет тому назад издание, ставшее предметом для их подражания, — подготовленное Г. П. Струве максимально полное на тот момент собрание произведений Маслова, положившее начало знаменитой теперь серии «Modern Russian Literature and Culture. Studies and Text»²².

Следующие далее стихотворения (с. 17–76) композиционно расположены в соответствии со списком, хранящимся в РГАЛИ, то есть следуют не безусловной авторской воле публикуемого поэта, а произвольному решению составителя (его вдовы).²³ В результате стихи в подборке оказываются никак не систематизированы ни по времени, ни по месту их написания и в своей последова-

---

²¹ Указанный поэтический сборник Маслова, не будучи опубликованным после его анонса, попал в составленный Р. Д. Тименчиком список так называемых «фантомных изданий», которые, по мнению автора, вносят «дополнительный материал в сферу изучения русской титрологии, в историю издательского дела и в биографии поэтов XX века» (*Тименчик Р. Д. Теневой портрет русской поэзии начала XX века // Тименчик Р. Ангелы — люди — вещи: в ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 157*) Там же (с. 171.) упоминается и несостоявшееся издание «Посмертных стихотворений» Маслова.

²² См.: *Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979.*

²³ В отличие от этого в подготовленном Струве издании тексты размещены строго в хронологической последовательности.

тельности не отражают ни процесса творческой эволюции автора, ни его художественного замысла при издании максимально полного собрания собственных текстов. По какой причине составители рецензируемого издания выбрали именно такой вариант, остаётся неизвестным. В другой связи пишущему эти строки уже приходилось говорить о том, что традиционный способ — формирование издания в соответствии с вышедшими в свет при жизни поэта его сборниками стихов — более предназначен для читателя, которому важна именно авторская позиция, отраженная в порядке следования его поэтических текстов. Хронологическая модель совершенно явно ориентирована на исследователя, частично или полностью реконструирующего художественный мир автора, формирующийся и видоизменяющийся последовательно, на протяжении всей его творческой биографии. Образно говоря, если первый тип построения собрания сочинений поэта, рассчитанный на достижение прежде всего эстетического эффекта, сопоставим с индивидуальным авторским «сюжетом», то вариант, направленный на получение конкретного рационального результата, можно определить как «фабулу». В данном случае предложенная Струве «фабула» при всей своей мотивированной реальными обстоятельствами неполноте представляется более оправданной. И если к созданию таковой Маслов имеет непосредственное отношение как автор образующих её произведений, то предлагаемый издателями «сюжет» строился без его участия и автоматически повторяет работу, проделанную вдовой поэта, которая самостоятельно упорядочила все тексты, имевшиеся в её распоряжении. И хотя составители в целом пытаются придерживаться хронологических координат, соответствующих творческому пути Маслова, последовательность публикуемых произведений далеко не всегда им соответствует²⁴.

Открывающее поэтический раздел стихотворение «Улыбка» («Сердце — горячая алая рана...») воспроизводится по публикации: Сибирская речь [Омск]. 1919. №8. 1 (14) янв. С. 2, следующее за ним «Вот промелькнула ночь бессонная...» — по: Богема. 1915. №4. С. 11, а помещенный далее «трилистник» «Послание другу» (1. «Теперь не к времени идиллии...» [так. — С. Ш.]

---

²⁴ Говоря о формальных принципах организации издания, приходится отметить и лаконичное, а по сути, не детализированное (и, следовательно, неорганизованное) его оглавление, пользоваться которым с практической целью не просто не имеет смысла, а нет никакой возможности.

2. «С тобою музы раззнакомятся...»; 3. «В лесу скрываются разбойники...») — по: Сибирская речь. 1919. №34. 14 (1) февр. С. 5 [№1, 2], и: *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. С. 466–467 [№3]; библиографическое описание последнего источника указано неверно. Затем следует стихотворение «Вся улица в тумане...» (Заря [Омск]. 1919. №87. 27 апр. С. 2, с датировкой по архивным вариантам «1915–16» и «1916»). И так далее...

Но при этом особо следует подчеркнуть, что в обстоятельных примечаниях (с. 86–162) все публикуемые произведения снабжены безукоризненным детальным текстологическим комментарием, ценность которого возрастает с учётом того, с каким количеством материалов и в каком его состоянии вынуждены были работать публикаторы (рукописные варианты, беловые редакции, авторизованные копии, публикации в дооктябрьской столичной печати и провинциальной периодике времен Гражданской войны и т. п.)²⁵.

Немало остаётся и более частных вопросов к предлагаемым комментаторами толкованиям. Например, о стихотворении «Не предвидит сердце глупое...» ими сообщается: «Это стих вызвало отклик Н. С. Гумилева: “Георгий Маслов уже выработал себе стих твердый и в то же время подвижный; подход к темам определенный и достаточно их исчерпывающий. Только какая-то неинтенсивность чувства, печальный дар оставаться в стороне от того, о чем говорится, заставляет несколько опасаться за будущее поэта. Выше я говорил о его темах, хотелось бы видеть у него тему в единственном числе. Но уже и теперь его стихи определенно радуют читателя: Не предвидит сердце глупое <...> Самым дерзким поцелуям”» (с. 89–90). Вряд ли краткий отзыв старшего поэта, касающийся публикации Маслова в альманахе «Арион», относится только к одному тексту. Такая «локализация» выбрана комментаторами явно из-за того, что это стихотворение процитировано в гумилёвской «рецензии», причём полностью, а не в той странной форме, как указано ими в примечании²⁶.

²⁵ Правда, сами примечания и к этому разделу сборника, и ко всем остальным остались не вынесенными в содержание книги. Не оказались там и поимённо представленными поэтические и прозаические тексты Маслова и мемуарные публикации о нём.

²⁶ Кроме того, составители могли бы учесть и более поздний опыт первого «академического» издания: *Гумилев Н.* «Арион» // Гумилев Н. С. Полное собрание

Ещё большей степенью своей нерепрезентативности поражает то, как отражено в примечаниях участие Маслова в прижизненных коллективных поэтических изданиях. Публикации современников в периодической печати, как правило, несут в себе элемент случайности и в целом характеризуются, скорее, попыткой отразить широту и разнообразие текущего литературного процесса, чем «тесноту стихового ряда» его участников — и наиболее заметных, и ещё только требующих внимания критиков и читателей. В отличие от этого коллективные сборники можно условно разделить на два основных типа: «антологические» и «программные». Первые из них стремятся к наиболее полному отражению того историко-литературного пространства, в котором пребывают тексты публикуемых авторов, подчас не просто самых разных по своему статусу в текущем литературном процессе, но нередко и совершенно несхожих по своим художественным, культурологическим и идеологическим принципам. Второй тип представляют собой собрания произведений представителей некоего однородного поэтического объединения — направления, школы, группы, студии, неформального сообщества и т. п. В этом отношении «издательская история» Маслова оказалась более чем благоприятна — опубликовавший при жизни дважды в коллективных сборниках стихов, он был представлен в изданиях обоого типа, что само по себе объективно характеризует как его индивидуальную позицию, так и определённое место, занимаемое в современной ему поэтической традиции. Но ни в «биографическую хронику», ни в примечания эти факты, требующие самостоятельного комментария, не попали.

Первое из названных изданий исчерпывающе охарактеризовано в его заглавии: «Восемьдесят восемь современных стихотворений избранных З. Н. Гиппиус» (Пг. : Огни, 1917). В кратком «предисловии» составитель сборника прямо определила принцип отбора входящих в него текстов: «Поэзия — это полное ощущение данной минуты (...). Если полнота отразилась в стихотворении — оно живет помимо своего творца, само в себе, собственной жизнью. “Формы” и “содержания” в нем уже нет есть их нераздельная единость. Есть воплощенная в слове полнота мгновения,

---

сочинений : в 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера, Т. М. Вахитовой, Ю. В. Зобнина и др. М., 2006. С. 210.

есть — поэзия. — Выбором стихов для сборника не руководили ни авторское имя, ни характерность для поэта того или другого стихотворения. Каждое судилось отдельно, в меру его самостоятельной жизни, его близости к полноте, — поэзии. Судилось не слишком строгим судом: надо помнить, что ища свершений и достижений, мы все-таки находим лишь приближения»²⁷. Слово в подтверждение заявленного превосходства и, как следствие, доминирования достоинств составивших книгу стихотворений над их персональным «происхождением» ни один текст в публикации не подписан, а имена авторов указаны только в оглавлении. В результате этого с произведениями уже оставшихся в истории отечественной литературы поэтов (Константин Случевский, Иннокентий Анненский), самых известных старших современников (Константин Бальмонт, Игорь Северянин, Валерий Брюсов, Зинаида Гippiус, Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов, Фёдор Сологуб, Иван Бунин) и не менее известных «младших» (Александр Блок, Андрей Белый) и тех, кто ещё пребывал в различных «ипостасях» (Михаил Кузмин, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Михаил Лозинский, Рюрик Ивнев) вошли произведения авторов, чьи имена вряд ли что-то говорили не только массовому читателю, но и многим представителям литературной среды²⁸. Как раз для последних подобный способ организации публикуемых материалов был наиболее эффективен, поскольку в известном смысле уравнивал их с признанными «мэтрами» (что, возможно учитывалось и составителем книги). Так, например, «анонимное» стихотворение Маслова «Не нам весеннее безумье ...» (представленного тремя произведениями²⁹) размещено в сборнике вторым, между стихами Сологуба и Мережковского, следующее («Урожай сберем хороший...») — между текстами Белого и Мандельштама, третье («Не к буйному безумству плоти...») — после «Рождённые в года глухие...» Блока. И хотя подобная широта поэтического «пейзажа» в известном смысле характерна и для периодической печати, представить в ней аналогичное соседство кажется

²⁷ Восемьдесят восемь современных стихотворений избранных З. Н. Гippiус. Пг., 1917. С. 4.

²⁸ При этом глубоко индивидуальный выбор составительницы книги очевиден: в неё, например, не вошли стихотворения Максимилиана Волошина и Николая Гумилёва.

²⁹ См.: Восемьдесят восемь современных стихотворений избранных З. Н. Гippiус. С. 6, 12, 49.

невероятным, тем более в знакомых Маслову на практике периферийных, едва ли не маргинальных журналах «Рудин» и «Богема», не говоря уже о периодике и коллективных сборниках белогвардейской Сибири. В ситуации формирования образа начинающего поэта переоценить значение его появления в подобном контексте и в подобной форме представляется невозможным, тем более для молодого автора, чьи стихи до этого, например, не приняли к публикации в «предакмеистическом» журнале «Цеха поэтов» «Гиперборей»³⁰.

Есть все основания предполагать, что «проводником» Маслова в это издание был его близкий знакомый и коллега по «Кружку поэтов» Владимир Злобин, который «еще в России сблизился с Мережковскими и вместе с ними эмигрировал, сначала в Варшаву, а потом в Париж, где жил у них как свой человек, исполняя как бы обязанности секретаря»³¹. Сам Злобин представлен в сборнике также тремя текстами³². Другим представителем объединения молодых литераторов стал Дмитрий Майзельс³³, чью публикацию составили два стихотворения³⁴. Вполне возможно, что участие трёх представителей «Кружка поэтов» в столь заметном издании явилось импульсом и мотивацией для выхода в свет в 1918 году другой разновидности «антологий» современной поэзии — коллективного сборника стихов участников этого объединения

---

³⁰ Данный факт стал известен на основании материалов «редакционной корзины» журнала, хранящихся в личном архиве Михаила Лозинского; см.: *Тименчик Р. Д.* К изучению круга авторов журнала «Гиперборей» // Тыняновский сборник: Пятое Тыняновские чтения. Рига ; М., 1994. С. 276.

³¹ *Струве Г.* Вступление. С. 17.

³² См.: Восемьдесят восемь современных стихотворений избранных З. Н. Гиппиус. С. 9, 29, 46.

³³ О нём см.: *Струве Г.* Вступление. С. 19–20.

³⁴ См.: Восемьдесят восемь современных стихотворений избранных З. Н. Гиппиус. С. 34, 62. — Участие Маслова в столь представительном издании могло в известном смысле предопределить и посмертную публикацию трёх его стихотворений в более широком по своей тематике провинциальном сборнике (Посев: Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921); см.: *Богомолов Н. А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. М., 1994. С. 144. Из лаконичной ремарки составителей комментируемого издания можно сделать предположение, что инициатором этого «литературного факта» был Юлий Оксман (с. 110), разместивший там же статью «Константиновская легенда в Херсонщине. Эпизод из истории крестьянских волнений (По неизданным материалам)». Тексты ушедшего поэта соседствуют рядом со стихами Волошина и Мандельштама.

«Арион», хотя и не содержащего «манифеста» или программно-го заявления, но представляющего читателям и собратьям по цеху поэтические опыты большинства из них³⁵.

Включена в рецензируемый сборник и завершающая стихотворный раздел поэма Маслова «Аврора», ставшая довольно известной после её публикации Тыняновым в 1922 году³⁶. До того она увидела свет дважды в периодических изданиях — омской газете «Заря» (1919. №112. 29 мая. С. 2) и пекинском «литературном, научном и политическом» журнале «Русское обозрение»: (1921. №3–4. С. 1–3)³⁷ (с. 131, 143). «Примечание» к ней (очевидно, са-

³⁵ Об особом интересе определённой читательской среды к этому изданию косвенно свидетельствуют и частные примеры, оставшиеся неучтёнными комментаторами. Так, в материалах о рукописных поэтических «антологиях», создававшихся заключёнными в лагерях ГУЛАГа, Р. Д. Тименчик приводит такой факт, характеризующий, вероятно, восприятие некоторыми современниками уже в послевоенный период не столько самой поэзии Маслова, сколько ореола, окружавшего имя поэта: «Составлявшаяся заключёнными Орлово-Розовского отделения Сиблага в течение двух лет (1945–1947) рукописная антология русской поэзии (...) содержит около 250 стихотворений, записывавшихся по памяти и потому не всегда точно, а иногда и с неверным указанием автора (например, стихотворение В. А. Злобина “Ни о чем не думал [и жил, как в башне] ...” из альманаха “Арион” (1918) приписано другому его участнику, Г. В. Маслову)» (Тименчик Р. История культа Гумилева. М., 2018. С. 621).

³⁶ См.: Маслов Г. Аврора: Поэма / Вст. ст. Ю. Тынянова. Пб., 1922. — Формально раздел заканчивается циклом стихотворений в прозе «Миниатюры» (Единая Россия: Издание Военного экономического общества (Омск). 1919. №7. С. 6), при публикации которого составители извещают: «Упорядочиваем пунктуацию, в оригинале непоследовательную, и явные опечатки» (с. 162). На практике дело, к сожалению, обстоит не совсем так, — вот, например, каким образом выглядит лишь финальная часть четвёртой миниатюры «Злоба»: «До свиданья. Я должен сегодня быть дома”. — Ворочаясь на постели. [sic. — С. III.] В окне багровая полоска зари. В комнату льется ночная свежесть. Ожесточенье проходить. [sic. — С. III.] В конце концов [sic. — С. III.] чем виноваты Вы? Разве Вы не так же несчастны. И можно ли Вам связать свою жизнь с моей, [sic. — С. III.] беспутной судьбой. (...) — И я мысленно целую, [sic. — С. III.] худые бессильные пальцы» (с. 85) ...

³⁷ На вторую публикацию обратил внимание Струве (о первой он упомянул предположительно), сообщивший, что «“Аврора” была напечатана посмертно в харбинском журнале “Русское обозрение” (№3–4, март–апрель 1921 г., стр. 1–3)» (Струве Г. П. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. С. 131). В рецензируемом издании об этом факте не говорится; формально оба источника и не указаны как первые публикации масловской поэмы (с чего традиционно начинается любой комментарий к поэтическому тексту); приоритет отдан третьему, книжному («тыняновскому») изданию, которому «предшествовали прижизненная публикация в омской газете “Заря” и публикация в пекинском журнале “Русское обозрение”, их тексты приводятся ниже в качестве приложе-

мо масштабное из тех, что доводилось видеть автору этих строк) воспроизводит первую и вторую публикации, каждая из которых включает в себя собственное «подпримечание». Всего же «метапримечание» содержит публикации восьми «рецензий» самых разных современников поэта, имена которых сегодня практически ничего не говорят ни специалисту, ни читателю (с. 132–135, 144–145, 154–161)³⁸, среди которых естественным образом помещена и вступительная статья Тынянов к подготовленному им изданию «Авроры» (с. 148–150)³⁹. Сторонние комментарии и оцен-

---

ния» (с. 122).. (Желание составителей любой ценой дистанцироваться от сделанного «первооткрывателем» забытого поэта очевидно и не вызывает сомнений.)

³⁸ В частности, и озаглавленная «Георгий Маслов. “Аврора”» (с. 156) рецензия, которая сопровождается следующими выходными данными: «Георгий Маслов. “Аврора” [sic! — С. Ш.] — поэма. Изд. «Карточный <так> Домик». Петербург [sic. — С. Ш.]. 1922 г. 28 стр. // Сибирские огни. 1922. №5 (Ноябрь–декабрь). С. 187. Подпись “П. Комаров”» (с. 157). — Более чем симптоматичным видится историко-литературный контекст, в котором предполагалась первая публикация масловской поэмы в Петрограде осенью 1921 года и который заставляет вспомнить об «иерархическом» окружении стихов молодого литератора в упоминавшихся поэтических сборниках. Добросовестные комментаторы рецензируемого издания приводят следующие выразительные аннотации: «“Кн-во «Карточный Домик» печатает сборник об Ал. Блоке. Намечены статьи Жирмунского, В. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, В. Ходасевича и др. Кроме того, готовится к изданию поэма недавно умершего в Сибири поэта Георгия Маслова «Аврора», том неизданных стихотворений Ин. Анненского, его же «Тихие песни», «Кипарисовый ларец» и книга Б. Энгельгарта «Введение в эстетику слова» (Хроника // Печать и революция. 1921. №3. С. 303 (...))»; ««Книгоиздательство “Карточный Домик” печатает сборник статей об Александре Блоке. <...> Кроме сборника, издательством готовится к печати поэма Г. Маслова «Аврора» со вступительной статьей Ю. Тынянова и том неизданных стихов Иннокентия Анненского» (Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. №9 (33). С. 20)»» (с. 152).

³⁹ В репринтном варианте издания, подготовленном Струве, тыняновская статья естественным образом предшествует поэме Маслова; см.: Тынянов Юр. Георгий Маслов // Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979. С. 109–113. — В формирующемся историко-литературном контексте не может оставаться без внимания факт состоявшегося 08.07.1920 в «Доме искусств» «Живого альманаха Дома литераторов», на котором Тынянов выступил с сообщением о биографии и творчестве Маслова; см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 592. Поводом к этому, вероятнее всего, послужило известие о смерти поэта, а само событие представляется наглядным и очевидным свидетельством интереса историка и теоретика литературы к творчеству своего современника. И это может служить прямым доказательством того, что в основе внимания Ты-

ки в данном случае представляются излишними — проделанное само говорит за себя. В целом же можно сказать, что и с технической стороны, и с точки зрения уважению к читателю целесообразным было бы поместить «ранние редакции» поэмы в несуществующее в книге приложение, куда могли бы также войти и публикуемые в «основном тексте» стихотворные и драматические фрагменты (с. 66, 74–76)⁴⁰. Соответственно, и комментарии к ним

нянова к поэтическим опытам Маслова находилось нечто большее, чем только факт их совместного обучения в Санкт-Петербургском университете, столь любимый в качестве мотивации большинством современных комментаторов. Характеристику тыняновской оценки в историко-литературной перспективе см. в: *Богомолов Н. А.* К изучению поэзии второй половины 1910-х годов. С. 174–179. — О смерти своего однокурсника Тынянов, чей доклад состоялся 08.07.1920, узнал не от жены умершего поэта, которая, очевидно, вернулась в Петроград из Симбирска 31.12.1920, что зафиксировала в уже цитировавшемся фрагменте своих мемуаров: «Три года я провела в Поволжье (...). В последний вечер 1920 года я, как из другого мира, возвратилась в Петроград» (*Тагер Е.* О Мандельштаме. С. 236). Таким образом, есть все основания утверждать, что трагическая смерть Маслова стала заметным событием петроградской литературной жизни не по причине искусственно привлечённого «внешнего» интереса, а вследствие реальной значимости этого факта для представителей соответствующей части послереволюционной культурной среды. Вместе с тем, безусловна и «пропагандистская» деятельность Тагер, выступавшей с публичным чтением стихов покойного мужа. Так, например, 03.02.1921 Михаил Кузмин записал в дневнике: «Я был в Доме за чем-то (...). Получал заказы. Пили чай. (...) Вдова Маслова торжественно читала его стихи» (*Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 12. М.; СПб.: Феникс. 1993. С. 442). В записи подразумевается, очевидно, «Дом искусств», как указано публикаторами (с. 476, примеч. 10), «называемый в дневнике также просто “Дом”». — Оба этих эпизода (и выступление Тынянова в «Живом альманахе Дома литераторов», и чтение стихов Тагер в «Доме искусств») упоминаются и в примечаниях к рассматриваемому изданию в связи с тем фактом, что, согласно точке зрения соавителей-комментаторов, «издательская судьба “Авроры” оказалась счастливой и хорошо прослеживается по печатным источникам» (с. 152). Однако они ограничились только упоминанием прямых источников, оставив без внимания более поздние опосредующие публикации, вводящие данные эпизоды творческой биографии Маслова в научный оборот.

⁴⁰ Относительно законченного драматического произведения — комедии «Дон-Жуан», написанной в Омске в феврале 1919 года (с. 119), — современным исследователем было сказано: «Особо отмечу сочинения, восходящие более или менее опосредованно к кругу акмеизма — шутка Георгия Маслова о безвременном “состарившемся Дон-Жуане” (под такой маской в ташкентских стихах Ахматовой появляется один из ее советских современников), озабоченном своим статусом “вечного образа”» (*Тименчик Р. Д.* Испания в русской поэзии первой трети XX века // *Тименчик Р.* Ангелы — люди — вещи: в ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 490), — но речь, видимо, всё-таки должна идти о «типологической» параллели.

не загромождали бы и без того неорганизованный и перегруженный основной корпус примечаний.

Подводя промежуточный итог сказанному, справедливо будет отметить, что Маслов, в отличие от Князева, Канегиссера и многих-многих других, остаётся легендой только для составителей сборника его поэтических произведений, направивших свои усилия на то, чтобы создать мотивированную основу для реконструкции такого неоднозначного явления, как омский литературный текст (о чём пойдёт речь в следующем подпункте). Также следует признать, что, в отличие от ровесников-современников, первый из которых присутствует в историко-литературной перспективе в статусе близкого знакомого одного из самых неоднозначных персонажей «Серебряного века» и как одно из действующих лиц «Поэмы без героя», а второй — как судья и палач председателя Петроградской чрезвычайной комиссии, Георгий Маслов остаётся в памяти читателей и исследователей как поэт, не сумевший дожить до своего полного творческого становления. Собственную судьбу он предсказал в финале стихотворения «Мои стихи» (очевидно, 1919 года):

«О нет, не я их выковал,
Они выросли в тиши
Из хаоса безликого
Госкующей души.
Они, как звери, вздыбили
Спокойную мечту,
Но сердце рвется к гибели
За ними, в темноту!» (с. 44).

2.

Для большей полноты и объективности при рассмотрении третьей и четвёртой частей рецензируемого издания, как кажется, требуются некоторые предварительные замечания.

Важнейшие научные открытия в истории человечества, как известно, не только влияют на ход его движения по пути цивилизации, но имеют и своё периферийное назначение: выполнять программирующую и генерирующую функции для современной им науки, мультиплицирующей и детализирующей различные аспек-

ты нового в локальных областях и частных темах. Наиболее отчетливо эта особенность проявляется в науках гуманитарной сферы, для которых ментальная деятельность является не только движущей силой и механизмом новаторского поиска, но и едва ли не самым главным объектом изучения.

Одним из последних таких «формообразующих» для отечественной и зарубежной филологии и культурологи явлений можно с уверенностью назвать понятие «петербургского текста», введенное в самый широкий научный оборот В. Н. Топоровым в середине 1980-х годов. Уже первое тезисное изложение этой концепции⁴¹ сопровождалось публикациями Ю. М. Лотмана, М. А. Гаспарова, Р. Д. Тименчика, Д. С. Лихачева, Ю. Г. Цивьяна, З. Г. Минца и др., посвященными рассмотрению самых разных её конкретных аспектов в истории русской культуры в целом и в отечественной литературе, в частности. В дальнейшем развитие данной тенденции продолжалось, и она заметно усилилась, в том числе и в своём теоретическом обосновании, после выхода в свет через десять лет тематически более полного и многостороннего варианта изложения концепции «петербургского текста»⁴².

Прямым следствием этого стихийного процесса явилось произошедшее вскоре в гуманитарной науке предсказуемое расширение «топографических границ» подобной темы и появление в научном инструментарии её структурно-содержательных «двойников», в первую очередь — «московского текста» русской литературы.⁴³ Диалог в современной гуманитарной науке двух «текстов» с явным доминированием первого из них активизировался после того, как увидел свет монографический труд автора этой теории

---

⁴¹ См.: *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664: Труды по знаковым системам. Вып. XVIII: Семиотика города и городской культуры: Петербург. 1984. С. 3–29.

⁴² См.: *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367. В биографической, в известном смысле, перспективе особую «культурологическую» и «культуртрегерскую» характеристику этой концепции см. в: *Бочаров С. Г.* О петербургском тексте Владимира Николаевича Топорова: заметки на полях // Топоровские чтения I–IV: Избранное. М., 2010.

⁴³ Её первой во всех смыслах манифестацией стали материалы, собранные в обширный раздел ««Московский текст» русской культуры» в издании: Лотмановский сборник. 2. М., 1997. С. 483–835.

о некоторых актуальных аспектах «петербургского текста» в самом широком диахроническом контексте⁴⁴ и после последовавшего затем издания сборника его работ, в известном смысле суммирующего теоретические и практические результаты исследований зачинателя данной темы⁴⁵. Исследовательский, научный успех этих тем легко предсказуемо стимулировал их мультиплицирование в локальных вариантах «региональных филологий» (и даже «культурологий»), главным движущим механизмом поступательного движения которых было и остается краеведческое начало⁴⁶. Дальнейшее тиражирование данного «приёма» стало носить

⁴⁴ См.: *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы : Избранные труды. СПб., 2003.

⁴⁵ См.: *Топоров В. Н.* Петербургский текст. М., 2009.

⁴⁶ Одно из поздних обращений к «Петербургскому тексту» как самостоятельному предмету описания уже переводит данную тему в плоскость философских размышлений и объект преподавания в системе высшего образования; см.: *Уваров М. С.* Поэтика Петербурга: Очерки по философии культуры. СПб., 2011. — Неизбежно возникающая в такой связи литературная ассоциация — впечатление, производимое известным уездным городом N, в котором казалось, что его жители «рождаются лишь затем, чтобы побраться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть». В какой-то момент стороннему наблюдателю текущего процесса отечественной филологической науки и культурологии могло показаться, что все их локальные территориальные направления заняты составлением автономных региональных «текстов» русской культуры. Самым активным в этом отношении стал «Крымский текст», которому история русской литературы (и много шире — культуры) оставила бесценный и практически неисчерпаемый материал; ср. ежегодно выходящие конференциальные сборники «Крымский текст в русской культуре» и материалы «Герцыковских чтений» «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия». Последовательнее всех в подобном направлении поступили, вероятно, «текстостроители» Сибирского Черноземья, введя в электронный журнал Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул) «Культура и текст» постоянный раздел «Алтайский текст» (URL: <https://journal-altspu.ru>). При этом границы территорий, становящихся объектом такого описания, стали выходить и за границы государственные, в частности, в Закавказье (см.: *Никольская Т.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000; *Степанян А. А., Симян Т. С.* Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца) // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16; *Neese-Todd J. A.* Southern Silver Age: Baku, Tiflis, and the Institutions of Literary Modernism in War and Revolution. Budapest, 2014) и в Прибалтику (см.: *Крашевский К.* Формирование мифологического образа Тарту в русской и эстонской культурах. Дисс. ... magistrum atrium по русск. лит. Тарту, 2005 [эл. изд.]). [Более того — эхо «петербургского текста» звучит теперь, например, и на Балканах: в только что увидевшем свет под шапкой Института славяноведения РАН 1–2 выпуске «Славянского альманаха» за 2022 год размещены публикации «Топос города в болгарской прозе 1960-х гг. — струк-

откровенно стихийный характер и уже вне всякой зависимости от правил реконструкции и/или построения семиотических текстов подобного типа, а нередко — и без каких-либо реальных оснований для этого.

Не избежал данных структурно-семантических особенностей и «Омский литературный текст», с началом ре (?) конструкции которого познакомился читатель комментируемого издания. Внешним импульсом, генерирующим формирование литературной версии «Омского текста», могло выступить появление в начале 2018 года монографии С. Г. Сизова о социально-исторических и культурных аспектах краткой, но яркой биографии «Белой столицы»⁴⁷. Не останавливаясь на конкретных исторических ре-

---

тура и мифопоэтика» (Н. Няголова), «“В Сараеве жить невозможно”: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана)» (А. Ибришимович-Шабич, Е. Баврка) и «Топос города — широкое поле для создания курса лекций в рамках проекта NEWSLA» (А. Танушевска).] Единственным, пожалуй, успешным результатом разысканий по данной тематике стал опыт реконструкции «Пермского литературного текста», когда исследователи не пошли по наиболее вероятному для современной науки пути спекулятивного использования опосредованно связанных с Пермским краем имён (или, точнее, «образов») Михаила Осоргина, Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама, а «репрезентировали» их в самостоятельных тематических изданиях; см., соответственно: Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006; «Любовь пространства ...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака: К пятидесятилетию присуждения Пастернаку Нобелевской премии 23 октября 1958 года. М., 2008; Миры О. Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая — 4 июня 2009 г. Пермь — Чердынь. Пермь, 2009. С. 5–62 (первый раздел сборника — «Урал»). И это при том, что формальным началом для таких реконструкций послужило обоснованное и разностороннее исследование: *Абашев В. В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000, — где из трёх вышеперечисленных авторов присутствует лишь Пастернак, а вместе с ним после собственно научной вводной части фигурируют ещё один представитель «Серебряного века» Василий Каменский и более поздние авторы Алексей Решетов и Виталий Кальпиди.

⁴⁷ См.: *Сизов С. Г.* Белая столица России: Повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 гг.). Омск, 2018. Выходу монографического исследования предшествовал широкий и тематически разнообразный набор публикаций его автора в научной периодике. — Вместе с тем, кажется допустимым предположить, что стимулирующий начало создания «Омского литературного текста» импульс мог иметь давнее административное происхождение, явно проявившееся в 2001 году фактом открытия на бульваре имени Леонида Мартынова «Аллеи литераторов», постоянно пополняющейся мемориальными знаками в память самых разных писателей и поэтов. Позднее в «википедическом» тексте откровенно официального происхождения об этом факте говорилось совершенно прямолиней-

лиях, послуживших основой акцентирования «столичного» статуса города и транспонирования такового в собственно культурную сферу, нельзя не заметить вполне осознанный характер этого процесса. В частности, и в аннотации к рецензируемому изданию, озаглавленному как посвященное непосредственно поэту-петербуржцу, прямо оговаривается «massage» этого проекта — ориентация на отражение «столичного» фрагмента культурной истории Омска, безо всякого упоминания той значительной «культуртрегерской» роли в его литературной повседневности, какую стараются придать составители Маслову: «Книга адресована любителям отечественной поэзии и всем, кто интересуется забытыми страницами культурной жизни Белой столицы» (с. 4).

Подобное устремление наглядно демонстрирует, например, «примечание» к масловскому стихотворению осени 1919 года «Парижанину». Если восемь предшествующих текстов сопровождаются лишь указанием на место их первой публикации и в ряде случаев — самым кратким текстологическим комментарием, то данное посвящение Андре Пьеру Габриэлю Амедею Тардьё — помощнику премьер-министра Франции Жоржа Бенжамена Клемансо (по-товарищески поименованному комментаторами просто «премьером Клемансо») на Парижской мирной конференции (1919–1920) — сопровождается поистине монографическим пояснением. Открывается оно подробным, почти страничным рассказом, сосредоточенным не на самой международной встрече (организованной державами-победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирных договоров с побеждёнными государствами), а на факте её неприятия «официальным Омском» (с. 99–100).

Объективные причины такого выбора понятны и в известном смысле исторически обоснованны: «столичный» статус города

но: «Первым установили мемориальный камень Леониду Мартынову, самому известному литератору из Омска. Участники научно-практической конференции 2010 года, посвящённой имиджу Омска, называют поэта “культурным брендом” Омской области» (Бульвар Мартынова // Википедия: Свободная энциклопедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бульвар_Мартынова#Аллея_литераторов_на_бульваре_Мартынова). Другой электронный источник, портал «Омск», сообщал: «Ежегодно в рамках празднования дня города на бульваре устанавливается мемориальный камень поэту или писателю. По замыслу организаторов, когда-нибудь на месте камней появятся настоящие памятники и разобьётся сквер» (<http://www.omskportal.ru/ru/government/News/2010/03/26/1269604803622.html>; в настоящее время ссыла не работает).

активно культивировался и после его фактического прекращения. Это, в частности, отразили и комментарии в рецензируемом издании, где, например, воспроизведена обширная цитата из поздней белогвардейской периодики. Уже незадолго до окончания Гражданской войны в удерживаемом Белой армией Владивостоке «Вечерняя газета» опубликовала передовицу с лаконичным, но ёмким заглавием «Омск», в которой, в частности, говорилось: «Сегодня вторая годовщина со смерти адмирала Колчака, вторая годовщина со дня гибели его дела. А дело его известно как дело Омска. — Омск!.. Небольшой степной городок на берегу Иртыша, готов был стать столицей России... Он олицетворял, как ни один из городов во время русской революции, идею национального единства, идею нации... Если среди русской интернационализованной по существу интеллигенции впервые было сказано слово Россия, сказано с тем внутренним ударением, которое отличает это слово для патриота, то так это слово было произнесено только в Омске. — В Омске был поднят тот национальный трехцветный флаг, который развевается здесь до сих пор»⁴⁸. Очевидно, что данный факт, по мысли комментаторов, наглядно демонстрирует значение пусть недолгого, но «результативного» пребывания в городе Маслова для его творческого пути.

Но, согласно их точке зрения, и для культурной истории Омска данный факт остался немаловажным, что во многом было определено именно его «столичными» устремлениями. В связи с упомянутым эпизодом формирования, составления «московского текста» русской литературы (именно формирования, а не реконструкции) одним из его исследователей были определены некоторые основополагающие тенденции такого процесса в соположении с текстом «петербургским»: «В более близком варианте — уже в XX веке — мы можем говорить об известной симметрии ситуаций. Ведь когдатошняя “порфироносная вдова” вновь, уже в 1918 году, вдруг стала “новой — старой царицей”. В этой ситуации, разумеется, было совершенно невозможно сразу отказаться ото всех “петербургских” кодов и автоматически заменить их на “московские”. Естественно возникла необходимость “пересадить” русскую литературу “петербургского периода” на принципиально новую московскую почву коммунистической эпо-

---

⁴⁸ [Б. п.] Омск // Вечерняя газета. 1922. №219. 7 февр. С. 1; цитата воспроизводится по рецензируемому изданию (с. 101).

хи. В этой связи и появляется возможность поставить вопрос о становлении нового “московского текста” русской литературы. А анализ включенности “старой” дореволюционной традиции в новый “советский московский текст” позволит, как нам кажется, понять, чего хотели его создатели. При этом мы будем ориентироваться на генетически связанные тексты, хотя эту связь нам и придется показывать специально»⁴⁹. По данной модели формируется сегодня и «омский текст»,

Отбор материала для реконструкции региональных вариантов литературных (культурных) «текстов», особенно не имеющих под собой фактически обусловленных исторических традиций и реальных предпосылок, может осуществляться только по двум направлениям. С одной стороны, представители художественной среды Петербурга, причём даже без учёта их реального статуса в ней, признаются равноправными участниками местного «культуростроительства». С другой стороны, независимые, автономные участники локального творческого процесса оказываются соответствующими высоким требованиям «столичной» художественной жизни и её «структурно-семантическим параметрам». И в этой связи показателен интерес именно к фигуре Маслова, чья объективно — хронологически — предопределённая литературная «несостоятельность» на момент приезда в Омск оказывается изоморфна (и, в известном смысле, изофункциональна) несостоятельности его новых коллег по писательскому цеху⁵⁰. Как уже

---

⁴⁹ Кацис А. Ф. Конструктивистская Москва И. Сельвинского и И. Эренбурга (К проблеме «московского текста» 1920–1930 годов) // Лотмановский сборник. 2. М., 1997. С. 729.

⁵⁰ Считать Маслова, всё ещё пребывавшего в роли если не «начинающего», то «молодого» поэта, главным лицом литературной жизни «Белого Омска» в конце 1910-х годов было бы необъективно. В значительно большей степени носителем и проводником «столичных корней» «Омского текста» мог бы стать Сергей Ауслендер, который с началом Гражданской войны «оказался в Омске, где с января 1919 года печатался в колчаковской газете “Сибирская речь” (...). С начала 1922 года — в Москве» (Чудакова М. О. Ауслендер С. А. // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 1: А–Г / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1989. С. 122, стб. 2). Подробнее о «периодической активности» писателя см.: Тимофеев А. Г. С. А. Ауслендер в периодике «Белого Омска» (18 ноября 1918 — 14 ноября 1919): Материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1 (26). С. 20–37. Но вот как раз «статусу» Ауслендера на тот момент положение провинциальных коллег уже никак не соответствовало. — Симптоматична в этом отношении сдержанная и объективная точка зрения «основоположника» ре-

отмечалось выше, по мнению составителей для Маслова именно в Омске «его творческая деятельность достигла наивысшего расцвета» (с. 5).

Открывают раздел «Статьи, выступления, письма» четыре пушкиноведческих публикации (с. 165–182), из которых только первая — поименованная в рецензируемом издании как «Новое о стихотворении Пушкина “Послушай, дедушка, мне каждый раз”... [sic. — С. Ш.] 1818 г.», — появлялась в свет при жизни автора. Ещё две статьи — «Послание Лермонтова к Пушкину 1830 г.» и «Заметки о Пушкинском тексте» — были опубликованы уже после его смерти, соответственно в 1926 и 2017 годах; завершающий «подраздел» некролог «Памяти Ф. Е. Корша» публикуется впервые.

Следующий затем блок публикаций связан с эпизодом пребывания Маслова в Симбирске. Открывается он трёхстрочной частной запиской поэта, определяемой составителями-комментаторами как «одно из немногочисленных свидетельств о деятельности симбирского Культурно-политического клуба» (с. 182). Следующие три материала публиковались в местной периодике 1917–1918 годов и распадаются на две части, первая из которых посвящена исключительно проблематике общественно-политической («Пятый акт»), а вторая — социально- административной («Натиск на волостное земство», «Воскрешая реформа»). При этом нельзя не отметить, что первая из публикаций (состоявшаяся 29 октября 1917 года, то есть сразу после октябрьского переворота, прямо именуемого в ней как «ужасное 25 октября»), по сути, представляет собой художественный текст, в метафори-

---

конструкции «Омского текста» — доктора исторических наук профессора кафедры «Философия» Сибирского автомобильно-дорожного университета С. Г. Сизова. 12.1.2019 в интервью местному изданию (Как Омск был Белой столицей. Профессор СибАДИ выпустил книгу о жизни города в годы Гражданской войны // Домашняя газета (Омск). 2019. №2 (501). 23 янв. С. 18–19) автору монографии «Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 г.)» был задан вопрос о том, «кого из тех, кто жил и работал в Омске в это время, омичам стоило бы вспомнить». Последовавший на него ответ весьма показателен: «(...) интересных людей здесь было множество. Если говорить о деятелях культуры, это известный у нас поэт Георгий Вяткин, и менее известные Георгий Маслов, писатель Сергей Ауслендер и будущий знаменитый литераторы Василий Янчевецкий (Ян), автор трилогии “Чингиз-хан”, “Батый” и “К последнему морю”, который работал тут редактором белых газет, и писатель Валерий Язвицкий» (цит. по: Литературный портал «Изда-Читальня»; URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2512373>).

ческой форме отражающий главные политические события, происшедшие в России меньше чем за год. «Пятый акт» Маслова начинается с уподобления четырёх актам условного драматического представления четырёх главных эпизодов отечественной истории в прошедшем году: отречение Николая II от престола («свержение Николая. Вся публика рукоплещет. Какая прекрасная пьеса! Нет недовольных»), формирование Временного правительства («коалиционное министерство. В зале настроение неопределенное. Хлопают много, но лица зрителей вытягиваются»), июньский кризис («в ход все театральные эффекты — гром и молния, пальба и пожары. Зал волнуется»), и корниловский мятеж («Корнилов. Здесь поставим ряд точек»). Затем следует логическое завершение «представления» — пятый акт: «Сцена раздвигается до бесконечности. Впереди Петербург — сзади вся Россия. На авансцене трибуна, куда всходят по очереди все действующие лица и произносят по 2-х часовой речи. (...) Оратора что-то говорившего (его уже давно никто не слушал) стаскивают с трибуны. Опять на сцене штыки и денатурат. О сколько его! От этого запаха делается дурно. Выстрелы. Уж не всамделишные ли? Огонь. Уж не настоящий ли? Публику охватывает паника. Давя друг друга, она с криками и стонами бросается из театра. Занавес тяжело падает». Своё отношение к происходящему на исторической «сцене» автор выражает совершенно прямо: «Да, пятый акт кончается и какую живую картину покажет нам судьба? Не мне угадать ее. Да и не безопасно, скажу ли, что мы увидим Ленина живым, возносящегося на небо, или Александра Ивановича Гучкова, стоящего в наполеоновской позе — все равно найдутся недовольные». В следующем затем финале авторская позиция отражена с абсолютной откровенностью: «Мы задыхались в этом поганом воздухе, который был отравлен нашим самодержцем. И вот пришла гроза и идет, ломая деревья и выбивая стекла. Молитесь ей — избавительнице. Через все надо пройти, се [так в тексте. — С. III.] надо вытерпеть и не устанем повторять, что бы ни случилось: “Да здравствует Россия! Да здравствует революция!”» (с. 184)⁵¹. Значение

⁵¹ Более чем проблематично представить, как сочинение такого масштаба могло остаться безо всякого необходимого в подобном случае комментария со стороны составителей, посчитавших нужным лишь указать на общественный статус Анастасии Вербицкой («популярная тогда писательница») и даты 1 марта 1917 года («особо знаменательных событий в этот день не было» (с. 184)). Вероятно, сказалось «доомское» происхождение текста...

данного индивидуального «манифеста» для раскрытия и понимания социально-политической составляющей мировоззрения молодого литератора переоценить просто невозможно: не будет преувеличением сказать, что перед читателями — главное публицистическое и прозаическое произведение Маслова.

Далее в комментируемом издании следует завершающий раздел «Статьи, выступления, письма» — «омский блок» публикаций, открывающийся некрологом «Памяти Е. А. Державина. †». Об ушедшем из жизни симбирском товарище автор пишет, что его «имя не безызвестно Симбирску и Казани. С 1-го курса он стал надеждой историко-филологического факультета, и заранее было решено, что он будет оставлен при Казанском университете. Он был учеником проф. Андерсона, а через него, Александра Веселовского. В истории литературы его всего более интересовало развитие сюжетов, т. к. они имеют, большей частью, источник в античности, каждая его работа разрасталась в целый цикл монографий, завершение которых было делом будущего. Начав с темы “Пушкин и Парни”, он перешел к изучению Петрарки, а от него к Проперцию» (с. 188). Отмечает Маслов и художественный опыт своего современника: «Как поэт — он был строгим и холодным парнасцем, учеником Леконта-де-Лиля и Теофиля Готье. В оригинальном творчестве он только вставал на самостоятельную дорогу, но изящно и точно переводил Парни, Лебрена и др. французских эротиков» (с. 189)⁵². Следующая публикация — заметка-отчёт «Славянский союз» — начинается с сообщения о том, что «27 марта состоялось 1-ое заседание Славянского союза» (с. 190)⁵³. Далее размещено лаконичное панегирическое «эссе» «Славное имя», обращённое к генералу В. О. Каппелю, который к Омску имел лишь самое опосредованное отношение. Следующий текст «Победившая песенка» посвящён сложившейся в культуре 1910-х годов ситуации вокруг современной народной

⁵² Никаких данных об общении Маслова и Державина примечания к тексту не содержат. Вместе с тем, в комментарии к публикации «Пятый акт» безо всякой мотивации и какого бы то ни было сопроводительного объяснения присутствует логически совершенно неуместное воспроизведение объявления из газеты «Симбирское слово» (1918. №20. 31 янв. С. 4), озаглавленное «Поэтическая Студия» и извещающее: «Изучение истории и теории поэтического творчества. Руководители Е. А. Державин, Г. В. Маслов, А. Н. Степанов, Е. М. Тагер. (...) Начало занятий 10 февраля» (с. 185).

⁵³ Где именно и с какой целью это заседание состоялось, в подробных примечаниях к тексту не говорится.

частушки. Показательно, что отправной точкой для рассуждений об этом становится для Маслова яркий факт петербургского периода его жизни: 03.12.1913 Мария Моравская выступила в «Обществе поэтов» с докладом «О частушке», а 01.10.1915 в помещении Лиги равноправия женщин повторила его вариант под заголовком «Поэзия миллионов людей»; тогда же отдельные положения этих выступлений отразились в её небольшой статье-заметке «Волнующая поэзия», опубликованной в восьмом номере «Нового журнала для всех» за 1915 год. И устные сообщения поэтессы, и печатные имели самый широкий резонанс в литературной среде и сопровождались заметным дискуссионным обсуждением, что вряд ли осталось без внимания Маслова.⁵⁴ В статье речь идёт о современных частушках в целом и лишь в финале в качестве примера присутствующего в частушечном жанре юмористического начала приводится текст, окрашенный местным колоритом:

«Карты новы, карты стары
Разложу гадательны.
Наши Омские ребята
Страсть, как завлекательны» (с. 196).

Завершается раздел некрологической заметкой 1919 года «Юрий Сопов. † 26 августа 1919 г.» — единственным текстом, имеющим явное омское «происхождение». Таким образом, следовать утверждению составителей о том, что публицистический талант Маслова в полной мере раскрылся и состоялся в координатах литературного Омска, никак не приходится.

Выбор материалов и в большей степени состав комментариев для раздела «Георгий Маслов и его окружение в культурной жизни Омска (из периодики 1918–1919 гг.)» определяется весьма странно. Например, открывающее его лаконичное сообщение «Вечер русских былин» (Слово: Ежедневная беспартийная газета (Омск). 1918. 19 дек. № 19. С. 3) содержит следующую инфор-

---

⁵⁴ Несколько подробнее об этом эпизоде см.: Шиндин С. Из «теневого окружения» Манделштама: Мария Моравская // OSTKRAFT. Литературная коллекция: Научное обозрение. 2021. №4–5. С. 235–237, 247–250 (эл. изд.; URL: <https://ostkraft.ru/ru/books/115>). Комментарий к данной ситуации в связи с текстом Маслова (см.: Тименчик Р. Д. Тынянов и некоторые тенденции эстетической мысли 1910-х гг. // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 59) воспроизведен и в рецензируемом издании (с. 196).

мацию: «В пятницу вечером в Гарнизонном Собрании Союз Возрождения России устраивает вечер русских былин и песен. Вступительное слово о былине прочтет поэт Г. В. Маслов. Былины о Святогоре и друг. (sic. — С. Ш.) исполнит сказитель И. М. Добролюбов под аккомпанемент гуслей». Когда именно планировался этот вечер в Омске в 1918 году, состоялся ли он и прозвучало ли на нём вступительное слово Маслова останется для читателя неизвестным, но зато из комментария он узнает о посещении упомянутым сказителем в 1927 (sic! — С. Ш.) году Тифлиса: «Выступает в костюме и гриме, в длинной, белой, расшитой старинным узором рубахе и в лаптях, с белой бородою и седыми волосами. Сказывает свои былины негромким голосом, на нехитрый напев, и задумчиво вторят напеву гусли» (с. 205).

В следующей столь же лаконичной информации «Маленькая хроника. Поэты в Омске» имя Маслова отсутствует (что вполне логично, поскольку она появилась в газете «Сибирская речь» 21 декабря 1918 года, тогда как он прибыл в город буквально накануне⁵⁵), как и комментарий к публикации вообще. Собственно говоря, в тексте вообще никакие имена не фигурируют: «Среди занесенных причудливой судьбой в снега Сибири оказалось в Омске несколько московских и петербургских поэтов и любителей новейшей поэзии. По слухам они объединяются и основывают литературный скит». Вместе с тем, публикация содержит своего рода программный «message» для будущих, в том числе и современных, создателей «Омского текста русской литературы»: «Раз столица — то как можно обойтись без поэтов» (с. 205)⁵⁶.

Далее в заметке «Кружок литературы и искусства» сообщается о первом собрании кружка, на котором «обсуждались организационные вопросы и был заслушан доклад студента филолога Т. (sic. — С. Ш.) В. Маслова “О завоеваниях пушкинизма”» (с. 206). Полустраничную публикацию сопровождают четыре страницы комментария, состоящего из малопонятного сообщения

---

⁵⁵ В «биографии» поэта об этом говорится так: «К ноябрю добирается до Белого Омска», — и далее, вновь без ссылок на источники, сообщается: «Выступил инициатором создания литературно-художественного кружка» (с. 12).

⁵⁶ В публикации отчетливо эксплицировано главное условие формирования любого «литературного текста» российской провинции: обязательное участие в нём «московских и петербургских поэтов», как, это было, например, в после-революционный период в Крыму, Батуме, Тифлисе и др. Среди немногих исключений из этого следует назвать ситуации, складывавшиеся в Киеве и Одессе.

о последовавшей за ней «републикацией» данной информации в екатеринбургской газете (без указания года её выхода), кратких биографических данных организаторов кружка и буквально монографического детального описания биографии Веры Крамковой, на втором собрании кружка, целиком посвященном художественному творчеству Николая Рериха, выступившей с докладом и названной комментаторами «последней музой Георгия Маслова». О самом поэте говорится лишь то, что в тексте присутствует «одно из первых упоминаний Маслова (еще с искаженными инициалами) в омской печати» (с. 206–207).

В репортажном очерке Ауслендера «Литературно-художественный кружок» речь идёт о состоявшемся 29 декабря 1918 года заседании кружка, когда прозвучали доклад одного из участников «Художественная литература Сибири» и стихи присутствовавших поэтов, из которых автор упомянул в положительном контексте только Маслова: «Свежим ветром подлинной поэзии пахнуло от стихов молодого, еще не вполне овладевшего искусством, но несомненно талантливого г. Маслова — поэзии не сибирской, а “русской”». Точно заранее оппонируя попыткам формирования «омского литературного текста русской культуры», старший петербургский литератор выразил категорическое несогласие с самим фактом «региональной дифференциации» художественной практики: «Если и в политике раздробление, желание во что бы то ни стало, пусть малой единицей быть, но особенной, — если и в политике такая самостоятельность (...) ведет не к силе, а к слабости, как целого, так и отдельных самостоятельных частей, то в жизни культурной, литературной это может привести лишь к полнейшему оскудению. Разве могут быть поэты Сибирские, Казанские, Астраханские, если они пишут на русском языке — они поэты русские, если они талантливы, они одинаково ценны и для Омска, и для Москвы, и для Одессы» (с. 211). В кратких примечаниях к тексту данный тезис, как и высокая оценка масловского творчества, остались без комментария.

Ни в следующих далее трёх публикациях о деятельности кружка, ни в комментариях к ним имя Маслова не встречается. Точно так же и в завершающих раздел материалах поэт упоминается преимущественно в газетных анонсах предстоящих литературных и общественных событий. Правда, в нескольких хроникальных заметках содержатся несомненно ценные фактографические данные: о его реплике 2 февраля 1919 года в прениях по докладу

«Творчество Тютчева» («Литературная жизнь. Литературно-художественный кружок» (с. 219)) и о прочтённом им 16 февраля 1919 года докладе «Литература как искусство» («Литературная жизнь» без подписи, «Литературная жизнь» за подписью «Гриф», «В литературно-художественном кружке» за подписью «Зел-й», «В Литературно-художественном кружке» за подписью «Е. Белов» (с. 222–227)). Ни один из этих фактов комментарием составителей не сопровождается. Далее следует обширный свод развёрнутых материалов о визите в Омск Давида Бурлюка весной 1919 года, в которых имя Маслова упоминается вскользь. Сменяют их многочисленные отчёты о двух собраниях, проведённых Литературно-художественным кружком весной 1919 года — 22 марта о творчестве Михаила Кузмина и 3 мая о поэмах Александра Блока «Двенадцать» и «Скифы». И в этих публикациях, как и во всех следующих далее, поэт упоминается эпизодически (как правило, в перечне выступавших в прениях или в анонсах предстоящих литературных событий) и далеко не всегда.

Таким образом, все представленные материалы из сибирской периодики оказываются не просто отражающими деятельность представителей омской литературной среды, но прямо ориентированными именно на данный факт. Подобному обстоятельству, разумеется, сопутствуют объективные причины, а имя Маслова в таком случае оказывается лишь поводом для введения в научный и читательский оборот малоизвестных публикаций из провинциальной печати 1918–1919 годов.

В несколько ином аспекте и иной форме эта тенденция сохраняется в следующем разделе — «Современники о Георгии Маслове: воспоминания, дневники, письма», где после нескольких кратких и фрагментарных свидетельств, относящихся к петербургскому этапу биографии Маслова середины 1910-х годов, следует набор сведений об омском периоде его жизни: краткий фрагмент художественных мемуаров Всеволода Иванова (с. 278) и три некролога (с. 279–284). В размещённых далее материалах представлены преимущественно воспоминания писателей-сибиряков, где упоминания и краткие характеристики Маслова встречаются только на общем самом широком фоне портретов его омских коллег по цеху⁵⁷. Соответственно, на более подробное отображение ли-

---

⁵⁷ Исключение составляют только впервые публикуемые мемуары Тагер «Георгий Владимирович Маслов: биография» (с. 305–308).

тературной жизни Омска конца 1910-х годов как таковой оказываются ориентированы и сопровождающие их комментарии составителей, где Маслову, в отличие от бесчисленного числа его современников, далеко не всегда уделено достойное его внимание. И совершенно показателен в этом отношении заключительный раздел — «Леонид Мартынов. О первом литературном наставнике и друге», завершающий рецензируемое издание и занимающий более четверти его объёма. Источник такого заглавия видится некоторым преувеличением — из представленных далее материалов никак не следует убедительного доказательства того, что Маслов действительно стал наставником и тем более другом пятнадцатилетнего начинающего поэта квази-футуриста, явно ориентированного на ценности революционного порядка. Составители же характеризовали данный факт биографии Маслова, относящийся к 1919 году, таким образом: «В августе в пункте сбора книг (бывший склад суконно-мануфактурных и галантерейных товаров Г. М. Цехановского) во дворе дома “Треугольник” знакомится с гимназистом Леонидом Мартыновым, вводит его в круг литераторов (...), приглашает на литературные собрания. Оказывает влияние на Мартынова и его товарищей» (с. 13–14). Из многочисленных мемуаров Мартынова и самых широких комментариев к ним читатель, безусловно, сможет узнать (очевидно, намного больше желаемого им самим) о жизни и литературной биографии как ещё одного сибирского поэта, так и его многочисленных земляков, в статусе одного из которых пребывает в собственном собрании сочинений Маслов.

В подобном контексте странной представляется высокая оценка, «попутно» данная этому изданию в одной из недавних публикаций: «Все наличные сведения о Маслове собраны в превосходной книге»⁵⁸. Думается, автор такой откровенно эмоциональной характеристики несколько поспешил со своей не вполне академической репликой: как объективно невозможно констатировать полноту сведений о жизни и творчестве Георгия Маслова, представленных в рецензируемом собрании самых разномастных, порой случайных материалов, так субъективно невозможно согласиться с труднообъяснимой комплиментарной оценкой результата данного издательского проекта. Если что в нём и состоялось, то это первый и не совсем корректный шаг на пути создания «Ом-

---

⁵⁸ Соболев А. А. Журнал «Богема» (1915): Роспись с выносками. С. 550, прим. 53.

ского литературного текста русской культуры». Не реконструкции, не формирования, а именно создания⁵⁹. Каковы будут результаты и какие последствия они могут иметь, в очередной раз покажет время...

---

⁵⁹ Совершенно иной, достойный шаг в этом направлении был сделан сравнительно недавно — см.: *Зародова Ю. П., Ласкина Н. О., Лоцилов И. Е.* Поэма Юрия Сопова «Артур Рембо» (1919): текст и контексты // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 228–263.

ЛЕОНИД ФРИДОВИЧ КАЦИС В ИЗДАНИЯХ М. А. КОЛЕРОВА:

библиография (1997–2023)

Книги:

1. Л. Кацис. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000 (Серия «Исследования по истории русской мысли». Т. 5).
2. Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011 (Selecta. XIII).

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ:

1. Л. Кацис, Д. Шушарин. «Потом начинается ужас»: ОБЭРИУ как религиозное явление // Исследования по истории русской мысли [1]. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997.
2. Л. Кацис. Б. Г. Столпнер о еврействе // Исследования по истории русской мысли [3]. Ежегодник за 1999 год. М., 1999.
3. Пять главных книг в русской мысли первой половины XX века (ответы Н. С. Плотникова, И. В. Борисовой, А. П. Козырева, М. А. Колерова, Л. Ф. Кациса, Р. В. Хестанова, М. В. Безродного, Р. фон Майдель) // Исследования по истории русской мысли [3]. Ежегодник за 1999 год. М., 1999.
4. Л. Кацис. А. А. Мейер vs А. З. Штейнберг (из комментариев к русско-еврейским спорам 1920-х гг.) // Исследования по истории русской мысли [8]. Ежегодник за 2006–2007 годы. М., 2009.

5. Леонид Кацис. О псевдонимах раннего Владимира Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Русский Сборник. Т. X. М., 2011.
6. Леонид Кацис. Еще раз о пред- и послепосадочной судьбе А. Ф. Лосева // Русский Сборник. Т. XIII. М., 2012.
7. Л. Кацис. Очерки: 1. Андрей Белый и Густав Шпетт о «кризисе культуры»; 2. Аарон Штейнберг vs А. А. Мейер: «Система свободы Достоевского» // Исследования по истории русской мысли [9]: Ежегодник за 2008–2009 годы. М., 2012.
8. Л. Кацис. [Рец.:] Н. Дмитриева. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М., 2007 // Исследования по истории русской мысли [9]: Ежегодник за 2008–2009 годы. М., 2012.
9. Л. Кацис. Пытка архивом: Д. И. Бабков. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917–1939 годах. М., 2012 // Русский Сборник. Т. XIV. М., 2013.
10. Л. Кацис. Журнал «Новый восход» — орган русско-еврейского неокантианства (1910–1915) // Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010–2011 годы. М., 2014.
11. Л. Кацис. Роман Ильи Зданевича «Философия» как Философия (А. В. Карташев, о. Сергей Булгаков, А. Ф. Лосев и др.) // Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010–2011 годы. М., 2014.
12. Л. Кацис. К зырянам Коген не придет? // Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010–2011 годы. М., 2014.
13. Л. Кацис. Из заметок читателя историко-философской литературы: Лосев, Мазе, евразийство, ГАХН // Исследования по истории русской мысли [11]: Ежегодник за 2012–2014 годы. М., 2015.
14. Л. Кацис. Не треба?! Мандельштамовский Киев в современных исследованиях // Русский Сборник. Т. XXI. М., 2017.
15. Л. Кацис. Диалектика для верующих и неверующих: Емельян Ярославский, Алексей Лосев, о. Павел Флоренский, Марк Митин (1927–1933) // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы. М., 2017.
16. Л. Кацис. Заметки читателя историко-(анти)философской литературы. Илья Зданевич («Философия») и антифилосо-

- фия С. В. Кудрявцева // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы. М., 2017.
17. Л. Кацис. Почему «Египетская марка» О. Мандельштама «египетская» и почему «марка»? К проблеме построения не филателистического литературоведения на тестах о 1917–1918 гг. // Исследования по истории русской мысли. [14]. Ежегодник за 2018 год. М., 2018.
18. Л. Кацис, Л. Брусиловская. «К французской речи» или если Парнок — не В. Парнах? «Пансион Мобэр» и О. Мандельштам // Русский Сборник. Т. XXIV. М., 2018.
19. Л. Кацис. Заметки читателя историко-философской литературы. Митрополит Евлогий и «Пансион Мобэр» В. Парнаха // Русский Сборник. Т. XXIV. М., 2018.
20. Леонид Кацис. В. Жаботинский на страницах книг и журналов «Нового литературного обозрения» 2016–2018 гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 2. М., 2018.
21. Л. Кацис. Заметки читателя историко- (анти) философской литературы. Юрий Марр на «Кугыкиной» горе // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 5. М., 2018.
22. Л. Кацис. Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. Гибель «от попугая» и гибель «от велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 6. М., 2018.
23. Л. Кацис. Философский язык и экзистенциальная составляющая мысли Аарона Штейнберга // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год. М., 2019.
24. Л. Кацис. Заметки читателя историко-философской и теологической литературы. Аарон Штейнберг. Николай Гоголь // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 1 (7). М., 2019.
25. Л. Кацис. Заметки читателя историко-философской литературы. Борис Пастернак и «Доктор Живаго» между Л. Флейшманом (2009–2013) и П. Манкозу (2013–2019) // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 3 (9). М., 2019.
26. Л. Кацис. Заметки читателя историко-философской литературы. Чего не уловил «локатор» П. Манкозу в деле О. Ивинской. Paolo Mancosu. Moscow has Ears Everywhere: New Investigations on Pasternak and Ivinskaya. Hoover Institution Press, 2019. 396 p. // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 4 (10). М., 2019.

27. А. Кацис. «Три кризиса»: Заметки читателя историко-философской и конструктивистской литературы: Чичерин, Пастернак, Каменский, Баян // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 5 (11). М., 2019.
28. А. Кацис. Заметки читателя историко-философской и «Пушкинианской» литературы: Н. Лернер, В. Брюсов, П. Барте-нев, М. Гершензон и т. д. «На фоне Пушкина» и В. Е. Жа-ботинского или — Скандал в «Пушкинианцах» // OSTKRAFT / Литературная коллекция. № 1. М., 2020.
29. А. Кацис. Заметки читателя историко-философской литера-туры: Altalena — В. Жаботинский: Одесские биобиблио-графические новости; В. Е. Жаботинский и М. Я. Острогор-ский: «Новости еврейской жизни» и общей партологии // OSTKRAFT / Литературная коллекция. № 1. М., 2020.
30. А. Кацис. Заметки читателя историко-философской, «Пуш-кинианской» и Булгаковедческой литературы. Николай Оси-пович Лернер, Николай Никитич Лернер, Александр Кугель (Homo Novus), «Осип Победов», «Осип Шоколад» и «Пон-чик Непобеда» («Победа») из «Адама и Евы» Михаила Бул-гакова. Неожиданный Post Scriptum к Заметкам читателя исто-рико-философской и «Пушкинианской» литературы // OSTKRAFT / Литературная коллекция. № 2–3. М., 2020.
31. А. Кацис. Postscriptum к статье Э. Г. Сангадиевой «Кто та-кие коронационные буряты?» // OSTKRAFT / Литератур-ная коллекция. № 2–3. М., 2020.
32. А. Кацис. Из комментариев к «Четвертой прозе» О. Э. Ман-дельштама II: В. Ф. Каган, Н. И. Бухарин, И. Б. Мандель-штам, В. В. Маяковский, Максим Горький. (Опыт тотально-го комментария) // OSTKRAFT / Литературная коллекция. № 2–3. М., 2020.
33. А. Кацис. «Бал в Кремле» Курцио Малапарте: опыт обрат-ного перевода на язык «Мастера и Маргариты» // Русский Сборник. Т. XXIX. М., 2020.
34. Леонид Кацис. «Дибук» Семена Ан-ского между Stan-ford University, Ca. USA и «Петербургской иудаикой» (ЕУ СПб.): анализ политики научного сотрудничества и соци-альной практики перевода американской научной продук-ции // Русский Сборник. Т. XXX. М., 2021.
35. Леонид Кацис. «Украинская контрреволюция» С. Дукель-ского 1921 года и «ЧК–ГПУ» на Украине [1923] «С. Ду-

- кельского» (К вопросу об историографическом статусе публикации Ю. Фельштинским книги С. Дукельского «ЧК на Украине» [1923] в 1989 г.) // Русский Сборник. Т. XXX. М., 2021.
36. Леонид Кацис. «Мы живем, под собою не чуя страны...» О. Э. Мандельштама: начало «дороги к Сталину» (как «не огорчить отца» в «пути без укоризн») // OSTKRAFT / Литературная коллекция. № 4–5. М., 2021.
37. А. Кацис. Заметки читателя историко-философской, формалистоведческой и «украинологической» литературы. Детская болезнь «модерности» в формализме или «Путешествие в историю литературоведения слобожанской Швейцарии». К выходу в свет монографии: Г. Бабак, А. Дмитриев. Атлантида советского нацмодернизма. Формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М., 2021 с Приложениями // OSTKRAFT / Литературная коллекция. М., 2022. № 6.
38. Владимир Романович Молотников (9 августа 1947–26 сентября 2021). Некролог // OSTKRAFT / Литературная коллекция. М., 2022. № 6.
39. А. Кацис. Из материалов к биографии и творчеству Семена Ан-ского: 1. Очерк об Агване Доржиеве как исторический и историографический источник биографий Ан-ского и Доржиева // Русский Сборник. Т. XXXII. М., 2022.
40. Леонид Кацис. «Три богатыря» литературного антисемитизма: «нутряной», «политический», «экологический». Максим Д. Шраер. Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы: Астафьев, Белов, Распутин. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 111 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika») // OSTKRAFT / Литературная коллекция. № 7. М., 2023. Памяти Леонида Фридовича Кациса (1958–2022).
41. Леонид Кацис. Заметки об источниках и составных частях романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». 3. // OSTKRAFT / История. Новая серия. № 19. М., 2023.

OSTKRAFT / Литературная коллекция.
Научное обозрение. № 7. М., 2023.
Памяти Леонида Фридовича Кациса

- *Д. Ивинский*. Памяти Лёни Кациса.
- *Д. П. Ивинский*. Пометы князя П. А. Вяземского на полях собрания сочинений В. Г. Белинского.
- *Валентин Парнах*. В русском мире словесности.
- *Михаил Выграненко, Галина Петрова*. Петербург Иннокентия Анненского.
- *Иоанна Делекторская*. Осип Мандельштам — читатель Андрея Белого (стихотворение «Не говори никому...», 1930).
- *Зеев Бар-Селла*. Кавказская пленница.
- *Леонид Кацис*. «Три богатыря» литературного антисемитизма: «нутряной», «политический», «экологический». Максим Д. Шраер. Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы: Астафьев, Белов, Распутин. СПб., 2020.

***

- *И. В. Назаров, Н. Г. Филипченко*. Уроки русского политического идеализма: приглашение к разговору (о книге М. А. Колерова «Манифесты русского политического идеализма»).
- *Е. А. Руденко, Е. А. Терентьева*. Джереми Скейхилл. Blackwater. Самая могущественная наемная армия в мире. М., 2015.

- Л. И. Владимирова, Е. А. Терентьева. Э. Блант. Теории искусства в Италии. 1450–1600. М., 2016.
- Д. В. Суржик. М. Ли. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов. М., 2017.
- Д. Ю. Исповедников. Э. Ривера, М. Дэвис, Д. Буневич. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М., 2019.
- Я. Ворожеина, А. Курганский. М. Ларуэль, Э. Ривера. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. М., 2019.
- А. Правов. Неизвестный Филби. М., 2020.
- В. В. Воротников. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. М., 2020.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Под редакцией *Модеста Колерова*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-88-7

9 785905 040887 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 01.07.2023. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 50 экз.